This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

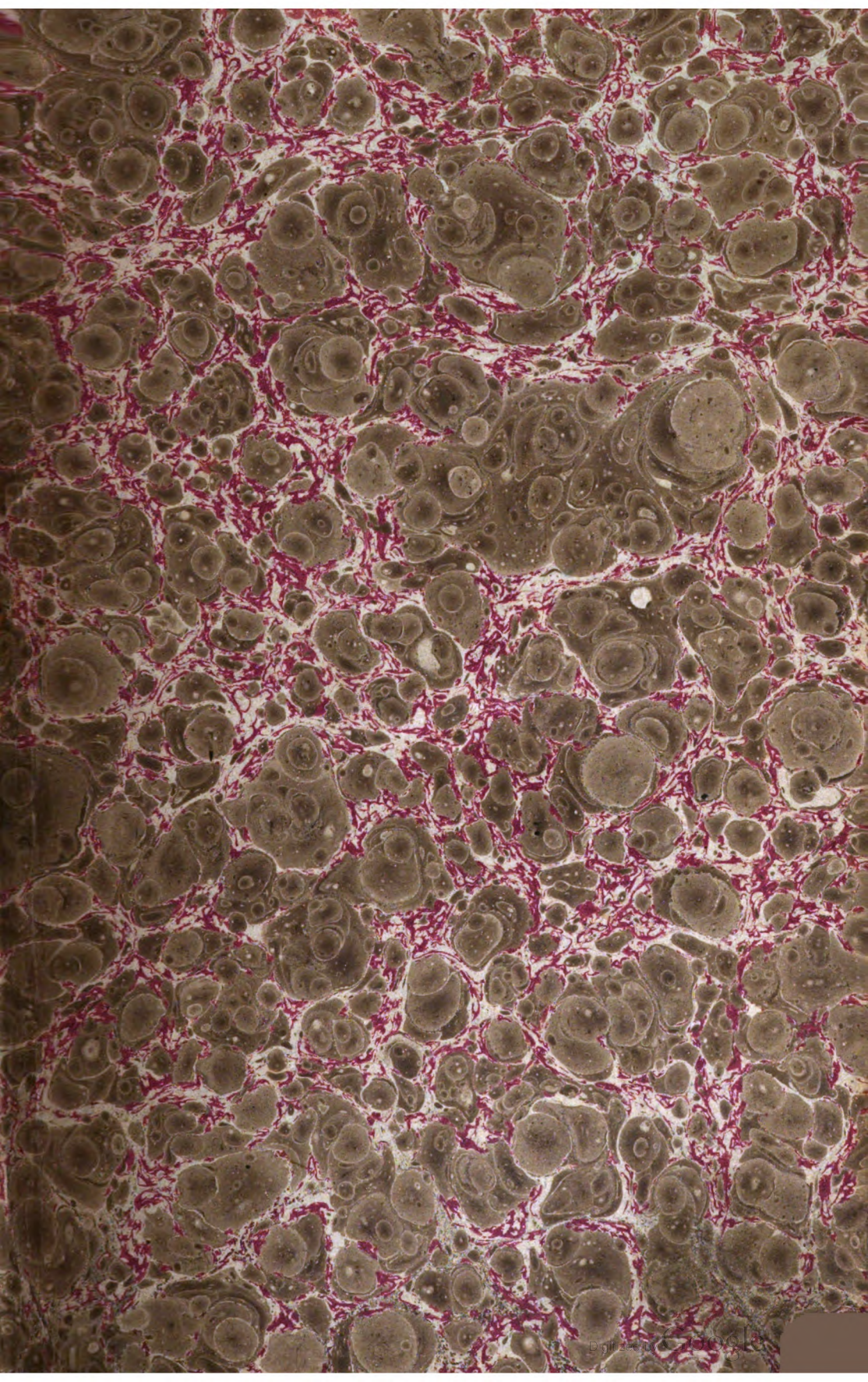
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

~~Slav. 25 D. 3~~

PE2904. M86

Digitized by Google



Digitized by Google

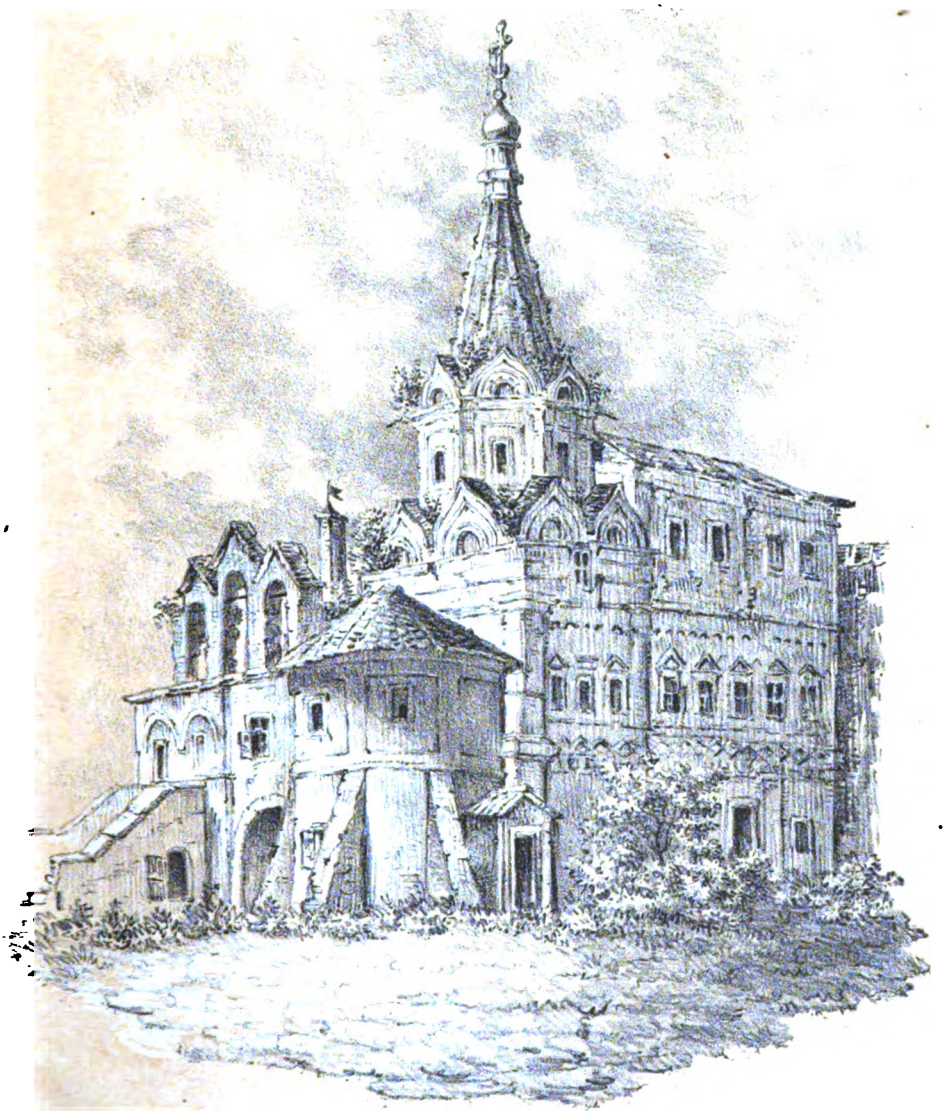
МОСКОВСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ

СБОРНИКЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ

СБОРНИКЪ.

Сочиненія:

.....ова.—К. С. Аксакова.—И. С. Аксакова.— Н. В. Берга.—Кн. П. А. Вяземскаго.—В. Луганскаго (В. И. Даля).—Я. А. Линовскаго. — М. А. Максимовича.—.....ой.—А. Н. Попова.—Н. А. Ригельмана.—М. З. К. —С. М. Соловьева. - И. И. Срезневскаго. — А. С. Хомякова.—Ѳ. В. Чижова. - Н. М. Языкова.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1846.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 13 дня, 1846 года.

Цензоръ И. Снегиревъ

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Николаю Михайловичу Карамзину *Н. М. Языкова*. 1

О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ. Соч. *А. Н. Попова*. 9

«Когда въ раздоръ съ самимъ собою.» Стихотвор.....*ой*. 47

О работахъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ. Письмо *Ѳ. В. Чижова*. 49

26-е Сентября. Стихотвореніе *И. С. Аксакова*. 137

Очеркъ. Стихотвореніе *его-же*. 140

Ночь. Стихотвореніе *его-же*. 143

Мнѣніе Русскихъ объ иностранцахъ. Письмо къ пріятелю *А. С. Хомякова*. 145

«Вопросомъ дерзкимъ не пытай». Стихотв. *И. С. Аксакова*. 199

О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси. *С. М. Соловьева*. 201

«Среди удобныхъ и лѣнивыхъ». Стихотв. *И. С. Аксакова*. 216

Краледворская рукопись, собраніе древнихъ Чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсенъ. Переводъ *Н. В. Берга* 219

Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи. *К. С. Аксакова*. 297

Объ имени человѣкъ. *М. А. Максимовича*. 325

Самсонъ. Стихотв. *Н. М. Языкова*. 338

Вукъ Стефановичъ Караджичъ, очеркъ біографическій и библіографическій *И. И. Срезневскаго*. 341

Два письма изъ Вѣны. *Н. А. Ригельмана*. 371

Отрывокъ изъ семейной хроники.....*ова*. 403

Гдѣ потеряешь, не чаешь; гдѣ найдешь, не знаешь. *В. Луганскаго. (В. И. Даля)*. 425

Объ окончательномъ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи. *Я. А. Линовскаго*. 459

«Когда я былъ душою молодъ». Стих. *Кн. П. А. Вяземскаго*. 538

«Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ.» Стихотв. *его-же*. 539

Римъ. Стихотвореніе *его-же*. 541

Критика. (Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Соч. графа В. А. Соллогуба. Спб. 1845). *М... З... К...* . . . 543

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХИ

НА ОБЪЯВЛЕНІЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРІОГРАФУ

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ

КАРАМЗИНУ.

(*Посвящаются А. И. Тургеневу.*)

Digitized by Google

Digitized by Google

Онъ *памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный*,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцёвъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!

* * *

Любя отечество душею просвѣщенной
И славу Русскую любя,
Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
Всѣ дни свои, всего себя, —
И полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
Призывъ блистательныхъ честей,

Digitized by Google

И множество суетъ, какими жизнь мірская
Манитъ къ себѣ, влечетъ людей
Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
И жажду чистаго труда,
И пылкую любовь къ отечеству и благу,—
Мертвитъ и душитъ навсегда.
Въ тиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ,
И не наемникъ новизны!
Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,
Онъ прямодушно понималъ
Родную нашу Русь, — и совершилъ со славой
Великій подвигъ: написалъ
Для насъ онъ книгу книгъ: — и ясною картиной
Въ ней обновилась старина.

* * *

Вотъ первые князья съ варяжскою дружиной,
И вѣютъ наши знамена
У цареградскихъ стѣнъ! — Вотъ Русь преображаетъ
Владиміръ — солнце древнихъ лѣтъ,
И съ Кіевскихъ высотъ ей царственно сіяетъ
Креста животворящій свѣтъ!
Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
И Мономахъ, и Даніилъ!
Вотъ страшный Божій гнѣвъ: по всей землѣ тревога
И шумны полчища Татаръ;—
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога; (*)
Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
И русскіе князья съ поникшими главами
Идутъ въ безбожную орду!

(*) Стихъ Озерова.

Digitized by Google

Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками
И ихъ побоище на льду ;
Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
И Псковъ, Новугороду братъ;
Москва, святитель Петръ, и Куликово поле ;
Вотъ уничтоженный Ахматъ ;
Великій Іоаннъ, всей Руси повелитель , —
И вотъ нашъ *грозный*, внукъ его ,
Трехъ Мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель—
И кровопійца своего !
Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный ,
Природы ужасъ и позоръ !
Въ Москвѣ за казнью казнь ; у плахи беззаконной
Весь день мясничаетъ топоръ.
По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродитъ,
Нося грабежъ, губя людей,
И бѣшено–свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ,
Глава усердныхъ палачей!
И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенѣя ,
Ты всѣ кровавыя дѣла ,
Весь дикой произволъ державнаго злодѣя ,
Спокойно ты перенесла ,
Святая Русь ! — Но судъ Исторіи свободно
Свой приговоръ ему изрекъ;
Царя–мучителя онъ проклялъ всенародно
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ !
Вотъ сынъ тирана,—Царь–смиренникъ молчаливой ,
Молитва, постъ и тишина ,
И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой ,
И царству слава отдана.
Правитель Годуновъ ; вотъ самъ онъ на престолѣ; —
Но тѣнь изъ гроба возстаетъ
И гибнетъ Царь Борисъ, — его не любитъ болѣ ,
Его не хочетъ свой народъ!
Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства ; —

Digitized by Google

Онъ презираетъ нашъ законъ,
Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
Ночныхъ скаканій шумъ и звонъ,
И пѣсни буйныя, и струнное гуденье.....
Но чу! набатъ и грозенъ крикъ!
И бурно въ Кремль идетъ народное волненье....
Долой вѣнчанный еретикъ!
Вотъ Шуйскій, мятежи—и самозванецъ новый,—
Клевретъ строптивыхъ Поляковъ;
Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
Вотъ сотня доблихъ чернецовъ,
Противу тьмы враговъ громовая твердыня.
Въ Москвѣ знамена короля....
Въ плѣну священный Кремль... поругана святыня...
Мужайся Русская земля!

* * *

Великой подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О! сколько думъ рождаетъ въ насъ,
И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы Русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасной и высокой,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
Отъ жизни блудной и пустой; —
Любовь къ своей землѣ. Насъ преданныхъ чужбинѣ
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы

Digitized by Google

Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ Русскій міръ,
И памяти о немъ — не нужны струнъ бряцачья,
Не нуженъ камень, иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной...
Но слава времени, когда —
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ, —
Стоятъ торжественно передъ лицемъ народа
Уже на ровной вышинѣ!

Н. Языковъ.

Окт. 25-го, 1845 г.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, Ноября 15 дня, 1845 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ ИСКУССТВЪ ПЛАСТИЧЕСКИХЪ.

Сочиненіе

А. Попова.

Digitized by Google

Digitized by Google

О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ

ИСКУССТВЪ ПЛАСТИЧЕСКИХЪ.

Съ недавняго времени сильно возникло участіе къ искусствамъ. Много громкихъ именъ художниковъ раздалось въ Европѣ и много явилось произведеній достойно уважаемыхъ. Не простая мода всколебала заснувшее прежде участіе къ искусствамъ, но, кажется, истинная потребность художества. Однако художественныя стремленія нашего времени существенно отличаются отъ прежнихъ. Искусство среднихъ вѣковъ было насущною потребностію жизни, выраженіемъ ея завѣтной мысли, художественно-почувствованной. Оно составляло такую же необходимую стихію жизни, какъ логическая мысль въ наше время. Непосредственно вдохновлялся художникъ художественнымъ настроемъ жизни; не жажда корысти или славы двигала его рѣзцомъ, или кистью; не желаніе произвести сильное впечатлѣніе побуждало его создавать произведенія великія; но что-то непонятное ему самому, какая-то сила, безотчетно его увлекавшая въ

Digitized by Google

свѣтлый міръ художественной дѣятельности. Безъ громкой славы прошли великія имена,—гордость и слава искусства, и только послѣдніе художники столкнулись съ Европейскою извѣстностію: искусство падало, а слава художниковъ раздавалась громче и громче. Наконецъ стала и она замолкать; печать ремесла заклеймила всѣ произведенія искусства. Когда прекратилась творческая художественная сила жизни, вниманіе обратилось къ прошлому. Наука тщательно углублялась въ изученіе древняго и средневѣковаго искусства, оцѣнила его по достоинству, и — въ то время, какъ распространилась та мысль, что вѣкъ искусства прошелъ, — неожиданно возбудила вновь художественную дѣятельность нашего времени. Не такъ уже, какъ прежде, непосредственно родилось или лучше раждается новое искусство; но въ слѣдствіе требованій науки. Современное искусство свидѣтельствуетъ, что въ жизни вѣчно присутствуетъ художественная сила; но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда мы наблюдаемъ новыя произведенія, невольно раждается вопросъ, удовлетворяютъ-ли они требованіямъ науки, вполнѣ-ли согласны съ потребностію жизни?

Если обратимъ вниманіе на исторію, то увидимъ, что первый толчокъ къ новой художественной дѣятельности былъ данъ въ концѣ прошлаго и началѣ нашего столѣтія — и въ отношеніи къ искусствамъ пластическимъ преимущественно *Винкельманомъ* и *Рафаелемъ Менгсомъ*.

Р. Менгсъ, говоритъ его жизнеописатель Азара,— venne al mondo per restabilire le arti. Винкельманъ, говоритъ Гегель, принадлежитъ къ числу тѣхъ лю-

Digitized by Google

дей, которые въ области искусствъ развили новый органъ для созерцанія и пониманія искусства и открыли совершенно новый способъ воззрѣнія.

Винкельманъ и Р. Менгсъ два человѣка равно особенные, равно замѣчательные въ отношеніи къ искусствамъ пластическимъ и ихъ теоріи;—сходные въ послѣдствіяхъ направленій и вліяніи на своихъ учениковъ, и противоположные по природѣ. Одинъ теоретикъ, будучи художникомъ; другой художникъ, будучи теоретикомъ. Одинъ глубокое сочувствіе съ произведеніями древней скульптуры, основанное на непосредственномъ живомъ впечатлѣніи, окружилъ всею роскошью археологическихъ познаній; другой строгимъ и отчетливымъ наблюденіемъ красотъ древняго искусства дошелъ до общихъ началъ и по нимъ строго и послѣдовательно выработалъ свои произведенія. Одинъ выразилъ непосредственное сознаніе искусства; другой художественную систему. Въ произведеніяхъ Р. Менгса (и особенно въ знаменитыхъ плафонахъ въ villa Albani и Ватиканской библіотекѣ) замѣчаемъ отсутствіе недостатковъ и, пожалуй, много красотъ,—простоту и строгость сочиненія, правильность рисунка, яркій и естественный колоритъ, безъ внѣшнихъ эффектовъ; но въ нихъ нѣтъ ничего, что бы увлекло, заставило забыться и дало бы почувствовать всю теплоту и жизнь художественной мысли. Въ нихъ нѣтъ того живаго, художественнаго творчества, которое даетъ высокое значеніе произведенію искусства, отрѣшая созерцателя отъ всей окружающей его жизни и увлекая въ свѣтлую безоблачную даль художественной мысли. Они заставятъ задуматься и уди-

Digitized by Google

вляться тѣмъ усиліямъ, тому строгому расчету художника, съ которымъ онъ, разложивъ и опредѣливъ, оцѣнивъ и взвѣсивъ всѣ красоты древняго искусства, перенесъ ихъ въ свои произведенія.

Совершенно противоположны свойства твореній Винкельмана. Въ нихъ непосредственное сочувствіе съ древнимъ ваяніемъ, изрѣдка выражаемое въ теоретическихъ замѣчаніяхъ, болѣе намѣкающихъ на мысль, нежели ее выражающихъ, — находится въ явной противоположности со множествомъ археологическихъ изслѣдованій, которыя составляютъ не болѣе, какъ внѣшнюю оправу его художественныхъ созерцаній. Никто не высказалъ столько прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ, какъ Винкельманъ, за то всегда отдѣльныхъ, не связанныхъ никакою общею мыслію, хотя и глубоко вѣрныхъ его общему воззрѣнію на искусство. Не какъ философъ онъ сознавалъ искусство: его воззрѣнія не могутъ составить стройной теоріи. Онъ былъ мыслителемъ художникомъ: каждая его мысль раждалась также, какъ раждается произведеніе искусства, — не изъ предположенныхъ началъ, но изъ художественнаго и во глубинѣ своей уже философскаго инстинкта.

Менгсъ достойно считается основателемъ новаго направленія въ живописи, извѣстнаго подъ именемъ *академическаго*. Онъ защищалъ академію, и эклектизмъ положилъ въ основаніе своему ученію. Онъ думалъ, что свободная художественная дѣятельность можетъ быть подведена подъ общія необходимыя и вѣчно одинаковыя правила. Признавая внѣшнюю красоту безусловнымъ началомъ искусства и видя ея высшее выраженіе въ искусствѣ греческомъ, Менгсъ положилъ

Digitized by Google

подражаніе этому искусству въ основу всякой художественной дѣятельности. Въ произведеніяхъ греческаго ваянія должно искать красотъ пластическихъ—типовъ и очерка; въ колоритѣ слѣдуетъ подражать Тиціану; въ выраженіи и сочиненіи—Рафаелю; въ свѣто-тѣни—Корреджіо: вотъ правила, завѣщанныя Менгсомъ своимъ послѣдователямъ (см. его сочиненіе Sulla bellezza). Вслѣдъ за нимъ академизмъ развился до послѣдней степени ремесленности; школа *Давида* въ началѣ нашего столѣтія служитъ яснымъ свидѣтельствомъ истощенія художественныхъ силъ. Уже въ самыхъ требованіяхъ Менгса заключалось противорѣчіе, которое, развившись въ послѣдствіи, произвело два различныя направленія. Онъ хочетъ основать новую живопись на общихъ и неизмѣнныхъ законахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ подражаніе лучшимъ художникамъ, забывая и силу великихъ мастеровъ и свойство самаго художественнаго подражанія, которое не можетъ заимствовать одно какое нибудь свойство, но увлекается цѣлымъ направленіемъ того или другаго художника. Есть разница между изученіемъ памятниковъ искусства и подражаніемъ. Изученіе памятниковъ, подкрѣпляемое художественнымъ чувствомъ времени, поддерживаетъ живую связь художественнаго преданія и тѣмъ условливаетъ постоянное движеніе впередъ и усовершенствованіе искусства. Но вѣкъ Менгса страдалъ отъ недостатковъ художественнаго чувства. Потому академія, сохраняя только преданія одной живописной техники, вовсе не заботилась о внутренней силѣ искусства. Великія произведенія среднихъ вѣковъ стали съ ней въ рѣзкую

противоположность, привлекли художниковъ и условили подражательное направленіе, въ сущности противоположное академическому.

Между тѣмъ подъ вліяніемъ Винкельмана развивалась и совершенствовалась скульптура и наука искусства. Съ одной стороны собственнымъ сочувствіемъ онъ возбудилъ и въ другихъ сочувствіе съ греческимъ ваяніемъ, впослѣдствіи и выразившееся въ произведеніяхъ Канова и потомъ Горвалдсена; съ другой его ученыя изслѣдованія положили начало Исторіи и Археологіи искусства. Быстро двигались успѣхи Археологіи, открывая и напоминая неизвѣстныя или забытыя произведенія древности. Изслѣдованія Висконти, Зеги, Отфрида Мюллера и многихъ другихъ, усовершенствовали науку, созданную Винкельманомъ. Вслѣдъ за изученіемъ древности возникло стремленіе къ изученію средневѣковаго искусства. Съ тою же неутомимою ревностію наука принялась за изученіе живописи, наиболѣе выражавшей художественную мысль въ средніе вѣка. Не только возникло сочувствіе и уваженіе къ Рафаелю и другимъ великимъ художникамъ, забытымъ въ 18-мъ столѣтіи; но и мелкія Италіянскія школы, какъ Губійская, Пизанская, Сіенская и т. п., которыхъ слава никогда не распространялась далѣе своего города, открываетъ и тщательно изслѣдуетъ наука. Сочиненія Розини Румора и др. стремятся во всѣхъ подробностяхъ воскресить въ памяти и привести къ общему сознанію исторію италіанской живописи. Безчисленныя литографіи, гравюры и очерки, помогаютъ этому стремленію. Постоянное изученіе памятниковъ измѣнило направленіе

Digitized by Google

и археологіи и теоріи искусства. Не удовлетворяютъ нынѣ мелочныя изслѣдованія внѣшней, такъ сказать, стороны искусства, безъ всякой связи съ жизнію и просвѣщеніемъ народовъ. Археологическія изслѣдованія начинаютъ принимать болѣе историческій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошла нѣкогда господствовавшая страсть строить a priori начала эстетики и толковать отвлеченно о вкусѣ и художественной дѣятельности. Подобныя построенія по общимъ началамъ науки искусства, любопытныя, можетъ быть, въ общемъ кругѣ какой нибудь философской системы, нисколько не вытекали изъ самаго искусства и не объясняли его явленій. Съ паденіемъ отвлеченнаго теоретическаго направленія историческое направленіе принимаетъ болѣе или менѣе теоретическій характеръ. Исторія искусства не представляется только рядомъ техническихъ усовершенствованій въ области того или другаго искусства, но выражаетъ мысль согласную съ общимъ строемъ образованія и управляющую всѣми частными явленіями. Подобное стремленіе выражается въ множествѣ взглядовъ, но еще противорѣчащихъ другъ другу и не сплотившихся въ опредѣленныя направленія. Болѣе всѣхъ замѣчателенъ религіозный взглядъ. Онъ господствуетъ въ сочиненіи Pio, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ (La poésie chrétienne dans ses formes). Въ исторіи италіянской живописи Умбрійская школа, по преимуществу религіозная, представляется средоточіемъ и высшимъ выраженіемъ художественной дѣятельности среднихъ вѣковъ. Ученикъ ея и великій представитель, Рафаэль, уклонившійся въ другое направленіе въ сво-

Digitized by Google

ихъ послѣднихъ работахъ, только первыми произведеніями входитъ въ исторію живописи, разсматриваемую съ такой точки зрѣнія. Этотъ строгій взглядъ, соотвѣтствующій одному изъ современныхъ направленій въ живописи, извѣстному подъ именемъ *пуризма*, иные хотятъ смягчить. Они допускаютъ нѣкоторую свободу въ искусствѣ. Даже языческій элементъ, говорятъ они, находитъ свое мѣсто въ области искусства безразличной самой въ себѣ, а вслѣдствіе сего безразличія не противорѣчащей Религіи. Этотъ взглядъ выразилъ Джіоберти (Discorso sul bello). Очевидно къ нему приводитъ желаніе оправдать весь кругъ средневѣковаго искусства, гдѣ рядомъ съ религіознымъ направленіемъ, даже въ него самаго сильно врывался языческій элементъ древняго міра.

Дѣятельность художниковъ, пробужденная въ новое время теоретическими требованіями, идетъ рука объ руку съ направленіями науки искусства. И академизмъ, соотвѣтствующій направленію, отвлеченно строившему науку искусства, и подражаніе, вызванное историческимъ изученіемъ, рядомъ существуютъ въ наше время. Но первое ослабѣваетъ мало по малу, и только современная Франція представляетъ замѣчательное явленіе въ этомъ отношеніи.

Многіе, почитающіе Францію на вершинѣ Европейскаго образованія, хотятъ ея современному искусству придать особенно важное значеніе, отыскивая въ немъ достоинства, большею частію небывалыя. Иногда, не находя сихъ достоинствъ, все таки ставятъ его высоко, если не по исполненію,

Digitized by Google

то по мысли, или лучше по намѣренію. Говоря объ искусствѣ, мы хотимъ говорить не объ намѣреніяхъ, но объ самихъ произведеніяхъ; потому, ни сколько не отрицая образованности Франціи, позволимъ себѣ усомниться въ томъ, чтобы таже высота была замѣтна въ ея искусствѣ. Этой-то стороны человѣческаго образованія и не дано развить Франціи. Она произвела нѣсколько замѣчательныхъ художниковъ, какъ Пуссеня и Лесюера, но никакаго особеннаго направленія въ искусствѣ. Франція, высоко-художественная въ ремеслахъ, высоко-ремесленна въ искусствахъ.—При такомъ условіи академизмъ удобнѣе всего могъ развиться во Франціи. Искаженный во времена Давида, теперь онъ вновь начинаетъ очищаться подъ вліяніемъ Италіи. Въ началѣ нашего столѣтія Римскій художникъ *Камучини* много способствовалъ къ очищенію академизма: его вліяніе, кромѣ Италіянскихъ художниковъ, распространилось и во Францію. *Енгръ* первый пошелъ по его слѣдамъ, и достигъ нѣкоторыхъ достоинствъ въ прославленномъ Версальскомъ плафонѣ, представляющемъ апотеозу Гомера. Въ немъ видно много холоднаго изученія, но мало-художественной теплоты. Съ большимъ успѣхомъ и, кажется, дарованіями продолжаетъ тоже направленіе *Деларошъ*. Его послѣднее произведеніе (фрескъ въ Académie des beaux arts) во многомъ напоминаетъ Рафаеля Менгса. Въ немъ много красотъ и всѣ недостатки академическаго направленія, которое только въ сихъ двухъ художникахъ, и то въ нѣкоторыхъ только ихъ произведеніяхъ, выразилось въ томъ видѣ, какого требовалъ его основа-

Digitized by Google

тель, Р. Менгсъ. Вообще же современный академизмъ много измѣнился противъ прежняго. Онъ недовольствуется своими предѣлами; условныя правила, основанныя на законахъ только внѣшней красоты и при томъ древней, не удовлетворяютъ новымъ требованіямъ искусства. Красоту внѣшнюю онъ хочетъ одушевить чѣмъ либо новымъ и, не находя одного общаго животворнаго начала искусства, распадается на многія отрасли.

Одни, какъ на прим. Ридель, Поллякъ и др., воспользовавшись всѣми новѣйшими успѣхами въ техникѣ, думаютъ усиленіемъ внѣшнихъ эфектовъ придать художественное значеніе своимъ произведеніямъ. Мгновеннымъ пораженіемъ толпы имъ удается пріобрѣсти извѣстность, но тоже мгновенную и случайную въ художественномъ отношеніи.

Другіе, возставая противу Пуристовъ и недовольные вмѣстѣ съ тѣмъ академическимъ направленіемъ, начинаютъ подражать не мастерамъ средневѣковыхъ школъ, какъ Пуристы, а древней Болонской Академіи. Это направленіе особенно выразилось у насъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ, даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, избираютъ то Гвидо, то Гверчино, образцами для подражанія.

Послѣднее направленіе отрицаетъ въ равной степени всѣ возможныя подражанія, не удовлетворяется ни внѣшними эфектами, ни одними холодными правилами академизма, но хочетъ оживить живопись исторіею. Вернетъ, Лакруа, вмѣстѣ со многими Англійскими, Белгійскими и Нѣмецкими художниками, относятся къ этому направленію. Но за-

Digitized by Google

мѣчательнѣе всѣхъ—Чехъ, Лессингъ. Много достоинствъ было въ первой его картинѣ—Ецелино; и послѣдняя—Гусь на Констанцкомъ Соборѣ—представляетъ замѣчательное явленіе. При сочиненіи, хорошо обдуманномъ, она особенно отличается выраженіемъ лицъ. Вообще это стремленіе выразить не только временное настроеніе души, но даже отличительный характеръ того или другаго историческаго лица, замѣчается у многихъ историческихъ живописцевъ нашего времени, хотя не въ такой степени и не такъ успѣшно, какъ у Лессинга. Безспорно это, если такъ можно выразиться, психологическое направленіе можетъ придать бо́льшее значеніе исторической живописи, нежели внѣшніе ефекты; но во всякомъ случаѣ, стѣсняя художника въ предѣлахъ временной дѣйствительности, не даетъ ему силы выразить и полно и чисто художественную мысль. Какъ историческій романъ, живопись, отданная въ рабство Исторіи, не удовлетворитъ ни требованіямъ свободнаго художества, ни требованіямъ самой исторіи. Она будетъ грамотою для безграмотныхъ, (какъ опредѣлилъ живопись арасскій соборъ 1205 г.), книгою для неумѣющихъ читать. Корнеліусъ, смотря на картину Лессинга и хваля ее, замѣтилъ только, что ему кажутся слишкомъ велики размѣры для жанра. Разумѣется, въ этомъ видна колкость Католика живописцу протестанту, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и часть правды. Французы называютъ Вернета peintre des épisodes. И точно историческое направленіе, предоставленное самому себѣ, распадается на изображенія отдѣльныхъ лицъ, на портреты, приведенные въ условное соотношеніе

Digitized by Google

между собою; точно также, какъ и сама исторія, лишенная мысли, распалась бы на безчисленныя несвязныя явленія. До сихъ поръ единственнымъ средоточіемъ искусства, единственнымъ началомъ, животворившимъ его явленія и соединявшимъ въ одинъ художественный міръ, какъ въ древности, такъ и въ новое время, была Религія. Рядомъ съ религіозною живописью историческая занимаетъ свое почетное мѣсто; но, предоставленная самой себѣ, распадается на безчисленныя, ничѣмъ не соединенныя, явленія.— Религіозная живопись нашего времени такъ мало замѣчательна, что ни одно изъ направленій не стоитъ быть упомянутымъ, кромѣ направленія подражательнаго. Оно развито преимущественно Нѣмецкими художниками, изъ которыхъ Корнеліусъ и Овербекъ наиболѣе замѣчательны, какъ по своимъ произведеніямъ, такъ и по вліянію на другихъ.

Никто не станетъ оспоривать дарованій Корнеліуса, выразившихся во многихъ его произведеніяхъ. Во всѣхъ его картинахъ замѣтно богатство и частію смѣлость воображенія, но онъ умѣетъ лучше рисовать, нежели живописать; ибо не обладаетъ чувствомъ колорита. Богатый смѣлыми и трудными оборотами Корнеліусъ не имѣетъ ни блеска академиковъ, ни теплоты и выраженія художниковъ среднихъ вѣковъ. Его рисунокъ сухъ и безжизненъ, каждое сочинсніе какъ будто рѣшаетъ какую нибудь техническую задачу рисованія, и вовсе не заботится о выраженіи художественной мысли, часто замѣняя ее символическимъ технованіемъ картины. Нѣкогда онъ шелъ по одной дорогѣ съ Овербекомъ.

Digitized by Google

Изученіе живописи среднихъ вѣковъ и стремленіе подражать ей было ихъ общею цѣлію.

Въ первыхъ еще Римскихъ произведеніяхъ есть много общаго между ними (въ villa Massimi и въ villa Бартольди на Trinita dei monti); но скоро они разошлись въ совершенно противоположныя стороны. Корнеліусъ началъ подражать Микель-Анджелу; его увлекла особенность этого генія. Безспорно, увлечься силою Микель-Анджела, уже признакъ большаго дарованія; въ этомъ заключается достоинство Корнеліуса, но въ томъ же состоитъ и его недостатокъ. Микель-Анджело какою-то чудною, ему одному только свойственною силою всѣ особенности скульптуры, архитектуры и живописи соединилъ въ одно цѣлое. Плафонъ Сикстинской капеллы въ этомъ родѣ представляетъ верхъ совершенства. Все расположено въ архитектурномъ порядкѣ, множество фигуръ замѣняетъ каріатиды и другія украшенія, чудные Пророки и Сивиллы напоминаютъ его же статую Моисея, какъ и она въ свой чередъ напоминаетъ его живописныя произведенія. Три самостоятельныхъ вида искусствъ пластическихъ въ художественно-творческой мысли Микель-Анджела дружно слились въ одно цѣлое; какъ и представленіе древнихъ грацій вообразимо только въ ихъ тройственномъ союзѣ. Но лишъ Микель-Анджелова сила могла въ разнородныхъ свойствахъ отдѣльныхъ искусствъ пластическихъ найти сочувствіе и содержать ихъ въ единствѣ—и то не всегда. Многія изъ его произведеній уже предвѣщаютъ и даже начинаютъ то нехудожественное направленіе, которое его послѣдователи до та-

Digitized by Google

кой сильной степени безвкусія развили въ Архитектурѣ и Скульптурѣ, направленіе извѣстное подъ именемъ *барокко*. Рафаель, Леонардо да Винчи и др. блистательные современники Микель-Анджела помѣшали распространиться его вліянію на живопись. Нѣкоторую строгость и силу рисунка—вотъ все что предалъ онъ своимъ послѣдователямъ.

Смотря на произведенія Корнеліуса, замѣчаемъ только силу рисунка. Каждое изъ нихъ представляетъ какъ будто колоссальныя пробы, не слитыя въ одно художественное цѣлое. Его картины отъ первой и до послѣдней такъ одинаковы по достоинствамъ и недостаткамъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ техническихъ улучшеній, не замѣтно въ нихъ того художественнаго совершенствованія, которое болѣе или менѣе поражаетъ во всѣхъ великихъ мастерахъ. Дѣйствіе Корнеліуса также ограничилось нѣкоторымъ вліяніемъ на усовершенствованіе рисунка и въ послѣдствіяхъ слагается съ общимъ академическимъ направленіемъ.

Ученикъ его и послѣдователь, Каульбахъ, доказываетъ невозможность Корнеліуса не только основать школу, но даже удержать живопись въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыя онъ ее заключилъ. Его прославленное произведеніе—Битва Гунновъ (въ Галлереѣ Гр. Рачинскаго въ Берлинѣ) отличается богатствомъ воображенія, смѣлостію и часто теплотою рисунка, которой незамѣтно у его учителя. Но, обративъ вниманіе на ея содержаніе, при многихъ достоинствахъ увидимъ одинъ недостатокъ, но такой, который вовсе вычеркиваетъ ее изъ ряда живописныхъ произведеній. Есть древнее преданіе

Digitized by Google

(сохранившееся у Дамаска, современника Юстиніана, Photii bibl. p. 339. 6.) о сраженіи Гунновъ подъ предводительствомъ Аттилы подъ стѣнами Рима въ царствованіе Валентиніана. Битва была такъ горяча, что, по окончаніи ея, тѣни убитыхъ три ночи, вставая, продолжали ее на воздухѣ. Это поэтическое преданіе, способное быть предметомъ поэзіи, составляетъ содержаніе картины. Но сколько можетъ быть оно пригодно для поэзіи, столько же мало способно осуществиться въ формахъ пластическихъ. Битва тѣней на воздухѣ сама въ себѣ ничего не заключаетъ пластическаго. Если вообразить ихъ людьми дѣйствительными со всѣмъ ихъ пластицизмомъ, по высшимъ, побѣждающимъ вещественныя условія; тогда измѣняется характеръ преданія и уничтожится все поэтическое его достоинство. Живописецъ это чувствовалъ и, желая изобразить битву тѣней, не могъ окончить картины; ибо въ ней живопись выведена изъ своихъ предѣловъ. Другія произведенія Каульбаха даже не напоминаютъ свойства его учителя. Онъ сдѣлался простымъ натуралистомъ и прославился портретами, украшая внѣшними эффектами колорита свое натуралистическое направленіе. Его послѣдняя картина — Разрушеніе Іерусалима представляетъ странное явленіе: лишь только онъ сдѣлалъ ея очеркъ, какъ тотчасъ напечаталъ пространное символическое толкованіе ея содержанія. Считая уже такой символизмъ въ живописи, для котораго нужны письменныя толкованія, недостаткомъ, еще менѣе можно одобрить тотъ, который не понятенъ даже и при письменномъ толкованіи.

Соученикомъ Корнеліуса былъ другой худож-

Digitized by Google

никъ, основавшій также свое, едва ли не болѣе важное направленіе—Овербекъ. Ни одно изъ направленій живописи не вызвало такихъ сильныхъ нападеній со стороны художниковъ, поклонниковъ академіи, какъ направленіе Овербека, извѣстное подъ именемъ пуризма. Между тѣмъ никто не можетъ отказать ему въ дарованіяхъ и сильномъ вліяніи на современную живопись. Корнеліусъ, начавъ съ подражанія Микель-Анджелу, а потомъ увлеченный историческимъ ходомъ, уже пройденнымъ живописью отъ 15 столѣтія до нашего времени,—въ своихъ послѣдователяхъ впадаетъ въ академизмъ; такъ на оборотъ Овербекъ, начавъ съ 15 столѣтія, погрузился въ 14 и конецъ 13-го и сдѣлался подражателемъ древней живописи.

Смотря на произведенія древнихъ, замѣчаетъ Менгсъ, видимъ различныя степени совершенства, различныя степени дарованій въ художникахъ, но между тѣмъ вездѣ одинъ и тотъ же типъ, одну и туже художественность, проникающую всѣ произведенія, начиная отъ самыхъ геніальныхъ и до посредственныхъ. Точно также, смотря на произведенія живописи среднихъ вѣковъ, чувствуешь, что многіе изъ живописцевъ не только не были людьми геніальными, но далеко не обладали большими дарованіями; между тѣмъ каждое ихъ произведеніе замѣчательно художественностію, каждое, если можно такъ выразиться, имѣетъ право гражданства въ царствѣ живописи.

Всякаго Археолога поражало болѣе или менѣе отсутствіе рѣзкой границы въ древности между ремесломъ и искусствомъ. Смотря на мелкія ара-

Digitized by Google

бески въ Помпеѣ или древнихъ Римскихъ зданіяхъ, на обиходные предметы быта, вазы, лампы и т. п., чувствуешь, что они проникнуты тою же самою художественною силою, какая могла произвесть и Праксителева Фавна и Лаокоона и Ніобею и Аполона Бельведерскаго. Смотря на тѣсную связь художниковъ и ремесленниковъ въ средніе вѣка, на золотыхъ дѣлъ мастера Гиберти, который не только самъ вдругъ становится представителемъ скульптуры, но каждый изъ его учениковъ занимаетъ почетное мѣсто между художниками, на медальера и монетчика Франчіа Райболини, основателя древней Болонской школы, на Бенвенуто Челлини и др., увидимъ, что и въ средніе вѣка присутствовало то живое начало художественности, которое простой механизмъ технической работы соединяло съ важностію и значеніемъ искусства.

Новое время представляетъ въ этомъ отношеніи совершенно противоположное явленіе; сдѣлались рѣзки, непроходимы границы между ремесломъ и искусствомъ. Нетолько искусство не покрываетъ своею печатью ремесла, какъ было прежде, но чаще пошлые слѣды ремесла замѣтны въ собственно такъ называемыхъ произведеніяхъ искусства. Не только картины посредственныхъ мастеровъ не имѣютъ художественнаго значенія, но даже и геніальныя произведенія иногда отзываются какою-то ремесленностію. Можетъ быть скажутъ, что это зависитъ отъ недостатка вкуса въ наше время? Это обвиненіе можно бы еще отнести къ 18 вѣку, но въ наше время вкусъ, воспитанный изученіемъ древности и произведеній среднихъ вѣковъ, замѣтенъ въ большей ча-

Digitized by Google

сти произведеній, между тѣмъ многія и очень многія страдаютъ недостаткомъ художественности. Въ наше время есть таланты и геніи и только ихъ печать даетъ значеніе произведеніямъ, но у насъ нѣтъ художниковъ.

Такой недостатокъ новаго времени глубоко почувствовалъ Овербекъ. Думая, что причины сего недостатка зависятъ отъ академическаго направленія, подчинившаго искусство неизмѣняемымъ и чисто внѣшнимъ правиламъ и тѣмъ разрознившаго его съ жизнію, Овербекъ сдѣлался защитникомъ и поклонникомъ средневѣковыхъ школъ, столь дружныхъ съ жизнію того времени. Изучая прежнихъ художниковъ, онъ увлекался Италіянскою живописью и это увлеченіе выразилъ въ одной изъ первыхъ своихъ картинъ, — Италія и Германія, представленныя въ видѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна съ религіознымъ вниманіемъ смотритъ на другую (въ Шлезгельмѣ, близь Мюнхена). Изучая болѣе и болѣе, онъ почувствовалъ, что высокая простота и чистота художественной мысли развивалась только подъ вліяніемъ религіи. Только въ ея нѣдрахъ живопись представляетъ стройное цѣлое, полное и спокойное само въ себѣ. Новое начало, отрѣшающее ее отъ религіи, вноситъ раздоръ въ тихій міръ художества; за нимъ возникаютъ безчисленныя направленія, правда выразившія великія усилія художественной мысли, но за то окончившіяся полнымъ, безплоднымъ безсиліемъ. Эту мысль онъ выразилъ въ извѣстной картинѣ *искусства, служащія религіи* (въ Франкфуртѣ). Но высокая мысль о религіозномъ значеніи живописи въ представленіи Овербека соединилась съ значеніемъ Италіян-

Digitized by Google

ской живописи, развившейся подъ вліяніемъ Латинской Церкви. Общую мысль онъ не отдѣлилъ отъ ея частнаго проявленія—сдѣлался Католикомъ и подражателемъ Умбрійской школы, по преимуществу религіозной въ исторіи Италіянской живописи. Въ этомъ и заключается его недостатокъ: подражаніе никогда не можетъ имѣть высокаго значенія въ искусствѣ.

Смотря на произведенія Овербека, чувствуешь вліяніе художественной мысли, потому что они созданы художникомъ, чувствуешь — лучше сказать, художника, а не самое искусство. Въ нихъ есть что-то личное, ограниченное мыслію и даже одностороннее. Не смотря на теплоту и мысль, выражающуюся и въ цѣлыхъ сочиненіяхъ и въ лицахъ отдѣльныхъ фигуръ, каждая его картина, даже каждая фигура напоминаетъ то одно, то другое изъ произведеній художниковъ среднихъ вѣковъ. Такимъ подражаніемъ уничтожается значеніе его произведеній, какъ явленія самостоятельнаго въ Исторіи живописи. Не смотря на высокія усилія и чистоту художественнаго стремленія, онъ ничего не вноситъ новаго въ область искусства, не удовлетворяетъ широкимъ требованіямъ, стѣсняя его предѣлы личнымъ увлеченіемъ формами, созданными подъ вліяніемъ Латинской Церкви.

Не стану говорить о другихъ художникахъ подражателяхъ: ихъ много, но мало замѣчательныхъ. Подражаніе прежнему, хотя и не лишенное достоинствъ, даже проникнутое глубокимъ религіознымъ чувствомъ, не можетъ удовлетворить современнымъ потребностямъ. Отжившее и прежнее, во сколько оно отжило, не возвратится снова. Но въ

Digitized by Google

такомъ подражаніи нельзя обвинять того или другаго художника, но цѣлое время, не заключающее достаточно силы создать новыя формы для выраженія художественной мысли. Трудно, почти невозможно положить границу между излишествомъ и недостаткомъ, говоритъ Винкельманъ, между тѣмъ какъ въ этой-то границѣ и заключается художественность. Необходимо было новому времени обратиться къ древности и среднимъ вѣкамъ, чтобы изученіемъ прежняго воскресить художественное чувство погибшее въ 18 столѣтіи. Подобное погруженіе въ вѣка отжившіе оставило на произведеніяхъ новыхъ художниковъ слѣдъ подражанія. Какъ же положить границу между изученіемъ древняго и подражаніемъ? Такую границу могла бы положить самобытная художественно-творческая сила новаго времени, но она до сихъ поръ выражается только въ требованіяхъ и не въ силахъ создать новыхъ художественныхъ формъ.

Если отъ живописи перейдемъ къ современной скульптурѣ, то и она представится намъ почти въ такомъ же состояніи. Теперь существуетъ мысль, будто ваяніе въ наше время процвѣтаетъ болѣе другихъ искусствъ пластическихъ. Не унижая заслугъ славныхъ ваятелей, каковъ недавно умершій Торвалдсенъ, и талантовъ большихъ и замѣчательныхъ, каковы многіе изъ его учениковъ и послѣдователей, мы однако же осмѣлимся не согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Обыкновенно говорятъ, что нашъ матеріяльный вѣкъ болѣе всего способенъ сочувствовать скульптурѣ и своимъ сочувствіемъ дать ей ходъ и развитіе. Не споря противъ матеріяльнаго

Digitized by Google

направленія вѣка, которое кажется намъ уже на исходѣ, замѣтимъ, что этотъ матеріялизмъ не способенъ вообще сочувствовать никакому искусству. Красоты пластическія ему столько же чужды, какъ и духовныя. Стремясь къ удовлетворенію мелкихъ нуждъ, къ устройству обиходной жизни, онъ могъ поощрить и поощрилъ развитіе ремеслъ. Просвѣщенный характеръ матеріялизма придалъ ремесламъ художественный лоскъ, не придавъ самой художественности. Внѣшнимъ образомъ уравнявъ ремесло съ искусствомъ, онъ только унизилъ искусство до ремесленнаго значенія. Матеріялизмъ также неспособенъ понять природы, какъ и внутренняго міра. Между нимъ и чувствомъ природы такое же растояніе, какъ между достоинствомъ и недостаткомъ. Древній Грекъ, будучи въ высшей степени природенъ, не былъ матеріялистомъ. Вся природа растворялась для него въ высшемъ духовномъ началѣ и только потому была понятна. Геніальныя произведенія современныхъ скульпторовъ возбудили мысль о процвѣтаніи ваянія въ наше время, а раціональное направленіе ума придумало ложное оправданіе—матеріялизмомъ вѣка.

Если обратимъ вниманіе на скульптуру въ новомъ мірѣ, то замѣтимъ, что она постоянно занимала второстепенное мѣсто между искусствами пластическими. Два направленія выразились во всѣхъ скульптурныхъ произведеніяхъ; одно изъ нихъ можно назвать господствовавшимъ по преимуществу въ барельефѣ, другое подражательнымъ древнимъ Греческимъ и Римскимъ образцамъ. Барельефы Гиберти на дверяхъ Флорентинскаго крещатика выра-

Digitized by Google

зили первое направленіе въ высшей степени совершенства: много расточили имъ похвалъ, всѣ академіи художествъ имѣютъ слѣпки съ нихъ, каждый художникъ рисовалъ и изучалъ ихъ. Рафаель, говоритъ Чиконьяра, учился по нимъ группировать фигуры и располагать одежды. «Сіи барельефы, замѣчаетъ Ріо, составляютъ эпоху въ Исторіи живописи, или по крайней мѣрѣ, въ исторіи рисунка, въ которомъ Гиберти достигъ до такой степени изящества и чистоты, до какой не достигалъ ни одинъ современный ему художникъ.» Оставивъ въ сторонѣ техническія совершенства ваяльной работы, которыя сами по себѣ еще не составляютъ художества, найдемъ, что всѣ красоты и совершенства произведеній Гиберти болѣе живописныя. Отъ того его вліяніе было гораздо сильнѣе на живопись, нежели на ваяніе. Барельефы среднихъ вѣковъ входили въ составъ архитектурныхъ украшеній, и развивались вмѣстѣ съ статуями, которыя составляли необходимую принадлежность и пестрыхъ арабесковъ готическихъ зданій и стройныхъ изящныхъ украшеній Италіянскихъ храмовъ. Какъ они прекрасны въ общей системѣ украшеній, такъ, разсматриваемые отдѣльно, не имѣютъ самостоятельнаго художественнаго значенія. Немногіе составятъ, можетъ быть, исключеніе, но и тѣ хороши только живописными достоинствами. Вообще, кажется, можно думать, что къ средневѣковымъ украшеніямъ храмовыхъ фасадовъ подалъ мысль древній алтарь. Изъ внутренности храма вынесенный наружу, онъ выразился прежде въ мозаикахъ и потомъ уже принялъ архитектурныя формы.

Digitized by Google

Постоянно присущія Италіи стихіи древняго языческаго міра уже въ 14 вѣкѣ сильно начали выказываться въ умственной и художественной жизни. Флоренція была средоточіемъ въ этомъ отношеніи. Противъ сего язычества гремѣла проповѣдь Савонароли: его поощряли щедроты Медичисовъ. Оно произвело подражательное антикамъ направленіе въ скульптурѣ. Но когда живопись еще процвѣтала, развиваясь независимо отъ древняго языческаго искусства, оно не могло выказаться въ той силѣ, какъ выказалось въ послѣдствіи, во слѣдъ за Микель-Анджеломъ, который стоитъ на перепутьи этихъ двухъ направленій. Воспитанный во Флоренціи въ то время, когда сильно распространилась любовь къ изученію древности, подъ особеннымъ покровительствомъ Медичисовъ, еще въ молодость увлеченный красотами Греческаго ваянія, Микель-Анджело однако не можетъ считаться представителемъ этого направленія, хотя въ его произведеніяхъ заключены начала его послѣдующаго развитія. И живописныя свойства скульптуры и подражаніе древнимъ образцамъ смѣлостію ученаго сознанія Микель-Анджела слиты въ одно цѣлое. Сему безразличному цѣлому его личная сила придала особенный, недоступный подражанію, драмматическій характеръ, противуположный глубокой и тихой сосредоточенности древняго ваянія.

Послѣ Микель-Анджела подражательное направленіе сильно начало развиваться и наконецъ поглотило всю скульптурную дѣятельность. Однимъ изъ лучшихъ произведеній въ этомъ родѣ, кажется, можно считать летящаго Меркурія Giovanni da Bologna.

Digitized by Google

Самый предметъ, граціозное и легкое положеніе и техническая работа этой статуи, указываютъ на вліяніе древней скульптуры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно чувствуешь раздвоеніе въ художественномъ вдохновеніи, произведшемъ эту статую. Не просто, непосредственно вылилась она: художникъ стремился придать особенную легкость и подвижность фигурѣ, утончая и облегчая формы тѣла; онъ не чувствовалъ, каковъ есть, но зналъ, каковъ долженъ быть Меркурій, и потому въ произведеніи замѣтна какая-то односторонность. Вообще, говоритъ Рафаель Менгсъ, новые художники, увлекшись какою нибудь одною стороною искусства, развиваютъ ее сильнѣе другихъ; не такъ какъ древніе, у которыхъ всѣ стороны искусства сливаются въ одно цѣлое, и потому каждое ихъ произведеніе отличается высокою простотою. Въ этомъ отношеніи Персей Бенвенуто Челлини удачнѣе; но его простота слишкомъ безжизненна.

Подражатели Микель-Анджела, увлекшись драматическимъ характеромъ его произведеній, довели это свойство до крайней степени безвкусія, до барока. Не нужно говорить о талантахъ небольшихъ и неважныхъ, стоитъ только взглянуть на произведенія *Бернини*, художника геніяльнаго. Изысканныя положенія, напряженныя выраженія лицъ, разбросанныя одежды, все это нѣкогда нравилось и теперь забыто. Самъ Бернини уже чувствовалъ недостатокъ сего направленія, и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ выказалъ желаніе подражать древнимъ. Это послѣднее направленіе въ *Кановѣ* на-

Digitized by Google

шло великаго двигателя. Восторженный созерцаніемъ красотъ древняго ваянія, имъ подражая, онъ создалъ всѣ свои произведенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его стремленіи подражать древнимъ есть что-то личное, какое-то пристрастіе лица, придающее особенную лирическую теплоту его произведеніямъ, правда — часто переходящую въ манерность, но всегда граціозную и увлекательную. *Торвалдсенъ*, очистивъ направленіе Кановы, постигнулъ спокойную эпическую полноту древняго ваянія. Нѣкоторыя изъ его статуй, наприм. Меркурій, достойно соперничаютъ съ антиками; но вмѣстѣ съ тѣмъ при сравненіи съ Кановою, Торвалдсенъ — высокій по изобрѣтательности, въ сочиненіи строгій, въ исполненіи — холоденъ. Смотря на памятники Клименту XIII Кановы и Пію VI Торвалдсена, ярко чувствуешь это различіе. Холоднымъ формамъ ваянія личное увлеченіе Кановы, хотя и одностороннее, придавало жизнь и теплоту. Эпическая полнота греческаго искусства одушевлялась и согрѣвалась всѣми вѣрованіями, всею жизнію самой Греціи, которой оно было полнѣйшимъ выраженіемъ. Въ новое время ваяніе въ формахъ греческихъ не можетъ не быть холодно и безжизненно, какъ цвѣтокъ взращенный въ теплицѣ. Ученики Торвалдсена слѣдуютъ его направленію. Но въ новое время скульптура распадается на части, не удерживаясь въ тѣхъ строгихъ предѣлахъ, въ которыхъ желалъ бы заключить ее Торвалдсенъ. *Тенерани* въ лучшемъ изъ своихъ произведеній — Вакханкѣ — впадаетъ въ натурализмъ; *Біенеме* (Біенаманти) — умирающая Психея напоминаетъ Канову. Раухъ замѣчателенъ наиболѣе

Digitized by Google

драпировкою; Англійскіе художники портретными бюстами и т. п.

Также какъ будто въ подражаніе древности, гдѣ рядомъ съ скульптурой боговъ, былъ особый видъ скульптуры героевъ, въ наше время распространяются статуи великихъ людей. Множество этого рода произведеній красуется въ Европейскихъ городахъ, и многія способны привлечь художественное вниманіе. Мюнхенскій художнихъ, Шванталеръ, дѣятельно трудится въ этомъ родѣ: кромѣ многихъ произведеній, онъ приготовилъ теперь колоссальную статую Баваріи. Павзаній, описывая Аѳины, говоритъ: въ нихъ нѣтъ ничего колоссальнаго, и прибавляетъ насмѣшливо: только Родосцы и Римляне любятъ колоссы. Скоро и Мюнхенъ, неудачно прозванный Аѳинами, украсится колоссальною статуею Баваріи.

Въ такомъ видѣ развивалась скульптура въ новое время. — Прибавимъ къ этому еще одно замѣчаніе.

Съ открытія большаго Помпейскаго мозаика, представляющаго пораженіе Дарія, окончательно уничтожилось то мнѣніе, что живопись не развилась въ древнемъ мірѣ. Прибавивъ къ этому многочисленныя извѣстія древнихъ о живописныхъ произведеніяхъ, высокую красоту многихъ изъ фресковъ, найденныхъ въ Помпеѣ, городѣ далеко не первостепенномъ въ древности, можно сказать утвердительно, что живопись была чрезвычайно развита, не смотря на нѣкоторые техническіе недостатки, которые однако не мѣшаютъ произведеніямъ быть вполнѣ художественными. Не смотря на то, неосновательное, по видимому, мнѣніе объ низкой степени развитія жи-

Digitized by Google

вописи въ древности находитъ другаго рода основаніе. Безспорно, живопись была сильно развита, но вмѣстѣ съ тѣмъ безспорно и то, что она не имѣла самостоятельнаго характера и въ древней художественной жизни занимала второстепенное мѣсто Въ позднее довольно время при храмахъ, всегда украшавшихся статуями, были заведены картинныя галлереи; но никогда живопись не проникала въ самые храмы. Уступая первое мѣсто скульптурѣ, она подражала ей, стремилась достичь скульптурнаго идеала, и не имѣла своего собственнаго. Тоже явленіе повторяется въ средніе вѣка въ отношеніи къ скульптурѣ: она подражаетъ живописи, и не имѣетъ самостоятельнаго характера. Не можемъ ли мы изъ этого заключить, что новому міру вовсе непредоставлено самостоятельно развить скульптуры, точно также какъ древнему не дано было самостоятельной живописи; что наша скульптура всегда будетъ колебаться между зависимостію отъ живописи и подражаніемъ древнимъ образцамъ; что въ новое время преобладаніе послѣдняго направленія вовсе не зависитъ отъ того, что будто нашъ матеріяльный вѣкъ болѣе нашелъ природу, и по сочувствію въ этомъ отношеніи съ древностію вызвалъ новую скульптурную дѣятельность и условное ея подражаніе антикамъ; но отъ того, что сама живопись увлеклась академическимъ направленіемъ, основаннымъ на подражаніи древнему ваянію? Въ этомъ послѣднемъ движеніи видна таже зависимость скульптуры отъ живописи, какая была и въ средніе вѣка.

Вообще наша скульптура раздѣляетъ туже судьбу, какъ и живопись, но еще въ сильнѣйшей степени.

Digitized by Google

Съ одной стороны въ ней представляется желаніе самостоятельныхъ формъ, съ другой невозможность создать ихъ, ставящая ее въ зависимость отъ живописи, или заставляющая подражать старому и прошлому.

Если обратимъ вниманіе на современную архитектуру, то еще сильнѣе поразитъ насъ того же рода явленіе.

Вотъ, что говоритъ Куглеръ о современномъ состояніи церковной архитектуры: «Не безъ стыда замѣчаютъ, что церковнымъ зданіямъ нашего времени недостаетъ самостоятельнаго стиля. Высокія духовныя стремленія настоящаго времени еще не достигли той степени сознанія, опредѣленности и полноты, которая нужна имъ для того, чтобы выразиться художественно, предстать въ видимыхъ образахъ сообразно требованіямъ художественнаго чувства, и въ монументальной прочности сохранить свое существованіе въ будущности. Храмы прошедшихъ временъ выражаютъ живымъ образомъ духъ и силу чувства тѣхъ народовъ, которымъ они принадлежатъ. Каждое время находило свои формы для выраженія внутреннихъ стремленій: только нашему времени не достаетъ своихъ формъ». Не нужно говорить объ томъ, почти общемъ направленіи Архитектуры въ наше время, которое произвело безчисленное множество зданій, удовлетворяющихъ только внѣшнимъ потребностямъ быта и необходимымъ условіямъ строительной техники. Болѣе имѣетъ значенія, если не въ области искусствъ, то, по крайней мѣрѣ, въ современной жизни, другое направленіе — подражательное. Оно особенно развилось въ Баваріи; всѣ лучшія тамъ зданія представляютъ болѣе

Digitized by Google

или менѣе вѣрные снимки съ прежнихъ извѣстныхъ зданій. Въ Мюнхенѣ увидите и Веронскую капеллу Св. Зенона въ церкви Всѣхъ Святыхъ, и подражаніе дворцу Питти въ новомъ дворцѣ, и Флорентинскіе Базилики въ монастырѣ Іезуитовъ и церкви Св. Людовика, и прекрасную модель готическаго храма въ Аукирхѣ, Греческій храмъ въ Валгалѣ, и т. п. Какъ бы ни были удачны подражанія, въ нихъ нельзя видѣть ничего болѣе, какъ современное безсиліе нашего времени создать новыя архитектурныя формы, и вмѣстѣ съ тѣмъ сильную потребность художественности въ архитектурѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи барокко, благодаря многимъ геніальнымъ архитекторамъ, произвелъ много прекрасныхъ зданій; но вмѣстѣ съ тѣмъ уронилъ архитектуру до совершенной ремесленности. Но, если мы и можемъ упрекнуть прошлое столѣтіе въ недостаткѣ вкуса, за то не можемъ упрекнуть въ безсиліи. Въ наше время болѣе вкуса, болѣе умѣнія и даже художественности, но художественности страдательной, которая ничего не можетъ произвести самостоятельнаго. Уставши подражать прежнимъ образцамъ, взялись достроивать древніе готическіе храмы по старымъ планамъ; мысль оригинальная и вполнѣ выражающая современное положеніе Европейской архитектуры.

Если при этомъ вспомнимъ о противоположности между поклонниками древней, болѣе церковной музыки, и защитниками новой свѣтской, или, такъ называемой, театральной; о спорѣ между музыкальными теоретиками, изъ которыхъ одни защищаютъ послѣднее направленіе, другіе призыва-

Digitized by Google

ютъ къ болѣе строгому и глубокому разумѣнію древней музыки ; — то увидимъ, что въ области искусствъ тоже броженіе, таже борьба, тѣже вопросы, которыми кипитъ вся современная намъ жизнь человѣчества. Прошло то время, когда непосредственное художественное вдохновеніе, еще мирное и полное само въ себѣ, творило произведенія великія; настало иное время, время сомнѣнія, противорѣчія, борьбы и раздора, ворвавшагося въ свѣтлый міръ самой художественной мысли. Прожитая и давно забытая жизнь какъ бы воскресла , вопросы, по видимому, давнорѣшенныя, возникли снова и требуютъ новаго и болѣе строгаго рѣшенія. Предки призываютъ «къ отчету потомковъ и какъ будто говорятъ имъ: вы недостаточно воспользовались тѣмъ наслѣдствомъ, которое мы вамъ оставили, ваше дѣло не прямо и всесторонне продолжаетъ наше, вы не оцѣнили насъ по достоинству».

Италія, которой судьба историческая такъ тѣсно связана съ судьбою искусства, вмѣстѣ съ его паденіемъ была забыта и сошла съ поприща исторической дѣятельности Запада. Теперь, когда вопросъ объ искусствѣ возникаетъ снова , Италія, сохранившая большую часть памятниковъ и преданій художественной жизни среднихъ вѣковъ, выступаетъ вновь на поприще дѣйствія. Новѣйшія движенія Латинской проповѣди, кажется, зависятъ отъ той силы художественнаго вопроса, которую онъ получаетъ въ наше время, и вовсе не отъ силы самаго Латинства, давно отжившаго свой вѣкъ.

Живая связь преданія, соединявшая прошлое съ настоящимъ и условливавшая мирный ходъ жизни

Digitized by Google

впередъ—разрушилась. Прошлое и настоящее противоположно столкнулись другъ съ другомъ, и эта противоположность отразилась въ искусствѣ, и внесла раздоръ и противорѣчіе въ творческую тишину художественнаго вдохновенія.

Она не въ силахъ создать ничего самостоятельнаго, не можетъ вести искусства впередъ, и ограничивается простымъ подражаніемъ прошлому. Все содержаніе, вся творческая сила художества принадлежатъ прошлому: новое время стоитъ передъ нимъ съ вѣрною оцѣнкою его дѣлъ, съ совершенствомъ своей художественной, но безплодной техники, и съ высокими требованіями, нисколько не удовлетворяемыми новымъ искусствомъ. Отъ чего же происходитъ и чѣмъ объясняется безсиліе нашего времени въ отношеніи къ художеству?—Нѣкогда слышался такой отвѣтъ на предлагаемый вопросъ: время искусства прошло, нашъ вѣкъ есть вѣкъ мысли, науки, философіи. Если было когда-то высокое искусство и если нѣтъ его въ наше время, то, безъ сомнѣнія, для насъ его вѣкъ прошелъ, точно также какъ проходилъ вѣкъ древняго искусства предъ художественно творческою эпохою среднихъ вѣковъ. — Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что оно не возникнетъ снова, что всѣ требованія современной жизни останутся неудовлетворенными, всѣ попытки современнаго искусства напрасными. — Если жизнь задала вопросъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и разрѣшитъ его.

Неполнота и неудовлетворительность современныхъ явленій искусства зависятъ, кажется, отъ двухъ причинъ; отъ недостатка художественнаго начала

Digitized by Google

въ самой жизни и отъ высоты требованій и силы художественнаго вопроса, ясно измѣнившагося противу прежняго.

Отношеніе искусства къ жизни представляется въ двухъ различныхъ видахъ, соотвѣтствующихъ двумъ различнымъ эпохамъ исторіи и самаго искусства. Въ одно время искусство представляется необходимымъ явленіемъ, существеннымъ выраженіемъ мысли, непосредственно заключенной въ самой жизни; въ другое, дѣломъ простой, случайной роскоши. Въ Италіи поощренія роскошныхъ Папъ и Медичисовъ и вторженіе языческихъ началъ въ область христіянскаго искусства положили предѣлъ между той и другою школою художественной дѣятельности и отторгли искусство отъ дѣйствительной жизни. Вѣчно присутствующая художественность въ жизни и необходимое требованіе искусства выразились въ теоретическомъ направленіи. Съ паденіемъ искусства начала развиваться и усиливаться теорія, наука художества и рядомъ съ ней, какъ одно изъ ея произведеній, образовалось академическое направленіе, еще болѣе разобщившее искусство отъ всей окружающей его жизни. Искусство полно и всецѣло само въ себѣ, въ немъ заключены начала, оно владѣетъ силами создать свой, особенный, ни отъ чего независимый міръ, — такова была мысль академіи! Искусство, лишенное живаго начала, не отражало и не выражало болѣе тайнаго смысла самой жизни, его формы создались по началамъ внѣшнимъ, его достоинство измѣрялось достоинствами техники. Лишенное живаго сочувствія, оно нуждалось въ поощреніи, отторгнутое отъ жизни, оно пре-

Digitized by Google

вратилось въ одну изъ прекрасныхъ ея случайностей, въ роскошь. Искусство упало, и почти вмѣстѣ съ тѣмъ упало въ наукѣ искусства отвлеченно умозрительное направленіе — тоже случайная роскошь мысли. Искусство, отрѣшенное отъ жизни и не удовлетворявшее ея художественнымъ потребностямъ, нѣкогда радовалось своей независимости, и думало въ самомъ себѣ найти достаточно силы поддержать свое существованіе; но теперь вновь стремится къ соединенію съ другими началами внутренней жизни человѣчества. Историческое направленіе служитъ первымъ поверхностнымъ выраженіемъ этой мысли. Внѣ Религіи, не находя художественнаго средоточія, оно распадается на безчисленныя, мелкія направленія, которыя не въ силахъ ни поддержать величія искусства, ни выразить его завѣтной мысли. Религіозное направленіе представляется существеннымъ выраженіемъ того же самого историческаго, но сильнѣе, художественнѣе почувствованнаго, глубже, не отвлеченно, но дѣйствительно понятаго. Основная мысль современнаго художества заключается въ стремленіи слиться вновь съ жизнію, съ которой такъ давно оно было разлучено, сдѣлаться вновь выраженіемъ ея одушевляющей мысли. Но сильное развитіе другихъ сторонъ жизни, независимыхъ отъ искусства, и внутреннее сознаніе самаго художества, пробуждаемое теоретическимъ направленіемъ, препятствуетъ искусству удалиться отъ жизни дѣйствительной, какъ это было во время цвѣта академіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствуетъ преобладать надъ другими явленіями внутренней жизни, быть главнымъ, почти исключительнымъ ея выраже-

Digitized by Google

ніемъ, какъ въ средніе вѣка. Безпрерывное стремленіе къ большему и большему художественному образованію, собранію памятниковъ, изданію всѣхъ доступныхъ рисунковъ, показываетъ, что вопросъ объ искусствѣ въ наше время пришелъ въ соприкосновеніе со всѣми другими вопросами жизни. Вмѣстѣ съ вопросомъ науки и жизни онъ остановился передъ религіею и въ ней ищетъ своего разрѣшенія.

При такомъ состояніи искусства само собою разумѣется, что вопросъ о народности въ искусствѣ исчезаетъ передъ вопросомъ объ отношеніи искусства къ религіи. Исключительное погруженіе въ народность и, особенно въ живописи, стремленіе къ рабскому подражанію природѣ произвели народныя направленія. Имъ противостало общее академическое, которое не постигало другой красоты формы, кромѣ формы Греческой скульптуры и другаго колорита, кромѣ колорита, основаннаго на внѣшнихъ эфектахъ. Теперь увѣрились, что красота формъ и сила колорита наиболѣе зависятъ отъ художественной, мысли придающей строй сочиненію и выраженіе фигурамъ; потому ни одна изъ формъ народныхъ не можетъ быть презрѣна искусствомъ; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ ни одна сама по себѣ не производитъ художественности. Современное искусство хочетъ найти ее въ области религіи; но, смѣшивая религіозное значеніе художества съ формами мѣстными и народными религіознаго искусства среднихъ вѣковъ, вдается въ простое подражаніе.— Переходъ религіозныхъ школъ живописи среднихъ вѣковъ къ другимъ направленіямъ и особенно Умбрійской, въ лицѣ ея великаго представителя Рафаэля, доказалъ без-

Digitized by Google

силіе Западнаго Католицизма удержать въ предѣлахъ религіи, ни живописи ни тѣмъ болѣе другихъ искусствъ. Справедливо мнѣніе тѣхъ писателей, которые уже въ Италіянскомъ искусствѣ XV вѣка видятъ протестъ Латинской Церкви. Произведенія Овербека въ наше время, будучи простымъ подражаніемъ древнимъ мастерамъ, доказываютъ тоже самое безсиліе.

Лютеръ картины своего друга Луки Кранаха считалъ за выраженія протестанской живописи, но подобныя каррикатуры не могутъ удовлетворять требованіямъ нашего времени: недавно картину Менгса — Гусь на Костанцкомъ соборѣ — нѣкоторые изъ Берлинскихъ Теологовъ (Генгстенбергъ въ Kirchenzeitung) объявили за протестанскій образъ; но общее мнѣніе признало не болѣе какъ историческою, хотя и прекрасною картиною. Протестанскій холодный раціонализмъ противоположенъ всякому художеству, а піетизмъ слабъ и безсиленъ вознестись до художественнаго творчества. Историческое направленіе соотвѣтствуетъ протестантизму, и если оно чувствуетъ внутреннее безсиліе и не можетъ существовать самостоятельно, то симъ доказываетъ невозможность протестанскаго искусства. Ни одна изъ формъ религіи, раздѣляющихъ Западъ, не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго искусства, точно также, какъ не удовлетворяетъ ни требованіямъ науки, ни требованіямъ жизни.

Вопросъ объ искусствѣ разрѣшится только вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ вопросовъ науки и жизни; новое искусство возникнетъ только тогда, когда въ самую жизнь взойдетъ новое животворное начало, не суще-

Digitized by Google

ствующее въ ней, или до сихъ поръ не вызванное къ жизни и не созпанное, но сильно предчувствуемое. Искусство служитъ только полнѣйшимъ выраженіемъ художественнаго начала, проникающаго всю жизнь, того начала согласія, той силы мира и тишины, которыя дружно содержатъ разнородныя стихіи жизни въ одномъ плодоносномъ единствѣ. Бываютъ эпохи въ исторіи, когда разрушается внутреннее согласіе жизни, и безчисленныя одностороннія, враждебно сталкивающіяся, направленія, разбѣгаются въ противоположныя стороны. Такимъ временемъ броженія уже давно названо наше время. Еще волнующаяся логическая мысль можетъ слѣдить за движеніями подобной жизни; но нѣтъ въ ней мѣста полному художественному творчеству.

Digitized by Google

Когда въ раздоръ съ самимъ собою
Мой умъ безсильно погруженъ,
Когда лежитъ на немъ порою
Уныло—праздный полусонъ;

* *
*

Тогда зашепчетъ вдругъ украдкой,
Тогда звучитъ въ груди моей
Какой-то отзывъ грустно—сладкой
Далекихъ чувствъ, далекихъ дней.

* *
*

Жаль небывалаго мнѣ снова,
Просторъ грядущаго мнѣ пустъ,
Мелькнетъ призракъ, уронитъ слово,
И тщетный вздохъ сорвется съ устъ.

* *
*

Но вдругъ въ часъ думъ, въ часъ грусти лживой,
Взявъ право грозное свое,
Души усталой и лѣнивой
Перстомъ коснется бытіе.

* *
*

И въ тайной силѣ, вѣчно—юный,
Отвѣтитъ духъ мой на призывъ;

Digitized by Google

Другія въ немъ проснутся струны,
Другой воскреснетъ въ немъ порывъ.

* *
*

Гляжу въ лице я жизни строгой,
И познаю, что насъ она
Не даромъ вѣчною тревогой
На бой тяжелый звать вольна,

* *
*

И что не тщетно сердце любитъ
Средь горестныхъ ея заботъ;
И что не все она погубитъ,
И что не все она возметъ.

.....А

Ноября 1843-го года.

Digitized by Google

О РАБОТАХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ РИМЪ.

Письмо Ѳ. Чижова.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМО

О

РАБОТАХЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ

ВЪ РИМѢ.

Вы непремѣнно хотите, чтобы я написалъ вамъ, что дѣлаютъ въ Римѣ наши художники. Нисколько не откладывая, исполняю ваше желаніе. Не ищите въ моемъ описаніи ни отчетливости, ни полноты: можетъ быть, кое-что и пропустится. Въ настоящую минуту не могу отдать моего досуга исключительно вамъ; но могу поручиться за истину сообщаемыхъ мною фактовъ и за искренность въ переданіи убѣжденій.

Были счастливыя времена для художествъ, когда они жили, не думая, являлись въ міръ, не спрашивая, какъ ихъ примутъ; жили такъ потому, что самъ міръ жилъ ими; являлись въ него смѣло потому, что онъ самъ былъ ихъ явленіемъ. Теперь они потеряли свое вельможное величіе; теперь имъ отмѣренъ уголокъ жизни, между прочими *полезными* — и то еще слава Богу, если скажутъ полезными, а не мелочными занятіями людей, и люди начали

Digitized by Google

требовать отъ нихъ строгаго отчета въ распоряженіи этимъ ничтожнымъ удѣломъ. Искусство не хочетъ знать никакихъ отчетовъ; — жизнь не хочетъ согласиться на его требованія. Трудно было бы рѣшить, кто правъ, кто виноватъ? По мнѣ оба правы предъ законнымъ судилищемъ Исторіи, оба виноваты другъ передъ другомъ, т. е. каждый виноватъ по убѣжденію своего противника.

Искусство не можетъ забыть своего властительнаго господства; до него еще доходятъ слухи о томъ золотомъ вѣкѣ, когда появленіе новаго изваянія вносило въ міръ религіи новыя преданія, и часто бывало источникомъ вѣрованій; еще свѣжѣе оно помнитъ то время, когда новое произведеніе живописи давало наименованіе цѣлой части города, а званіе художника давало законное право на полный почетъ въ тогдашнемъ безумно вельможномъ быту человѣческомъ: ему ли уступить торгашнымъ, мелочнымъ въ его глазахъ, притязаніямъ жизни?

Права жизни основаны на счастіи людей, единственномъ законномъ властителѣ въ быту человѣческомъ, единственной истинно благородной цѣли въ дѣйствіяхъ общества и личныхъ подвигахъ каждаго отдѣльнаго лица. Эти права жизни утверждаются на давности и больше, нежели на давности, на вѣчности своего существованія, потому что даже при видимомъ господствѣ искусства, всегда и вездѣ таже жизнь была истинною пружиною всего; только тогда они или шли рука объ руку, или слпвались въ одно неразрывное цѣлое.

Но пусть они себѣ спорятъ о властительствѣ и борятся между собою: исторія событіями произнесетъ законность правъ того, кого она найдетъ

Digitized by Google

правымъ; дѣло въ томъ, что при этой борьбѣ непремѣнно страждетъ всего больше тотъ, кто принадлежитъ той и другой сторонѣ, т. е. художникъ. Какъ дѣятельный участникъ въ современной жизни, онъ требуетъ отъ нея должнаго себѣ пая; какъ служитель искусства, онъ возстаетъ противъ ея притязаній. Этого мало: въ то время, какъ происходитъ такая борьба во глубинѣ души его, мы съ своей стороны, вступаясь за жизнь, вмѣстѣ съ нею нападая на искусство и въ художникѣ видя его представителя, тоже нападаемъ на него въ свою очередь. Намъ нѣтъ нужды, что искусство уже болѣе не наполняетъ собою души всего живущаго, нѣтъ нужды и до того, что для него изсякли самыя средства: поблекла яркость вседневныхъ событій, потухъ пламень чувства, измѣнилась самая внѣшность жизни. Мы не хотимъ сообразить, что теперь все, начиная отъ предмета картины, до послѣдней, самой мелочной его обстановки, все должно быть твореніемъ воображенія художника и уже по его творческому велѣнію должно облекаться въ плоть въ его мастерской, принимать живительное дыханіе изъ собственной души его, безъ всякаго нашего участія. Наконецъ, оставляя все это безъ вниманія, мы даже не принимаемъ на себя труда войти въ его положеніе, и не хотимъ соглашаться съ тѣмъ, что оно очень и очень тягостно.

Мы не справедливы; но дѣло въ томъ, что и къ намъ несправедливы точно также. Художникъ, съ своей стороны, точно также не входитъ въ наше положеніе; онъ не смотритъ на то, что намъ не на чѣмъ воспитывать чувства изящнаго, что, начиная отъ фрака и мундира до нашихъ общественныхъ

Digitized by Google

засѣданій и правильныхъ битвъ на полѣ сраженія, все приняло самую холодную, самую противоизящную стройность. Онъ требуетъ отъ насъ восторга и увлеченія, даровъ судьбы давнымъ давно забытыхъ въ мірѣ, давнымъ давно отнятыхъ еще у нашихъ прадѣдовъ.

И такъ до сихъ поръ мы совершенно правы въ отношеніи другъ къ другу. Но вотъ художественное произведеніе окончено, оно является на судъ общества. Гдѣ судъ, тамъ и несправедливость—старинная поговорка. Только дошло дѣло до суда, какъ мы (*особенно мы сѣверные жители*), забывъ наше братство съ художникомъ, мы первые начинаемъ искать противъ него оружія. Тутъ забывается на время наша вражда съ искусствомъ, мы входимъ въ его храмины и начинаемъ прислушиваться, какъ оно судитъ вѣрнаго, или невѣрнаго своего служителя. Не находя полной чистоты и цѣломудрія чувства въ его произведеніяхъ, оно указываетъ ему на своихъ великихъ патріарховъ Фра Анджелико да Фіезоле, Перуджино, Беллини, Франческо Франчіа. Не видя высоты художественныхъ понятій, укоряетъ его посрамленіемъ великихъ именъ Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тиціана. Не отыскивая даже внѣшнихъ достоинствъ, обращается къ памяти Корреджіо, Микель-Анджело Буонаротти, Андреа дель Сарто, Фра Бартоломео делла Порта. Не встрѣчая порывовъ восторга, напоминаетъ, что и во время его паденія было много прекраснаго въ твореніяхъ Гвидо Рени, Караччіевъ, Доминикино, Павла Веронезе, Сальватора Розы. Наконецъ, не встрѣчая и глубокаго изученія, приводитъ ему въ примѣръ мудро отшельническую жизнь

Digitized by Google

Пуссена. Мы все ето слушаемъ и, забывши то, что бѣдный художникъ и безъ нашихъ укоровъ падаетъ подъ тяжестію взысканій искусства, громко взывающихъ къ нему изъ собственной души его, забывши, что собственная наша жизнь отняла у него все и не хочетъ дать ему даже крохъ, которыя бросались съ роскошнаго художественнаго пира временъ протекшихъ, мы тоже, какъ пришлось казнить его, вооружаемся оружіемъ искусства и бьемъ безъ того уже избитаго художника.

Таково положеніе того, кто вѣрою и правдою служитъ искусству въ настоящую минуту: онъ осужденъ терпѣть со всѣхъ сторонъ и если есть ему утѣшеніе или скорѣе прибѣжище, и то самое безотрадное, то въ одномъ сознаніи своей правоты предъ собственною своею совѣстію. Для насъ не худо мимоходомъ замѣтить: когда общественные судьи укоряютъ живописца великими именами протекшихъ временъ, они должны вспомнить, что эти имена и ихъ высокія достоинства доступнѣе ему, нежели кому либо другому и что онъ самъ себѣ сдѣлалъ этотъ укоръ прежде, нежели мы объ немъ помыслили.

Отсюда прямое заключеніе: истинно художническое произведеніе нашего времени должно имѣть двойную, тройную цѣну въ глазахъ нашихъ, и художникъ, которому оно принадлежитъ, имѣетъ полное право на самое глубокое общественное уваженіе, я разумѣю уваженіе дѣятельное,—полное сочувствія къ его славѣ, громкое ея произношеніе и дѣятельное участіе въ нравственныхъ, физическихъ и художническихъ его страданіяхъ.

Вотъ небольшое вступленіе, входъ въ мастер-

Digitized by Google

скую нашего художника, имя котораго знакомо многимъ Русскимъ по слуху, уважается всѣми, кто видѣлъ въ эрмитажѣ прекрасное его произведеніе *Христосъ, являющійся Магдалинѣ*, и высоко чтится тѣми, которые знаютъ теперешнюю еще неоконченную его картину *явленіе Мессіи на проповѣдь*. Она далеко еще не окончанна; слѣдовательно нельзя произносить объ ней рѣшительнаго приговора; но она доведена до той степени, на которой уже видны ея достоинства. Что прекрасно теперь, то не можетъ быть испорчено; что еще невыполнено, за степень совершенства того ручается исполненіе остальнаго. Эта картина знакома большей части Русскихъ, бывшихъ въ Римѣ; объ ней не разъ уже писали; однакожъ, не смотря на это, чтобъ слова мои были понятнѣе, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ ея предметѣ и составѣ.

Г. *Иванов* изобразилъ въ ней самую торжественную минуту въ исторіи человѣчества,—вступленіе на поприще дѣятельности Искупителя міра. Всю внѣшнюю часть картины, т. е. весь разсказъ, онъ взялъ прямо изъ повѣствованія Святаго Евангелиста Іоанна. Я говорю внѣшнюю часть, потому что въ Евангельскомъ разсказѣ заключается и историческое повѣствованіе и вмѣстѣ источникъ религіознаго вѣрованія; тамъ обѣ этѣ стороны соединены во едино: въ исторіи молитва и въ молитвѣ исторія. Такое соединеніе доступно только въ образѣ слова, гдѣ однимъ именемъ Спасителя обозначается земной образъ Его, и въ тоже мгновеніе душа, неосязаемо для чувствъ, неуловимо для изслѣдованій ума, соединяетъ съ Нимъ понятіе о Сынѣ Божіемъ, объ Искупителѣ рода человѣческаго, и молится Ему, какъ истинному

Digitized by Google

Богу. Еще болѣе понятно такое соединеніе въ томъ повѣствованіи, которое само есть прямое истинное Слово Божіе, дѣло Бога-Духа Святаго, глаголавшаго устами Евангелистовъ. Въ искусствѣ изобразительномъ и въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ оно непремѣнно разлагается на свои основы и потому, начиная отъ состава картины до исполненія, все требуетъ предварительнаго знанія и рѣшенія: что это такое — образъ, или картина? О подробностяхъ этого и существенномъ различіи я буду имѣть случай говорить послѣ; теперь пока, чтобъ не отвлекаться далѣе, скажу вамъ, что Г. Ивановъ пишетъ чисто-историческую картину.

Разсматривая явленіе Мессіи на проповѣдь чисто съ исторической стороны, какой бы взглядъ мы ни приняли, вездѣ оно явится намъ самымъ исполинскимъ событіемъ во всей исторіи человѣчества. Вотъ первое право и первая необходимость дать картинѣ такой размѣръ, чтобъ лица на первомъ планѣ явились въ настоящую величину человѣческаго роста. Разсказъ требовалъ еще большаго: Іоаннъ крститъ народъ на берегу Іордана, Іисусъ Христосъ въ это время появляется на горѣ и Предтеча указываетъ на Него народу. Этими не многими словами предписано общее распредѣленіе: На частяхъ картины, ближайшихъ къ зрителямъ, должны быть Крститель и крстимые, вдали Спаситель. Спаситель душа всего дѣйствія, поэтому онъ долженъ быть изображенъ въ такой величинѣ, чтобъ сохранялось Его величіе и вполнѣ былъ бы видимъ божественно-человѣческій ликъ Его. И такъ все зависитъ отъ опредѣленія величины Его на картинѣ; разъ она опредѣлена, тогда художникъ опредѣлилъ

Digitized by Google

и всѣ ея размѣры, слѣдовательно каковы они вышли (*), это уже не произволъ его и даже, по моему мнѣнію, онъ не имѣетъ права ни убавить, ни прибавить ихъ, не пожертвовавши цѣльностію и, разумѣется, частію достоинства всего произведенія.

Я съ намѣреніемъ распространяюсь такъ долго объ этомъ предметѣ для того, чтобъ доказать неосновательность мнѣнія, что такіе большіе размѣры пора бы оставить, что они хороши для церковныхъ образовъ, гдѣ все зависитъ отъ мѣстности, а не для картинной галлереи. Все мною сказанное о размѣрѣ картины Иванова представляетъ только требованія самаго предмета, незнающаго никакихъ отношеній; они сами собою уже опредѣлили величину картины. Но если мы взглянемъ на произведеніе Г. Иванова, какъ на представительный трудъ его, какъ на отчетъ, который отдаетъ онъ отечеству въ употребленіи своего таланта и въ степени его развитія, то совершенно поймемъ, почему онъ долженъ былъ представить фигуры въ полный ростъ: такимъ образомъ въ нихъ природа передается въ настоящемъ ея видѣ, и справедливѣе можетъ быть объ нихъ сужденіе. Одно, что можетъ говорить противъ большихъ размѣровъ, неудобство помѣщенія,—возраженіе незнакомое искусству.

И другія возраженія, какія мнѣ случалось слышать отъ многихъ вашихъ любителей, нелюбителей и художниковъ, до сихъ поръ всѣ были въ этомъ родѣ. Одинъ недоволенъ тѣмъ, что не введены женщины въ число крестящихся и присутствующихъ при крещеніи; другой тѣмъ, что на предвѣстіи

(*) Картина Г. Иванова, помнится мнѣ, въ ширину 10 арш., а въ вышину 8.

Digitized by Google

проповѣди о братской жизни слуга подаетъ одежду своему господину, третій возстаетъ на наготу мальчика, четвертый... Трудно припомнить всѣ сужденія потому именно, что до сихъ поръ я не слыхалъ ни одного очень дѣльнаго, ни въ отношеніи къ составу картины, ни, того менѣе, въ отношеніи къ исполненію. Но всѣ и рѣшительно всѣ, волею или неволею, единогласно соглашаются въ истинномъ и великомъ достоинствѣ этого огромнаго труда.

Между многими художниками, посѣтителями мастерской Г. Иванова, нынѣшняго года былъ нашъ извѣстный архитекторъ, Г. Тонъ (Константинъ Андреевичъ). Пріятно было слышать, когда онъ, долго смотря на картину, сказалъ, что не знаетъ ни одного изъ современныхъ намъ живописныхъ произведеній, которое могло бы стать съ нею на ряду, если только она будетъ окончана. Эти слова художника ветерана, прожившаго слишкомъ 14 лѣтъ въ Римѣ, изъѣздившаго всю Европу, были только подтвержденіемъ того, что давно говорило мнѣ собственное мое убѣжденіе, основанное на долгомъ присматриваніи къ картинѣ Г. Иванова и сравненіи ея со всѣмъ, мною видѣннымъ.

Часто и внимательно присматриваясь къ этому высоко-художественному произведенію, я, кажется мнѣ, изучилъ всѣ мелкія его подробности. Многое еще измѣнится при послѣднемъ окончаніи, я разумѣю многое въ тѣхъ частяхъ, которыя рѣшаются послѣднимъ окончаніемъ; таковы напр. лица Евреевъ, второстепенныхъ особъ на картинѣ, цвѣта волосъ и тому подобное, что все оставлено въ томъ видѣ, какъ оно легло при первой наброскѣ. Посмотримъ, какова картина въ настоящемъ ея видѣ.

Digitized by Google

Передавая читателямъ моимъ общее очертаніе достоинствъ картины, я не буду говорить о тѣхъ сторонахъ искусства, которыя составляютъ уже непремѣнное условіе всякаго порядочнаго произведенія,— т. е. ни о правильности рисунка, ни о выпуклости изображенныхъ на ней предметовъ; не буду говорить еще и потому, что самое произведеніе вводитъ насъ въ высшую область и собственною высотою возноситъ наши понятія и наши требованія.

До сихъ поръ еще многіе, имѣющіе притязаніе на знатоковъ, и любители безъ притязаній, думаютъ, что они превознесутъ картину до высшей степени ея славы, когда скажутъ, что на ней совершенно живые люди. Я никакъ не буду съ ними спорить: это точно одно изъ величайшихъ достоинствъ, но такое, которое одно, само по себѣ, не можетъ вполнѣ удовлетворить насъ даже и въ простомъ портретѣ. И такъ мы просимъ, чтобы художникъ далъ изящное положеніе, чтобъ онъ поискалъ возможно прекраснаго выраженія лица и вообще всей фигуры. Если таковы требованія тамъ, гдѣ вся картина оживлена одною жизнію изображаемаго лица, можетъ ли остановиться на нихъ произведеніе, заключающее полную жизнь въ самомъ себѣ?

Историческій разсказъ требуетъ, чтобъ были нетолько живые люди, но живые дѣятели разсказываемаго событія; чтобъ жизнь каждаго отдѣльнаго лица была частію жизни всей картины и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла бы всю собственную полноту свою; чтобъ истина оставалась неприкосновенною и явилась бы истиною разсказа, а не простою, ни чему не подчиненною, истиною природы, не имѣющей ни какой внутренней связи съ разсказываемымъ проис-

Digitized by Google

шествіемъ. Примѣръ болѣе объяснитъ это послѣднее требованіе: я возьму его въ самомъ предметѣ картины Г. Иванова. Когда Іоаннъ Креститель указывалъ на грядущаго Спасителя, очень можетъ быть, что тутъ было множество посторонніхъ предметовъ: могли вблизи пастись стада, гдѣ нибудь лежали и спали люди, совершенно чуждые событію — все это входило бы въ истину происшествія, но оно помѣшало бы цѣлости, а слѣдовательно и художественной истинѣ разсказа, который ихъ потому и выбрасываетъ.

Таковы требованія отъ простаго, небольше, какъ вѣрнаго разсказа историческаго, таковы первыя требованія и отъ исторической картины!

Допустите малѣйшее одушевленіе, предположите, что разскащику доступны душа и значеніе событія, тотчасъ же возвысились и требованія. До сихъ поръ природа была только мертвымъ свидѣтелемъ происходящаго; но, какъ скоро душа зрителя почувствовала самое событіе, въ ту же минуту предъ нимъ ожила самая природа и вдругъ величавыя линіи горъ, берегъ рѣки, свѣжесть утра, зелень деревьевъ, отдаленная синева на горизонтѣ, все приняло участіе въ событіи, все начало помогать разскащику сосредоточивать вниманіе на происшествіи. Со стороны природы, разумѣется, такое участіе мечтательно; со стороны зрителя, чувствующаго и понимающаго высокость событія, оно дѣйствительно и болѣе чѣмъ дѣйствительно, оно — непремѣнная необходимость его воззрѣнія, слѣд. оно также непремѣнная необходимость и разсказа.

Кромѣ истины и единства разсказа, историческая картина требуетъ одушевленнаго, вдохновеннаго

Digitized by Google

повѣствованія случившагося; эта высшая степень ея совершенства.

Тутъ рѣшается распредѣленіе фигуръ, ихъ движенія, выраженіе лицъ, общее расположеніе пейзажа и даже цвѣтъ различныхъ частей его; однимъ словомъ, то, что я назвалъ бы *общимъ сочиненіемъ* картины, потому общимъ, что въ ней, какъ я сей часъ буду говорить, есть еще художественное сочиненіе частностей. Въ картинѣ Г. Иванова общее сочиненіе такъ высоко, что не оставляетъ желать ничего болѣе. До сихъ поръ весьма не многія лица близки къ окончанію, поэтому нѣтъ еще пока возможности судить о полнотѣ жизни остальныхъ; но участіе каждаго въ общей драмѣ, умно размѣренное не холоднымъ разсудкомъ, а живымъ представленіемъ себѣ всего дѣйствія и глубокимъ вниканіемъ въ нравственную природу человѣческую, видно уже ясно и въ настоящемъ состояніи картины.

Все это, какъ я сказалъ, требованія предмета и его передачи до вступленія его въ міръ искусства; все это, такъ сказать, предуготовительныя его достоинства. Безъ нихъ предметъ никогда не сдѣлается душею истинно художественнаго произведенія; но они даютъ ему одно только право на пріобрѣтеніе художественныхъ достоинствъ, никакъ не болѣе. Я хочу этимъ сказать, что сочиненіе можетъ быть прекрасно и ограничиться однимъ только талантливымъ наброскомъ (эскизомъ), на которомъ обозначится все, что будетъ въ картинѣ и предоставится воображенію дополнять то, чего можно ожидать отъ нея.

За симъ является послѣдняя степень достоинствъ,— художественная высота картины. Она собственно опредѣляетъ высоту самаго художника, указываетъ

Digitized by Google

и на полноту его таланта и на степень истинно художественнаго образованія, и слѣд. на степень понятій объ искусствѣ. Это въ картинѣ я называю *исполненіемъ* въ самомъ обширномъ смыслѣ слова; оно собственно рѣшаетъ имя художника. Все, что касается предмета картины безъ отношенія къ его художническому исполненію, можетъ быть доступно и непосвященному въ таинства искусства, по крайней мѣрѣ, можетъ быть имъ вполнѣ понято и даже приведено въ дѣйствіе до той степени, на какой оно доступно другому образу разсказа, другому выраженію, и на какой еще мало зависитъ отъ исполненія. Совсѣмъ не зависѣть не можетъ, потому что и тутъ уже художническое чувство и опытность живописца прямо указываютъ на многія частности, которыхъ въ послѣдствіи потребуетъ картина, и указываютъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ живѣе самая эта картина была принята душею художника и представилась его воображенію во всемъ высшемъ ея совершенствѣ, часто недоступномъ послѣ на дѣлѣ.

Нигдѣ совершенство не имѣетъ предѣловъ, но относительно къ первымъ требованіямъ можно скорѣе къ нему приблизиться; совершенство *исполненія* въ картинѣ уже рѣшительно безпредѣльно. Благородство рисунка, высоко образцовая (типическая) красота лицъ, возможно прекрасное сочиненіе въ пейзажѣ, высшая степень изящества въ наброскѣ одежды, сила и стройность цвѣтовъ, вотъ существенныя достоинства того, что я называю *исполненіемъ*. О послѣднемъ, т. е. о цвѣтахъ, нельзя судить въ неоконченномъ произведеніи, потому что оно является на полотно послѣднимъ, но все прочее такъ высоко, что тѣ художники, которымъ, по ихъ ис-

Digitized by Google

ключительнымъ занятіямъ, ближе то, или другое, не могли говорить объ немъ безъ восхищенія. Деревья, входящія въ составъ картины, почти окончаны: они много подвинулись въ послѣднее время. Придетъ пора, читатели мои согласятся со мною, что врядъ-ли они видали историческую картину, на которой эта часть была бы доведена до такого высокаго совершенства, и вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ бы ей дано было именно столько мѣста, сколько нужно, такъ что она только помогаетъ собою красотѣ цѣлаго, нисколько не посягая на него и не отнимая у него ничего въ свою пользу. Густая зелень такъ ясна, распредѣлена такъ просто и отчетливо, что кажется, до нея не касалось изобрѣтеніе художника. Соединеніе деревьевъ и различныхъ цвѣтовъ ихъ такъ естественно, что, кажется, тутъ не было и мысли о сочиненіи. Потомъ, по бокамъ этой густоты, легкая, едва прорѣзывающая воздухъ, зелень. Вообще не будь я свидѣтелемъ того, какого изученія природы стоило это художнику, не найди я десятковъ самыхъ окончанныхъ упражненій разныхъ деревьевъ, мнѣ не пришло бы и въ голову, что надъ этимъ было думано. Все такъ связано въ одно неразрывное цѣлое, что, кажется, будто бы счастливый случай привелъ художника на прекрасное мѣсто, откуда онъ взялъ этотъ кусокъ ландшафта. Далекія горы, ихъ утренняя синева, ихъ длинныя, красиво тянущіяся линіи, все это не подчиняется описанію, все это собственная область живописи, а не слова. Въ нихъ на картинѣ вы видите живую природу во всей ея свѣжести, но природу въ полномъ, самомъ изящномъ убранствѣ, и мало того, природу, являющуюся такъ, что она своимъ присутствіемъ сосре-

Digitized by Google

доточиваетъ васъ на высокомъ предметѣ картины. Вся тайна въ полной стройности ея съ предметомъ, въ совершенномъ спокойствіи сочиненія, первыхъ признакахъ того, что въ душѣ художника жилъ предметъ, а не желаніе выставить на томъ или другомъ свое искусство и свою силу. Стройность пейзажа съ цѣлостію всего такова, что вѣроятно большая часть, или не всѣ зрители, не художники, не обратятъ на него исключительнаго вниманія; это я говорю по собственному опыту и по многимъ наблюденіямъ. Въ послѣднее время онъ началъ больше прочаго привлекать къ себѣ взоры, потому что надъ нимъ было болѣе работано, чѣмъ надъ остальнымъ. Но и тутъ, въ томъ, что я далъ себѣ нѣкоторый отчетъ въ его достоинствѣ, я обязанъ одному ландшафтному живописцу, которому, разумѣется, это было всего ближе; онъ своимъ восхищеніемъ ввелъ меня въ тайны работъ художника и открылъ мнѣ весь трудъ и все достоинство тамъ, гдѣ по моему мнѣнію былъ только одинъ удачный выборъ.

Наброска одежды у нѣкоторыхъ фигуръ, потому что у прочихъ она или еще не совершенно опредѣлена, или по самому ихъ движенію и положенію не могла занимать значительнаго мѣста, у нѣкоторыхъ, говорю, фигуръ такъ хороша, что переноситъ васъ сама собою въ пластическій міръ древняго ваянія. Есть одинъ между народомъ въ правой сторонѣ картины, на немъ наброшена простая одежда такъ, что спокойныя линіи ея и прекрасныя складки невольно останавливаютъ взоръ и заставляютъ ими любоваться. У всѣхъ же вообще фигуръ, гдѣ только эта часть окончена, она обдумана и выполнена превосходно.

Digitized by Google

Я началъ съ второстепенныхъ достоинствъ, если можно такъ сказать, т. е. вѣрнѣе говоря съ болѣе доступныхъ, потому что въ цѣлости художественного произведенія, изящество этихъ второстепенностей также важно, какъ и все главное. Когда оно существуетъ на картинѣ во всей полнотѣ, тогда оно до того возвышаетъ требованія и вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе всего кажется зрителю до того естественнымъ, что онъ легко можетъ не замѣтить красоты подробностей, но отсутствіе ихъ тотчасъ подмѣтится чувствомъ прекраснаго, прежде даже, нежели отъищетъ ихъ умный разборъ судящаго.

Послѣдній вѣнецъ всего — высокое благородство рисунка и образцовая (типическая) красота не только лицъ, но вообще всего входящаго въ картину. Правильность очертаній такое условіе, котораго мы требуемъ даже отъ учащагося, это грамматика въ художественномъ дѣлѣ; благородство и умѣніе найти возвышенные образцы (типы) принадлежатъ художническому творчеству. Каждое лице и каждая фигура, въ истинно художественномъ произведеніи, должна быть доведена до послѣдняго вообразимаго своего совершенства. *Своего* говорю совершенства, т. е. совершенства того именно выраженія, которое ему и ей назначены. До сихъ поръ тѣ фигуры, которыя окончены на картинѣ Г. Иванова, представляютъ истинно художественные образцы лицъ, въ нихъ изображенныхъ. Не забудьте, что эти лица — ликъ Спасителя, Іоанна Предтечи и тѣхъ изъ послѣдователей Христа, которыхъ дѣянія въ Церкви Христіанской поставили на первую ступень человѣческаго величія. Въ числѣ присутствующихъ при крещеніи Г. Ивановъ помѣстилъ двухъ

Digitized by Google

будущихъ Апостоловъ вѣры Христовой, Андрея и Петра, которыхъ тутъ впервые встрѣтилъ Спаситель, потомъ Іоанна Богослова. Евангеліе не указываетъ прямо на его присутствіе при этомъ событіи, но живой разсказъ позволяетъ предполагать, что онъ былъ его свидѣтелемъ. За ними стоитъ Нафанаилъ,— истинный Израильтянинъ, «въ немъ же нѣсть лъсти». Онъ изображенъ въ томъ сомнительномъ состояніи духа, въ томъ пытательномъ раздумьи, какое приписано ему Евангельскими словами: «Отъ Назарета можетъ-ли что добро быти? » Объ немъ также Іоаннъ Богословъ не говоритъ, что онъ дѣйствительно былъ тутъ, но на другой день Христосъ сказалъ ему: « вчера я видѣлъ тебя подъ смоковницею » что̀ и дало право художнику помѣстить это замѣчательное лице въ своей картинѣ.

Вотъ лица, образцы которыхъ нужно было создать художнику. Рѣшимся ли мы укорять его за то, что онъ не скоро останавливается на найденномъ, не бываетъ доволенъ отысканнымъ, и не смотря ни на требованія нетерпѣливыхъ соотечественниковъ, ни на укоры товарищей, не подчиняясь даже житейскимъ нуждамъ, борясь съ ними со всею бодростію силъ, остается неизмѣнно вѣрнымъ искусству?

Ликъ Спасителя и всё Его положеніе тихи и спокойны. Онъ идетъ на великое служеніе. Какъ отдѣленъ Онъ въ повѣствованіи отъ всего дѣйствія, хотя и составляетъ его душу, также отдѣленъ Онъ и на картинѣ. Тамъ слова: Спаситель, Агнецъ Божій; здѣсь: строго сохраненное Его древнее изображеніе, послѣдняя степень человѣческой доброты въ лицѣ, но доброты безъ слабости, какую вы видите у Петра; твердая

Digitized by Google

сила убѣжденія, выраженная невозмущаемымъ спокойствіемъ, совершенно противоположнымъ восторженной проповѣди Іоанна; однимъ словомъ, Его истинно Бого-человѣческій ликъ сосредоточиваетъ на Немъ вниманіе и тотчасъ же указываетъ въ Немъ Искупителя міра. Какъ Евангеліе нигдѣ не приписало Ему никакой особой черты, выставляющей рѣзко Его колѣно или племя, такъ и лице Его, изображенное со всею естественностію, представляетъ намъ Христа, не заставляя ни плѣняться Его красотою, ни спрашивать, дѣйствительно-ли это Израильскій типъ, ни отыскивать, кого художникъ принялъ за образецъ Его. Это одно составляетъ уже такое достоинство, какое давно потеряно въ искусствѣ. Припомните большую часть того, чѣмъ мы такъ много плѣняемся, что передаютъ намъ въ ликѣ Спасителя? Или страданія, доведенныя до совершеннаго упадка духа, или какое нибудь одностороннее чисто-человѣческое чувство, или Рубенсову мясистость тѣла, при которой самый благоговѣйный взглядъ не можетъ вознестись надъ плотію.

Лице Іоанна Крестителя совершенно иное. Вы видите въ немъ восторженное воззваніе къ народу, призваніе на великое служеніе, пока служеніе человѣческое. Въ немъ тоже со всею вѣрностію сохранено древнее его изображеніе, врѣзанное въ нашу память преданіемъ и Греческими образами.

Изъ прочихъ болѣе окончено лице Апостола Петра, добродушнаго, безъискуственнаго, все пріобрѣтшаго простотою любви къ Спасителю и чистотою сердца. Вѣра его крѣпка, потому что незыблема основа ея—простота сердечная; духъ его бодръ, но плоть немощна. Его лице въ продолженіи всего

Digitized by Google

многовѣковаго хода живописи, болѣе другихъ сохранило свое первоначальное изображеніе, уцѣлѣло въ самое разгульное время искусства, когда очень мало заботились о сохраненіи священныхъ преданій, т. е, въ цвѣтущее время Болонской школы. Въ немъ всегда изображалась возможность его троекратнаго отреченія. Доброта и простодушіе—существенныя отличія въ его выраженіи.

Лице Апостола Андрея еще не окончено; но судя по положенію и по взгляду, можно ожидать выраженія сильной самостоятельности.

Такія величавыя и высоко вознесенныя надъ обиходною человѣческою природою выраженія главныхъ лицъ, дѣлаютъ то, что лица крестящихся кажутся черезъ-чуръ обыкновенными. Можетъ быть, дѣйствительно художникъ былъ въ нихъ слишкомъ вѣренъ тѣмъ народнымъ образцамъ, которыхъ глубокое изученіе отпечаталось на всѣхъ возможныхъ выраженіяхъ чувствъ, во всѣхъ второстепенныхъ особахъ. Но это еще дѣло окончанія, теперь пока все это—портреты и потому объ нихъ еще нельзя судить окончательно.

Вникните теперь во все то, что я передалъ о картинѣ, я не художникъ, слѣдовательно человѣкъ, не понимающій и половины художническихъ трудностей, и тутъ вы согласитесь, что картина г. Иванова требуетъ бездны трудовъ и долгаго времени. Не имѣй онъ убѣжденія, что въ изображеніи Апостоловъ, онъ долженъ представить намъ ихъ дѣйствительно тѣми, какими передаютъ ихъ намъ Евангеліе и дѣянія Апостольскія, тогда онъ былъ бы правъ, еслибъ, слѣдуя большинству, онъ изобразилъ намъ портреты сколько нибудь порядочныхъ натурщиковъ, подъ

Digitized by Google

именами провозвѣстителей вѣры и ученія Хрістова. Но разъ явилось такое убѣжденіе, онъ измѣнилъ бы и своей совѣсти и искусству, если бы уступилъ требованію общественныхъ криковъ и остановился бы на половинѣ художественной добросовѣстности великаго труда своего.

Искусству не знакомы крики общества, оно не знаетъ времени, не беретъ въ расчетъ усилій, даже не спрашиваетъ о дѣйствительныхъ средствахъ. Искусство право, не правы люди, когда, находя такія достоинства, они смотрятъ на нихъ, какъ на всё, мимоходомъ, и не только не способствуютъ успѣхамъ, но какъ бы нарочно хотятъ вырвать ихъ у избраннаго, стараясь ко всѣмъ препятствіямъ прибавить еще сомнѣніе въ томъ, будетъ-ли картина кончена, и крики на то, что долго идетъ работа. Искусство строго, за то справедливо; оно многаго требуетъ, за то щедро награждаетъ. Кто удовлетворитъ его требованіямъ, тому оно завѣщаетъ безсмертіе. Современники часто не строги въ требованіяхъ, но за то, говоря о большинствѣ, всегда несправедливы въ оцѣнкѣ. Имъ дайте минутную забаву для чувства, еще лучше, если вы его успѣете растревожить чѣмъ бы то нибыло, нѣтъ дѣла, что это завтра же и наскучитъ, послѣ завтра сдѣлается несносно, умретъ далеко прежде смерти художника. Современники просятъ насущной пищи для чувства, особенно въ нашъ ученый вѣкъ, когда, какъ говоритъ одинъ талантливый писатель Французскій: «on traite les artistes comme les accessoires frivoles d'une civilisation raffinée. La raison les a condamnés, et, s'ils ont encore la permission de respirer, c'est parce qu'ils sont nécessaires aux sages pour les

Digitized by Google

aider à supporter l'ennui et la fatigue de leur sagesse ». Можетъ статься было бы нѣсколько позволительно поддаться на такія требованія въ странѣ, гдѣ искусство заняло уже свое мѣсто, гдѣ оно вошло въ непремѣнный составъ народной жизни, гдѣ очертилась народность въ собственныхъ его образахъ, т. е. говоря языкомъ искусства, гдѣ образовалась школа. Но у насъ, особенно въ ту минуту, когда на всѣхъ путяхъ мы почувствовали, что пришла пора полнаго развитія началъ нашей народности, у насъ можетъ поддаться общественнымъ крикамъ чужеземецъ, пришлецъ, ищущій денегъ, пожалуй возвысимъ одною ступенью — ищущій славы и почестей, а не Русскій, живущій для одной Россіи и ею одною поддерживающій свои силы въ постоянной борьбѣ, во вседневной битвѣ съ обстоятельствами.

Недоброжелатели возражаютъ, что вообще Г. Ивановъ медленно работаетъ; но кто же, сколько-нибудь сближенный съ художническою жизнію, не знаетъ, что помочь этой медленности ничего бы не значило. Развѣ нельзя было бы употребить помощниковъ для второстепенныхъ работъ, нисколько не измѣняя самостоятельности труда, если бы основы медленности были въ одномъ личномъ недостаткѣ, а не въ высокомъ уваженіи къ искусству, а не въ благородномъ убѣжденіи, что Русскій художникъ, также какъ и другіе дѣятели, на другихъ поприщахъ дѣятельности, обязанъ пожертвовать всѣмъ для того, чтобъ достигнуть полнаго развитія въ избранной имъ области и чтобъ потомъ трудомъ и дѣломъ показать и своимъ соотечественникамъ и чужеземцамъ, до чего можетъ достигнуть

Digitized by Google

Русскій. Пора намъ увѣриться и убѣдить міръ въ томъ, что наша народность имѣетъ собственное свое содержаніе, что подражаніе было только первымъ шагомъ ея на пути къ развитію.

Если бы картина Г. Иванова не имѣла тѣхъ высокихъ художественныхъ достоинствъ, въ которыхъ не могутъ отказать ей и самые его недоброжелатели, если бы она не обѣщала намъ въ себѣ лучшаго изъ современныхъ произведеній живописи, то и тогда истинно Русскіе не могли бы отказать добросовѣстному, высоко образованному художнику собрату въ глубокомъ уваженіи и въ дѣятельномъ сочувствіи. Живописецъ, котораго первая, написанная имъ въ Римѣ картина удостоилась въ эрмитажѣ одного изъ лучшихъ мѣстъ между произведеніями Русскихъ художниковъ, имѣлъ полную возможность, по примѣру многихъ, собирать съ своихъ соотечественниковъ дань своему таланту, оставивши въ сторонѣ и благоговѣніе предъ искусствомъ и благородную рѣшимость довести себя до того, чтобъ дѣломъ сказать отечеству: ты дало мнѣ жизнь и первое развитіе таланта, — я сдѣлалъ съ нимъ все, что было доступно моимъ силамъ. Г. Ивановъ пожертвовалъ своей картинѣ всѣми выгодами жизни и въ добавокъ къ жертвамъ долженъ былъ, долженъ теперь еще больше, постоянно бороться съ ропотомъ любителей и художниковъ, наконецъ съ тѣмъ, что напоминаетъ о себѣ гораздо громче ропота, съ недостатками средствъ для жизни и для окончанія картины. Коснувшись этого, я долженъ уже ввести васъ въ дальнѣйшія подробности его жизни и бѣдъ ея. Къ борьбѣ съ общественными нападками, съ гнетомъ обстоятельствъ, присоеди-

Digitized by Google

нилась сильная глазная болѣзнь, самая ужасная изъ болѣзней въ быту живописца. Въ теченіи четырехъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ мною за границею, онъ едва ли имѣлъ полные четыре мѣсяца, когда онъ могъ совершенно отдаться работѣ. Вотъ еще одно, что очень сокращаетъ девять лѣтъ работы надъ картиною—общій, доселѣ единственный укоръ его произведенію. Теперь, слава Богу, состояніе глазъ его далеко лучше прежняго, къ тому же и сама картина доведена до той степени, когда уже трудъ сдѣлался опредѣлительнѣе, потому что большая часть рѣшена и подготовлена къ окончательной отдѣлкѣ.

Не вините меня за то, что имя Г. Иванова займетъ едвали не большую часть всего моего описанія, этимъ я только отдаю долгъ справедливости;—это одно. Второе—я давно уже ждалъ случая отвѣтить на тысячи криковъ и нападковъ нетолько за невинную, но во многихъ отношеніяхъ за достойную полнаго уваженія и полной нашей благодарности, медленность нашего художника. Въ послѣднее время упреки эти дошли до того, что многіе не иначе говорятъ объ ней, какъ съ прибавленіемъ: *если картина будетъ кончена*. Будь это частнымъ мнѣніемъ, всякій вправѣ произносить его; но, вводя его во мнѣніе общественное, можно сильно повредить самому труду, особенно тогда, когда художникъ не имѣетъ самъ средствъ для жизни, а долженъ просить ихъ у Правительства, или ждать отъ общества.

Соберите теперь во едино все то, что я разбросалъ въ моемъ описаніи: высокія достоинства картины Г. Иванова, вѣрное до самоотверженія его служеніе искусству, самый живый откликъ на благородный призывъ народности, т. е. самое живое

Digitized by Google

участіе въ современности, постоянную борьбу съ обстоятельствами, постоянное напряженіе силъ отстоять неприкосновенность своего убѣжденія — и вотъ вамъ полная картина той борьбы искусства съ жизнію, въ которой истинный художникъ нашего времени долженъ приносить на жертву всю собственную свою личность.

Но за то тысячами встрѣчаемъ мы такихъ счастливцевъ, которые умѣли примирить въ себѣ жизнь съ искусствомъ и, условіемъ взаимнаго ихъ мира, выговорить для себя блестящее положеніе въ обществѣ, пожалуй, даже легкое уваженіе современниковъ, на которое они, говоря правду, имѣютъ неотъемлемое право, какъ дѣятели и какъ представители современности. Не всѣмъ же быть жертвами! Къ тому же власть искусства до того теперь ослабла, что одно оно не въ состояніи уже принести на жертву художника; — для этого, какъ я и выше развилъ, надобно, чтобъ оно оперлось на другія благородныя стремленія: или на чистоту религіознаго чувства, какъ это мы видимъ въ современномъ направленіи живописи у Германцевъ, или на чистоту и самоотверженіе въ высокомъ чувствѣ любви къ своему отечеству. Чьи произведенія не имѣютъ притязаній служить одному и чье сердце, по обстоятельствамъ, по безродинности, чуждо другаго, тому легко помирить въ себѣ искусство съ жизнію.

Послѣ Г. Иванова я перенесу васъ прямо въ мастерскую Г. *Бруни*, извѣстнаго вамъ своею большею, весьма талантливою картиною: *Воздвиженіе мѣднаго змія въ пустынѣ*. Я былъ у него передъ самымъ отъѣздомъ изъ Рима, когда онъ оканчивалъ предпослѣдніе изъ 24 огромныхъ картоновъ, зака-

Digitized by Google

занныхъ ему для стѣнной живописи (фресокъ) Исакіевскаго собора. Большая часть оконченныхъ картоновъ были уже свернуты, оставались только: *Умовеніе ногъ*, *жертвоприношеніе Ноя*, нѣсколько кусковъ изъ огромнаго его *страшнаго суда* и рисунокъ видѣнія Езекіиля – *долина Іосафатъ*.

Сообразивши такія огромныя работы съ коротким временемъ, въ продолженіи котораго Г. Брюни умѣлъ окончить свои гигантскія картины, нельзя не удивляться быстротѣ и плодовитости его работы.

Почти въ одно и тоже время силою воображенія жить въ древнемъ, цѣломудренномъ мірѣ патріарховъ, раздѣлять чувствомъ плачь, жалобы и стенанія пророковъ, предрекавшихъ паденіе Сіона, понимать ихъ величіе въ предсказаніяхъ о пришествіи Мессіи, и потомъ тутъ же изображать простой, тихій, Евангельскій разсказъ изъ жизни Спасителя, это истинно исполинскіе шаги, которымъ невозможно не удивляться. Но какъ будто непремѣнно надобно душею и сердцемъ входить въ жизнь изображаемаго предмета, всѣмъ существомъ принадлежать тому времени, изъ котораго оно берется? Столько писано картинъ, такъ разработано это поприще, подготовлены выраженія, почти обозначено положеніе и обстановка каждаго: стоитъ только припомнить и половина работы уже кончана. Положимъ и такъ, но все нужна быстрота соображенія и еще болѣе быстрота работы и все нельзя имъ не удивляться. Отдѣльно отъ такого удивленія трудно произносить здѣсь мнѣніе о собственно художническомъ достоинствѣ, потому что, опираясь на свою опытность, Г. Брюни въ тѣхъ картонахъ, что я видѣлъ, подготовилъ только сочиненіе, предоставя полное окончаніе этого предвари-

Digitized by Google

тельнаго труда самому исполненію. Судя потому, что онъ пополняетъ словами, изъ этого могутъ выйти очень хорошія вещи.

Я думаю, что онъ правъ, предоставя большую часть всего исполненію и что расчетъ его совершенно вѣренъ: живопись на потолкѣ входитъ нѣкоторымъ образомъ въ составъ архитектурныхъ украшеній, слѣдовательно тутъ всего важнѣе общее ихъ впечатлѣніе на зрителя, что никакъ не можетъ быть высказано на картонахъ. Судя по небольшому рисунку, изображающему долину Іосафатъ, цѣлость всего должна быть очень хороша и очень мила, пріятны, отдѣльныя части картины. Въ умовеніи ногъ видно, что Г. Бруни нашелъ необходимымъ обратиться къ давно оставленной простотѣ линій древней живописи, потому что она какъ будто ближе роднится съ простотою и тишиною Евангельскаго разсказа, нежели широкіе размахи Болонской школы, какіе особенно часто встрѣчаются въ его патріархахъ и пророкахъ. Если бы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе придерживался первообразовъ (типовъ) Апостольскихъ лицъ и болѣе сохранилъ бы спокойствія въ положеніи Апостоловъ, тогда, мнѣ кажется, внѣшнее стремленіе къ простотѣ болѣе бы согласовалось съ внутреннимъ выраженіемъ картины и болѣе удовлетворяло бы требованіямъ церковной стѣнной живописи, особенно въ нашихъ церквахъ, гдѣ невозмущаемое спокойствіе есть первое условіе иконописи.

Безспорно, что католику очень трудно войти въ смыслъ и внутреннее значеніе требованій нашей Церкви, потому что въ церквахъ Католическихъ, гдѣ всякая картина, взятая изъ Священнаго Писанія

Digitized by Google

и преимущественно изъ Евангелія, можетъ быть иконою, весьма позволительно допустить гораздо большую свободу въ стѣнной живописи. Тамъ очень часто видны явленія изъ обиходной жизни патріарховъ и апостоловъ, изображенныя не только въ религіозныхъ, или по крайней мѣрѣ, историческихъ картинахъ, но даже въ такъ называемыхъ Французскимъ именемъ *tableaux du genre*. Но у насъ это не допускается ни священными преданіями Церкви, ни тѣмъ уваженіемъ, которое мы съ дѣтства пріучаемся питать ко всему, входящему въ составъ храма нашей православной вѣры.

Низверженіе погибшихъ душъ въ послѣднемъ судилищѣ очень хорошо и между тѣми картонами, какіе были при мнѣ открыты, оно кажется лучше всего и по бойкости сочиненія и по самому исполненію; но, взглянувши на него, невольно переносишься въ «Божественную комедію» Данте и слѣд. душею выходишь изъ Церкви.

Впрочемъ примите все это, какъ одно простое извѣстіе о томъ, что есть въ мастерской Г. Бруни. Трудно было бы довольно отчетливо судить, посмотрѣвъ какіе нибудь полчаса на такую огромную работу и къ тому же видѣвъ только небольшую часть всего оконченнаго. Много также мѣшалъ моему сужденію быстрый переходъ отъ маленькихъ рисунковъ къ огромнымъ изображеніямъ на картонахъ. То, что вы обнимаете на листѣ бумаги и что кажется вамъ красиво и игриво въ небольшихъ группахъ, вдругъ является страшилищнымъ, въ размѣрѣ болѣе, нежели двойнаго человѣческаго роста. Тамъ видишь всю общность, здѣсь, напротивъ того, глазу представляются однѣ части и потому онъ

Digitized by Google

строго слѣдитъ за вѣрностію и отчетливостію рисунка, а разумѣется, при такомъ короткомъ времени, и при такой быстротѣ работы, нельзя этого вездѣ требовать; на самой стѣнѣ поправится еще много такого, что на картонахъ вышло не совсѣмъ вѣрно и правильно.

Г. Бруни и Г. Ивановъ принадлежатъ къ прежнему поколѣнію нашихъ художниковъ, хотя послѣдній и моложе перваго нѣсколькими, кажется двумя, академическими выпусками; теперь они одни только и остаются изъ живописцевъ—старожиловъ въ Римской жизни. Къ ихъ же поколѣнію принадлежитъ еще нашъ граверъ Г. *Іорданъ*.

Вотъ другой примѣръ художественнаго самоотверженія, соединеннаго съ высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Г. Іорданъ, избравъ предметомъ своей гравюры произведеніе Рафаэля, самое лучшее, по мнѣнію большей части историковъ искусства, художниковъ и знатаковъ живописи, и безспорно самое труднѣйшее для исполненія въ гравюрѣ, посвятилъ ему нѣсколько лѣтъ работы самой усидчивой, нѣсколько лѣтъ самаго неутомимаго труда. Гравюрная доска не только предметъ его почти непрерывныхъ занятій, но ей же онъ отдаетъ часто и свой отдыхъ; и, при такомъ неутомимомъ, самомъ упорномъ трудѣ, онъ не можетъ пока опредѣлительно сказать себѣ, когда онъ ее кончитъ. Правда, что такіе примѣры не рѣдки въ исторіи самаго неблагодарнаго изъ искусствъ, т. е. въ исторіи гравированія: *Лонги* десятки лѣтъ отдалъ на гравированіе обрученія Дѣвы Маріи; *Миллеръ* всю жизнь посвятилъ на гравированіе Сикстинской Божіей Матери; но

Digitized by Google

между всѣми ими не было еще ни одного примѣра такого труднаго и такаго огромнаго начинанія. Рафаэль Моргенъ, этотъ исполинскій талантъ въ гравированіи, этотъ граверъ по природѣ, далеко не удовлетворителенъ въ своей гравюрѣ съ Преображенія Рафаэля и, говоря объ немъ, не надобно забыть весьма важнаго обстоятельства, что Моргенъ рисовалъ не самъ, а пользовался рисункомъ Тофанелли, между тѣмъ какъ Г. Іорданъ, отъ первыхъ очерковъ до послѣдней отдѣлки превосходнаго своего рисунка, все дѣлалъ собственною своею рукою. Моргенъ имѣлъ множество учениковъ, на которыхъ была возложена вся работа второстепенная, у Г. Іордана все дѣлается имъ самимъ. Еще одно,— гравюра Г. Іордана будетъ первая по величинѣ, между всѣми доселѣ бывшими, т. е. между всѣми рѣзанными на одной доскѣ, потому что составныя Лебрюновскія сраженія не могутъ назваться одною гравюрою. Такая величина доски не безотчетный произволъ художника, но избрана имъ вслѣдствіе здраваго обсуженія предмета. Всякій, кто видалъ Преображеніе Рафаэля, или его копію, можетъ припомнить множество лицъ, наполняющихъ картину, и ея огромность. Будь гравюра менѣе, она не могла бы передать подробностей выраженія каждаго лица, ни отчетливости въ исполненіи, ни едва замѣтныхъ переходовъ, которые въ оконченныхъ произведеніяхъ Рафаэля остались для насъ священными памятниками того благоговѣнія къ искусству, какое питалъ къ нему великій геній живописнаго міра. Для другихъ школъ, нисколько не думая этимъ ихъ унижать, можно часто довольствоваться однимъ указаніемъ, потому что въ нихъ самихъ часто встрѣчает-

Digitized by Google

ся одно указаніе; даже самое высокое произведеніе живописи — Тайная вечеря Леонарда до Винчи, могло бы быть передано относительно въ меньшемъ размѣрѣ; потому что въ немъ всѣ лица болѣе отдѣльны и слѣдовательно по одному уже этому являются яснѣе. Въ Преображеніи все такъ стѣснено и вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ въ немъ такъ отчетливо передана природа, что, для соблюденія той же отчетливости, необходимо нужно было избрать величину доски значительно болѣе той, какую избрали для себя Рафаэль Моргенъ и Игнатій Павоне.

Для насъ, зрителей не граверовъ, гравюра, пока она еще на доскѣ, рѣшительно вещь непонятная, потому я взялъ бы на себя трудъ во все не по силамъ, если бы рѣшился сказать какое либо собственное мнѣніе объ исполненіи, а только выказалъ бы этимъ неуваженіе къ великому труду нашего высокаго художника. Но я вамъ не могу не сказать, что отъ него всѣ рѣшительно ожидаютъ превосходнаго произведенія, и такое общее ожиданіе основано на отзывѣ самихъ граверовъ. Они превозносятъ техническія достоинства работы Г. Іордана и тѣ, съ которыми мнѣ случалось толковать объ ней, говорятъ, что въ линіяхъ его удивительно много вкусу и изящества, что во всемъ вообще видно сильное знаніе дѣла, и ясный взглядъ на картину, которую онъ передаетъ, и, наконецъ, что въ настоящемъ ходѣ работы все заставляетъ думать, что это будетъ одна изъ весьма и весьма не многихъ гравюръ, которымъ удалось приблизиться къ твореніямъ великаго свѣтила живописи.

Вѣроятно, уже Г. Іорданъ имѣетъ много отти-

Digitized by Google

сковъ съ своего произведенія, на разныхъ степеняхъ его хода, но до сихъ поръ онъ еще никому ихъ не показывалъ. Мнѣ кажется, что не въ долгомъ времени отпечатаются пробные оттиски, тогда работа представится на судъ. Очень хорошо было бы, еслибъ большая часть неподписанныхъ (avant la lettre) остались у насъ въ Россіи, потому что съ одной стороны только эти первые дѣвственные указатели достоинствъ гравюры могутъ вполнѣ выказать искусство художника; а съ другой только истинно хорошая гравюра можетъ дать понятіе о высотѣ подлинной картины и слѣдовательно способствовать развитію и распространенію вкуса, прочія часто приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Этими тремя художниками оканчивается прежнее поколѣніе; имена ихъ давно внесены въ нашъ художественный списокъ ихъ трудами; каждый изъ нихъ получилъ уже право на наше уваженіе; по этому я позволилъ себѣ говорить объ нихъ подробнѣе. Перейдемъ теперь къ слѣдующимъ за нимъ по старшинству Римской жизни—живописцу Г. *Серебрякову* и скульптору Г. *Пименову*.

Первый сдѣлался извѣстенъ любителямъ живописи своими тремя очень хорошими копіями, изъ которыхъ одна съ Гверчиновой Петрониллы въ Академіи художествъ, другая съ Альбертинелліевой картины «Елисавета привѣтствуетъ Божію Матерь» у Е. И. В. Государя Наслѣдника, третія съ Тиціановой Венеры, что во Флоренціи, куплена Е. И. В. Герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ третьяго года двѣ собственныя вещи—поясное изображеніе Римлянки въ албанскомъ нарядѣ, куп-

Digitized by Google

ленное у него Е. И. В. Великою Княгинею Маріею Николаевною, и еще портретъ во весь ростъ съ Г. Голагана. Всѣ эти, какъ большія не собственныя, такъ и небольшія собственныя работы Г. Серебрякова, показывали и ему самому и другимъ, что онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ произведеніяхъ, и вотъ онъ началъ весьма значительную картину, давно имъ задуманную, *Вирсавію* въ ту минуту, когда она моется и когда ею плѣняется Царь Давидъ. Я видѣлъ эскизъ; но художникъ, показавъ его мнѣ, сказалъ, что онъ не совсѣмъ еще на немъ остановился, а потому не далъ мнѣ права говорить объ немъ во всеуслышаніе(*).

Г. *Пименовъ* давно составилъ себѣ извѣстность своимъ бабочникомъ, сдѣланнымъ имъ еще прежде сво-

---

(*) При этомъ я считаю долгомъ указать на поступокъ одного любителя искусствъ, но еще болѣе любителя всего, что идетъ на пользу и къ чести Россіи. Бывъ свидѣтелемъ того, какъ хотѣлось бы Г. Серебрякову исполнить задуманную имъ картину въ большомъ видѣ, я сообщилъ это человѣку, котораго привыкъ уважать съ дѣтства и отъ котораго взаимно пользовался всегда довѣріемъ къ моимъ мнѣніямъ — Плат. Вас. Голубкову. Вмѣстѣ съ этимъ извѣщеніемъ, я ему представилъ, какъ трудно подобное начинаніе и что его нельзя иначе предпринять, какъ будучи совершенно обезпеченнымъ и увѣреннымъ въ томъ, что доставитъ средствъ окончить. Плат. Вас. Голубковъ, вмѣсто отвѣта, прислалъ мнѣ двѣ тысячи рублей серебромъ и увѣреніе, что онъ съ охотою заплатитъ ту цѣну, какой будетъ стоить картина, не дѣлая условій, лишь-бы она была исполнена по послѣднему убѣжденію художника. Такіе поступки не часто встрѣчаются и между отъявленными, между громогласно провозглашающими себя любителями и покровителями искусства.

Digitized by Google

его отъѣзда за границу. Послѣ онъ еще болѣе выказалъ свой талантъ въ присланной имъ изъ Рима небольшой статуѣ нищаго мальчика. Она была работана для Е. И. В. Государя Наслѣдника, и подтвердила тѣ надежды, какими любители искусствъ напутствовали художника при отъѣздѣ его изъ Россіи. Послѣ того онъ изваялъ нѣсколько небольшихъ статуй: я видѣлъ мальчика, кормящаго птичку, другаго ловящаго бабочку; а послѣднею его работою былъ надгробный памятникъ, заказанный Г. Нелидовымъ.

Всѣ небольшія статуи Г. Пименова, особенно первыя, выказывали сильный талантъ, но не могли удовлетворить требованій ни его собратій художниковъ, ни любителей, посѣщавшихъ его мастерскую. Тѣмъ болѣе такія требованія были законными, что въ той же мастерской его давно уже видѣли первую мысль большаго произведенія истинно достойнаго трудовъ таланта вполнѣ оконченнаго ваятеля. Это было лѣпное изображеніе одного изъ самыхъ пластическихъ разсказовъ нашего баснословія, именно того, какъ богатырь временъ Владиміра, Иванъ Усьмовичъ, хотѣлъ остановить разъяреннаго быка за шкуру и вырвалъ у него изъ боку цѣлый кусокъ ея. Исполненіе этого предпріятія, какъ разсказывалъ мнѣ самъ Г. Пименовъ, было первою юношескою мечтою его, когда онъ былъ еще въ Академіи Художествъ; въ Римѣ онъ вылѣпилъ его, разумѣется, какъ первую мысль, не обращая вниманія ни на подробности, ни на отчетливость въ передачѣ движенія; ему хотѣлось только посмотрѣть на общій составъ цѣлаго. Но до сихъ поръ, вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, первая мысль все оставалась

Digitized by Google

мыслію безъ движенія, безъ воплощенія ея въ приличный ей образъ. Правда, что самый трудъ надъ нею требовалъ таланта уже укрѣпившагося и свободнаго имъ обладанія; это одно, что можетъ ходатайствовать за то, что до сихъ поръ Г. Пименовъ занимался произведеніями мелкими въ сравненіи съ этою высокоскульпторною работою. Но кромѣ недостатка увѣренности въ собственныхъ силахъ, есть еще одно препятствіе для художника, и препятствіе весьма важное при начинаніи такаго огромнаго труда. Будутъ ли средства его исполнить? А исполненіе должно занять не менѣе трехъ, четырехъ лѣтъ; поэтому нужно быть напередъ увѣрену въ полномъ обезпеченіи на все это время. Когда я увидѣлъ рисунки, когда г. Пименовъ своими разсказами ввелъ меня во всѣ подробности предполагаемаго имъ исполненія и началъ передавать мнѣ, какъ бы можно было, исполнивъ это въ огромномъ видѣ, поставить на одной изъ Московскихъ площадей, соединя фонтанъ съ этою группою, когда наконецъ на маленькомъ слѣпкѣ и на объяснепныхъ имъ самимъ передѣлкахъ его я убѣдился въ томъ, что разсказы и предположенія его основаны на долгомъ обдумываніи предмета, тогда я, не спросивши у самаго себя, буду ли имѣть силы, ссылаясь въ самомъ себѣ на благородный и великодушный поступокъ Г. Голубкова, далъ ему слово, что по пріѣздѣ моемъ въ Москву, я употреблю всѣ исканія, чтобъ у истинныхъ любителей изящнаго и приверженныхъ ко всему Русскому, въ которыхъ никогда не было недостатка въ Московскомъ обществѣ, выпросить средствъ на произведеніе этой работы. Кромѣ много обѣщающаго таланта нашего прямаго русскаго

Digitized by Google

ваятеля, кромѣ подтвержденія обѣщаній пластическими достоинствами, ясно видными въ рисункахъ, (которые онъ сдѣлалъ по моей убѣдительной просьбѣ и которые я привезу съ собою въ Москву), есть еще весьма сильное побужденіе къ тому, чтобы общество истинныхъ Русскихъ приняло въ немъ дѣятельное участіе. Это первое изваяніе изъ нашей баснословной исторіи, самое удачное для скульптуры, потому что тутъ все въ тѣлесной силѣ, въ крѣпости мышцъ и твердости движенія. Давши средства къ его исполненію, общество дѣлаетъ вдругъ два пріобрѣтенія: пріобрѣтаетъ превосходное украшеніе для города, живое напоминовеніе древнихъ нашихъ преданій, и еще даетъ средства вполнѣ развиться таланту — пріобрѣтаетъ скульптора. Я привезу съ собою рисунки и тогда увидимъ, найду-ли я дѣйствительный отголосокъ въ нашемъ обществѣ на народное чувство, сильно одушевляющее нашихъ художниковъ не смотря на то, что они давно разстались съ родиною.

Г. Пименову кончился уже его пансіонерскій срокъ шестилѣтняго пребыванія въ Римѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовательно и казенное содержаніе. Вотъ еще причина, почему для огромнаго предпріятія ему необходима общественная поддержка! —

Работы болѣе молодыхъ художниковъ, разумѣется, не могутъ быть многочисленны, и на большую часть ихъ нельзя смотрѣть съ тою строгостію, съ какою судятъ представительныя произведенія, потому что каждому изъ нихъ остается еще по нѣскольку лѣтъ жить въ Римѣ для полнаго своего усовершенствованія. Здѣсь я позволю себѣ подъ часъ дѣлать замѣчанія; не принимайте ихъ за оцѣнку произведе-

Digitized by Google

ній и еще менѣе за рѣшенные приговоры надъ именемъ художника; и произведенія и производители еще на ходу къ улучшенію. Цѣль моихъ замѣчаній не осужденіе художника, но братскій совѣтъ соотечественнику.

Изъ молодыхъ художниковъ — живописецъ Г. *Воробьевъ* (сынъ извѣстнаго нашего пейзажиста проф. Академіи Г. Воробьева), привезъ въ Римъ видъ Неаполя, писанный съ Позилитскаго подземелья. Картина его произвела толки и сужденія между художниками и любителями художествъ: всѣ мы, бывшіе въ то время въ Римѣ, ходили любоваться ею;—точно она произведеніе, выказывающее талантъ и талантъ значительный. Самый строгій разборъ не могъ бы отказать Г. Воробьеву ни въ силѣ таланта, ни въ тонкости художественнаго чувства, которому доступно величіе и понятны красоты природы, ни наконецъ въ ловкости, мягкости и пріятности кисти. Достоинствъ много; но довольно-ли ихъ истинно высокому ландшафтному живописцу? Разумѣется нѣтъ; ему еще остаются двѣ огромныя ступени: первая—глубокое изученіе природы, до послѣднихъ ея подробностей; вторая — еще высшая—воспитаніе собственнаго художественнаго чувства до того, чтобъ оно было въ состояніи возвести природу до высоты искусства, у нея же самой заимствуя средства для такого ея возвышенія. Но такое *нѣтъ* нисколько не унижаетъ достоинствъ картины Г. Воробьева; онъ на ходу къ тому, чѣмъ онъ будетъ, и его картина достаточно показываетъ, что ему не отказано занять видное мѣсто между пейзажными живописцами. Одно то уже ручается за ея совершенство, что она вызвала

Digitized by Google

строгое сужденіе и огромныя требованія. Надобно еще прибавить и то, что Г. Воробьевъ избралъ едвали не самую трудную работу, какая только существуетъ для ландшафтнаго живописца. Онъ взялъ то мѣсто на землѣ, гдѣ природа, убравшись всѣми сокровищами климата, солнца, надземными силами своей растительности и подземными обитателями, являющимися въ дымномъ дыханіи Везувія, явилась во всемъ своемъ убранствѣ и испытуетъ все могущество своихъ чаръ надъ душею человѣка.

Неаполь — чудное созданіе Божіе; въ немъ ничего кромѣ руки Создателя: городъ и люди, съ ихъ яркою пестрою одеждой, кажутся простымъ украшеніемъ, простою прихотью природы; исторія какъ будто бы не оставила на немъ слѣда, который отпечатался бы явно и первый поразилъ бы собою зрителя, какъ поражаетъ безъ сознанія и безъ вѣдома смотрящаго первый взглядъ на Римъ. Вотъ по мнѣ какое различіе между красотами Неаполя и другими плѣнительными мѣстами Италіи.

Въ Римѣ исторія соединяется и сливается во едино съ однимъ его именемъ. Падшее величіе *вѣчнаго города*, тысячами лѣтъ считаемое его существованіе, блескъ происшествій, сами собою даютъ ему обстановку, разумѣется — въ глазахъ природы условную, потому что природа красуется сама по себѣ, не зная исторіи. Но для насъ она не условна, она не разлучна съ природою, потому что она же сама создала Исторію; Исторія въ свою очередь, давши Риму въ душѣ и воображеніи людей то мѣсто, какое онъ занимаетъ, обстановила его и внѣшнимъ образомъ. Она окружила его пустынными полями, гробницами усѣяла его окрестности, надъ

Digitized by Google

громадными развалинами вознесла кресты и легкіе куполы и протянула пустынную грустную линію разорванныхъ, тянущихся рядами, исполинскихъ обломковъ и остатковъ древнихъ водопроводовъ. Здѣсь художнику главное понять Римъ и почувствовать разсказъ, переданный рукою времени сильно, ясно и выразительнѣе всѣхъ письменныхъ преданій. Безъ него Римская природа, кажется, какъ будто перестаетъ быть Римскою; при немъ тотчасъ же красота природы находитъ подпору и оживленіе, и вмѣстѣ съ нимъ выражаетъ духъ великой исторіи великаго міровластителя.

Римъ есть исполинъ, геркулесъ Италіанской природы. Есть въ Италіи еще другое мѣсто, въ своемъ родѣ незнающее себѣ соперника — красавица Венеція. Произнесите только это имя и видѣли-ли вы ее, или не видали, но ваше воображеніе соединило уже съ нимъ свои требованія роскоши жизни, не богатствъ, не величія, а именно жизни. Явится-ли она при ясномъ блескѣ солнца и обольетъ имъ чудный, причудливый, таинственный дворецъ, почти десятивѣковую обитель Дожей, или отразитъ это сіяніе въ сотняхъ переливовъ на красивыхъ пятнахъ прихотливой ея архитектуры; — поглотитъ-ли весь свѣтъ въ тѣни, между тонкими колонами и красивыми подъоконными прорѣзями дворца Фоскари, или освѣтитъ имъ десятки, если не сотни, другихъ своихъ дворцовъ, выходящихъ изъ глубины зеленыхъ водъ красивыхъ лагунъ ея; — будете-ли вы любоваться ея изображеніемъ при блескѣ полной луны, подъ темносинимъ, прозрачнымъ небеснымъ кровомъ, когда луна сребристыми полосами заиграетъ въ промежуткѣ между острововъ San Giorgio

Digitized by Google

Maggiore и длинною косою Giudecca, когда тонкія легкія красивыя линіи гондолъ тихо, тихо потянутся по стекловидной поверхности, когда темныя пятна дворцовъ, колоколенъ, церквей, и огни въ прихотливо изсѣченныхъ окнахъ, введутъ воображеніе въ сластолюбивый, полный нѣги, окруженный таинственностію, бытъ Венеціанскій; — вездѣ и всегда Венеція прихотливая красавица въ исторіи, обольстительница воображенія. Уловите же въ Венеціанскомъ видѣ эту ея сторону — и главное дѣло окончено.

Неаполь существуетъ тоже десятки вѣковъ, но въ немъ исторія не создала ничего исключительнаго, она осталась на степени преданій и лѣтописей, и какъ будто бы подчинилась природѣ. Здѣсь кажется, будто бы городъ только за тѣмъ и построенъ, чтобъ убрать и прикрасить величавый нарядъ залива, съ одной стороны одѣтаго вѣчно дымящимся Везувіемъ, съ другой прикрытаго гладкою, свѣтлою поверхностію ярко голубаго моря, и подернутаго сверху такими переливами цвѣтовъ неба и воздуха, какимъ не знаю существуетъ-ли гдѣ нибудь что нибудь подобное? Весь Неаполь одинъ перлъ на прекрасной груди волшебной природы; постигнуть вполнѣ плѣнительную красоту его, вотъ высокое дѣло души художника. Эта красота доступна каждому; но, какъ звукъ музыки, не давая опредѣленнаго понятія, ни очертаннаго чувства, въ душѣ человѣка съ истиннымъ талантомъ она найдетъ себѣ собственное свое мѣсто и откроетъ ей тайны своихъ прелестей. Здѣсь вся тайна изображенія Неаполя. Если данъ ему пріютъ въ храминахъ души, первый планъ явится какъ введеніе къ этой поэтической

Digitized by Google

пѣснѣ, торжественному славословію, какимъ здѣсь природа воспѣваетъ величіе Божіе, дѣло рукъ Его возвѣщаетъ о Его здѣ присутствіи. Римъ, Венеція, существа жившія дѣйствительно; изображать ихъ, значитъ разсказывать ихъ исторію;—Неаполь—богиня красоты ландшафтнаго міра: передать ее истинно хорошо,—почти тоже, что создать въ своей душѣ прекрасное внѣшней природы.

Такое мѣсто Неаполя въ живописномъ отношеніи даетъ понятіе о томъ, чего онъ требуетъ отъ живописца при составленіи перваго плана. У Г. Воробьева онъ прекрасенъ самъ по себѣ; Неаполь съ своей стороны удаченъ, какъ портретъ; но первый планъ—картина, Неаполь—другая; обѣ прекрасны и обѣ обѣщаютъ намъ много впереди отъ этого талантливаго художника, а у него самаго именемъ его таланта, именемъ уваженія къ столь доступнымъ ему красотамъ природы, просятъ глубокаго ея изученія. Талантъ не легкая ноша; судьба, вручая его художнику, предоставляетъ ему самому на выборъ или славу, если онъ употребитъ все на его развитіе, или упреки и укоризны, если онъ вздумаетъ почить на лаврахъ первыхъ юношескихъ своихъ успѣховъ.

Г. Фрикъ въ бытность мою въ Римѣ не успѣлъ еще подготовить ничего оконченнаго; но у него много было упражненій (этюдовъ), которыя съ небольшими измѣненіями и съ небольшею работою могли бы сдѣлаться картинами. Большая часть того, что я у него видѣлъ, взята изъ сѣверной, холодной части Италіи; это именно водопадъ Терни и его окрестности. Тутъ очень богатая растительность, разнообразна зелень и хороши деревья, струи водопада придаютъ всему жизнь и движеніе; вообще

Digitized by Google

это превосходный ландшафтъ, хотя онъ и не вноситъ въ природу жаркой Италіи. Есть у него нѣсколько видовъ изъ окрестностей Неаполя; всѣ они пока еще не кончены, а можетъ быть и то, что Г. Фрику доступнѣе выраженіе сѣверныхъ красотъ; въ его видахъ мало видно именно того, что плѣняетъ насъ подъ южнымъ небомъ, въ краю всегда облитомъ самымъ жаркимъ сіяніемъ жгучаго солнца. Деревья и зелень у него вездѣ прекрасны.

Не знаю я, справедливо-ли мое замѣчаніе; но, сколько я до сихъ поръ ни присматривался, мнѣ очень мало удавалось видѣть у ландшафтныхъ живописцевъ Германскаго происхожденія (какому бы ни принадлежали они народу), чтобъ имъ вполнѣ была доступна природа юга. Есть частныя исключенія, но и то не первостепенныя. Это нисколько не отнимаетъ у нихъ высокихъ ихъ достоинствъ: у нихъ бездна ума, множество обдуманности, глубокое знаніе природы; они вполнѣ постигаютъ красоты сѣвера и восхищаютъ насъ въ изображеніи величественныхъ красотъ сѣверной природы. Прекрасное въ растительномъ мірѣ понято и развито ими до высшаго совершенства; часто находимъ у нихъ удивительныя деревья; но у нихъ какъ то душа не откликается на безотчетные призывы пламеннаго юга, и сердце ихъ не увлекаетъ ихъ такъ, чтобъ умъ ему подчинился и на время забылъ бы о собственномъ своемъ существованіи.

Мѣсяца за два до моего отъѣзда пріѣхалъ въ Римъ нашъ пейзажистъ, Г. *Сонцевъ*. Первое время провелъ онъ въ осмотрѣ Рима и его окрестностей; къ тому же Генваръ и Февраль самые неудобные мѣсяцы для работъ на открытомъ воздухѣ. По этому

Digitized by Google

я не видалъ работы Г. Сонцева, и не могу ничего сказать моимъ читателямъ, кромѣ того, что добросовѣстность, съ какою онъ принялся за дѣло, чувство изящнаго, видное при сужденіи о красотахъ природы, и всего болѣе истинно русское сердце — достаточныя опоры и ручательства за успѣхъ, и я, познакомившись съ новопріѣзжимъ и сблизившись съ нимъ, напередъ уже радовался и радуюсь его будущимъ успѣхамъ.

Много есть и художниковъ, и не художниковъ, которые не считаютъ почти ни за что послѣдняго, то есть истинно русскаго сердца: для меня оно въ Русскомъ дѣятелѣ одно изъ главныхъ ручательствъ за благородное движеніе на всякомъ поприщѣ дѣятельности и особенно на художественномъ, болѣе всего подчиняющемся непосредственному сердечному вліянію. Художникъ человѣкъ, душѣ его нужны человѣческіе источники жизни. Если сердце его не горитъ сильнымъ чувствомъ, его таланту нѣтъ направленія: деньги и слава — вотъ вся его пища и все его побужденіе. Послѣдняя ослѣпляетъ глаза легкимъ блестящимъ успѣхомъ; первые въ годъ, въ два, преобразуютъ художника въ торгаша, и торгаша самаго постыднаго, который одинаково готовъ служить тому или другому религіозному вѣрованію, съ равнымъ участіемъ настроивать душу на всякое продажное восхищеніе.

На Сентябрской выставкѣ будетъ, я думаю, нѣсколько изъ картинъ Г. *Мокрицкаго*, работающаго съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Мастерская его наполнена этюдами, полуоконченными и оконченными картинами; одна довольно большая — Римскій карнавалъ — была выставлена на Римской выставкѣ, и

Digitized by Google

была тамъ принята хорошо. На ней дѣвушка, въ одеждѣ однаго изъ селеній Римскихъ окрестностей, бросаетъ съ балкона цвѣты, въ глубинѣ картины тянется длинная улица—Корсо, на ней видно сильное движеніе народа во всевозможныхъ нарядахъ.

Тѣ, которые помнятъ картину Г. Мокрицкаго, выставленную тогда, когда онъ только что вышелъ изъ мастерской своего знаменитаго учителя, Г. Брюлова, найдутъ, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи во время своего пребыванія въ Римѣ. Жаль, если онъ не пошлетъ ничего изъ своихъ ландшафтныхъ работъ; въ нихъ едва ли даже не больше достоинства, чѣмъ въ его фигурахъ, хотя въ этѣхъ послѣднихъ, особенно въ изображеніи Римскаго карнавала, любители искусствъ увидятъ очень много хорошаго. Кромѣ картинъ Г. Мокрицкаго, видѣнныхъ мною въ мастерской его, у многихъ изъ его товарищей мнѣ случалось видѣть нѣсколько портретовъ его кисти. Иные изъ нихъ очень удачны, и всѣ вообще имѣютъ достоинство важное въ портретѣ - сходство.

Г. Мокрицкій такъ давно уже занимается живописью, что, разумѣется, ему больше, нежели кому нибудь другому, должны быть знакомы объемъ и предѣлы его таланта; но не часто ли случается, что мы послѣдніе рѣшаемъ истинное наше назначеніе? Врядъ не лучше-ли было бы ему заняться исключительно однимъ родомъ живописи; тогда его неусыпное трудолюбіе вѣроятно достигло бы скорѣе до успѣха.

Вообще трудолюбіе одно изъ самыхъ важныхъ данныхъ въ каждомъ трудѣ производительномъ, и въ исторіи живописи мы знаемъ одно весьма извѣстное имя, которое внесено въ число дѣятелей на

Digitized by Google

художественномъ поприщѣ единственно своею неимовѣрною, больше чѣмъ нѣмецкою, усидчивостію, терпѣніемъ и трудолюбіемъ — Рафаэля Менгса. Съ рожденія назначенный быть живописцемъ, только назначенный не волею судьбы, а произволомъ своего отца, онъ упорно добивался славы на пути художника, и добился. Шестнадцати лѣтъ онъ уже писалъ копію съ Аѳинской школы Рафаэля Урбинскаго; эта копія и совѣты отца навели его на вѣрный путь въ живописи, и такимъ образомъ хорошая школа спасла его имя отъ забвенія, неизбѣжнаго удѣла того, кто, не показывая яснаго таланта, пойдетъ по невѣрной дорогѣ.

Г. *Орловъ*, исключительно занимается портретами и дѣлаетъ большіе успѣхи. Сходство и часто сходство разительное, главное ихъ достоинство; но оно не мѣшаетъ ему заботиться и о самой отдѣлкѣ. Прошедшаго и нынѣшняго года я видѣлъ у него портреты многихъ нашихъ пріѣзжихъ: въ нихъ я особенно любовался удачною передачею лицъ, со всѣми отличительными чертами ихъ выраженія. Г. Орловъ готовитъ теперь еще небольшую картину — Римское утро, гдѣ Римлянка въ ночномъ нарядѣ, то есть въ природной красотѣ своей, встаетъ съ постели и открываетъ рѣшетчатый ставень (persiana, jalousie). Эта небольшая вещица его не безъ достоинствъ; но, такъ какъ онъ принужденъ обстоятельствами исключительно заниматься писаніемъ портретовъ, я думаю, что онъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы совершенно посвятилъ себя этому роду живописи. Въ портретѣ, особенно небольшомъ, всего важнѣе отдѣлка головы и всѣхъ частей ея, чѣмъ очень хорошо владѣетъ Г. Орловъ; прочія же части

Digitized by Google

тѣла или скрыты подъ одеждою, или ею украшены, да и въ нихъ колоритъ занимаетъ самое важное мѣсто. Картина, какъ бы она ни была проста по своему составу, требуетъ глубокаго знанія рисунка, для котораго знаніе анатоміи необходимое условіе; потомъ полнаго понятія о художественномъ сочиненіи, а оно тоже достается не иначе, какъ цѣною долгаго, правильнаго и свободнаго изученія. Не наша вина, если обстоятельства не дали намъ возможности посвятить ему нѣсколько лѣтъ нашей молодости; но безъ него, какъ безъ прочной основы, трудно идти далѣе. Наконецъ надобно сказать и то, что у насъ, пока еще вкусъ къ искусствамъ не развитъ въ такой степени, чтобы они вошли въ составъ жизни большей части сословій, портретная живопись составляетъ одно изъ главныхъ требованій и представляетъ художнику огромное поприще дѣятельности.

Нынѣшняго года въ первый разъ внесъ свое имя въ число дѣятельныхъ художниковъ молодой живописецъ, Г. *Шаповаленко:* онъ выставилъ на Римской выставкѣ двѣ свои небольшія вещицы. Я его зналъ еще прежде по его копіи съ лучшаго произведенія Петра Перуджино «Богородицы съ младенцомъ Іисусомъ, окруженной Святыми». Выборъ предмета для копіи и близкое сходство ея съ подлинникомъ, были для меня первыми побудительными причинами познакомиться съ Г. Шаповаленко. До сихъ поръ мы еще очень мало знакомы съ до-Рафаэлевскою живописью и не имѣемъ у себя рѣшительно ни одного ея представителя, по этому такая новость была для меня пріятною неожиданностію, и сама собою расположила уже сильно въ пользу

Digitized by Google

молодаго художника, избравшаго своимъ руководителемъ лучшее произведеніе Рафаэлева учителя. Что касается до самой копіи, она передаетъ удивительно хорошо общее впечатлѣніе подлинника, очень вѣрна въ главныхъ частяхъ и въ подробностяхъ, и совершенно подходитъ подъ его колоритъ. Разумѣется въ ней проглядываетъ иногда нетвердость руки и неопытность — недостатки не художника, а молодости его на художественномъ поприщѣ.

Многіе нападали на Г. Шаповаленко и особенно на нашего почтеннаго художника, Александра Андреевича Иванова, посовѣтовавшаго ему дѣлать эту копію, за то, что онъ выбралъ Перуджино, а не живописцевъ позднѣйшаго времени, развившихъ искусство во всемъ его блескѣ. Такія нападки тѣмъ значительнѣе, что онѣ совершенно могутъ сойтись съ большинствомъ общественнаго мнѣнія, особенно тамъ, гдѣ сужденія объ искусствѣ не входятъ въ разрядъ дѣльныхъ занятій ума, и не основываются ни на изученіи, ни на стараніи доискаться истины, а произносятся мимоходомъ и то раза три въ годъ по случаю художественной выставки. Всего хуже то, что, сойдясь такимъ образомъ съ понятіями общества, они могутъ повредить молодому художнику. По этому я считаю обязанностію высказать здѣсь вполнѣ мое мнѣніе и представить дѣло въ настоящемъ видѣ.

Здѣсь было бы не у мѣста ни распространяться о внѣшнихъ достоинствахъ и высотѣ произведеній Перуджино, ни указывать на то, что онъ не подъискивалъ натурщиковъ для изображенія Богородицы и Святыхъ, но что чистота, святость и тишина

Digitized by Google

религіознаго чувства, какъ бы сами собою облекались въ человѣческій образъ, отпечатывались въ лицахъ его картины и во всемъ рѣшительно, что только входило въ составъ ея. Это не прямо относится къ разсматриваемому мною предмету: мнѣ собственно нужно доказать моимъ читателямъ, что при образованіи молодаго художника Перуджино одинъ изъ самыхъ лучшихъ и, безъ сомнѣнія, самый полнѣйшій руководитель къ достиженію чистоты школы и къ спасенію отъ тысячи тѣхъ ошибокъ, жертвою которыхъ дѣлались и дѣлаются множество живописцевъ съ большими талантами.

Нѣсколько словъ о самомъ художественномъ воспитаніи. Въ живописи и вообще во всякомъ искусствѣ есть двѣ стороны: самое искусство (l'art) и мастерство (le métier). Второе, — рѣшительно дѣло труда и навыка; перваго невозможно пріобрѣсти человѣку, не рожденному художникомъ; оно дается природою. Дѣло только въ томъ, что природа не творитъ ни зодчихъ, ни живописцевъ, ни ваятелей; она даетъ способности и представляетъ уже самому человѣку развить ихъ и довести до возможно-достигаемаго совершенства. Разумѣется, — чья голова не способна къ сочиненію, того не научишь сочинить картину; кто лишенъ способности чувствовать красоту согласія цвѣтовъ (колоритъ), тому наука не передастъ этого чувства; наконецъ у кого нѣтъ вовсе чувства изящнаго, того никогда и ничѣмъ не заставишь понимать красоту линій. Но можно имѣть добрую голову, чувствовать цвѣта и изящество линій и со всѣми такими природными богатствами не достичь даже степени умнаго, отчетливаго судьи любителя; для этого нужно еще художествен-

Digitized by Google

ное развитіе. Въ этомъ-то развитіи и состоитъ художественное воспитаніе. Одна степень его для любителя; другая—высшая—для производителя-художника.

Для любителя, который ограничивается однимъ наглядным понятіемъ объ изящности художественныхъ произведеній, нѣтъ ничего лучшаго, какъ воспитывать глазъ на высшихъ твореніяхъ искусства, соединяющихъ въ себѣ всѣ возможныя его условія. Для него въ живописи Рафаэля, Леонардо да Винчи,--высочайшая школа. Правда, что и онъ будетъ весьма одностороненъ, непремѣнно будетъ оказывать сильныя требованія и уже никакъ не пойметъ красоты тѣхъ произведеній, гдѣ чувство господствовало надъ исполненіемъ, если ничего не будетъ видѣть, кромѣ Рафаэля и Леонардо да Винчи; но это исправится временемъ и опытностію.

Совершенно иное для художника-производителя. Высокія произведенія живописи, тѣ, которыя, такъ сказать, окончили и довершили собою ходъ искусства, образуютъ его вкусъ и дадутъ ему понятіе о красотѣ цѣлаго, о полномъ совершенствѣ созданій искусства; но такая цѣлость и совершенство составляютъ вѣнецъ вѣковыхъ трудовъ и послѣдній шагъ личныхъ усилій великихъ геніевъ. Для молодаго художника они не могутъ быть вполнѣ доступны, если же и будутъ казаться доступными, то только развѣ въ самомъ рабскомъ подражаніи; между тѣмъ какъ въ собственномъ трудѣ онъ долженъ явить ту же цѣлость не подражательно, а облечь свои понятія и чувства въ видимые образы, по общимъ законамъ созданія.

Чтобъ быть яснѣе, я войду подробнѣе въ жизнен-

Digitized by Google

ную цѣлость самаго художественнаго созданія и разложу его на составныя его части.

Каждое истинно художественное произведеніе есть полное жизненное (органическое) цѣлое и все таки при непремѣнномъ условіи: *если оно истинно художественное произведеніе.* Въ немъ нѣтъ ни въ чемъ ни произвола, ни прихоти, все подчиняется непремѣннымъ законамъ жизненной цѣлости. Въ чемъ же такая органическая цѣлость? Возьмемъ въ примѣръ вѣнецъ жизненныхъ (органическихъ) твореній—человѣка. Три существенныя части составляютъ его видимую тѣлесную природу. Остовъ (скелетъ) образуетъ основу всего и опредѣляетъ общія очертанія. Плоть даетъ ему полноту наружности, скрашиваетъ то, что опредѣляется остовомъ и довершаетъ всѣ подробности. Наконецъ кровь скрашиваетъ, оживляетъ все составленное изъ остова и плоти и придаетъ всему жизнь и движеніе. Въ такой жизненной цѣлости все размѣрено, все въ непремѣнной и неизмѣнной взаимной зависимости. По одному остову опытный глазъ изучателя природы опредѣлитъ очертанія плоти и ходъ кровообращенія. По одному внѣшнему очертанію укажетъ на всѣ части остова, опредѣлитъ средоточіе движеній крови. Наконецъ по одному развѣтвленію кроворазносителей — жилъ и венъ—скажетъ о составѣ всего прочаго.

Совершенно такова цѣлость въ истинно художественномъ произведеніи; совершенно также нераздѣлимо скованы всѣ его части.

Сочиненіе картины—вотъ ея остовъ.

Рисунокъ—ея плоть.

Цвѣта красокъ—ея кровообращеніе.

Digitized by Google

Все это я говорилъ только, смотря съ внѣшней стороны; но посмотрите еще далѣе. Взгляните на остовъ, какъ на хранилище мозга, средоточіе нервной системы, и прослѣдите за нею, вы не найдете ни малѣйшаго уголка въ тѣлѣ, гдѣ бы три части—первы, плоть и кровь не соединялись между собою для произведенія того, что мы зовемъ жизнію. Такъ и въ картинѣ: отъ общаго состава до мельчайшихъ подробностей,—все заключаетъ въ себѣ неразложимую тройственность сочиненія, очертаній и цвѣтовъ.

Любителю нѣтъ надобности до этихъ составныхъ частей, онъ любуется ея цѣлостію и достигаетъ полнаго образованія, когда изощритъ глазъ до того, что онъ отчетливо будетъ постигать изящество всего произведенія. Художникъ долженъ овладѣть каждою частію, иначе при исполненіи рука его не будетъ повиноваться требованію понятій и краски не подчинятся рукѣ, а тѣмъ менѣе условіямъ, предписываемымъ составомъ картины.

Въ произведеніяхъ самаго высокаго времени живописи, какъ въ высшей степени женской красоты, или статности мущины, соединены всѣ совершенства частей, и соединены въ полномъ ихъ согласіи. Такое удивительное согласіе скрываетъ ихъ отъ глаза зрителя и, не смотря на все вниманіе изучающихъ его, оно отводитъ безпрестанно къ преобладающему, то есть къ самому себѣ, именно къ красотѣ и совершенству цѣлаго. Чтобъ видѣть ихъ отдѣльно, есть два пути. Одинъ—изучать тѣ произведенія, въ которыхъ преобладаетъ та, или другая часть исключительно, такъ на пр. для силы цвѣтовъ и ихъ согласія — Венеціянскую школу, для сочине-

Digitized by Google

нія—Флорентинскую, для силы и правильности очертаній—Микель-Анджело и его предшественника на этомъ поприщѣ Лука Синьорелли. Путь прекрасный для образованнаго вполнѣ живописца, между тѣмъ какъ молодому художнику непремѣнно надобно слѣдить за частями въ ихъ слитіи, чтобъ не увлечься исключительностью тою, или другой, и не впасть въ односторонность. Ему другой путь—изучать ихъ въ совокупности, но соединенными на такой степени, на которой можно было бы слѣдить за совершенствомъ каждой, не теряясь безотчетно въ непостижимой стройности цѣлаго. Въ этомъ отношеніи Перуджино не замѣнимъ никѣмъ другимъ. Составныя части его картины превосходны: онѣ соединены по строгимъ законамъ изящнаго; но время его еще не было временемъ совершенства твореній живописнаго міра.

Это первое,—пойдемъ далѣе. Молодому художнику всего важнѣе еще то, чтобъ всѣ части были въ естественной простотѣ своей, были бы болѣе достояніемъ самаго искусства, нежели принадлежностію личнаго генія художника. Разумѣется, въ рисункѣ Лука Синьорелли и Микель-Анджело далеко и далеко превосходятъ Перуджино; но подвиги ихъ—геркулесовскія битвы. Ими можно восхищаться, подражать же имъ и даже взять ихъ за образецъ, значило бы надорвать свои силы, и въ подражаніи они сдѣлались бы уродливыми. Точно также колоритъ Тиціана убьетъ самое лучшее изъ произведеній Перуджино. Но еслибъ кто вздумалъ спросить Тиціана, какъ осмѣлился онъ такъ беззаботно играть самыми сильными цвѣтами красокъ, какъ онъ играетъ ими въ своей знаменитой картинѣ «убіеніе

Digitized by Google

Св. Петра Веронскаго», находящейся въ церкви San Jiovanni e Paolo въ Венеціи? Еслибъ кто сталъ выпытывать отъ него, какимъ образомъ сила и причудливость ихъ, кажется, только удвоютъ взаимное ихъ согласіе? Онъ не далъ бы отчета: отвѣтъ его былъ бы тотъ же, какой и Викторъ Гюго вложилъ въ уста Атласа:

Отвѣтствуетъ Атласъ имъ въ этихъ словахъ:
«За тѣмъ, что я землю ношу на плечахъ».

Вотъ двѣ важныя причины, почему непремѣнно образующемуся живописцу нужно выбрать себѣ въ руководство произведенія временъ предъ-Рафаэлевыхъ. Кого же другаго можетъ онъ взять, кромѣ Перуджино? Святаго въ искусствѣ также, какъ былъ святъ въ жизни Фра-Беато Анджелико да Фіезоле? Если онъ пойметъ всю прелесть его, въ которой вся внѣшняя красота проистекала изъ одного источника—его ангельской жизни, его глубокаго вѣрованія, тогда Фра-Анджелико можетъ быть ему истинно высокимъ наставникомъ со стороны внутреннихъ совершенствъ картины, но не можетъ отвѣтить на теперешніе его вопросы о подробностяхъ исполненія. По этому Фра-Анджелико скорѣе можетъ вести къ совершенству полнаго художника, нежели образовать вступающаго на художественное поприще.

Франческо Франчіа болѣе зависитъ отъ личнаго таланта: силою выраженія, большимъ его разнообразіемъ и свободою, онъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ иногда и превосходитъ Перуджино; за то нигдѣ нѣтъ у него такого согласія частей, такого ихъ отдѣльнаго совершенства и такого глу-

Digitized by Google

бокаго уваженія къ искусству, какіе находимъ мы у великаго Рафаэлева учителя.

У Беллини хотя и сохранилась вся чистота цѣломудреннаго времени живописи, но, какъ Венеціянецъ, и Венеціянецъ, образовавшій школу, онъ исключительно отдается силѣ и согласію цвѣтовъ, на нихъ преимущественно основываетъ сочиненіе картины, ими доканчиваетъ ея выраженіе.

Флорентинцы,—ихъ цѣлый рядъ, болѣе всѣхъ разовьютъ мысль молодаго художника и укажутъ ему пути, какими она должна облекаться въ изящные и величественные образы; но при этомъ развитіи можетъ недоставать развитіе чувства цвѣтовъ и сѣрые фрески Флоренціи могутъ отпечататься въ его собственныхъ произведеніяхъ такою же сѣроватостію.

Я не обращаюсь къ временамъ болѣе отдаленнымъ, то есть къ живописцамъ того періода, когда еще искусство было на первыхъ ступеняхъ своего хода. Они высоки для художника и нѣмы для юноши.

Наконецъ есть еще причина, по которой лучшія произведенія Перуджино должно предпочесть всѣмъ другимъ, *избирая себѣ руководителя.* Исполнительная часть въ нихъ такова, что врядъ-ли есть другое, что могло бы пріучить неопытную руку къ такой тонкости, отчетливости и изяществу работы. Свободные размахи кисти пріобрѣтутся со временемъ и тогда они будутъ хороши, когда выйдутъ изъ самостоятельнаго убѣжденія художника. Самые великіе геніи живописнаго міра, каковы: Рафаэль, Леонардо да Винчи, за ними Тиціанъ, Корреджіо, Микель-Анджело Буонаротти, потомъ Андреа дель

Digitized by Google

Сарто и др., начинали не съ размаховъ, а съ смиреннаго подчиненія себя требованіямъ искусства. Даже огненный талантъ Рубенса, живописца весьма и весьма не скромнаго времени, и тотъ въ началѣ былъ смиренъ и кротокъ.

Все это длинное разсужденіе имѣло цѣлію доказать преимущество Перуджино, *какъ учителя*, предъ всѣми прочими великими художниками лучшаго времени живописи. Что же отвѣтить тѣмъ, которые упорно стоятъ за послѣдованіе живописцамъ академическаго, болѣзненнаго времени искусства, то есть самаго громкаго времени Болонской школы? Вся основа такого упорства заключается въ высотѣ произведеній великихъ талантовъ этого періода, каковы Гвидо-Рени, цѣлая семья Караччи, Доминикино, Гверчино... чтобъ не отвлекаться отъ моего вопроса, я не войду въ разборъ этой высоты ихъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ съ исполинскими силами остается силенъ даже и въ болѣзни; необыкновенная красота видна и въ предсмертномъ страданіи; статность тѣла сохраняется и въ старости. Но зачѣмъ же для изученія силы брать больнаго силача вмѣсто здороваго? для чего первообразъ красоты искать въ женской больницѣ и для примѣра статности избирать старца? Гвидо-Рени, Доминикино, Караччи и даже Гверчино, были звѣздами первой величины, великими свѣтилами на сѣромъ безсолнечномъ горизонтѣ живописи; исполинскія силы ихъ талантовъ спасли ихъ отъ смерти во время всеобщей моровой язвы въ искусствѣ, и все таки на нихъ остались явные слѣды его упадка. За чѣмъ же намъ въ нихъ искать учителей, когда предъ нами тѣ, которыхъ они сами

Digitized by Google

избирали за образцы и брали себѣ руководителями въ искусствѣ? Намъ скажутъ, что они внесли въ міръ живописи тѣ стороны жизни, которыя не были развиты въ древнее ея время, которыя хотя и не возвысили искусства, но сближаютъ его съ настоящими нашими требованіями. Все это пріобрѣтется, если будетъ надобно, тѣмъ болѣе, что все это такъ мелко со стороны искусства, что пріобрѣсти это не будетъ даже стоить художнику ни малѣйшаго усилія. Главное образовать изъ себя художника въ той мѣрѣ, до какой допускаетъ талантъ, дать ему полное и правильное развитіе, — угодить же свѣту всегда будетъ время, только дай Богъ, чтобъ не приходила охота къ такому угожденію и не жертвовали бы ему искусствомъ.

Не знаю, убѣдитъ-ли васъ мое разсужденіе и согласитесь ли вы теперь со мною, что тотъ совершенно правъ, кто на пути образованія въ живописи беретъ лучшее произведеніе Перуджино своимъ учителемъ; — но мнѣ пора уже обратиться къ самимъ трудамъ Г. Шаповаленко.

Снова повторю, что копія его будетъ у насъ пріятнымъ и поучительнымъ явленіемъ. Жаль, если духъ художественныхъ раздоровъ сдѣлаетъ то, что она останется безъ одобренія, тѣмъ болѣе, что удивительная отчетливость работы подлинника и молодость на художественномъ поприщѣ, копировавшаго ее живописца, требовали почти двухлѣтняго труда; а это при неимѣніи никакихъ средствъ подвигъ и подвигъ замѣчательный.

Есть у него еще двѣ копіи съ Рафаэлевыхъ головокъ, но онѣ при мнѣ еще не были окончены.

Изъ его собственныхъ работъ у него очень замѣча-

Digitized by Google

тельная вещица—Римская зима. Онъ представилъ ее въ видѣ молодой Римлянки, грѣющейся надъ *скальдиною*, (такъ называется горшечикъ, наполняемый горящими угольями и служащій въ Римѣ ручною печкою). Въ этой картинѣ всего болѣе видна чистота школы, чего уже очень довольно для перваго произведенія молодаго художника. Разумѣется, на нее надобно смотрѣть, какъ на отчетъ за ученіе; нельзя же отъ первой работы требовать самостоятельныхъ художественныхъ достоинствъ. Картина эта будетъ на Сентябрской Петербугской выставкѣ и если случится кому нибудь изъ моихъ читателей ее видѣть, пусть они всмотрятся въ рисунокъ, въ красивость и изящество складокъ, въ умѣнье сообразно ихъ требованію подобрать узоръ платья, потомъ въ отдѣлку костюма, и я увѣренъ, что они согласятся со мною и скажутъ очень много въ пользу Г. Шаповаленки.

Я распространяюсь объ немъ болѣе, нежели о другихъ, потому что это молодой художникъ, первый разъ отдавшій себя на судъ общественный. Ободреніе можетъ рѣшить всю его будущность. Потомъ это первое его собственное произведеніе. Наконецъ оно производилось подъ самыми неблагопріятными внѣшними обстоятельствами, подъ самымъ сильнымъ гнетомъ судьбы, съ которою надобно было биться не временемъ, а постоянно, ежеминутно, и не на блестящемъ полѣ битвы, а во всѣхъ самыхъ темныхъ уголкахъ жизни, въ самыхъ мелкихъ сшибкахъ.

Есть еще въ Римѣ молодой художникъ живописецъ, тоже незнакомый моимъ читателямъ, Г. *Ломтевъ*. Онъ однажды, въ бытность въ Римѣ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны, вы-

Digitized by Google

ставилъ первый набросокъ задуманной имъ большой картины: ангелы въ дому Лота, именно въ ту минуту, когда свѣтъ отъ нихъ ослѣплялъ развратный народъ Содомскій. Давно сдѣланъ и картонъ для картины, но на немъ дѣло и остановилось. Эскизъ, особенно картонъ, показываетъ множество таланта и таланта довольно сильнаго, самостоятельнаго. Видно, что художникъ вошелъ въ предметъ; видно, что онъ обдумалъ картину, потому что все ясно, все составлено весьма цѣльно и отчетливо. Потомъ въ картонѣ видны также понятія объ изяществѣ линій и о собственно-художественномъ сочиненіи. Картонъ еще не рѣшаетъ дѣла, въ послѣдствіи могутъ быть и поправки: что поставлено на ходули, то снимется съ нихъ,—это маленькій остатокъ той школы, въ которой былъ Г. Ломтевъ. Впрочемъ кто-же начинаетъ безъ поправокъ! Однимъ словомъ: что есть, то обѣщаетъ много хорошаго. Но вотъ другой вопросъ—будетъ-ли сдержано обѣщаніе? будемъ-ли мы имѣть картину и вообще даетъ ли намъ что нибудь талантъ Г. Ломтева? Я не могу на это отвѣчать утвердительно, потому что положеніе его и многія обстоятельства, вовсе не входящія въ сужденія о художникѣ, могли быть оправданіемъ того, что мы болѣе двухъ лѣтъ видимъ все эскизъ, картонъ, нѣкоторыя упражненія и только. Чрезвычайно жалко, что у Г. Ломтева нѣтъ ничего оконченнаго изъ малыхъ вещицъ, по крайней мѣрѣ, при мнѣ ничего не было. Начата была небольшая картинка, изображающая Богородицу и двухъ Апостоловъ, набросаны были двѣ три вещицы изъ разгульнаго художественнаго праздника, что бываетъ 1 Маія въ Черваро. Все это начато

Digitized by Google

и ничего нѣтъ конченнаго. Будь что нибудь, и тогда, быть можетъ, и нашелся бы какой нибудь любитель, изъ Русскихъ, который, судя по небольшому произведенію о томъ, чего можно ждать отъ исполненія, попросилъ бы его окончить задуманную имъ картину. Конечно и теперь хорошо, если бы сдѣлали такую пробу; кто знаетъ, получивши средства, не принялся-ли бы Г. Ломтевъ со всею дѣятельностію. Важна помощь на первомъ шагѣ, а тамъ уже все пойдетъ легче.

Талантъ—великое дѣло; но въ немъ не нуждаются дѣти нашего юнаго, еще не истощеннаго долгою жизнію племени. У насъ, по свидѣтельству самыхъ нашихъ недоброжелателей, множество людей съ талантами. Для работы же нужно многое, кромѣ даровъ природы: терпѣніе, усидчивость, правильность и порядокъ въ трудѣ. Пора намъ разстаться съ мыслію, что художникъ и писатель, особенно поэтъ,—люди не подчиненные общимъ законамъ общественности, что ихъ трудъ подчиняется одному вдохновенію. Питая самое глубое уваженіе ко всѣмъ родамъ искусства, я никакъ и никогда не сказалъ бы, чтобъ дѣло художника, чтобъ возвышенныя пѣсни поэта, отмѣривались часами и днями, были срочною работою; но тоже—если мы все упованіе возложимъ на вдохновеніе, и будемъ искать его въ разгулѣ жизни, или накликивать восточнымъ *кейфомъ*, пріятнымъ Италіанскимъ dolce far niente, а всего чаще Русскою, можетъ быть, общею Славянскою лѣнью; если мы не призовемъ на помощь воли, чтобъ удержать вдохновеніе и расположеніе духа на ходѣ нашего труда,—они и явятся, да исчезнутъ въ надеждахъ, истощатся на замыслы. А собратія

Digitized by Google

лишаются дѣятеля, а враги ликуютъ; обираютъ насъ, пользуясь нашею беззаботною юностію и послѣ объ насъ же говорятъ съ презрѣніемъ и надменностію: « Отъ Славянской крови не ждите ничего ни доблестнаго, ни прекраснаго. »

Москва! Москва! при имени братій ты невольно приходишь на сердце и на мысль. Сколько погибло у насъ прекрасныхъ надеждъ! Сколько блестящихъ умовъ сдѣлались добычею праздныхъ бесѣдъ! Сколько доблестнаго отнято у твоей матери Россіи! Пора намъ одуматься; пора показать нашимъ врагамъ и завистникамъ, что имѣя силы противустать непріятелю, мощно владѣя полміромъ, Русскіе имѣютъ силу овладѣть и сами собою.

Но къ дѣлу: кажется, я перечелъ всѣхъ нашихъ живописцевъ; надобно было бы прибавить еще двухъ: извѣстнаго вамъ своими двумя картинами,— поцѣлуемъ и Русалкою, Г. *Моллера*, и недавно пріѣхавшаго въ Римъ молодаго человѣка, также какъ и Г. Моллеръ, получившаго воспитаніе не въ Академіи художествъ, Г. *Сверчкова*. Но Г. Моллеръ все время, почти до самаго моего отъѣзда изъ Рима, жилъ во Флоренціи, изучая тамъ Фра-Анджелико да Фіезоле и готовя эскизъ для своей большой картины: проповѣдь Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ, когда онъ останавливаетъ народъ посреди бакханаліи и обращаетъ къ Христіянству. Я слышалъ, что эскизъ готовъ, но не видалъ его. Г. Сверчковъ при мнѣ занимался перспективною живописью болѣе пріуготовительно къ будущимъ своимъ трудамъ и еще, кажется, не остановился на опредѣленной работѣ. По отъѣздѣ изъ Рима я слышалъ, что еще пріѣхалъ туда Г. *Михайловъ*, историческій жи-

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

вописецъ. Давай Богъ больше, а то у насъ теперь изъ молодаго поколѣнія, кромѣ Г. Михайлова, котораго я вовсе не знаю, нѣтъ никого на этомъ поприщѣ. Да и также изъ прежнихъ въ Римѣ всего двое, Г. Ивановъ и Г. Серебряковъ, между тѣмъ какъ въ нихъ мы имѣемъ болѣе всего надобности. Только подай имъ Богъ терпѣнія, глубокаго изученія искусства, и чистаго, безъ подмѣси, цѣломудренно-чистаго Русскаго сердца. Только съ такими данными можно приняться за то, о чемъ у насъ доселѣ не было и помину, за нашу *образну́ю живопись*. Творенія Италіянской, а тѣмъ уже болѣе Фламандской и Французской школы, никогда не могутъ быть нашими образами, какою бы искусною кистію ни были они написаны.

Намъ нужно съ благоговѣніемъ принять то, что освящено нашею Православною Церковію и болѣе нежели пятнадцати вѣковою древностію. Это первое. Второе: наша иконопись—одна изъ существенныхъ частей внѣшняго богослуженія нашей Церкви; съ нею съ дѣтства привыкаемъ мы соединять понятія о Церкви; она искони была спутникомъ нашихъ праотцевъ въ битвахъ, хранителемъ нашего отечества въ бѣдахъ и напастяхъ. Одно уже это не позволяетъ намъ отъ нее отказаться и промѣнять ее на тѣ картины Западныхъ школъ, гдѣ каждый по своему понятію изображаетъ божество Св. Троицы, по своему чувству передаетъ нетлѣнную чистоту Дѣвы Маріи. Но, если бы мы даже вздумали отбросить нашу народность, если бы даже нашлись изъ насъ такіе, которые могли бы забыть тѣ изображенія, съ коими въ понятіяхъ народа и въ лѣтописяхъ нашей исторіи соединены неразрывно имена *заступ-*

Digitized by Google

ницъ городовъ и селеній нашей отчизны, и тогда простое, неиспорченное религіозное чувство привело бы насъ къ *необходимости принимать въ наши Церкви образа нашей Византійской школы и никакіе другіе.* Я обращаюсь къ религіозному чувству, а не къ холодному уму. Разумѣется, безъ этаго чувства нечего и говорить объ образахъ, безъ него они не существуютъ. Доказательства такой необходимости повели бы за собою изложеніе *существеннаго* различія между иконописью и живописью, а это вовлекло бы меня въ весьма и весьма длинное разсужденіе, тѣмъ болѣе, что здѣсь необходимы были бы примѣры для поясненія и подтвержденія. Къ тому же этотъ предметъ такъ важенъ, что его необходимо представить отдѣльно и развить во всей полнотѣ. Довольствуйтесь пока тѣмъ, на что я указалъ: древность нашей иконописи, святость ея въ нашихъ понятіяхъ и спасительное ея участіе въ нашей исторіи; право, и этого уже довольно для того, чтобъ заставить насъ глубоко уважать ее и не промѣнивать на творенія воображенія Западной Церкви, высоко чтимыя въ искусствѣ, тѣсно соединенныя съ духомъ Католической Религіи, но совершенно чуждыя для нашего вѣроисповѣданія.

Въ заключеніе всего разсказа о художникахъ живописцахъ, я помѣщу мастерскую Г. *Пищалкина*, нашего Русскаго гравера. Онъ гравируетъ Вознесеніе на небо Божіей Матери съ картины Г. Брюлова; занимается этою работою уже болѣе четырехъ лѣтъ и занимается съ большимъ успѣхомъ Въ выборѣ предмета Г. Пищалкинъ былъ руководимъ самымъ благороднымъ чувствомъ—передать что либо изъ произведеній живописи, явившихся въ нашемъ

Digitized by Google

отечествѣ. Это истинно достойно уваженія, — тѣмъ болѣе, что, избравъ другую картину, болѣе извѣстную въ Европѣ и имѣющую большія права на уваженіе, онъ могъ бы пріобрѣсти болѣе и славы и выгодъ. Всѣ знающіе дѣло говорятъ, что работа его превосходна; что касается до меня, то я повторю здѣсь тоже, что сказалъ выше, вводя васъ въ мастерскую Г. Іордана: для насъ — неграверовъ, полуоконченная гравюрная доска вещь почти совершенно нѣмая; мы начинаемъ понимать ее при концѣ работы, а судить можемъ только по оттискамъ. Но всѣ говорятъ единогласно, что у Г. Пащалкина много таланта, а это въ соединеніи съ его чрезвычайнымъ прилежаніемъ весьма важное ручательство за успѣхъ въ работѣ.

Я перейду теперь къ нашимъ молодымъ ваятелямъ. Въ настоящее время ихъ четверо въ Римѣ: Гг. Ставассеръ, Ивановъ, Рамазановъ и Климченко; первые два живутъ въ Римѣ уже года четыре, послѣдніе только еще другой годъ.

Г. *Ставассеръ* окончилъ изъ гипса и теперь работаетъ изъ мрамора свою Русалку. Петербурскимъ любителямъ искусства имя Ставассера памятно еще съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлалъ изъ гипса *мальчика, удящаго рыбу*, въ которомъ превосходно выраженное вниманіе составило главную извѣстность всего произведенія. Въ настоящемъ дѣлѣ точно также кажется, будто бы всѣ части статуи Г. Ставассера сосредоточились на томъ выраженіи, какое онъ придалъ лицу ея. Но здѣсь понятія его объ искусствѣ далеко выше, нежели въ первомъ опытѣ. Здѣсь онъ болѣе искалъ красоты въ цѣломъ и изящества въ положеніи частей; здѣсь у него нѣтъ

Digitized by Google

уже той угловатости, которая не была сильно замѣтна и не выставлялась рѣзко въ *мальчикѣ—рыбакѣ* только потому, что все вниманіе зрителя устремлялось на превосходно переданное выраженіе его лица и на полное согласіе съ нимъ всей фигуры. Можетъ быть, что и настоящее произведеніе не выдержитъ всей строгости разбора, и не смотря на то, оно одержитъ верхъ надъ многими, болѣе строгими въ сочиненіи, именно потому, что оно полно чувства.

По моему мнѣнію, Русалка Г. Ставассера не есть представительное его произведеніе, не смотря на всю полноту выраженія, ни на мягкость и нѣжность лѣпки, ни на изящество очертаній. Не есть, говорю, представительное потому, что по многимъ превосходнымъ частямъ вы видите и понимаете, до чего художникъ былъ бы способенъ довести остальное. Есть мѣста, отъ которыхъ не оттянемъ глаза; таково все тѣло спереди, таковы грудь и станъ. Изгибы тѣла прекрасны, легкость положенія не позволяетъ требовать ничего болѣе. Все это прекрасно и, что важнѣе всего, вездѣ видно, что Г. Ставассеръ, какъ говорятъ, чувствуетъ лѣпку, т. е., что глина подъ его пальцами оживаетъ и превращается въ истинное тѣло, дѣлается живою плотію. Этого не передашь словами, но отчетливо чувствуешь, смотря на статую. Самъ художникъ не можетъ пріобрѣсти этой способности наукою. Она дается ему отъ природы и опредѣляетъ назначеніе быть ваятелемъ. Ее то именно и видите вы у Г. Ставассера. Онъ ваятель по призванію, не случайно, не по стеченію обстоятельствъ. Если смотрѣть внимательно на его статую, то увидишь, что не весь

Digitized by Google

талантъ пущенъ въ дѣло. Зачѣмъ, на примѣръ, эта прекрасная спинка прикрыта волнистою косою волосъ? Она такъ почувствована художникомъ, что не могла бы не плѣнить зрителя, если бы была совершенно открыта. Она плѣняетъ и теперь, но то самое, что плѣняетъ, говоритъ глазу, что лучшее отнято, что если бы было открыто углубленіе по длинѣ спиннаго хребта, оно выказало бы всю полноту и все разнообразіе волненія боковыхъ частей спины. Теперь густая полоса волосъ какъ будто ихъ сравниваетъ, съеживаетъ и, можетъ быть, потребуетъ возвышенія боковъ, и такимъ образомъ повредитъ цѣлости, или нарушитъ естественность, неподчиненную художественнымъ условіямъ. Вы спросите меня, какъ было сдѣлать иначе? Я отвѣчу — это заповѣдная тайна души ваятеля, мнѣ она недоступна Это также тайна и древняго ваянія, особенно въ самое лучшее его время. Оно умѣло такъ владѣть всѣми побочными сторонами, что онѣ только усиливали красоту главныхъ и между тѣмъ нигдѣ не вредили естественности.

Сочиненіе въ ногахъ, осѣдка, движеніе руки, все требовало бы еще работы и работы. Но мнѣ совѣстно говорить, потому что на все это глазъ мой былъ наведенъ самимъ художникомъ, добрымъ моимъ пріятелемъ, Г. Ставассеромъ.

Талантъ — высокій даръ Божій. Кто не скрылъ его, кто отдалъ въ ростъ, тому только сказалъ Спаситель: въ маломъ былъ еси вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю. Здѣсь общественное мнѣніе и особенно слава съ покорностію подчиняются ученію Спасителя. Одинъ талантъ можетъ собрать рукоплесканія прохожихъ; но, чтобы пріобрѣсти истин-

Digitized by Google

ное уваженіе современниковъ, чтобы получить полное на него право, для этого первое условіе *употребить всего себя на образованіе своего таланта.*

Все это я позволяю себѣ говорить именно потому, что, какъ я сказалъ, произведеніе Г. Ставассера само указываетъ на обиліе таланта, само требуетъ труда и изученія и еще одного, въ чѣмъ мы всѣ *Русскіе* отъ мужика и до поэта, крайне нуждаемся,—бодрости духа.

Замѣчаніе. При словѣ *Русскіе*, мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что недостатки, такъ какъ и достоинства племени не передаются ни подданствомъ, ни мѣстомъ рожденія, они—исключительная принадлежность племени. На это я отвѣчу, что у Г. Ставассера не Русскаго одно имя, прочее, начиная отъ Религіи, основнаго камня и представительнаго знамени нашей народности, прямаго ручателя за то, что въ жилы введена кровь Русская, прочее, говорю, все истинно Русское.

И такъ—къ намъ Русскимъ. Есть у насъ много силы и много добрыхъ намѣреній, но воли, твердости воли намъ надобно, чтобъ справиться съ силами и умѣть осуществить намѣренія; воли, чтобъ не наскучило намъ наше дѣло на половинѣ работы. Прекрасны наши *авось* и *живетъ*, но не вездѣ имъ мѣсто.

Много надобно было бы сказать о выборѣ предмета: довольно ли того, чтобъ выбрать предметъ Русскій? Доставляетъ-ли наше баснословіе и наше язычество предметы для ваянія и въ какой степени, въ чемъ искать ихъ? Но все это требуетъ долгаго обсуживанія, а статья, которую вы, добрый мой читатель, имѣете снисхожденіе читать,—отвѣтъ на письмо, никакъ не болѣе. Все это

Digitized by Google

постараюсь я собрать въ особой статьѣ о *художественномъ воспитаніи Русскихъ.*

Г. *Ивановъ* приготовилъ для будущей художественной выставки двѣ статуи: одна Парисъ, въ ту минуту, когда онъ думаетъ, кому отдать яблоко; другая Ломоносовъ, сидящій съ книгою на берегу моря. Послѣдній изображенъ молодымъ, когда онъ былъ еще простымъ Архангельскимъ рыбакомъ. Онъ сдѣланъ въ Русской рубашкѣ, съ книгою въ рукахъ, подлѣ него набросаны сѣти,—все, что нужно для полнаго очертанія простаго быта въ дѣтствѣ нашего поэта, языкоучителя и перваго Русскаго ученаго. Въ лицѣ Ломоносова Г. Ивановъ старался сколько можно соображаться съ дошедшими до насъ его портретами; но они были дѣланы въ его полной возмужалости и нѣтъ ни одного порядочнаго; по крайней мѣрѣ, Г. Иванову, при всѣхъ его усиліяхъ, не могли достать ничего, кромѣ одного плохо гравированнаго изображенія нашего перваго грамматика. Сама по себѣ обстановка предмета не позволяетъ ожидать отъ этой статуи высокаго произведенія ваянія; но дѣло въ томъ, что такіе предметы, какъ памятники великихъ людей, необходимы въ быту общественномъ со всею ихъ историческою вѣрностію, и я совершенно раздѣляю убѣжденіе художника, который охотнѣе рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ, нежели изуродовать историческое событіе. Разумѣется, что Римская тога, или какая нибудь академическая набросна платья дали бы болѣе красивыя линіи, за то они ничего не сказали бы намъ о томъ, кто былъ Ломоносовъ и были бы чужды сердцу народа. Въ настоящемъ видѣ статуя Г. Иванова, — историческое воспоминаніе

Digitized by Google

о жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ дѣятелей,—громко говоритъ народу о томъ, что изъ собственныхъ нѣдръ его выходили первые отзывы на призывный голосъ человѣчества, взывавшаго къ нему именемъ образованности. Такое напоминовеніе пріятно намъ—настоящимъ Русскимъ, и поучительно для тѣхъ, которые до сихъ поръ неохотно признаютъ высокое достоинство простой, безискуственной Русской природы.

Всякій, кто вникнетъ въ составъ другой его статуи—Париса, согласится, что исполненіе ея неимовѣрно трудно. Тутъ все должно основаться на чисто скульптурныхъ, на однихъ пластическихъ достоинствахъ и ни въ чемъ другомъ не можетъ найти убѣжища. Выраженіе лица, по самому предмету, должно быть спокойно, а тѣмъ болѣе уже положеніе тѣла. Однимъ словомъ, тутъ все въ соразмѣрности частей, въ красотѣ линій, въ изяществѣ и въ искусствѣ постановки. Такой огромный трудъ извинитъ художника въ случаѣ нападковъ на него со стороны судей.

При мнѣ Г. Ивановъ началъ еще приготовлять барельефы, изъ нашихъ преданій. Именно онъ набросалъ изъ глины первую мысль произведенія, гдѣ онъ хочетъ изобразить Нестора, слушающаго разсказы старика Яна. Я видѣлъ только однѣ первыя наброски; онѣ будутъ еще нѣсколько разъ передѣлываемы и поправляемы, а потому теперь я не имѣю права произносить своего сужденія. Но скажу одно: Слава Богу, что мы на всѣхъ путяхъ начали обращаться къ нашей исторіи, къ нашему отечеству. Удачны или неудачны будутъ первыя попытки, а нельзя не радоваться тому, что на нашемъ

Digitized by Google

вѣку мы увидѣли начало такого прекраснаго направленія.

Г. *Рамазановъ* и Г. *Климченко* еще не имѣли времени сдѣлать что нибудь оконченное.

Чтобъ перейти къ нашимъ архитекторамъ, я познакомлю васъ съ художникомъ, принадлежащимъ къ двумъ областямъ искусства — ваянію и зодчеству, именно Г. *Щуруповымъ*.

Архитекторомъ изъ Академіи посланный для усовершенствованія въ зодчествѣ, онъ перемѣнилъ свое назначеніе, или, правильнѣе сказать, къ основному своему искусству присоединилъ другое — ваяніе. Теперь онъ занятъ работою изъ мрамора купальни (ванны) для Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны. Онъ давно уже окончилъ ее, т. е подготовилъ изъ гипса; теперь въ его мастерской высѣкаютъ ее изъ мрамора.

Что бы вамъ сказать объ ней? Случается же иногда, что и хочется сказать что нибудь о произведеніи, особенно художественномъ, да оно ничего не заставляетъ говорить о себѣ, а между тѣмъ не имѣемъ права и не хочемъ рѣшительно хулить его. Вообще въ этомъ произведеніи весьма мало истинно скульптурной работы, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ея не видно ни на гипсѣ, ни тѣмъ менѣе на неоконченномъ еще мраморѣ. Скульптуру напоминаетъ барельефъ вокругъ всей ванны; но напоминаетъ такъ слегка, что вы смотрите на него болѣе, какъ на легкое украшеніе. Что выйдетъ послѣ окончательной работы, я не знаю. Другихъ произведеній ваянія Г. Щурупова я не видалъ, только мелькомъ удалось мнѣ видѣть его *Щитъ*

Digitized by Google

Россіи. Такъ какъ онъ показывался вообще всѣмъ въ комнатѣ нашего архитектора Константина Андреевича Тона, и такъ какъ Г. Щуруповъ даже прежде изъявилъ мнѣ свое желаніе, чтобъ я сдѣлалъ описаніе его *Щита Россіи*, то я не считаю не скромнымъ сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Велика наша Россія, громко ея имя, высокъ по достоинству долженъ быть и щитъ. Роскошна, раздольна, широка жизнь ея, потому надобно изучить множество сторонъ, и постигнуть ихъ разнообразіе силою таланта, чтобъ передать ее, не скажу уже достойнымъ, но хотя бы приличнымъ образомъ. Силенъ долженъ быть тотъ талантъ, который будетъ имѣть столько смѣлости, чтобы взять на себя подвигъ изобразить повелительницу полмiра, вѣнчанную Царицу полвселенной, поборницу первобытной Церкви Хрістіянской, смѣлую охранительницу общественнаго спокойствія въ минуту общаго смятенія, сильную, единственную надежду для жизни вступающаго на поприще Исторіи осмидесятимiліоннаго племени. Такое, говорю, начинаніе должно быть заключеніемъ большихъ замѣчательныхъ работъ, на которыхъ бы силы были уже испробованы, которые бы опредѣлили судъ современниковъ и *дѣятельное* сознаніе самаго художника. Вы спросите, что изваялъ Г. Щуруповъ? Прежде неутвержденную Академіею модель памятника Св. Владиміру, теперь купальню. Позвольте мнѣ не говорить о подробностяхъ рисунка послѣдней. Не видавъ его, можетъ быть я подождалъ бы исполненія, чтобъ высказать свое мнѣніе и напомнить вамъ о томъ, чего требуетъ имя Россіи отъ художника, которому пришла гордая мысль изобразить ея величіе, еслибъ это выходило

Digitized by Google

изъ простаго восторженнаго чувства ; тутъ восторженность оправдывала и извиняла бы промахи ; но гдѣ все холодно придумано и гдѣ не отыщешь ни искры чувства, тамъ нельзя не спрашивать о правѣ художника на такое начинаніе.

Говорятъ, что въ архитектурныхъ работахъ Г. Щурупова очень много вкуса и самостоятельности въ сочиненіи; но мнѣ ничего не удалось изъ нихъ видѣть. Онъ мнѣ передавалъ свое намѣреніе: снять рисунки съ изображеній древнихъ церковныхъ сосудовъ и вообще разныхъ церковныхъ утварей Византійской Церкви, находящихся въ Ватиканѣ. Это было бы дѣло очень полезное.

Архитекторовъ нашихъ въ Римѣ едва ли не столько же, сколько живописцевъ и ваятелей вмѣстѣ. Начну съ Г. *Резанова*, или лучше перечту вамъ сначала всѣхъ по именамъ, потому что подробно упоминать придется не о многихъ. Вы знаете, что труды архитекторовъ болѣе производятся въ ихъ кабинетахъ и потому менѣе на виду, нежели прочіе, особенно въ настоящую минуту, когда занятіе *возстановленіемъ* (рестовраціею) древнихъ зданій оставлено и еще пока не избрано никакого опредѣленнаго пути, болѣе прямаго къ образованію молодаго зодчаго.

Кромѣ упомянутаго мною Г. Резанова, теперь въ Римѣ: Гг. *Бенуа*, *Бейне*, *Росси*, *Эпингеръ*, *Кракау*, *Монигетти*, *Барбе*, *Комбе*, *Пранкъ*, *Бравура*, *Нордекъ*, и еще одинъ новопріѣзжій, не помню хорошо его имени. Кажется, что я перечелъ всѣхъ *Русскихъ Архитекторовъ*. Былъ еще *Пель*, да послѣ открылось, что онъ Прусскій подданный.

Digitized by Google

Изъ нихъ Гг. Резановъ, Бенуа, Росси, Кракау, теперь и Г. Эпингеръ, заняты рисунками Орвіетскаго собора. Они работаютъ надъ нимъ уже около года и можно надѣяться, что скоро окончатъ эту огромную работу.

Вѣроятно, большая часть моихъ читателей очень мало слыхали объ Орвіетскомъ Соборѣ и потому удивятся, узнавъ, что четыре или пять архитекторовъ рѣшились посвятить ему болѣе года своей усидчивой работы. Замѣтимъ мимоходомъ, что это не архитекторы промышленники, которые, какъ и промышленники всякаго рода, ищутъ чего нибудь еще не переданнаго свѣту, чтобъ, издавъ, получить средства къ существованію, или, возьмемъ нѣсколькими ступенями выше и обыкновеннѣе, чтобъ новостію своихъ работъ составить себѣ небольшую извѣстность и такимъ образомъ проложить путь, если не къ славѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ жизненнымъ выгодамъ — ничуть не бывало. Все это художники, посланные Россіею для одной цѣли — собственнаго образованія и усовершенствованія—и именно съ этою цѣлію предпринявшіе трудъ, о которомъ я только что упомянулъ. По этому тутъ другой вопросъ — не ошиблись ли они въ выборѣ?

Что касается до меня, то обстоятельства не позволили мнѣ порядочно осмотрѣть Орвіетскаго собора; но я знаю его по рисункамъ нашихъ архитекторовъ и по описаніямъ историковъ искусства. Это безспорно лучшее зданіе такъ называемой *Италіянской готики.* Оно прекрасно само по себѣ во многихъ отношеніяхъ, превосходно по отдѣлкѣ подробностей, даже часто удивляетъ отчетливостію и изяществомъ. Все это такъ, но вопросъ

Digitized by Google

въ томъ,—даетъ-ли все это художнику право избрать его лучшимъ руководствомъ въ образованіи своего вкуса? Въ состояніи-ли онъ доказать намъ, что это точно одинъ изъ самыхъ прямыхъ, или хотя одинъ изъ порядочныхъ путей къ усовершенствованію себя, какъ художника, и потомъ какъ строителя?

Рѣшеніе такого вопроса заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ вообще о готической архитектурѣ, иначе намъ трудно будетъ понимать другъ друга.

Готическое зодчество, готика—условныя, всѣми принятыя названія, для обозначенія средневѣковой Христіянской архитектуры, сами по себѣ названія безсмысленныя, неосновательныя. И точно, лучше было бы ихъ замѣнить названіемъ средневѣковаго Христіянскаго зодчества; но они прожили уже нѣсколько вѣковъ, соединили съ собою опредѣленное понятіе и теперь, нисколько не говоря ни о началѣ, ни о происхожденіи, ни о значеніи зодчества, ими обозначаемаго, сдѣлались его собственнымъ именемъ; по этому оставимъ ихъ въ покоѣ и посмотримъ на самое это зодчество.

Оно явилось прямо изъ основъ Западной Церкви. Невѣдомое до ея развитія, начавшее искажаться и исказившееся вмѣстѣ съ ея склоненіемъ, наконецъ умершее при его паденіи, это истинное, законное дѣтище Западнаго Католичества, одинъ изъ самыхъ высокихъ священныхъ гимновъ Латинскаго богослуженія. Пожалуй, оно было и внѣ Церкви, но тамъ оно не жило, не имѣло своей собственной послѣдовательности, независимой отъ храмоваго зодчества, не подчинялось собственнымъ своимъ измѣненіямъ,

Digitized by Google

но принимало ихъ изъ одного источника—Церкви. Два, три зданія городскихъ думъ, два, три дворца, это пѣсни трубадуровъ, пѣтыя на ладъ церковнаго пѣнія, никакъ не болѣе.

Здѣсь было бы важно рѣшить вопросъ, — почему это зодчество началось и развилось на Сѣверѣ, между тѣмъ какъ престолъ западной Церкви былъ въ Римѣ; но такое рѣшеніе отвлекло бы меня далеко отъ моего настоящаго предмета.

Дѣло въ томъ, что одно уже такое происхожденіе изъ Церкви, а не изъ искусства, громко говоритъ, что оно не можетъ оставаться неизмѣнно вѣрно собственнымъ началамъ, такимъ, которыя бы выходили изъ требованія безусловныхъ понятій объ искусствѣ и изящномъ; но, что они должны подчиняться требованіямъ постороннимъ, именно Церкви. Вы возразите, что всегда искусство выходило изъ Религіи. Ни слова противъ этого. Но такое происхожденіе только тогда было и есть законно, когда искусство входило и входитъ въ составъ Религіи, соединяется съ догматами и ученіемъ о вѣрѣ; однимъ словомъ, когда оно само (а не форма одного его періода) получаетъ начало въ нѣдрахъ Религіи. Таково было ваяніе у древнихъ язычниковъ—Грековъ: такова живопись въ Церкви западной, такова иконопись въ нашей Церкви Православной, между тѣмъ какъ зодчество есть только орудіе въ Церкви Христіянской, подчиняющееся ея требованіямъ, а не соединенное съ ея жизнію. Чтобъ не входить въ дальнѣйшія объясненія, я поясню простымъ указаніемъ: поставьте алтарь и святыя иконы въ хижинѣ, освятите ее, она будетъ церковію; а оставьте храмъ

Digitized by Google

безъ оконъ, онъ будетъ зданіемъ, назначеннымъ для церкви, а не церковію.

Что же вышло изъ того, что готическое зодчество получило свое начало въ требованіяхъ Церкви, а не искусства? Его условное совершенство взяло верхъ надъ искусствомъ. Смотрите на готическій храмъ, какъ на Католическую Церковь,— онъ превосходенъ. Начинайте разбирать его предъ судилищемъ искусства, отдѣльно отъ всѣхъ понятій о Церкви и еще болѣе отъ всякаго чувства молитвы, вамъ представится совершенно иное.

Первое — крестъ въ основѣ и еще крестъ, такъ называемый Латинскій, длинный, не подчиняющійся никакъ понятію о стройности и простой соразмѣрности частей. Посмотрите на него отдѣльно отъ понятія объ немъ, какъ о представителѣ нашего спасенія, вы не можете не согласиться, что два конца, совершенно различной длины, именно верхній надголовный и подножный, и потомъ третья мѣра поперечныхъ концевъ, никакъ не могутъ составить формы, которая служила бы основою спокойно стройнаго зданія. Такое очертаніе много говоритъ сердцу хрістіанина и ничего искусству. Но разъ вы допустили такую основу, все дальнѣйшее выходитъ прямо изъ непремѣнныхъ требованій искусства, изъ условій, предписываемыхъ самыми средствами къ исполненію. Вообще здѣсь, какъ и вездѣ, основа зданія совершенно располагаетъ остальными частями его и вся надземная часть есть непремѣнное слѣдствіе очерковъ основанія, если только само зданіе вполнѣ подчиняется законамъ искусства, а не прихоти строителя. Только тогда оно и бу-

Digitized by Google

детъ истинно цѣльнымъ художественнымъ произведеніемъ, когда существуетъ такая тѣсная связь между его частями. Въ этой собственно связи состоитъ художественная логика, безъ которой все зданіе не будетъ никогда имѣть права назваться художественнымъ произведеніемъ, хотя и можетъ быть красивою постройкою. Посмотрите же, чего потребовала такая связь отъ готическаго зданія.

Длина храма, несоразмѣрная съ шириною, непремѣнно требовала, чтобы онъ былъ высокъ; иначе онъ былъ бы уродливъ, и вотъ по этимъ требованіямъ стройности, вытягиваются въ верхъ тонкіе готическіе столбы, и высоко возносятъ все зданіе. Чѣмъ довершить его, чтобъ сохранить художественную стройность? Плоскій, круглый сводъ притиснулъ бы длинныя, вытянутыя линіи стѣнъ и уничтожилъ бы изящество цѣлости. Тутъ надобно было прибѣгнуть къ иному. На молитвѣ основавшись, молитвою несется храмъ къ престолу Всевышняго; чѣмъ чище она, тѣмъ выше возносится надъ землею. Въ сердечной молитвѣ каждаго, тамъ, куда не можетъ возноситься слово, гдѣ уста безмолвствуютъ, слезы, глубокіе вздохи и взоръ, устремленный къ Молитвопріемнику, оканчиваютъ начатое устнымъ славословіемъ, устными моленіями. Въ тѣхъ предѣлахъ, куда не взбрасываются болѣе геніемъ зодчаго сплошныя каменныя глыбы, тамъ прорѣзами и узорами онъ облегчаетъ тяжелыя, земныя массы, какъ бы снимаетъ съ нихъ тяжесть земнаго существованія и, длинными остріями унося въ небо чувство и мысль смотрящаго, какъ будто бы облаками досказываетъ то, чего землѣ не дано способ-

Digitized by Google

ности высказать. Крестъ, вѣнецъ шпица, теряется и, предъ нашими глазами, понятно для нашего сердца, соединяетъ землю съ жилищемъ Божіимъ.

Вотъ весь очеркъ готическаго храма! Это молитва, молитва общественная, молитва всей Церкви, въ которой каждой силѣ голоса свои предѣлы, каждой душѣ своя степень возвышенія и между тѣмъ все соединяется въ одно неразрывное цѣлое. Въ зодчествѣ готическаго храма бездна частностей, неисчислимое множество подробностей, но все строго связано въ неразъединимое единство цѣлаго. Таковъ гимнъ церковнаго славословія! Межъ тѣмъ какъ одинъ высокій звучный голосъ несетъ сильные позывы души, другіе различными звучными волнами поддерживаютъ стройность напѣва и въ ней передаютъ всѣ душевные порывы, слившіеся въ одно общее молчаніе. Чѣмъ сильнѣе и звучнѣе пѣснь молитвы, тѣмъ нужнѣе искусная обстановка низкихъ переднихъ переливовъ голоса. Такова всякая художественная стройность, такою же она является и въ готикѣ. Чѣмъ выше зданіе, тѣмъ необходимѣе для него боковыя пристройки, они прямо вызываются художественною стройностію, безъ нихъ линіи стѣнъ рѣзко возвышались бы надъ землею, безъ всякой постепенности и безъ переходовъ.

И такъ вотъ остроконечные своды и боковыя пристройки являются, какъ необходимое требованіе искусства; но рядомъ съ нимъ идутъ требованія внѣшнія. Строитель одобряетъ то, что начертилъ художникъ — зодчій; на оборотъ послѣдній какъ будто бы предугадываетъ требованія перваго. Выше я показалъ, какъ зодчій не могъ управиться съ круглыми сводами и долженъ былъ замѣнить ихъ остро-

Digitized by Google

конечными, — расчетъ строителя говоритъ тоже, потому что напоръ остроконечнаго свода менѣе, нежели напоръ круглаго; но и при остроконечныхъ сводахъ необычайно высокія стѣны не въ состояніи были бы выстоять безъ боковыхъ подпоръ, ихъ разрушило бы собственное ихъ давленіе. Вотъ начало и необходимость боковыхъ пристроекъ во всѣхъ готическихъ храмахъ; сначала ихъ дѣлали въ видѣ простыхъ подпоръ (контрфорсовъ), потомъ со всѣми причудами вполнѣ развившагося готическаго вкуса.

Изъ этого бѣглаго изображенія главныхъ частей готической архитектуры и общихъ очертаній готическихъ зданій видно, что они при всемъ своемъ превосходствѣ могутъ восхищать глазъ своимъ величіемъ, плѣнять его единствомъ и стройностію, легкостію и разнообразіемъ, уносить чувства въ предѣлы высшіе, возвышать душу, производить самыя сильныя впечатлѣнія; но никогда не внесутъ въ составъ души того тихаго гармоническаго спокойствія, которое можетъ произвести одно вполнѣ высокое произведеніе искусства. И до какого бы совершенства не достигъ храмъ готическій, но если смотрѣть на него со стороны искусства, то онъ ни какъ не удовлетворитъ его требованіямъ. Можетъ-ли же онъ послѣ этого воспитать вкусъ и еще болѣе вполнѣ образовать художника, независимо отъ условій? А съ ними онъ соединенъ неразрывно.

Въ основѣ, какъ я сказалъ, здѣсь все условно, подчинено Религіи и тому, какъ она понималась тогдашнимъ вѣкомъ.

Въ составѣ все зависитъ отъ личнаго увлеченія

Digitized by Google

зодчаго, потому что условная основа, не выходя сама изъ требованій искусства, не соединяетъ съ собою никакихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій. Она даетъ отрицательное сужденіе т. е. она отбрасываетъ все, что не согласно съ ея условнымъ существованіемъ и принимаетъ все, что вышло изъ однихъ съ нею условій.

Въ исполненіи все требуетъ общей восторженности, обильныхъ мірскихъ приношеній, безъ которыхъ не достало бы никакихъ не только частныхъ, но и государственныхъ богатствъ на то, чтобы построить полный готическій храмъ, а не готическую игрушку. То, что нѣтъ ни одной готической Церкви, вполнѣ оконченной, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ.

Все это доказываетъ, что художникъ здѣсь со всѣхъ сторонъ скованъ условіями: можетъ-ли же при такой стѣсненности свободно развиться его художническое чувство, такъ свободно, чтобы оно могло создать что либо новое, вызвать его изъ себя самого, независимо отъ своего учителя? Никакъ, никакъ и никакъ.

По этому изученіе такого рода зданій можетъ занять десятки лѣтъ такого зодчаго, который хочетъ по своимъ частнымъ видамъ исключительно отдаться готической архитектурѣ; но въ общемъ архитектурномъ образованіи оно можетъ и должно быть мимоходнымъ занятіемъ и никакъ не въ состояніи образовать вполнѣ вкуса художника, еще не окончившаго своего художническаго воспитанія.

Все это я говорю о лучшихъ произведеніяхъ

Digitized by Google

вполнѣ развившейся готики. Если они такъ мало удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ въ дѣлѣ художественнаго образованія, что же послѣ этого сказать о готикѣ Италіянской? Не занимавши никогда значительнаго мѣста въ странѣ классическаго искусства, она сдѣлалась у Италіянцевъ рѣшительно однимъ украшеніемъ и вся цѣльность Германскихъ и Французскихъ соборовъ въ Италіянской готикѣ высказалась въ одной лицевой сторонѣ ихъ, съ которою весь храмъ не имѣетъ ни малѣйшаго соединенія. Посмотрите на соборъ Орвіетскій, на соборъ Сіенскій, лицевая сторона и того и другаго ничего больше, какъ простое украшеніе, оно нисколько не зависитъ отъ основы (плана) и ни чѣмъ не соединена съ остальною частію зданія. Есть еще прекрасный образчикъ Италіянской готики, это колокольня Флорентинскаго собора, но въ красотѣ ея, какъ въ красотѣ собора Орвіетскаго, одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ занимаетъ мраморная мозаика, искусное распредѣленіе разноцвѣтныхъ мраморовъ. Оно точно прекрасно, но какъ хотите, — это уже не составляетъ и не можетъ составлять основнаго достоинства зодчества, это прибѣжище въ случаѣ крайности. Оно зависитъ и совершенно зависитъ отъ личнаго таланта зодчаго, въ этомъ случаѣ больше живописца, нежели зодчаго, не можетъ быть подчинена никакимъ общимъ законамъ и потому, способствуя къ развитію вкуса, никакъ не можетъ входить въ составъ дѣльнаго образованія художника.

Вообще не подчиняясь никакой общей цѣлости, вся лицевая сторона не могла имѣть и истинной стройности. Одинъ вкусъ, не опираясь

Digitized by Google

ни на какомъ содержаніи, непремѣнно раздробится на мелочи, потому что цѣлость предписывается мыслію, назначеніемъ зданія, а здѣсь вся внѣшняя часть зданія составляетъ картину, отдѣльно отъ всякой мысли и отдѣльно отъ всего зданія. Что же тутъ изучать зодчему? Изящество украшеній, превосходство работы и сочиненія частей, или замѣчательное въ Италіянской готикѣ умѣнье распоряжаться различными цвѣтами мраморовъ и мозаичною работою? Первыя два достоинства прекрасны, какъ пополненіе оконченнаго образованія, но если имъ однимъ, въ какомъ бы то ни было прекрасномъ зданіи, посвятить годъ пяти человѣкамъ, т. е. пять лѣтъ одному, тогда не достанетъ никакого, даже и Маѳусаиловскаго вѣка для полнаго художественнаго образованія. Послѣднее, я уже говорилъ прежде, неизучимо, потому что, какъ колоритъ Венеціянской школы, оно составляетъ врожденное достоинство художника и принадлежитъ его личности. Сдѣлать отчетливый рисунокъ съ такого рода зданій, заняться рисованьемъ частей ихъ—я понимаю; но начать съ точностію измѣрять то, что въ самомъ своемъ составѣ не подчинялось точнымъ размѣрамъ, посвятить этому едва-ли не четверть времени, назначеннаго для полнаго образованія зодчаго, тутъ нѣтъ соразмѣрности труда съ пріобрѣтеніемъ.

Слѣдовательно здѣсь въ выборѣ сильная ошибка.

«Да какое право имѣете вы осуждать выборъ? Это мой произволъ;—смотрите на работу!» можетъ возразить намъ художникъ. Наше право въ нашемъ братствѣ, въ томъ, что талантъ вашъ—законное достояніе общей нашей семьи, нашего отечества; онъ намъ принадлежитъ точно также, какъ каждый изъ

Digitized by Google

насъ принадлежитъ вамъ, принадлежа отчизнѣ. Разумѣется, все это я говорю объ истинно Русскихъ, до прочихъ что намъ за дѣло. Когда не-Русскій не употребилъ всего себя на развитіе своего таланта, тутъ для Россіи одна потеря денежная, дѣло еще не важное; но Русскій принадлежитъ ей всѣмъ своимъ существомъ; малѣйшее упущеніе есть уже посяганіе на ея собственность.

Избраніе предмета есть дѣло важнѣйшее при изученіи и особенно при образованіи таланта. Тутъ надобно помнить Русскую пословицу: *не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что идетъ къ чему.* Это не только въ зодчествѣ, но и во всякомъ искусствѣ, на всякомъ поприщѣ жизни. Вездѣ надобно полагать большое различіе между высотою таланта и высотою искусства. Первая недостижима трудомъ и изученіемъ, она составляетъ неотъемлемую и неподражаемую личность каждаго. Вторая есть общее человѣческое достояніе.

Прекрасна на пр. Исторія Боссюета, живъ, отчетливъ, разсудителенъ и увлекателенъ разсказъ Гиббона; но что, еслибъ намѣревающійся писать исторію принялъ ихъ за основу образованія себя, какъ Историка?

Мы съ глубокимъ уваженіемъ произносимъ имя Лапласа въ мірѣ математическомъ; но странно было-бы предпочесть его великую теорію міродвиженія простому, спокойному изложенію простыхъ истинъ Эйлера, бравъ ихъ образцами математическихъ сочиненій.

Еще ближе сюда подойдетъ то, о чемъ я говорилъ выше: много прекраснаго у Гвидо-Рени, До-

Digitized by Google

миникино, Караччи, Мурилло, Рубенса и проч., но мы впали бы въ ужасныя ошибки и заблужденія, если бы ихъ избрали своими учителями.

Прочтя это, можетъ быть, вы, по вашему обыкновенію, подумаете и потомъ возразите, да что же избрать руководителемъ въ дѣлѣ архитектурнаго образованія?

Это возраженіе, вложенное мною въ уста ваши, составляетъ теперь главный современный вопросъ всѣхъ архитекторовъ. Оставя рабскую покорность Греческой и Римской архитектурѣ, отличительный признакъ нѣсколькихъ прошедшихъ поколѣній, теперешніе зодчіе вмѣстѣ съ тѣмъ и въ изученіи оставили ихъ цѣльный путь, путь трудовой, требовавшій сосредоточенности силъ, и разсыпались на мелочи. Прежніе архитекторы считали необходимостію заниматься возстановленіемъ (рестораціею) древнихъ зданій; имъ начинали и на немъ оканчивали свое архитектурное образованіе. Отъ этого они дѣлались односторонними, отъ этого, пріобрѣтая множество свѣдѣній, они не имѣли возможности развивать вполнѣ вкуса и, что всего важнѣе, лишали свой талантъ жизни и заковывали себя въ такія цѣпи Римской древности, которыя преграждали путь къ самостоятельности. Рядъ Мюнхенскихъ зданій, множество новыхъ Римскихъ построекъ, у насъ половина Петербургскихъ домовъ, большая часть церквей, вотъ лучшіе ручатели въ истинѣ словъ моихъ. Другіе архитекторы, какъ на пр. Римскій Канина, дѣлались исключительными изслѣдователями древностей (археологами) и совершенно забывали то, что они художники. Видя такіе сильные недостатки у своихъ предшедственниковъ; новые

Digitized by Google

архитекторы бросились въ другую крайность: они начали избирать предметами своихъ изученій самыя причудливыя произведенія зодчества, или совершенно отдавались акварельнымъ рисункамъ, считая ихъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для развитія вкуса, или наконецъ еще частнѣе посвятили себя на изученіе однихъ украшеній.

Ни то, ни другое, ни всего менѣе третье, не въ состояніи образовать истиннаго художника—зодчаго. Вы спросите—такъ что же? Мою мысль и особенно то, что я извлекъ изъ множества разговоровъ съ людьми самыхъ разнородныхъ понятій, передамъ вамъ при другомъ случаѣ. Теперь давно уже мнѣ пора перейти къ моему предмету — работѣ нашихъ архитекторовъ.

При всей неудачѣ ихъ выбора, самая работа ихъ превосходна. Я всего болѣе рисунковъ видѣлъ у Г. Резанова и признаюсь, не могъ отвести глаза отъ тонкой, отчетливой и изящной отдѣлки всѣхъ самыхъ мелкихъ подробностей въ лицевой сторонѣ собора. Круглое, рѣзное окно—совершенное кружево; кругомъ его множество мозаиковъ и все это отдѣлано съ удивительнымъ искусствомъ. Многія вещи, оконченныя въ постройкѣ собора гораздо позднѣе, при упадкѣ вкуса, возстановлены на рисункахъ сообразно прежней чистотѣ и первобытной изящности зданія. Въ послѣднее время всѣ работы были въ Орвіето и потому я не могъ видѣть оконченныхъ рисунковъ у другихъ: говорятъ, что ихъ работа тоже прекрасна и близка къ концу.

Изъ прочихъ архитекторовъ я знаю только труды Гг. *Бейне* и *Монигетти*.

Первый исключительно занимается акварельными

Digitized by Google

рисунками, а послѣдній совершенно посвятилъ себя (по крайней мѣрѣ, такъ было до сихъ поръ) изученію украшеній.

Рисунки Г. Бейне превосходны. Я видѣлъ у него внутренность Палермскаго собора и множество видовъ изъ Греціи и Сициліи. Все это, какъ картинки, сдѣланныя водяными красками, такъ хорошо, какъ только можно желать, особенно отъ архитектора. Вѣрность разцвѣченія, теплота, блескъ и переходы свѣта, отчетливость архитектурныхъ подробностей, полнота воздуха — все это исполнено удивительно. Можетъ быть, что живописецъ придалъ бы всему болѣе поэзіи, но никакъ не могъ бы онъ передать съ такою точностію и, еще болѣе, съ такимъ вѣрнымъ указаніемъ характера всякаго рода зодчества и отпечатковъ времени, какому каждое принадлежало. Вполнѣ-ли это архитектурныя занятія? рѣшайте сами,—я еще разъ повторю, что все это прекрасно и превосходно.

У Г. Монигетти прошедшимъ лѣтомъ была огромная работа — подробный и отчетливый рисунокъ съ потолка въ ризницѣ (сакристіи) Св. Марка въ Венеціи, сдѣланный тоже водяными красками. Я очень часто любовался этимъ потолкомъ, потому имѣю нѣкоторое право судить о вѣрности копіи съ подлинникомъ: точно она сдѣлана прекрасно. Но, не смотря на такое превосходство работы,—да проститъ меня Г. Монигетти!—а я не могу не сказать, что не жаль было бы посвятить и болѣе полугода на составленіе рисунка для потолка, а на то, чтобъ срисовать его.... Конечно, и это не бездѣлье. Только развѣ въ одномъ и можно найти оправданіе, если Г. Монигетти изберетъ исключительнымъ

Digitized by Google

предметомъ своихъ занятій однѣ архитектурныя украшенія, что можетъ вытти и полезно, очень выгодно для трудящагося и подойдетъ подъ стать настоящему направленію общества. Теперь въ постройкѣ домовъ, послѣ удобнаго расположенія комнатъ, первое и главнѣйшее дѣло жалкой зодческой художественности есть внутреннее украшеніе покоевъ, такое, которое могло бы нравиться два, три, много четыре года, тамъ новое, но которое казалось бы точно ново, было бы придумано причудливо и игриво. Человѣку, посвятившему себя на дальное, глубокое изученіе зодчества, который на каждомъ своемъ произведеніи отпечатываетъ божественную сторону души своей и потому считаетъ искусство чѣмъ то священнымъ; такому человѣку было бы трудно удовлетворять подобнымъ требованіямъ. По этому очень можетъ быть, что раздѣленіе работъ въ архитектурѣ будетъ итти совершенно въ рядъ съ теперешними общественными понятіями объ искусствѣ и настоящими требованіями отъ архитектора.

Вотъ вамъ просимое вами описаніе работъ и трудовъ нашихъ художниковъ: не сердитесь за то, что большая часть моихъ убѣжденій остались въ однихъ только намекахъ. Чтобъ высказать ихъ вполнѣ, на это нужно время, совершенное спокойствіе духа и сосредоточенность; а предстоящее мнѣ путешествіе по землямъ нашихъ братьевъ — Славянъ, настоящая походная жизнь и многое окружающее, лишаютъ меня того, другаго и третьяго.

Не удивляйтесь, что вы найдете больше похвалъ, нежели простаго сужденія: не забудьте того, что въ Римъ посылаются и ѣздятъ сами не всѣ наши ху-

Digitized by Google

дожники, но только лучшіе — цвѣтъ нашего художественнаго міра.

Не дивитесь также тому, что число архитекторовъ далеко превосходитъ число ваятелей и живописцевъ, я выражаюсь общимъ именемъ *архитекторовъ*, и не говорю зодчихъ, потому что подъ этимъ именемъ мы привыкли понимать и зодчаго, и постройщика. Не дивитесь: это не только у насъ, но и у всѣхъ, особенно у Нѣмцевъ. Понять легко: отъ ваятеля и живописца требуютъ истинной художественной высоты, архитекторы могутъ частенько и безъ нея обойтись,— это одно. Второе: живописцы и ваятели безъ таланта едва имѣютъ насущный кусокъ хлѣба; архитекторы всегда необходимы, слѣдовательно и при посредственности никогда почти не нуждаются. Нѣмцы это давно поняли, потому что, какъ говоритъ Геродіанъ: Sunt Germani pecuniæ imprimis avidi (Herod. in Alex. ad an. 235), *Нѣмцы болѣе всего падки къ деньгамъ.*

Ѳедоръ Чижовъ.

Венеція, Маія 1845 года.

P. S. Сегодня, когда я кончивалъ это длинное письмо, я получилъ извѣстіе изъ Рима, что картина Г. Воробьева выставлена на Римской выставкѣ и принята всѣми съ восторгомъ. Можетъ быть, что мои сужденія объ ней были черезъ чуръ строги; они опирались на моемъ уваженіи къ таланту Г. Воробьева. Сознаюсь охотно въ моей ошибкѣ, и еще охотнѣе передаю вамъ вѣсть объ успѣхахъ нашего художника. Очень можетъ быть, что, зная до чего можетъ достигнуть молодой, весьма и весьма талантливый нашъ живописецъ, я не отдалъ ему полной заслуженной имъ справедливости.

Digitized by Google

26-е Сентября.

Всякъ человѣкъ ложь:
Псаломъ 14:

Я не всегда обычной жизни
Бываю вихремъ увлеченъ;
Смущаютъ сердце укоризны;
Не рѣдко ими пробужденъ
Отъ чаду жизненной тревоги,
Отъ мелкихъ, суетныхъ заботъ:—
Какъ бѣдный путникъ, средь дороги
Свой останавливая ходъ,
На землю съ плечъ слагаетъ бремя
И, погруженъ въ свою печаль,
Глядитъ назадъ, считаетъ время,
Усталымъ окомъ мѣритъ даль....

Такъ вызываю безпристрастно
На судъ изъ мрака и тиши,
Что̀ тамъ звучитъ, живетъ неясно, —
Движенья тайныя души;
Такъ мысли я, труда и дѣла
Причины скрытыя слѣжу,
И въ глубь души взглянувши смѣло,
Я много плевелъ нахожу!

Не то, чтобъ даръ моей свободы
Я жизни робко уступилъ,

Digitized by Google

И сѣмя доброе природы
Страстями рано заглушилъ:
Сознанье бодрое не дремлетъ,
Неумолкаемо зоветъ...
Но сердце слышитъ, и не внемлетъ,
И жизнью прежнею живетъ!

И истребить — не знаю власти,
И силы нѣтъ и недосугъ —
Мной презираемыя страсти,
Мной сознаваемый недугъ!
Вступаю-ль въ споръ, бросаюсь въ битву —
Тревожусь тщетною борьбой,
Творю несвязную молитву, —
Но вѣры нѣтъ въ молитвѣ той!

Въ чаду тщеславныхъ искушеній,
Какъ душу ты ни сторожи,
Въ ней мало чистыхъ побужденій,
Въ ней мало правды, много лжи!
Такъ мало въ насъ любви и вѣры,
Такъ въ сердцѣ мало теплоты,
Такъ мы умны, умны безъ мѣры,
Такъ мы боимся простоты!

Такъ часто громкими рѣчами
Клянемъ мы иго свѣтскихъ узъ;
Но между словомъ и дѣлами
Такъ нашъ неискренень союзъ!
Какъ быть! — Покойно и лѣниво,
Удобно, вяло и легко,
Полу-строга, полу-шутлива,
Не заносяся далеко,

Жизнь наша тянется.... «Уже ли
«Тревожить мирный нашъ очагъ?
«Зачѣмъ искать суровой цѣли
«При дешевизнѣ нашихъ благъ?

Digitized by Google

«Добры, но слабы мы, и право,
«Излишенъ строгій намъ упрекъ!...»
Такъ извиняемъ мы лукаво
Межъ насъ гнѣздящійся порокъ!

Мнѣ ясны лживые порывы
И тайна помысловъ въ тиши,
Хитросплетенные извивы
Моей испорченной души.
Привычкамъ вреднаго влеченья
Хотѣлъ бы я противустать;
Но, устрашася исцѣленья,
Спѣшу во слѣдъ другимъ опять!

И безполезно мнѣ сознанье
Душевныхъ немощей моихъ;
Мгновенный жаръ негодованья
Не властенъ свергнуть бремя ихъ.
Въ борьбахъ тяжелыхъ и безплодныхъ
Я много жизни пережилъ:
Движеній нѣтъ во мнѣ свободныхъ,
Нѣтъ первобытныхъ, свѣжихъ силъ!...

И. Аксаковъ.

Калуга. 1845 г.

Digitized by Google

ОЧЕРКЪ.

Ужъ вѣетъ все зимой могучею и грозной,
Холодной ясностью сверкаетъ синева;
Октябрской осени день пышный и морозный,
Готовясь сумраку отдать свои права,
Склонялся къ западу.... Прощальные, наводятъ
Тоску, предшествуя медлительной ночи,
И косвеннымъ столбомъ по комнатѣ проходятъ —
Отъ солнца пыльные лучи!...
Но вдругъ природа вся какъ будто встрепенулась
И свѣтомъ розовымъ подернулась.... Тогда
По небу далеко и быстро растянулась
Волнистыхъ облаковъ румяная гряда;
Зарей багровою край неба обложился,
И солнца — ярко золотой,
Невыносимый блескъ въ доступный измѣнился,
Въ шарообразно-огневой!
Мгновенно вспыхнули и жарко погорѣли
И стекла, и дома, и куполы церквей....
А тѣни, падая, ложились вкось, чернѣли,
Все безобразнѣй и длиннѣй!...
Но закатился шаръ.... Средь быстрыхъ измѣненій
Заря потухла.... Свѣтъ погасъ,
Стемнѣло. Сумерки.... раздумья грустный часъ,
Надеждъ несбыточныхъ и горькихъ сожалѣній!...

И сумерки любя, она одна сидитъ
Въ пустынной комнатѣ и темной,

Digitized by Google

И устремленный взоръ ея полу-сокрытъ
Рѣсницей длинною и томной.
Чело, склонившися подъ бременемъ мечты,
И граціозность положенья,
Ея прекрасныя и строгія черты,
Нѣмая музыка движенья,
Все дышетъ скукою, печалью и тоской:
Опять зимы чередъ исправный!
Пора рабочая для жизни городской,
Для суеты ея тщеславной,
Для свѣтскихъ радостей и мелочей пустыхъ!
Пора веселостей обычныхъ,
Гдѣ все—подъ тяжестью искусственно-простыхъ
Условій ложныхъ и приличныхъ!...
Такъ вотъ что бѣдной ей грядущее сулитъ:
Рядъ баловъ и знакомствъ, да женскія работы!
Потомъ, быть можетъ... Чтожъ? потомъ ей предстоитъ
Опять смиреніе, покорность и заботы!...
Но женской участи послушаться она
Всегда безъ ропота готова;
Лишь изрѣдка, когда въ мечты погружена,—
Ея душа стремится снова....
И дѣтство прежнее воскресло передъ ней:
Ей вспомнились—деревня, лѣто,
И роскошь зелени и золото полей,
Цвѣты, которыми по прихоти одѣта,—
По свѣжей пестротѣ некошенныхъ луговъ
Безпечно бѣгала.... Тѣ молодые годы,
Когда довѣрчиво, среди веселыхъ сновъ,
Она жила въ объятіяхъ природы!...
И неподвижность водъ при тишинѣ ночной:
Деревья спятъ; не дрогнетъ колосъ;
И слышится напѣвъ унылый и простой,
И тихій, тихій женскій голосъ!...
И часто.... Но звонятъ?... Еще.... Она встаетъ;
По милому челу прочлалось нетерпѣнье.

Digitized by Google

Нарушенъ строй души!... Вздохнувъ, она идетъ,
Готовя рукъ привѣтное движенье....
Какъ въ эти сумерки отрадно было ей!
Когда жъ свободное опять настанетъ время?
Когда?... Но ближе шумъ, дверь настежь,—и гостей
Идетъ докучливое племя!

И. Аксаковъ.

Калуга, 1845 г. Октяб. 18.

Digitized by Google

НОЧЬ.

Въ заботахъ жизни многосложной,
Въ ея шумливой пустотѣ,
Далеко мысль—о непреложной
Природы дивной красотѣ!
Такъ охлажденныхъ и привычныхъ
Насъ не смущаетъ видъ небесъ,
Ни повтореніе обычныхъ,
Всегда торжественныхъ чудесъ!
Но въ часъ внезапный пробужденья
Душѣ послышится опять
Восторга тихаго смятенье,
Мгновеній чистыхъ благодать!...

Полны чудесъ непстощимыхъ
Природы вѣчныя дѣла!
Полны пространствъ неизмѣримыхъ
Всѣ неба звѣздныя тѣла!
Идутъ числомъ несмѣтнымъ годы,
Одинъ другимъ тѣснится вѣкъ;
Смѣнились царства и народы,
Преобразился человѣкъ!...
А ты стоишь неизмѣнимо,
Не увядаешь ты одна;
Твое убранство нерушимо,—
Все тѣ же солнце и луна!
Твое безмолвіе ночное
Все то же таинство хранитъ;

Digitized by Google

Все также небо голубое
Насъ неизвѣстностью манитъ!...

А ты, которая воспѣта
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвѣта,
Какъ много думъ ты родила,
Какъ много грезъ и вздоровъ милыхъ
Повсюду, блескъ твой возлюбя,
Толпы мечтательницъ унылыхъ
Подъемлютъ взоры на тебя!...

О, помню я твое сіянье
И цѣлый рядъ такихъ ночей,
И тихій говоръ и молчанье
Невольно прерванныхъ рѣчей!
Рѣка, блестя, струилась мимо,
Шептали листья въ вышинѣ....
Проснулось все, что недвижимо
Въ душевной спало глубинѣ!...
И многихъ тѣхъ, кто въ эти ночи
Пытали думой міръ иной,
Давнымъ-давно сокрылись очи
Давнымъ-давно ихъ нѣтъ со мной!
Такъ мнѣ теперь предстали ясно
Однѣ забытыя черты....
И нынѣ также ты прекрасно,
И также тихо свѣтишь ты!

И. Аксаковъ.

Калуга, 1845 г. Ноября 2.

Digitized by Google

МНѢНІЯ РУССКИХЪ

ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ.

Письмо къ пріятелю

А. Хомякова.

Digitized by Google

Digitized by Google

МНѢНІЕ РУССКИХЪ

ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ.

Et tu quoque! и ты на меня нападаешь! и ты меня обвиняешь въ несправедливости къ Русскимъ и въ пристрастномъ судѣ надъ иностранцами! Ты говоришь, что время безусловнаго поклоненія всему Западному миновалось, что мы осуждаемъ строго, иногда даже слишкомъ строго недостатки, ошибки и пороки нашихъ Европейскихъ братій, а что съ своей стороны они часто говорятъ о нашей Руси съ уваженьемъ и доброжелательствомъ. — Скажу тебѣ сперва нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вторую твою критику. Твои цитаты изъ иностранныхъ писателей не доказываютъ ровно ничего. Кому неизвѣстно, что иногда случается Французу, или Нѣмцу, или Англичанину отозваться объ Россіи съ какимъ-то милостивымъ снисхожденіемъ, нѣсколько похожимъ на доброжелательство? Но чтожъ изъ этого? Я могъ бы тебѣ даже назвать Нѣмецкаго путешественника, Блазіуса, который съ рѣдкимъ умомъ и

Digitized by Google

безпристрастіемъ такъ оцѣнилъ Россію, что большей части изъ насъ Русскихъ можно бы было у него поучиться ,—но чтоже это доказываетъ? Дѣло не въ исключеніяхъ,—они не имѣютъ ни какой важности — будь они въ видѣ добраго слова, изрѣдко вымолвленнаго какимъ-нибудь избраннымъ умомъ, будь они въ видѣ какой-нибудь остервенѣлой клеветы, или нелѣпости, вырвавшейся у низкой души, или низкой страсти иностранца. Пусть Нѣмецкій проповѣдникъ сказалъ, что «въ дни освобожденія Европы отъ Наполеона доблестные Германцы шли впередъ, сокрушая полчища вражія, а что за ними вслѣдъ ползли (trofen) 200,000 Русскихъ, которые болѣе мѣшали, чѣмъ помогали подвигамъ сыновъ Германіи», пусть Англійскій Духовный Журналъ (Church Q. R.) объявляетъ, что лучшій кавалерійскій полкъ въ Россіи убѣжитъ передъ любою сотнею Лондонскихъ сидѣльцевъ, въ первый разъ посаженныхъ на лошадь; какое до этаго дѣло? Не по мелочамъ и не по исключеніямъ должно судить. Мнѣніе Запада о Россіи выражается въ цѣлой физіономіи его Литературы, а не въ отдѣльныхъ и ни кѣмъ не замѣчаемыхъ явленіяхъ. Оно выражается въ громадномъ успѣхѣ всѣхъ тѣхъ книгъ, которыхъ единственное содержаніе — ругательство надъ Россіею, а единственное достоинство — ясно высказанная ненависть къ ней; оно выражается въ тонѣ и въ отзывахъ всѣхъ Европейскихъ журналовъ, вѣрно отражающихъ общественное мнѣніе Запада. Вспомни обо всемъ этомъ, и скажи по совѣсти, — былъ-ли я правъ? Тебѣ не хотѣлось бы сознаться въ истинѣ моихъ словъ: тебѣ, какъ Русскому человѣку, жаждущему человѣческаго сочувствія, хотѣлось

Digitized by Google

бы увѣриться въ сочувствіи Западныхъ народовъ къ намъ: тебѣ больно встрѣчать вражду тамъ, гдѣ ты желалъ бы встрѣтить чувство братской любви.—Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь тебѣ. Но повѣрь мнѣ, всякое самообольщеніе вредно. Истину должно признавать, какъ бы она ни была для насъ горька; надобно ей глядѣть въ глаза прямо — и въ этомъ зеркалѣ всегда прочтешь какой-нибудь полезный урокъ, какой-нибудь справедливый укоръ за ошибку вольную или невольную. Въ статьѣ моей — *мнѣнія иностранцевъ объ Россіи* — я отдалъ добросовѣстный отчетъ въ чувствахъ, которыя Западъ питаетъ къ намъ. Я сказалъ, что это смѣсь страха и ненависти, которые внушены нашею вещественною силою, съ неуваженіемъ, которое внушено нашимъ собственнымъ неуваженіемъ къ себѣ. Это горькая, но полезная истина: nosce te ipsum (знай самого себя)—начало премудрости. Я не винилъ иностранцевъ: ихъ ложныя сужденія внушены имъ — нами самими, но я не винилъ и насъ, ибо наша ошибка была плодомъ нашего историческаго развитія. Пора признаться, пора и одуматься.

Ты не правъ и въ другомъ своемъ обвиненіи. Правда, мы, по видимому, строже прежняго судимъ явленія Западнаго міра, мы даже часто судимъ слишкомъ строго. «Вотъ это», говоримъ мы—«хорошо и достойно подражанія; но вотъ это дурно, недостойно народовъ просвѣщенныхъ и противно человѣческому чувству: этого мы избѣгаемъ». Въ своихъ односторонніхъ сужденіяхъ, утративъ понятіе о жизненномъ единствѣ, мы часто отдѣляемъ произвольно жизненныя явленія, которыя въ дѣйствительности неразлучны другъ съ другомъ и свя-

Digitized by Google

заны между собою узами неизбѣжной зависимости. Такимъ образомъ мы даемъ себѣ видъ строгихъ и безпристрастныхъ судей, свободныхъ отъ прежняго рабскаго поклоненія и отъ прежней безразборчивой подражательности. Но все это не иное что, какъ обманъ. Насъ уже нельзя назвать поклонниками Франціи, или Англіи, или Германіи: мы не принадлежимъ никакой отдѣльной школѣ: мы эклектики въ своемъ поклоненіи; но точно также рабски преклоняемъ колѣна передъ своими кумирами. Самобытность мысли и сужденій невозможна безъ твердыхъ основъ, безъ данныхъ, сознанныхъ или созданныхъ самобытною дѣятельностію духа, безъ такихъ данныхъ, въ которыя онъ вѣритъ твердою вѣрою разума, теплою вѣрою сердца. Гдѣ эти данныя у насъ? Эклектизмъ не спасаетъ отъ суевѣрія; и едва ли даже суевѣріе эклектизма не самое упорное изо всѣхъ: оно соединяется съ какою-то самодовольною гордостію и утѣшаетъ себя мнимою дѣятельностію лѣниваго разсудка. Въ статьѣ моей, напечатанной въ 4 N° Москвитянина, я показалъ историческій ходъ новѣйшей науки и ея развитія въ Россіи; я показалъ иноземное начало этой науки, ея исключительность и необходимое послѣдствіе ея односторонняго развитія, — глубокій и до сихъ поръ неисцѣленный разрывъ въ умственной и духовной сущности Россіи, разрывъ между ея самобытною жизнію и ея прививнымъ просвѣщеніемъ. Отъ этого разрыва произошли въ жизни безсознательность и неподвижность, въ наукѣ безсиліе и безжизненность. Едва ли эти положенія можно чѣмъ-нибудь оспорить.

Поверхностный взглядъ на наше просвѣщеніе и

Digitized by Google

на то общество, въ которомъ оно заключено—очень обманчивъ. Познанія, по видимому, такъ разнообразны и обширны, умственныя способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумишься по неволѣ. Чего бы кажется не ожидать отъ такого остроумія, отъ такого мысленнаго богатства? Какихъ великихъ открытій въ наукѣ, какихъ чудныхъ приложеній въ жизни, какихъ быстрыхъ шаговъ впередъ для цѣлой массы народа и для всего человѣчества! А что же выходитъ на повѣрку? Всѣ эти познанія, вся это умственная живость—остаются безъ плода. Я не говорю уже, что они безплодны до сихъ поръ для человѣчества, безплодны для народа, которому они совершенно чужды; но они остались безплодны для самой науки. Въ этомъ мы можемъ и должны сознаться съ смиреннымъ убѣжденіемъ. Весь этотъ блескъ ума едва ли выдумалъ порядочную мышеловку. Таково послѣдствіе разрыва между просвѣщеніемъ и жизнію! При немъ умственное развитіе заключается въ самые тѣсные предѣлы. Разумъ безъ силы и полноты остается въ мертвенномъ усыпленіи, и всѣ способности человѣка исчезаютъ въ одностороннемъ развитіи поверхностнаго разсудка, лишеннаго всякой творческой силы. Всеразлагающій анализъ въ наукѣ, но анализъ безъ глубины и важности, безнадежный скептицизмъ въ жизни, холодная и жалкая иронія, смѣющаяся надъ всѣмъ и надъ собою въ обществѣ;—таковы единственныя принадлежности той степени просвѣщенія, которой мы покуда достигли.—Но умъ человѣческій не можетъ оставаться въ этомъ мертвенномъ безсиліи. Лишенная самобытныхъ началъ, неспособная создать себѣ

Digitized by Google

собственную творческую дѣятельность, оторванная отъ жизни народной, наша наука питается безпрестаннымъ приливомъ изъ тѣхъ областей, изъ которыхъ она возникла и изъ которыхъ къ намъ перенесена. Она всегда учена заднимъ числомъ; а общество, которое служитъ ей сосудомъ, по неволѣ и безсознательно питаетъ раболѣпное почтеніе къ тому міру, отъ котораго получаетъ свою умственную пищу. Какъ бы оно, по видимому, ни гордилось, какъ бы оно строго ни судило о разнообразныхъ явленіяхъ Запада, которыхъ часто не понимаетъ, (какъ разсудокъ вообще никогда не понимаетъ жизненной полноты), оно болѣе чѣмъ когда-нибудь рабствуетъ безсознательно предъ своими Западными учителями, и къ несчастію еще рабствуетъ охотно, потому что для его гордости отраднѣе поклониться жизни, которую оно захотѣло (хотя и неудачно) къ себѣ привить, чѣмъ смириться, хоть на время, передъ тою жизнію, съ которою оно захотѣло (и къ несчастію, слишкомъ удачно) разорвать всѣ свои связи.

Признавъ нѣкоторыя развитія способностей аналитическихъ въ нашемъ, такъ называемомъ — просвѣщенномъ обществѣ, по видимому, допустилъ я и возможность неограниченнаго наукообразнаго развитія; ибо анализъ составляетъ всю сущность науки: но дѣйствительно такой выводъ былъ бы ложнымъ. Въ успѣхахъ науки строгій и всеразлагающій анализъ постоянно сопровождается творческою силою синтеза, тѣмъ ясновидящимъ гаданіемъ, которое въ людяхъ, одаренныхъ геніемъ, далеко опережаетъ медленную повѣрку опыта и анализа, предчувствуя и предсказывая будущіе выводы и всю

Digitized by Google

полноту и величіе еще несозданной науки. Это явленіе — есть явленіе жизненное, оно замѣтно въ Кеплерахъ, въ Ньютонахъ, въ Лейбницахъ, въ Кювье и въ другихъ имъ подобныхъ подвижникахъ мысли; но оно не возможно тамъ, гдѣ жизнь изсякла или заглохла. Сверхъ того самая способность аналитическая раздѣляется на многія степени, и высшія изъ нихъ доступны только тому человѣку, или тому обществу, которые чувствуютъ въ себѣ богатство жизни, не боящейся анализа и его всеразлагающей силы. У нихъ, и только у нихъ, наука имѣетъ истинную и внутреннюю свободу, необходимую для его развитія и процвѣтанія. У насъ анализъ возможенъ, но только въ своихъ низшихъ степеняхъ. При нашей ученической зависимости отъ Западнаго міра, мы только и можемъ позволить себѣ поверхностную повѣрку его частныхъ выводовъ, и никогда не можемъ осмѣлиться подвергнуть строгому допросу общія начала или основы его системъ. Я уже сказалъ это въ отношеніи къ философіи, къ политической экономіи и къ статистикѣ, показалъ подробнѣе въ отношеніи къ праву, и могъ бы показать еще съ большею подробностію въ отношеніи къ наукамъ историческимъ, которыя, по общему мнѣнію, особенно процвѣтаютъ въ нашъ вѣкъ, но которыя дѣйствительно находятся въ состояніи жалкаго безсилія и едва заслуживаютъ имя науки.

Грубый партикуларизмъ, или изложеніе произшествій въ ихъ случайномъ сцѣпленіи безъ всякой внутренней связи, — такова общая система Исторіи въ томъ видѣ, въ которомъ она до сихъ поръ является на Западѣ. Большее или меньшее остроуміе

Digitized by Google

писателя, болѣе или менѣе художественный разсказъ, большая или меньшая вѣрность съ подлинными документами, большая или меньшая тонкость или удача въ частныхъ догадкахъ — составляютъ единственное различіе между современными историческими произведеніями: система же остается все таже, у Ранке, какъ у Галлама, у Гефферера, также какъ у Неандера, у Тьери и Шлоссера также, какъ у Тьера въ его занимательной, но мелкой и близорукой Исторіи великихъ происшествій недавно минувшаго времени. Были на Западѣ попытки выйти изъ этого тѣснаго круга, и возвысить Исторію до степени истинной науки: иныя попытки были въ смыслѣ религіозномъ, иныя въ смыслѣ философскомъ, но всѣ этѣ попытки, не смотря на большее или меньшее достоинство писателей (напр. Босюэта и Лео), остались безуспѣшными. Яснѣе другихъ понялъ жалкое состояніе историческихъ наукъ послѣдній изъ великихъ философовъ Германіи, человѣкъ, который сокрушилъ все зданіе Западной философіи, положивъ на него послѣдній камень — Гегель. Онъ старался создать Исторію, соотвѣтствующую требованіямъ человѣческаго разума, и создалъ систематическій призракъ, въ которомъ строгая логическая послѣдовательность, или мнимая необходимость служитъ только маскою, за которою прячется неограниченный произволъ ученаго систематика. Онъ просто понялъ Исторію наизворотъ, принявъ современность или результатъ вообще за существенное и необходимое, къ которому необходимо стремилось прошедшее; между тѣмъ какъ современное или результатъ могутъ быть поняты разумно только тогда,—когда они являются, какъ выводъ изъ

Digitized by Google

данныхъ, предшествовавшихъ имъ въ порядкѣ времени. Его система историческая, основанная на какомъ-то мистическомъ понятіи о собирательномъ духѣ собирательнаго человѣчества, не могла быть принята: она была осыпана похвалами, и отчасти заслуживала ихъ не только по остроумію частныхъ выводовъ, но и по глубокимъ требованіямъ, высказаннымъ Гегелемъ въ этой части науки, какъ и во всѣхъ другихъ; но она осталась безъ плодовъ, по той простой причинѣ, что она дѣйствительно безплодна и смѣшна; она идетъ подъ рядъ къ его математическимъ системамъ (см. разсужденіе, объ узловыхъ линіяхъ въ отдѣленіи логики о количествѣ), по которымъ формула факта признается за его причину, и по которымъ земля кружится около солнца не вслѣдствіе борьбы противоположныхъ силъ, а вслѣдствіе формулы Элипсиса (изъ чего слѣдуетъ заключить, что ядро и бомба летятъ не вслѣдствіе пороховаго взрыва, а вслѣдствіе формулы Параболоида). Историческая система Гегеля также неразумна, какъ и его математическія умозрѣнія; но она безконечно важна потому, что доказываетъ, какъ глубоко этотъ великій умъ понималъ ничтожность современной Исторической науки. Впрочемъ въ Математикѣ, какъ и въ Исторіи, замѣтенъ у Гегеля тотъ коренной недостатокъ, который лежитъ въ самой основѣ его Логики, именно болѣе или менѣе сознательное смѣшеніе того, что въ логическомъ порядкѣ есть слѣдствіе, съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, какъ причина или исходный моментъ. Такъ напр. незамѣченное присутствіе идеи существа (Daſeyn), момента очевидно выводнаго, обращаетъ въ ничто первоначальное бытіе (Seyn) и изъ этой

Digitized by Google

ошибки развивается вся логика Гегеля. Послѣ неудачи великаго мыслителя прежній партикуляризмъ остался опять единственною системою.

Положеніе наше въ отношеніи къ Исторіи было особенно выгодно. Воззрѣніе Историка на прошедшую судьбу и жизнь человѣчества зависитъ по необходимости отъ самой жизни народа, или общества народовъ, которому онъ принадлежитъ: по этому самому нѣкоторая односторонность въ понятіяхъ и сужденіяхъ историческихъ неизбѣжна, какъ слѣдствіе односторонности, принадлежащей всякому народу, или всякому обществу народовъ. Сдѣланное однимъ пополняется и усовершенствуется другими народами, по мѣрѣ ихъ вступленія на поприще дѣятельности въ наукахъ и просвѣщеніи. Это пополненіе трудовъ нашихъ Европейскихъ братій было нашимъ дѣломъ и нашею обязанностію. Къ тому же самая Исторія Запада—едва ли не важнѣйшая часть всемірной Исторіи,—не возможная для Западныхъ писателей; ибо въ ихъ крови несознательно для нихъ самихъ живутъ и кипятъ страсти, пороки, предразсудки и ошибки предшествовавшихъ имъ поколѣній, была возможна только для насъ: но и въ этомъ дѣлѣ, не смотря на всѣ выгоды своего положенія, не смотря на явную потребность въ самой наукѣ, — сдѣлали ли мы хоть одинъ шагъ? Отъ насъ нельзя ожидать, чтобы мы могли значительно обогатить науку спеціяльными открытіями, увеличеніемъ и очищеніемъ матеріяловъ, или усовершенствованіемъ прагматизма: число истинно-ученыхъ людей и тружениковъ, посвящающихъ жизнь свою наукамъ—у насъ такъ ограниченно, или лучше сказать, такъ ничтожно, что весь итогъ ихъ частныхъ

Digitized by Google

трудовъ, не можетъ почти ничего прибавить къ трудамъ безчисленныхъ спеціялистовъ Запада. Но намъ возможны и возможнѣе даже, чѣмъ Западнымъ писателямъ (по крайнѣй мѣрѣ, по части Историческихъ наукъ) обобщеніе вопросовъ, выводы изъ частныхъ изслѣдованій и живое пониманье минувшихъ событій. Между тѣмъ въ этомъ дѣлѣ, кажется, намъ похвалиться нечѣмъ. Подвинули-ли мы, или попытались-ли подвинуть Исторію изъ прежняго безсмысленнаго партикуляризма, и постигнуть смыслъ ея великихъ явленій? Я не скажу, разрѣшили-ли мы, но подняли-ли хоть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми полна судьба человѣчества? догадались ли мы, что до сихъ поръ Исторія не представляетъ ничего, кромѣ хаоса происшествій, связанныхъ кое-какъ на живую нитку непонятною случайностью? поняли-ли мы, или хоть намекнули что̀ такое народъ,—единственный и постоянный дѣйствователь Исторіи? догадались-ли мы, что каждый народъ представляетъ такое же живое лице, какъ и каждый человѣкъ, и что внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ,—такого начала, которое опредѣляетъ судьбу Государствъ, возвышая и укрѣпляя ихъ присущею въ немъ истиною, или убивая присущею въ немъ ложью. Стоитъ только взглянуть на всѣ наши Историческіе труды, не смотря на достоинство многихъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Самыя важныя явленія въ жизни человѣчества, и великихъ народовъ, управлявшихъ его судьбами,—остались незамѣченными.—Такъ на пр. Критика историческая не замѣтила, что при переходѣ просвѣщенія съ Востока на Западъ не все

Digitized by Google

было чистымъ барышемъ, и что не смотря на великія усовершенствованія въ художествѣ, въ наукѣ и въ народномъ бытѣ—многое утратилось или обмѣлѣло въ мысляхъ и познаніяхъ человѣческихъ, особенно при переходѣ изъ Эллады въ Римъ и отъ Рима къ романизированнымъ племенамъ Запада. Такъ не обратили еще вниманія на разноначальность просвѣщенія въ древней Элладѣ. Такъ при всѣхъ глубокихъ и остроумныхъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ Нибура первая Исторія Рима не получила еще никакого живаго содержанія, и никто не замѣтилъ этого недостатка, можетъ быть, за исключеніемъ Профессора Крюкова, слишкомъ рано умершаго для друзей своихъ, для Московскаго Университета и для наукъ. Такъ въ Исторіи позднѣйшаго Рима непонято раздѣленіе ея на эпоху Цесарей и Императоровъ, раздѣленіе, по видимому, случайное, но глубоко-истинное, ибо оно основано на освобожденіи Провинцій отъ Столицы. Такъ раздѣленіе Имперіи на двѣ половины, уже появляющееся въ Дуумвиратѣ (мнимомъ Тріумвиратѣ) послѣ перваго Кесаря, потомъ яснѣе выразившееся послѣ Діоклетьяна и при преемникахъ Константина, и оставившее неизгладимыя черты въ духовной Исторіи человѣчества, отдѣленіемъ Востока отъ Запада, является постоянно дѣломъ грубой случайности, между тѣмъ какъ очевидно оно происходило отъ древнихъ началъ (отъ разницы между просвѣщеніемъ Эллинскимъ и Римскимъ) и было неизбѣжнымъ и великимъ ихъ послѣдствіемъ. Такъ Исторія Восточной Имперіи, затоптанная въ грязь гордымъ презрѣніемъ Запада, не получила еще должнаго признанія въ землѣ, которой вся

Digitized by Google

духовная жизнь ведетъ начало свое отъ Византійскихъ проповѣдниковъ. Такъ не умѣли или не осмѣлились мы сказать, что должны же были быть скрытыя сѣмена силы и величія въ томъ Государствѣ, которое выдержало побѣдоносно первый напоръ всѣхъ народовъ (за исключеніемъ Франковъ и Бургундцевъ), уничтожившихъ такъ быстро существованіе Западно-Римской Имперіи; которое потомъ отбилось отъ втораго не менѣе сильнаго нападенія Аваровъ, Болгаръ и всего разлива Славянскаго; которое, будучи затоплено и почти покорено Славянскими дружинами, — нашло въ себѣ и въ своемъ духѣ столько энергіи, что могло усвоить, принять въ свои нѣдра и эллинизировать своихъ побѣдителей; которое боролось не безъ славы и часто не безъ успѣха со всею громадною силою молодаго Ислама, и билось въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, такъ сказать, противъ когтей и пасти чудовища, уничтожившаго однимъ ударомъ хвоста Германское Царство Вестъ-Готѳовъ, и едва не сокрушившаго всю силу Запада на поляхъ Пуатьерскихъ; которое наконецъ пережило въ продолженіи почти цѣлаго тысячилѣтія своего западнаго брата, не смотря на несравненно-большія опасности, на длинныя, слабыя и беззащитныя границы, и на внутреннее разногласіе между началами частнаго просвѣщенія и основами общественнаго устройства.--Такъ непонято переселеніе народовъ Германскихъ, которое было ни что иное, какъ слѣдствіе освобожденія Восточно-Европейскихъ, т. е. Славянскихъ племенъ отъ насильственной Германской Аристократіи. Такъ въ Исторіи Западной Европы не замѣчены нравственные двигатели и физіономія народовъ, опредѣлявшіе

Digitized by Google

его судьбу: именно характеръ Франковъ, уже развращенныхъ до костей и мозга вліяніемъ Рима еще прежде завоеванія Галліи дружинами Франковъ поморскихъ (Меровингами), и Аріянство, котораго борьба съ Соборнымъ исповѣданіемъ опредѣлила всю политическую и духовную Исторію Запада. Такъ въ позднѣйшую эпоху не замѣчена прямая историческая связь между протестанствомъ, его распространеніемъ и областями, въ которыхъ оно утвердилось, съ тѣми насильственными путями, по которымъ Христіянство распространялось въ народахъ Германскихъ, и съ тѣмъ видомъ Римской односторонности, съ которымъ оно къ нимъ явилось первоначально. Не было бы конца исчисленію тѣхъ вопросовъ, которые призываютъ наше вниманіе, и требуютъ отъ насъ разрѣшенія,—ибо все поле Исторіи ждетъ переработки—а мы еще ничего не сдѣлали, подвигаясь раболѣпно въ колеяхъ, уже прорѣзанныхъ Западомъ, и не замѣчая его односторонности. Всѣ наши труды, изъ которыхъ конечно многіе заслуживаютъ уваженія, представляютъ только количественное, или такъ сказать, географическое прибавленіе къ трудамъ Западныхъ ученыхъ, не прибавляя ничего ни къ стройности Исторіи, ни къ внутреннему ея содержанію. Одинъ Карамзинъ, по безконечному значенію своему для жизни Русской, и по величію памятника, имъ воздвигнутаго, можетъ казаться исключеніемъ. Я говорю не объ огромномъ сборѣ матеріяловъ, имъ розобранныхъ, и не о добросовѣстномъ ихъ сличеніи—это дѣло прекрасное, но дѣло терпѣнія, которому доставлены были всѣ вспомогательныя средства,—я говорю о томъ духѣ жизни, который вѣетъ надъ всѣми его сказаніями.

Digitized by Google

Въ немъ видна Россія. Но она видна не въ разсказѣ событій, въ которомъ преобладаетъ характеръ безсвязнаго партикуляризма, всегда обращающаго вниманіе только на личности, и не въ сужденіяхъ часто односторонніхъ—всегда проникнутыхъ ложною системою,—а видна въ немъ самомъ, въ живомъ и краснорѣчивомъ разскащикѣ, въ которомъ такъ постоянно и такъ пламенно бьется Русское сердце, кипитъ Русская кровь и чувство Русской духовной силы и силы вещественной, которая въ народахъ есть слѣдствіе духовной. За исключеніемъ его великаго матеріяльнаго труда, Карамзинъ еще болѣе принадлежитъ искусству, чѣмъ наукѣ, и это не унижаетъ его достоинства: нелѣпо бы было требовать всего отъ одного дѣятеля. Изъ современныхъ ученыхъ нѣкоторые поняли подвигъ, къ которому Русское просвѣщеніе призвано въ Исторіи; они готовятъ будущіе труды своихъ преемниковъ, освобождая мало по малу науку изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которые она до сихъ поръ заключена невольною односторонностію народовъ, предшествовавшихъ намъ въ знаніи, и добровольною односторонностію нашей подражательности: но этихъ поборниковъ внутренней самодѣятельности въ наукѣ не много, и имъ предстоитъ не легкая борьба.

Тяжело налегло на насъ просвѣщеніе, или лучше сказать, знаніе, (ибо просвѣщеніе имѣетъ высшее значеніе) которое приняли мы извнѣ. Много подавлено подъ нимъ, (разумѣется, подавлено на время) сѣмянъ истиннаго просвѣщенія, добра и жизни. Это выражается всего яснѣе скудостію и безхарактерностію искусства въ такомъ народѣ, который далъ столько прекрасныхъ задатковъ искусству еще въ

Digitized by Google

тѣ эпохи, когда бурная жизнь общества, вѣчно потрясаемаго иноземною грозою, не позволяла полнаго и самобытнаго развитія. Безспорно нашъ вѣкъ—не есть вѣкъ художества. Художникъ (я говорю о художникѣ слова, также какъ о художникѣ формы и звука) занимаетъ весьма низкую ступень въ современномъ движеніи общественной мысли. Истинная въ своемъ началѣ, ложная въ своемъ приложеніи, односторонно высказанная и дурно понятая, система Германскихъ критиковъ о свободѣ искусства приноситъ довольно жалкіе плоды. Рабство передъ авторитетами и передъ условными формами красоты замѣнилось другимъ рабствомъ. Художникъ обратился въ актера художествъ. Нищій лицедѣй, онъ стоитъ передъ публикой—милліономъ и требуетъ отъ него задачи, или старается угадать его современную прихоть. «Прикажи,— я буду Индѣйцемъ, или древнимъ Грекомъ, или Византійцемъ! Прикажи,—я напишу тебѣ сонмы Ангеловъ, являющіеся въ облакахъ глазамъ созерцателя пустынника, или Зевса и Геру на вершинахъ Иды, или землятрясеніе, или Баварію въ вѣнцѣ небывалыхъ торжествъ! Потребуй,—я спою славу твоего величія и скажу, что ты преславная земля, всемірный великанъ, у котораго одинъ глазъ во лбу—Парижъ; или пропою пѣснь Христіянскаго смиренія, или сочиню романъ, чтобы воспользоваться внезапнымъ страхомъ, напавшимъ на тебя—какъ бы Іезуиты не украли у тебя всѣхъ денегъ изъ кармана. Я на все готовъ!» И милліонъ—вдохновитель приказываетъ, и художникъ актеръ ломается болѣе или менѣе удачно въ заданной ему ролѣ, и милліонъ хлопаетъ въ ладоши, принимая это за художество. Нѣмецкіе крити-

Digitized by Google

ки были правы, проповѣдуя свободу искусства; но они не вполнѣ поняли, а ученики ихъ поняли еще меньше, что свобода есть качество чисто отрицательное, не дающее само по себѣ никакого содержанія, и художники современные, давъ полную волю своей безразборчивой любви ко всѣмъ возможнымъ формамъ прекраснаго, доказали только то, что въ душѣ ихъ нѣтъ никакого внутренняго содержанія, которое стремилось бы выразиться въ самобытныхъ образахъ и могло бы ихъ создать. Я уже это и прежде говорилъ и, кажется, ты соглашался со мною.—Но явленія западнаго міра не должны бы были еще относиться къ намъ. Народъ народу не примѣръ. Когда на всемъ Западѣ (за исключеніемъ Англіи) замерло искусство, тогда, оно возстало въ полномъ блескѣ въ Германіи. Если перекипѣвшая жизнь западнаго міра оставила ему внутреннюю скудость скептическаго анализа и холодъ сердца, много надѣявшагося и обманутаго въ своихъ надеждахъ, — какое бы, казалось, дѣло намъ до того?—Наша жизнь не перекипѣла и наши духовныя силы еще бодры и свѣжи. Дѣйствительно единственное, высокое, современное, художественное явленіе (въ художествѣ слова) принадлежитъ намъ. Этою радостію подарила насъ Малороссія, менѣе средней Россіи принявшая въ себя наплывъ чужеземныхъ началъ. Между тѣмъ какъ Западная (Бѣлая) Россія сокрушена была ими, или обезсилѣла, по видимому на долго, какъ Малороссія мало ими потрясена въ своей внутренней жизни; собственно Средней или Великой Руси предстоитъ борьба съ иноземнымъ просвѣщеніемъ и съ его рабскою подражательностію. Принявъ въ себя познанія во всей ихъ полнотѣ, она

Digitized by Google

должна достигнуть и достигнетъ самобытности въ мысли. Къ счастію время не ушло, — и не только борьба возможна, но и побѣда несомнѣнна. Впрочемъ такія переходныя эпохи не совсѣмъ благопріятны для искусствъ.

Оцѣнка нашего просвѣщенія, мною теперь выказываемая, сдѣлана уже весьма многими, и ясно для всѣхъ, хотя, можетъ быть, еще не всѣ отдали себѣ яснаго отчета въ ней. Такое внутреннее сознаніе необходимо должно сопровождаться невольнымъ смиреніемъ; и смиреніе въ такомъ случаѣ—есть дань истинѣ и лучшимъ побужденіямъ разума человѣческаго. По этому какъ бы ни притворялись мы, (т. е. наша наука и общество, которое ее въ себя воплотило) какую бы личину ни надѣвали, мы дѣйствительно ставимъ западный міръ гораздо выше себя и признаемъ его несравненное превосходство. Во многихъ это сознаніе является откровенно, и заслуживаетъ уваженія; ибо современники не виноваты въ наслѣдственномъ отчужденіи своемъ отъ жизни народной и отъ высокихъ началъ, которыя она въ себѣ содержала и содержитъ; а благоговѣніе передъ высокимъ развитіемъ просвѣщенія, хотя не полнаго и болѣзненнаго на Западѣ, и передъ жизнію, изъ которой оно возникло, свидѣтельствуетъ о высокихъ стремленіяхъ и требованіяхъ души. Въ другихъ тоже самое чувство прячется отъ поверхностнаго наблюденія подъ какимъ-то видомъ самодовольства и даже хвастливости народной;— но это самодовольство и хвастливость унизительны. Въ немъ видны признаки самовольнаго обмана или внутренняго огрубенія. Люди, оторванные отъ жизни народной и слѣдовательно отъ истиннаго про-

Digitized by Google

свѣщенія, лишенные всякаго прошедшаго, бѣдные наукою, не признающіе тѣхъ великихъ духовныхъ началъ, которыя скрываетъ въ себѣ жизнь Россіи, и которыя время и Исторія должны вызвать наружу, не имѣютъ разумныхъ правъ на самохвальство и на гордость передъ тѣмъ міромъ, изъ котораго почерпали они свою умственную жизнь—хоть не полную, хоть и скудную. Раболѣпные подражатели въ жизни, вѣчные школьники въ мысли, они въ своей гордости, основанной на вещественномъ величіи Россіи, напоминаютъ только гордость школьника-бàрченка передъ бѣднымъ учителемъ. Слова ихъ изобличаются во лжи всею ихъ жизнію. За то это раболѣпство передъ иноземными народами явно не только для Русскаго народа, но и для наблюдателей иностранныхъ. Они видятъ нашъ разрывъ съ прошедшею жизнію и говорятъ о немъ часто,—Русскіе съ тяжкимъ упрекомъ, а иностранцы съ насмѣшливымъ состраданіемъ. Такъ напр. ты самъ знаешь, что остроумный Французъ говорилъ: «Vous autres Russes, vous me paraissez un singulier peuple. Enfants de noble race, vous vous amusez à jouer le rôle d'enfants trouvés.» (*) Это колкое замѣчаніе очень справедливо. Оно въ немногихъ словахъ выражаетъ фактъ, который безпрестанно является намъ въ разныхъ видахъ и влечетъ за собою неизчислимыя послѣдствія. Часто видимъ людей Русскихъ и, разумѣется, принадлежащихъ къ высшему образованію которые безъ всякой необходимости оставляютъ Рос-

(*) Странный вы народъ Русскій! Вы потомки великаго историческаго рода, а разыгрываете добровольно роль безродныхъ найденышей!

Digitized by Google

сію и дѣлаются постоянными жителями чужихъ краевъ. Правда, такихъ выходцевъ осуждаютъ, и осуждаютъ даже очень строго. Мнѣ кажется, они заслуживаютъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ осужденія. Отечества человѣкъ не броситъ безъ необходимости, и не измѣнитъ ему безъ сильной страсти. Но никакая страсть не движетъ нашими равнодушными выходцами; можно сказать, что они не бросаютъ отечества, или лучше, что у нихъ никогда отечества не было. Вѣдь отечество находится не въ Географіи. Это не та земля, на которой мы живемъ и родились, и которая въ ландкартахъ обводится зеленой, или желтой краскою. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, къ которой я приписанъ; даже не та, которою я пользуюсь и которая мнѣ давала съ дѣтства такія-то, или такія-то права, и такія-то или такія-то привилегіи. Это та страна и тотъ народъ создавшій страну, съ которыми срослась вся моя жизнь, все мое духовное существованіе, вся цѣлость моей человѣческой дѣятельности. Это тотъ народъ, съ которымъ я связанъ всѣми жилами сердца, и отъ котораго оторваться не могу, чтобы сердце не изошло кровью и не высохло. Тотъ, кто бросаетъ отечество въ безуміи страсти, — виновенъ передъ нравственнымъ судомъ, какъ всякой преступникъ, пожертвовавшій какою бы то ни было святынею вспышкѣ требованія эгоистическаго. Но разрывъ съ жизнію, разрывъ съ прошедшимъ и раздоръ съ современнымъ – лишаютъ насъ большей части отечества, и люди, въ которыхъ съ особенною силою выражается это отчужденіе, заслуживаютъ еще болѣе сожалѣнія, чѣмъ порицанія. Они жалки, какъ всякій человѣкъ, не имѣющій отече-

Digitized by Google

ства, жалки какъ Жидъ, или Цыганъ,—или еще жалче потому, что Жидъ еще находитъ отечество въ исключительности своей Религіи, а Цыганъ въ исключительности своего племени. — Они жертвы ложнаго развитія.

За всѣмъ тѣмъ, не смотря на наше явное или худо скрытое смиреніе передъ Западомъ, не смотря на сознаваемую нами скудость нашего существованія, образованность наша имѣетъ и свою гордость, гордость рѣзкую, непріязненную и вполнѣ убѣжденную въ своихъ разумныхъ правахъ. Эту гордость бережетъ она для домашняго обихода, для сношеній съ жизнію, отъ которой оторвалась. Тутъ она является представительницею инаго высшаго міра, тутъ она смѣла и самоувѣренна, тутъ гордость ея получаетъ особый характеръ. Какъ гордость рода опирается на воспоминаніи о томъ, «что предки наши Римъ спасли», такъ эта гордость опирается на всѣхъ болѣе или менѣе справедливыхъ правахъ Запада. «Правда, мы ничего не выдумали, не изобрѣли и не создали: за то, чего не изобрѣли и не создали наши учители, наши, такъ сказать, братья по мысли на Западѣ?» Образованность наша забываетъ только одно, именно то, что это братство не существуетъ. Тамъ, на Западѣ, образованность плодъ жизни, и она жива; у насъ она заносная, не выработанная и не заслуженная трудомъ мысли, и мертва. Жизнь уже потому, что жива, имѣетъ право на уваженіе, а жизнь создала нашу Россію.

Впрочемъ это соперничество между исторической жизнію съ одной стороны и прививною образованностію съ другой было неизбѣжно. Такія два начала не могли существовать въ однэй и той же

Digitized by Google

землѣ, и оставаться другъ къ другу равнодушными: каждое должно было стараться побороть или передѣлать стихію ему противоположную. Отъ жизни оторвались всѣ ея высшіе представители, весь кругъ, въ которомъ замыкается и сосредоточивается все внутреннее движеніе общественнаго тѣла, въ которомъ выражается его самосознаніе. Разрозненная жизнь ослабла, и сопротивлялась напору ложной образованности только громадою своей неподвижной силы. Гордая образованность, сама по себѣ ничтожная и безсильная, но вѣчно черпающая изъ живыхъ источниковъ западной жизни и мысли,—вела борьбу неутомимо и сознательно, губя мало по малу лучшія начала жизни и считая свои гибельные успѣхи истиннымъ благодѣяніемъ, вѣря своей непогрѣшимости и пренебрегая жизнію, которой не знаетъ и знать не хочетъ.— Между тѣмъ общество продолжало во многихъ отношеніяхъ по видимому преуспѣвать и крѣпнуть: но даже и эти явленія, чисто внѣшнія, нисколько не исцѣляющія внутренняго духовнаго раздора и его разрушительной болѣзни, происходили отъ сокрытыхъ и уцѣлѣвшихъ внутреннихъ силъ жизни, неподвергнувшихся, или не вполнѣ подвергнувшихся разрушительному дѣйствію чужеземнаго наплыва. Ты самъ помнишь того стараго барина, который, отслуживъ свою очередь, переѣхалъ къ намъ съ Сѣвера въ Москву. Онъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать подъ Московскими колоколами, и полюбилъ душою все то, чего прежде не понималъ. Помнишь ты и то, какъ пріѣхалъ къ нему сынокъ проситься за границу, и какъ часто между ними происходили споры обо всемъ Русскомъ и не Русскомъ въ Россіи. Разъ случилось, что сынъ сказалъ

Digitized by Google

ему : « развѣ не нашему просвѣщенному времени принадлежитъ слава побѣдъ и самое имя великаго Суворова ? » Старикъ оборотился къ осьмидесятилѣтнему отставному маіору , давно уже отпустившему сѣдую бороду, и спросилъ съ улыбкою: «что, Трофимъ Михайловичь, похожи были Суворовъ и его набожные солдатики на моего Мишеля и его пріятелей ?» Разговоръ кончился общимъ смѣхомъ, и долгимъ басистымъ хохотомъ сѣдаго маіора , которому эта мысль показалась нестерпимо-смѣшною. Молодой денди сконфузился. Точно такого же рода вопросъ и съ такимъ же отвѣтомъ могъ бы быть приложенъ и ко всему великому, совершенному нами, если бы мы только умѣли глядѣть въ глубь происшествій, а не останавливали бы своего наблюденія на самой ихъ верхушкѣ. Но эти простыя истины ясны для некнижнаго ума и недоступны для нашего просвѣщенія. Перенесенное, какъ готовый плодъ, какъ вещь, какъ формула изъ чужой стороны, оно не понимаетъ ни жизни, изъ которой оно возникло, ни своей зависимости отъ нея : оно вообще ни съ какою жизнію и ни съ чѣмъ живымъ существовать не можетъ. Ей доступны только одни результаты, въ которыхъ скрывается и исчезаетъ все предшествовавшее имъ жизненное движеніе. Такъ вообще весь Западъ представляется ему въ своемъ устройствѣ общественномъ и въ своемъ художественномъ или ученомъ развитіи, какъ сухая формула, которую можно перенести на какую угодно почву, исправивъ мелкія ошибки, разграфивъ по статьямъ и свѣривъ статью съ статьею, какъ простую конторскую книгу, между тѣмъ какъ самъ Западъ созданъ не наукою, а бурною и треволненною

Digitized by Google

Исторіею, и въ глазахъ строгаго разсудка не можетъ выдержать ни малѣйшей аналитической повѣрки. Это конечно говорится мною не въ попрекъ, а въ похвалу. Мелкое мѣрило разсудка ничтожно для проявленій цѣлости человѣческой и только то право въ его глазахъ, что въ жизни не годно.

На Западѣ всякое учрежденіе, также какъ и всякая система содержитъ въ себѣ отвѣтъ на какой нибудь жизненный вопросъ, заданный прежними вѣками. Борьба между племенами завоевательнымъ и завоеваннымъ, борьба между дикимъ и воинственнымъ бароном, бичемъ селъ и ихъ безсильныхъ жителей, и промышленнымъ городскимъ бароном (т. е. феодальною городскою общиною), врагомъ тѣхъ же безсильныхъ жителей сельскихъ; борьба между Христіянскимъ чувствомъ, отвергающимъ Христіянское ученіе и Христіянскимъ ученіемъ, отвергающимъ Христіянскую жизнь; борьба между свободою мысли человѣческой и насиліемъ схоластическаго преданія, — все это нестройное и отчасти безсмысленное прошедшее выпечаталось въ настоящемъ, разрѣшаясь, или находя мнимое примиреніе въ условныхъ и временныхъ формахъ. Жизнь вездѣ предшествовала наукѣ и наука безсознательно отражаетъ то прошедшее, надъ которымъ часто смѣется. Такъ до нашего времени мнимая наука права, о которой я говорилъ въ своей статьѣ, не чувствуетъ, что она есть ничто иное, какъ желаніе обратить въ самобытныя и твердыя начала факты, выведенные изъ борьбы тѣсной Римской Государственности съ дикими понятіями Германца о неограниченныхъ правахъ личности. Такъ все соціялистическое и комунистическое движеніе, съ его гордыми притязаніями

Digitized by Google

на логическую послѣдовательность, есть ничто иное, какъ жалкая попытка слабыхъ умовъ, желавшихъ найти разумныя формы для безсмысленнаго содержанія, завѣщаннаго прежними вѣками. Впрочемъ эта попытка имѣетъ свое относительное достоинство и свой относительный смыслъ въ той мѣстности, въ которой она явилась; нелѣпо только вѣрованіе въ нее и возведеніе ее до общихъ человѣческихъ началъ. — Я сказалъ уже о безсмысленности всего спора объ освобожденіи женщины, спора, который занимаетъ такое важное мѣсто въ новомъ соціялизмѣ; я сказалъ, что споръ, который идетъ, по видимому, о правахъ, шелъ дѣйствительно о взаимныхъ обязанностяхъ мужчины и женщины. Онъ очевидно не заслуживаетъ мѣста въ наукѣ, но весьма важенъ въ отношеніи къ жизни народовъ, — ибо въ немъ отражается великій фактъ нравственной исторіи. Жоржъ-Зандъ переводитъ въ сознаніе и въ область науки только ту мысль, которая была проявлена въ жизни Нинономъ (Ninon d'Enclos), и которой относительная справедливость къ обществу была доказана истиннымъ уваженіемъ общества къ этой дерзко-логической женщинѣ. Точно также всѣ сужденія комунистовъ объ уничтоженіи брака представляютъ, не смотря на свою дѣйствительную нелѣпость, совершенно вѣрный выводъ изъ той общественной жизни, изъ которой возникли. Въ развитіи внутренней исторіи Запада обычай находился безпрестанно въ раздорѣ съ законами, по видимому, признаваемыми обществомъ, а бракъ, носящій лицемѣрно названіе, освященное Христіянствомъ, былъ уже давно ничто иное, какъ гражданское постановленіе, снабжающее дворянскіе роды болѣе или

Digitized by Google

менѣе законными наслѣдниками для родовыхъ имуществъ. Таковъ, говорю я, былъ приговоръ общества, давно уже признанный хотя и скрываемый общественнымъ лицемѣріемъ! Когда безусловная законность наслѣдственнаго права подверглась разбору и отрицанію (также вслѣдствіе жизненнаго, а не наукообразнаго процесса), неминуемо тому же отрицанію долженъ былъ подвергнуться и бракъ. Наука воображала, что дѣйствуетъ свободно, между тѣмъ какъ принимала опредѣленіе, данное предшествовавшею жизнію, и смѣшивала понятія совершенно противоположныя другъ другу.

Точно тоже можно бы было прослѣдить и въ Французскихъ ученикахъ соціялистической школы и въ Нѣмецкихъ переродкахъ школы художественно-философской, когда они толкуютъ о возстановленіи правъ тѣла человѣческаго, аки бы подавленнаго притязаніями духа. При всемъ безсиліи ихъ разсужденій, при всей ихъ логической ничтожности — они представляютъ также фактъ весьма важный, именно стремленіе освятить приговоромъ науки приговоръ давно уже сдѣланный жизнію. Въ самой идеѣ комунизма проявляется односторонность, которая лежитъ не столько въ разумѣ мыслителей, сколько въ односторонности понятій, завѣщанныхъ прежнею Исторіею Западныхъ народовъ. Наука старается только дать отвѣтъ на вопросъ, заданный жизнію, и отвѣтъ выходитъ односторонній и неудовлетворительный потому, что односторонность лежала уже въ вопросѣ, заданномъ тому XIII вѣковъ назадъ Германскою дружиною, завоевавшею Римскій міръ. Мыслители Западные вертятся въ безъисходномъ кругѣ, потому только, что идея общины имъ не доступна. Они не

Digitized by Google

могутъ идти никакъ дальше ассоціяціи (дружины). Таковъ окончательный результатъ, болѣе или менѣе высказанный ими, и, можетъ быть, всѣхъ яснѣе выраженный Англійскимъ писателемъ, который называетъ теперешнее общественное состояніе стадообразіемъ (gregariousness) и смотритъ на дружину (association), какъ на золотую, лучшую и едва достижимую цѣль человѣчества. Наконецъ въ той наукѣ, которая наименѣе (разумѣется, кромѣ точныхъ наукъ) зависитъ отъ жизни, въ томъ народѣ, который наименѣе имѣетъ дѣло съ жизнію, — въ философіи и въ Нѣмцѣ—философѣ, любопытно прослѣдить явленіе жизненной привычки. Гегель въ своей геніяльной феноменологіи дошелъ до крайняго предѣла, котораго могла только достигнуть философія по избранному ею пути: онъ достигъ до ея самоуничтоженія. Выводъ былъ простъ и ясенъ; заслуга безсмертна. И за всѣмъ тѣмъ его строгій логическій умъ не понялъ своего собственнаго вывода. Быть безъ философіи! отказаться отъ завѣта столькихъ вѣковъ! оставить свою, т. е. ново-Нѣмецкую жизнь безъ всякаго содержанія! — это было невозможностью. Гегель въ невольномъ самообманѣ создалъ колоссальный призракъ своей логики, свидѣтельствуя о великости своего генія великостію своей ошибки.

Таковы отношенія жизни къ наукѣ, таковы онѣ въ добрѣ и злѣ! Нинона, завѣщающая библіотеку Вольтеру, представляетъ эти отношенія въ довольно ясномъ символѣ; но это не понятно для общества, отрѣшившагося отъ жизни.

Достояніе такого общества — есть тѣсная разсудочность, мертвая и мертвящая. Она — необходимое послѣдствіе сильныхъ и коренныхъ реформъ, или

Digitized by Google

переворотовъ, особенно такихъ реформъ, которыя совершены быстро и насильственно. Такова причина почему на Западѣ она составляетъ въ наше время отличительную характеристику Франціи, утратившей болѣе другихъ народовъ жизненное историческое свое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что какая-то мелкость и скудость духовной жизни была издавно принадлежностію этой земли, не имѣвшей никогда ни истиннаго художества (кромѣ зодчества среднихъ вѣковъ), ни истинной поэзіи; но она очевидно еще болѣе обнищала, оторвавшись отъ прошедшаго въ кровавомъ переворотѣ, окончившемъ прошлое столѣтіе. Быть можетъ, со временемъ пробьется новая жизнь во Франціи изъ такихъ началъ, которыя до сихъ поръ не являлись на поприще историческое и будутъ вызваны новымъ ходомъ всего общечеловѣческаго просвѣщенія; но очевидно, что послѣ кроваваго переворота, положившаго конецъ прежней Французской Монархіи, Франція еще не проявила въ себѣ тѣхъ жизненныхъ силъ, которыя могли бы создать въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ искусствахъ или въ наукахъ новыя и самобытныя формы для духовной дѣятельности человѣческой. Революція была ни что иное, какъ голое отрицаніе, дающее отрицательную свободу, но не вносящее никакого новаго содержанія; и Франція нашего времени живетъ займами изъ богатствъ чужой мысли (Англійской или Нѣмецкой), искажая чужія системы ложнымъ пониманіемъ, обобщая частное въ своихъ поверхностныхъ и ложныхъ приложеніяхъ, размельчая и дробя все цѣльное и живое и подводя все великое подъ мелкій уровень разсудочнаго формализма. Примѣръ тому я уже показалъ въ искаженіи суда

Digitized by Google

присяжныхъ, который Франція приняла, не понявъ, и перевела изъ области живыхъ и нравственныхъ учрежденій въ сухую и мертвую коллегіяльность. Послѣдствія этой перемѣны извѣстны всѣмъ, кому сколько нибудь знакома юридическая исторія Англіи и Франціи; но причина и характеръ самой перемѣны не были до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, замѣчены. Въ этомъ состояніи просвѣщенія и общества во Франціи можно найти причину того особеннаго сочувствія, которое наше просвѣщеніе, не смотря на свой эклектизмъ, оказываетъ къ ней. Отсутствіе жизни составляетъ связь, соединяющую ихъ. За всѣмъ тѣмъ должно признать превосходство Французскаго просвѣщенія передъ нашимъ. Во первыхъ оно не совсѣмъ разорвало связь съ прошедшимъ, во вторыхъ оно имѣетъ гораздо болѣе характеръ явленія всенароднаго, и слѣдовательно не сопровождается внутреннимъ раздоромъ, убивающимъ всякую возможность плодотворной дѣятельности. Честь полной безжизненности — остается за нами.

То внутреннее сознаніе, которое гораздо шире логическаго и которое составляетъ личность всякаго человѣка, также какъ и всякаго народа — утрачено нами. Но и тѣсное логическое сознаніе нашей народной жизни не доступно намъ по многимъ причинамъ, по нашему гордому презрѣнію къ этой жизни, по неспособности чисто разсудочной образованности понимать живыя явленія и даже по отсутствію данныхъ, которыя могли бы быть подвергнуты аналитическому разложенію. Не говорю, чтобы этихъ данныхъ не было, но онѣ всѣ таковы, что не могутъ быть поняты умомъ воспитаннымъ иноземъ-

Digitized by Google

ною мыслію и закованнымъ въ иноземныя системы, не имѣющія ничего общаго съ началами нашей древней духовной жизни и нашего древняго просвѣщенія.

Не трудно бы найти множество примѣровъ этой непонятливости: но я тебѣ упомяну только объ одномъ особенно разительномъ и важномъ. Въ недавнемъ времени хозяйственное зло черезполосности вызвало мѣры къ его уничтоженію. Мѣры этѣ состояли только въ назначеніи сроковъ и въ выборѣ посредниковъ. За тѣмъ все остальное предоставлено на волю самихъ владѣльцевъ. Ничего принудительнаго, ничего стѣсняющаго, ничего формальнаго. Всякой размѣнъ позволенъ, всякое печатное толкованіе о дѣлѣ размѣжеванія допущено; сроки довольно длинные, посредники совершенно безъ власти; весь вопросъ и его разрѣшеніе отданы общему смыслу. Ты знаешь точно также, какъ я, каковы были толки нашего просвѣщеннаго общества, и какая полная была увѣренность въ неудачѣ. «Сроки? ими никто не воспользуется. Размѣны? ихъ никто дѣлать не будетъ, всякій заупрямится. Увѣщанія? да, уломаешь оброчнаго крестьянина, или мелкаго помѣщика. Посредникъ? какъ же! послушаются его, когда онъ не имѣетъ никакой власти! Посредникъ просто безполезное лице. Едва ли составится хоть одна полюбовная сказка: вѣдь для сказки нужно общее согласіе,—а возможное-ли дѣло общее согласіе? — добро бы еще большинство. Безъ принужденія—просто ничего не будетъ.» Таковы были толки нашего просвѣщенія, а каковъ былъ результатъ, ты самъ знаешь. Смѣло можно сказать, что онъ вполнѣ оправдалъ избранный путь и что успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія

Digitized by Google

даже тѣхъ людей, которые знаютъ и вѣрятъ въ разумъ Русской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ былъ бы еще полнѣе, если бы не встрѣтилось чисто вещественное затрудненіе въ недостаточномъ числѣ землемѣровъ и въ недостаткѣ прежнихъ плановъ, которые или утрачены, или зарыты въ грудахъ другихъ бумагъ; но каковъ онъ есть, онъ уже представляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ нашемъ хозяйственномъ бытѣ и одно изъ отраднѣйшихъ явленій нашего нравственнаго быта. Побѣждены были такія затрудненія, которыхъ, казалось, и устранить нельзя. Положены были сказки съ общаго согласія и размежеваны дачи, въ которыхъ было около ста дачниковъ; переселены цѣлыя деревни; придуманы самыя неожиданныя сдѣлки, и значительныя, хотя дѣйствительно временныя, денежныя пожертвованія сдѣланы владѣльцами помѣщиками и едва ли еще не чаще крестьянами; но важнѣе денежныхъ пожертвованій было то, что во многихъ и многихъ случаяхъ самолюбіе и привычки были принесены въ жертву общей пользѣ. Въ иныхъ мѣстахъ за основаніе раздѣла принято владѣніе, въ другихъ крѣпости, въ другихъ показанія стариковъ и память о старинѣ. Но вездѣ сохранена справедливость, не только та мертвая справедливость, которую оправдываетъ законникъ формалистъ, но та живая правда, съ которою согласуется и которой покоряется человѣческая совѣсть. И замѣть, что успѣхи пошли гораздо быстрѣе съ назначенія посредника, этого безвластнаго и, по прежнему мнѣнію — незначительнаго лица. Я называю такое явленіе однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ и поучительныхъ въ нашемъ нравственномъ бытѣ. Просвѣщеніе наше, если бы хотѣло что

Digitized by Google

нибудь узнать, узнало бы по немъ много: оно могло бы понять сколько нибудь Русской духъ, и его покорность передъ нравственными началами. Назначеніе посредника и его успѣхъ — есть только повтореніе многихъ исконныхъ фактовъ Русской юридической жизни. Самое безвластіе посредника заключаетъ въ себѣ великую власть: оно оставляетъ при немъ одно только значеніе безстрастной справедливости и примиряющаго доброжелательства. Просвѣщенная критика должна бы узнать въ посредникахъ и успѣхѣ ихъ дѣйствія — тѣже самыя чувства и тѣ же начала, которыя въ старину создали судъ третями, т. е. лицами, представляющими истца и отвѣтчика, отрѣшенныхъ отъ слѣпоты своекорыстныхъ страстей, и судъ поротниками или цѣловальниками, или присяжными, перешедшій въ Англію и сохранившійся въ Англійскомъ судѣ присяжными. Вездѣ проявляется таже высоконравственная покорность передъ безстрастнымъ разумомъ, та же прекрасная вѣра въ совѣсть и въ достоинство человѣческое. Трудно и едва-ли возможно найти начало болѣе благородное и плодотворное: въ немъ наука могла бы и должна узнать завѣтъ глубокой древности и общества, связаннаго еще узами истиннаго братства, а не условнаго договора; въ немъ же могла бы она узнать и различіе двухъ понятій о законности формальной и о законности духовной или истинной. Такія познанія необходимы не только для современной нашей жизни, но и для уразумѣнія нашей жизни прошедшей, или великихъ фактовъ нашей Исторіи. Имъ только могла бы уясниться вся бурная эпоха, раздѣляющая кончину послѣдняго изъ преемниковъ Рю-

Digitized by Google

рика и перваго изъ царственнаго рода Романовыхъ.—Недавно, въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, была напечатана критика на Пушкинскаго Годунова и на ложныя понятія объ Исторіи Годунова, переданныя Карамзинымъ Пушкину. Можно согласиться со многими положеніями и догадками Критика, оставляя въ сторонѣ его промахи по части художественной, (на пр. смѣшное названіе мелодраматическаго Героя, данное Пушкинскому Годунову, въ которомъ очевидно преобладаетъ эпическое начало), — можно согласиться, что въ Годуновѣ не было собственно такъ называемой геніяльности, и что если бы онъ былъ одаренъ бо́льшею силою духа и съумѣлъ увлечь Россію въ новые пути дѣятельности и жизни, — не та бы была судьба его самого и его несчастныхъ дѣтей. Это замѣчаніе не безъ достоинства; но оно далеко не изчерпываетъ предмета. Нѣтъ народа, который бы требовалъ постоянной геніяльности въ своихъ правителяхъ; и въ сынѣ Ѳеодора Никитича Романова, умирителѣ треволненной Россіи, незабвенномъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, возведенномъ на престолъ путемъ избранія, также какъ Годуновъ, трудно найти признаки геніяльности, въ которой отказываютъ Царю Борису. Разница между отношеніями народа къ первому и ко второму избраннику (ибо Шуйскаго, какъ незаконно избраннаго, должно исключить) происходила отъ чисто нравственныхъ началъ, понятныхъ только въ нашей Исторіи и совершенно чуждыхъ Западному міру. Это была разница между законностію формальною и законностію истинною. Россія видѣла въ Годуновѣ человѣка, который втерся въ ея выборъ, отстранивъ всякую возможность другаго вы-

Digitized by Google

бора: тутъ была законность внѣшняя—призракъ законности. Въ Михаилѣ видѣла она человѣка, котораго избрала сама, съ полнымъ сознаніемъ и волею, и которому добродушно и разумно повѣрила судьбу свою, также какъ тѣмъ самымъ избраніемъ повѣрила судьбу своего потомства—его роду.—Тутъ была законность внутренняя и истинная. Это чувство отражается безсознательно и въ Карамзинѣ, и въ отзывахъ его о Годуновѣ. Въ немъ безпрестанно невольно выражается какое-то негодованіе на плутню Годунова, если можно употребить такое выраженіе о такомъ великомъ историческомъ происшествіи. И выраженія этого негодованія были даже часто предметомъ критики, по видимому, справедливой; но и тутъ, какъ и вездѣ, Карамзинъ Историкъ Художникъ сохраняетъ свое достоинство. Въ немъ Россія выражается безсознательно, и онъ, какъ самый народъ, хотѣлъ бы, да не можетъ любить Годунова; и онъ, какъ народъ, искалъ, и не находилъ законности истинной въ формальномъ призракѣ законности. Это чувство принадлежитъ собственно Россіи, какъ общинѣ живой и органической; оно не принадлежитъ и не могло принадлежать условнымъ и случайнымъ обществамъ Запада, лежащимъ на беззаконной основѣ завоеванія. Въ этомъ отношеніи можно бы исключить Англію изъ остальнаго Запада; но это исключеніе было бы понятно только при Исторіи Англіи, взятой съ совершенно новой точки зрѣнія. Я прибавлю только, что въ сравненіи съ другими землями Европы, — Англія есть по преимуществу земля живая. Когда я сказалъ въ моей статьѣ, что она сильна не учрежденіями своими, но не смотря на учрежденія свои, —

Digitized by Google

я подвергся нападеніямъ моихъ читателей. Д'Израэли, котораго я тогда еще не читалъ, сказалъ точно тоже и еще сильнѣе: «English manners savè England from English law ». И Англичане поняли всю справедливость этихъ словъ. Но такое воззрѣніе не можетъ быть доступнымъ нашему просвѣщенію. Его односторонней разсудочности доступенъ только формализмъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности — будь это въ наукѣ или обществѣ, или художествѣ.

При разрывѣ между самобытною нашею жизнію и привозною наукою, эти два начала, какъ я сказалъ, не могли оставаться совершенно чуждыми другъ-другу : между ними происходила постоянная борьба. Жизнь сопротивлялась вліянію иноземнаго , или, такъ сказать, колоніяльнаго начала только своею неподвижностію ; прямаго же вліянія на него не имѣла, развѣ только тѣмъ, что мѣшала ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою нибудь изъ Западныхъ народностей. Просвѣщеніе же дѣйствовало постоянно , признавая жизнь , или, лучше сказать, составъ народный, за грубый матеріалъ, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что нибудь разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующею , а только имѣющею существовать. Вся эта громада , которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу человѣчества , являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человѣческихъ единицъ , связанныхъ или сбитыхъ въ одно цѣлое внѣшними и случайными дѣйствователями: жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей ее, оно какъ будто бы и не предполагало ,

Digitized by Google

а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словѣ презрѣнія, или насмѣшки. Разумѣется эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредѣленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя рѣшенія. Ихъ должно искать въ общемъ ходѣ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно вырвавшіяся слова часто яснѣе выказываютъ мысль, чѣмъ обдуманный и обсуженный приговоръ; въ нихъ всегда менѣе лицемѣрія, болѣе искренняго чувства, и часто болѣе общаго мнѣнія, чѣмъ личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность, отъ Земледѣльческой Газеты, которая частехонько представляетъ Русскаго крестьянина какимъ-то безсмысленнымъ и почти безсловеснымъ до изящнѣйшихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаетъ въ Русскомъ человѣкѣ, умъ, понятливость, смышленость и нѣкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всякихъ убѣжденій и разумныхъ началъ, т. е. порядочные матеріалы для будущаго человѣка, а все таки еще не человѣка. Такими же словами богатъ нашъ общественный разговоръ, отъ бесѣды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презрѣніе къ бородачу, до тѣхъ недосягаемыхъ круговъ и салоновъ, въ которыхъ патріотическая любовь снисходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ лишена, а для его жизни вещественное благополучіе по новѣйшимъ иностраннымъ образцамъ.—Это не частныя ошибки—это мнѣніе общее, болѣе или менѣе ясно выговаривающееся. Но если бы принимать это и за частныя ошиб-

Digitized by Google

ки, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которыя возможны только при извѣстномъ заблужденіи общества. Таковъ на пр. презрительный отзывъ одного изъ нашихъ журналовъ о Русской сказкѣ и пѣсни: въ немъ утверждали, что Пушкинъ въ своей Балладѣ и въ сказочныхъ отрывкахъ изчерпалъ все богатство нашей народной Поэзіи, а Лермонтовъ въ прекрасной сказкѣ объ опричникѣ и купеческомъ сынѣ, далеко перешелъ за ея предѣлы, между тѣмъ какъ ни тотъ, ни другой, кажется, даже не поняли вполнѣ ни ея неизчерпаемыхъ богатствъ, ни даже ея неподражаемаго языка. Дѣйствительно ея почти безконечная область обозначается съ одной стороны чудными стихами:

«Высота-ль, высота-ль поднебесная;
Глубота-ль, глубота-ль окіянъ море;
Широко раздолье по всей землѣ!»

Стихами полными не сокрушимой силы, въ которые облеклась душа великаго народа, призваннаго на безпримѣрныя судьбы. А съ другой стихами:

«Высота-ль, высота-ль потолочная,»

въ которыхъ та же сила вспоминаетъ съ добродушною ироніею о своемъ прежнемъ молодомъ разгулѣ, не скорбя потому, что чувствуетъ себя цѣлою и несокрушимою и знаетъ, что она только призвана ходомъ историческихъ судебъ на другое, болѣе смиренное поприще.

Ты скажешь, что ошибка Критика зависѣла отъ его личной ограниченности, или безвкусія; что онъ могъ, какъ лице, не понять всего величія нашего пѣсеннаго міра, въ которомъ отражается и величіе

Digitized by Google

Русскаго народа, и смиренное добродушіе Русскаго человѣка, и вся внутренняя жизнь того міроваго явленія, которое мы называемъ Россіей; что онъ могъ не понять Илью Муромца, идеала гигантской силы, всегда покорной разуму и нравственному закону, идеала конечно не полнаго, но которому ни одна народная Поэзія не представляетъ ровнаго, точно также какъ онъ не понялъ словъ сказки объ Алешѣ Поповичѣ, притворившемся колекою,—«еле живъ идетъ»—и принялъ за выраженіе трусости живой оборотъ, который былъ бы понятенъ крестьянскому десяти-лѣтнему мальчику. Ты скажешь, что всего этого могъ онъ не понять по личной своей недогадливости, и что общее мнѣніе не должно отвѣчать за ошибки журнальнаго Критика. Мнѣ до лица дѣла нѣтъ, но я думаю, ты согласишься, любезный другъ, что такого рода ошибки объ Англійскихъ или Нѣмецкихъ пѣсняхъ были бы невозможны въ Германіи и въ Англіи; что тамъ никто бы не осмѣлился отозваться такимъ образомъ о Балладахъ Чеви-Чесъ (Chevy-Chase) или сраженіи при Оттербурнѣ (Otterburne-battle) или о Нибелунгахъ и сказкахъ о Дитрихѣ Бернскомъ, не смотря на то, что они далеко уступаютъ нашей Русской сказкѣ и пѣснѣ; ты признаешься, что есть какое-то глубокое почтеніе, или лучше сказать, благоговѣніе передъ голосомъ народной старины, которое въ Англіи и Германіи обязательно для всякаго писателя и охраняетъ его отъ его собственной ограниченности. И вотъ почему такія ошибки, или лучше сказать, возможность такихъ ошибокъ представляетъ явную улику противъ нашего просвѣщенія. Впрочемъ не-для-чего доказывать слишкомъ явную истину.

Digitized by Google

Естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ такихъ понятій и такого презрѣнія къ жизни было то, что наука и общество могли безъ всякихъ упрековъ совѣсти, безъ всякаго внутренняго сомнѣнія, безпрестанно стремиться къ ея преобразованію. Попытки казались безопасными потому, что хаоса не испортишь, и стремленіе было благодѣтельно, ибо все наше просвѣщеніе отправлялось отъ глубокаго убѣжденія въ своемъ превосходствѣ, и въ нравственной ничтожности той человѣческой массы, на которую оно хотѣло дѣйствовать. Высокія явленія ея нравственной жизни были почти неизвѣстны и нисколько не оцѣнены. Всякій членъ общества думалъ также, какъ изящный повѣствователь нашего времени, что любая дѣвочка изъ любова общественнаго заведенія можетъ и должна произвести духовный переворотъ во всякой общинѣ Русскихъ дикарей. Никому и въ голову не приходило, что изъ этѣхъ общинъ чуть-чуть не Австралійцевъ, еще не слыхавшихъ о Христіянскомъ законѣ, выходили и выходятъ безпрестанно Паисіи, Серафимы и множество другихъ духовныхъ дѣлателей, которыхъ нравственная высота должна изумлять даже тѣхъ, кто не сочувствуетъ ихъ стремленіямъ; что изъ этѣхъ общинъ льются потоки благодѣяній; что изъ нихъ являются безпрестанно высокіе примѣры самопожертвованія; что въ тяжелыя годины военнаго испытанія онѣ спасали Россію не только своимъ мужествомъ, но и разумнымъ согласіемъ, а въ мирныя времена отличаются вездѣ, гдѣ еще не испорчены, не подражаемою мудростію и глубокимъ смысломъ своихъ внутреннихъ учрежденій и обычаевъ. Этому можно бы научиться изъ Исторіи, изъ наблюденія

Digitized by Google

даже поверхностнаго, или хоть изъ Нѣмца Блазіуса. Но надобно хотѣть учиться.

До сихъ поръ всѣ попытки, сдѣланныя просвѣщеніемъ для преобразованія жизни, остались безуспѣшными; хорошо бы было, если бы можно было сказать и безвредными,—но этого сказать нельзя. Эти неудачи и частный вредъ, сопровождавшій ихъ — можно было предвидѣть. Упорство жизни проистекало отъ разумнаго, хотя и не сознаннаго источника. Она не могла отдать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ,— но чувствовала въ образованности нашей и въ соприкосновеніи съ нею что-то холодное и мертвенькое, а отвращеніе всего живаго къ мертвому—есть законъ природы вещественной и умственной. Мнимая дѣятельность или мнимая движимость этой образованности не была, не только тѣмъ благороднымъ и могущимъ стремленіемъ, въ которомъ проявляется энергія духа, познавшаго свое величіе и порывающагося (иногда даже ошибочными путями) къ предназначенной ему цѣли; но она не была даже тѣмъ бодрымъ и самобытнымъ движеніемъ, которымъ всякое Божіе созданіе выражаетъ свою внутреннюю, жизненную силу; нѣтъ: она въ областяхъ умственнаго міра была тѣмъ невольнымъ движеніемъ, тою сыпучестью, которая сообщается вѣтромъ водѣ, или степному песку: а вѣтромъ было для нея дуновенье Западной мысли. Наше просвѣщеніе мечтало о воспитаніи другихъ тогда, когда оно само, лишенное всякаго внутренняго убѣжденія, мѣняло и мѣняетъ безпрестанно свое собственное воспитаніе, и когда едва ли не всякое десятилѣтіе могло бы благодарить Бога, что десятилѣтію протекшему не удалось никого воспитать. Такъ люди, которымъ

Digitized by Google

теперь лѣтъ около пятидесяти и которые по впечатлѣніямъ, принятымъ въ молодости, принадлежатъ къ школѣ Нѣмецко-мистическихъ гуманистовъ, смотрятъ съ улыбкою презрѣнія на уцѣлѣвшихъ семидесятилѣтниковъ Энциклопедической школы, которой жалкіе остатки встрѣчаются еще неожиданно не только въ глуши деревень, но и въ лучшихъ обществахъ, какъ гніющіе памятники недавней старины. Такъ тридцатилѣтніе соціялисты.... впрочемъ продолжать нечего: общество само себя можетъ исповѣдывать. Грустно только видѣть, что эта шаткость и это безсиліе убѣжденій сопровождаются величайшею самоувѣренностію, которая всегда готова брать на себя изготовленіе умственной пищи для народа. Это жалко и смѣшно, да къ счастію оно же и мертво и потому самому не прививается къ жизни. За всѣмъ тѣмъ не все проходитъ безъ вреда; кое-что и остается. Кое-гдѣ вѣтеръ нагонитъ воду или песокъ на какой-нибудь уголокъ доброй земли, когда-то плодотворной и богатой собственною растительностію, и затопитъ, или засушитъ его надолго, если не на всегда.

Я сказалъ, что всякая система, какъ и всякое учрежденіе Запада, содержитъ въ себѣ рѣшеніе какого нибудь вопроса, заданнаго жизнію прежнихъ вѣковъ. Перенесеніе этихъ системъ на новую народную почву не безопасно, и рѣдко бываетъ безвредно. Тутъ, гдѣ вопросъ еще не возникалъ, онъ непремѣнно возникнетъ, хотя можетъ быть и въ другой формѣ, если только имѣлъ возможность возникнуть при условіяхъ этого общества. Если же общество таково, что вопросъ разумно возникать не могъ (а таково отношеніе почти всѣхъ вопросовъ

Digitized by Google

Запада къ Россіи), въ жизни умственной народа непремѣнно произойдетъ, конечно кратковременное, но болѣзненное и крайне безсмысленное движеніе, подобное тому жизненному разстройству, которымъ сопровождается введеніе началъ неорганическихъ, даже отчасти и безвредныхъ, въ органическое тѣло. Этихъ примѣровъ не мало, и найти ихъ легко; но главный, самый яркій, самый общій во всей нашей наукѣ, образованности и бытѣ—это формализмъ, неизбѣжный, какъ подраженіе чужеземнымъ образцамъ, понятымъ въ видѣ готоваго результата независимо отъ умственнаго историческаго движенія, которымъ они произведены. Формализмъ имѣетъ и долженъ имѣть постоянное притязаніе замѣнять собою всякую нравственную и духовную силу, и находитъ всякій законъ, всякую охрану, даже всякое начало движенія, въ голыхъ и вещественныхъ формулахъ, приложенныхъ къ вещественнымъ требованіямъ и побужденіямъ человѣческимъ. Жизненную гармонію замѣняетъ онъ, такъ сказать, полицейскою симетріею; въ наукѣ, гдѣ онъ болѣе боится заблужденій, чѣмъ ищетъ истины; въ искусствѣ, гдѣ онъ болѣе избѣгаетъ неправильности, почти всегда сопровождающей всякое геніяльное явленіе, чѣмъ стремится къ красотѣ, или къ облеченію внутреннѣй красоты духовной въ формы ею созданныя и ей соотвѣтствующія; въ бытѣ, гдѣ онъ вытѣсняетъ и замѣняетъ всякое теплое и свободное изліяніе души холоднымъ и мертвымъ призракомъ благочинія. Таковъ характеръ формализма: таковъ онъ былъ въ схоластической философіи, оставившей слѣды свои въ новѣйшей Германской философіи, которую за всѣмъ тѣмъ можно считать однимъ изъ величайшихъ явленій человѣческаго мы-

Digitized by Google

шленія; таковъ онъ былъ въ такъ называемой классической Литературѣ XVIII вѣка; таковъ въ пластическихъ художествахъ школъ, славившихся еще не давно; таковъ въ обществахъ, сохраняющихъ слишкомъ строго формы, отъ которыхъ уже отлетѣлъ духъ, ихъ создавшій, (какъ на пр. въ Китаѣ и въ позднѣйшей Византіи) или въ обществахъ, не сознавшихъ своихъ собственныхъ духовныхъ началъ и принимающихъ извнѣ формы, созданныя другими началами. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи современная Франція представляетъ намъ поучительный примѣръ: лишенная собственной жизненной силы, или еще не познавъ ея, она переноситъ къ себѣ со всевозможнымъ усердіемъ Англійскія учрежденія, прилаживая ихъ къ себѣ, т. е. искажая ихъ съ самою наивною увѣренностію, и перенося къ себѣ призракъ жизни, которой у нея нѣтъ. За то при этомъ перенесеніи исчезаетъ весь смыслъ образца; и вся его простота замѣняется безтолковою многосложностію. Газеты представляли недавно яркое доказательство тому въ исчисленіи чиновниковъ Англійскихъ и Французскихъ.

Кстати объ этомъ предметѣ, любезный другъ: я желалъ бы, чтобы наши читатели и Литераторы поняли нѣсколько пояснѣе смыслъ явленія весьма замѣчательнаго въ нашей современной Словесности, такого явленія, на которое уже наши журналы обратили свое поверхностное наблюденіе, говоря то *за*, то *противъ* него. Это явленіе есть довольно постоянное нападеніе на чиновника и насмѣшка надъ нимъ. Едва ли не Гоголь подалъ этотъ соблазнительный примѣръ, за которымъ всѣ послѣдовали со всевозможнымъ усердіемъ. Эта ревность

Digitized by Google

подражанія доказываетъ разумность перваго нападенія, а пошлость подражанія доказываетъ, что смыслъ нападенія не понятъ. Для того, чтобы оцѣнить это явленіе, надобно сперва понять, — что такое чиновникъ. Въ обществѣ, разумѣется, я бы повторилъ забавное опредѣленіе, сдѣланное человѣкомъ, весьма заслуженнымъ и почтенныхъ лѣтъ. На вопросъ, « что такое чиновникъ »? онъ отвѣчалъ, смѣючись: « для васъ, неслужащей молодежи, чиновникъ — всякой тотъ, кто служитъ (разумѣется въ Гражданской службѣ); а для меня служащаго—тотъ, кто ниже меня чиномъ. » Но въ дѣльной бесѣдѣ съ тобою, я поищу начала для опредѣленія, которое бы было построже и полнѣе. Во первыхъ это слово въ своемъ Литературномъ значеніи принадлежитъ болѣе къ языку общества, чѣмъ къ языку права и закона; во вторыхъ ты можешъ замѣтить, что оно никогда не относится къ нѣкоторымъ должностямъ, по видимому, входящимъ въ тотъ же служебный кругъ, — ни къ посреднику, ни къ предводителю, ни къ городскому главѣ, ни къ попечителю училищъ, ни къ профессору, ни къ совѣстному судьѣ, что оно вообще болѣе относится къ инымъ разрядамъ, чѣмъ къ другимъ, и всегда болѣе къ вещественнымъ формамъ, чѣмъ къ тѣмъ, въ которыхъ выражается умственное или нравственное направленіе; и въ этомъ различіи ты можешь замѣтить какое-то особенное чувство, которымъ опредѣляется слово *чиновникъ*, восколько могутъ быть опредѣлены слова, получившія свой смыслъ единственно отъ обычая, какъ на пр. хорошій тонъ, комфортъ и т. д. Очевидно, что все это ни сколько не касается до службы, необходимаго условія всякой гражданственности истинной

Digitized by Google

или ложной ; ибо служба постоянная или повременная, есть всегдашняя принадлежность всякаго гражданина , и содержитъ въ себѣ освященіе правъ, данныхъ ему обществомъ; но касается только до какого-то особеннаго отношенія особенныхъ лицъ къ народной жизни и къ просвѣщенному обществу. Глядя съ этой точки зрѣнія , можно понять всю нравственную истину Гоголя, и всю законность его глубокой, хотя добродушной и безпечной иронiи и всю незаконность и слабость его подражателей. « Чиновникъ », — какъ это весьма хорошо понялъ одинъ изъ нашихъ журналовъ, который потомъ, какъ будто испугался своей похвальной рѣчи этому осмѣянному лицу, — «есть нѣчто посредствующее между просвѣщеніемъ и жизнію, впрочемъ не принадлежащее ни тому ни другому». Гоголь—художникъ, созданный жизнію, имѣлъ право понять и воплотить мертвенность этого лица въ тѣ неподражаемые образы Дмухановскаго и другихъ, которые въ его повѣстяхъ или въ комедіяхъ, являются съ такою яркою печатью поэтической истины. Но это право нисколько не принадлежало его подражателямъ, — Литераторамъ, созданнымъ или воспитаннымъ чужеземною образованностію. Такова причина, почему и подражанія ихъ, не смотря на талантъ писателей, выходятъ такими блѣдными и безсильными. Мертвенность человѣка — черта разительная и достойная комедіи, даетъ жизни право насмѣшки и осужденія надъ нимъ, но она не даетъ этого права нашему просвѣщенію , которое само въ себѣ собственной жизни еще не имѣетъ. Общество не должно бы смѣяться ни надъ орудіемъ, которое оно само создаетъ, ни надъ путемъ, по которому человѣкъ въ

Digitized by Google

него вступаетъ, ни надъ тѣмъ, такъ сказать, химическимъ процессомъ, посредствомъ котораго лице, нѣкогда принадлежавшее жизни, перегоняется въ безцвѣтный призракъ просвѣщеннаго человѣка. Впрочемъ довольно объ этомъ предметѣ, котораго я коснулся мимоходомъ и обратимся къ формализму.

Я сказалъ, что онъ мертвый результатъ подражанія, и прибавлю, что онъ результатъ мертвящій. Отстраняя дѣятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплаго чувства, всегда надѣясь найти средство обойтись безъ нихъ, и часто обманывая людей своими обѣщаніями, онъ погружаетъ мало по малу своихъ суевѣрныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный сонъ, изъ котораго или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвѣніе, или просыпаются горькими, ядовитонасмѣшливыми, и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими вѣру въ формулу, также какъ и въ жизнь, въ общество, также какъ и въ людей. Имъ остается спасаться только въ Гастрономіи (по нашему, въ обжорствѣ), какъ это весьма справедливо представлено въ героѣ поэмы Г. Майкова, человѣкѣ, утратившемъ вѣру въ наше формальное просвѣщеніе и не познавшемъ ни просвѣщенія истиннаго, ни народной жизни. Да и трудно, очень трудно вырваться изъ очарованнаго круга, очерченнаго около каждаго личнаго ума историческимъ развитіемъ нашей образованности. Съ дѣтства лепечемъ мы чужестранныя слова и питаемся чужестранною мыслію; съ дѣтства привыкаемъ мы мѣрить все окружающее насъ на мѣрило, которое къ нему найдетъ; привыкаемъ смѣшивать явленія, самыя противоположныя: общину съ комюною, наше прежнее

Digitized by Google

боярство съ баронствомъ, религіозность съ вѣрою, семейность свою съ феодальнымъ понятіемъ Англичанина объ домѣ (home), или съ Нѣмецкою кухонно-сантиментальною домашностію (Häuslichkeit), лишаемся живаго сочувствія съ жизнію и возможности логическаго понятія ея. Какіе же намъ остаются пути или средства къ достиженію истины?

За всѣмъ тѣмъ мы можемъ и должны ее достигнуть. Борьба между жизнію и иноземною образованностію началась съ самаго того времени, въ которое встрѣтились въ Россіи эти два противоположныя начала. Она была скрытою причиною и скрытымъ содержаніемъ почти всѣхъ явленій нашего историческаго и бытоваго движенія и нашей литературы: вездѣ она выражалась въ двухъ противоположныхъ стремленіяхъ,—къ самобытности съ одной стороны, къ подражательности съ другой. Вообще можно замѣтить, что всѣ лучшіе и сильнѣйшіе умы, всѣ тѣ, которые ощущали въ себѣ живые источники мысли и чувства, принадлежали къ первому стремленію; вся бездарность и безсиліе ко второму. Первое представляется Ломоносовымъ, не смотря на то, что самъ великій основатель науки въ Россіи отчасти подчинялся невольно вліянію иноземному; второе въ Тредьяковскомъ, презрителѣ всего Русскаго, одежды, обычаевъ и языка, которые онъ назвалъ мужицкими. Это не система, а фактъ историческій. Правда, что многіе, даже даровитые, даже великіе дѣятели нашей умственной жизни слабостію молодости, соблазномъ жизни общественной и особенно такъ называемаго высшаго просвѣщенія, были увлечены въ худшее стремленіе; но всѣ отъ него отставали, обращаясь къ высшему, къ болѣе ило-

Digitized by Google

дотворному началу. Таково было развитіе Карамзина и Пушкина. Но прежняя борьба была не полная и безсознательная. Теперь наступаетъ и наступило время для яснѣйшаго сознанія и для полнаго разрѣшенія давнишняго вопроса. Съ одной стороны мы овладѣли наукою, т. е. всѣми ея внѣшними результатами, и намъ остается только развить въ самихъ себѣ жизненное начало, дабы и начала науки не оставались мертвыми, какъ до сихъ поръ; съ другой мы уже начинаемъ сознавать яснѣе безсиліе и безплодность всякой подражательности, будь она явно рабская, т. е. привязанная къ одной какой-нибудь школѣ, или свободная, т. е. эклектическая. Этому можетъ и долженъ научить насъ опытъ. Наконецъ внутреннее колебаніе и духовное замираніе Западнаго міра, теряющаго вѣру въ свои прежнія начала и безсильно стремящагося создать новыя по путямъ чисто-аналитическимъ, можетъ и должно служить намъ урокомъ, обличая передъ нами слабость нашихъ прежнихъ образцовъ и ничтожность нашего стремленія. Прежнее стремленіе нашей образованности кончило свой срокъ. Оно было заблужденіемъ невольнымъ, можетъ быть, неизбѣжнымъ нашихъ школьныхъ годовъ. Я не говорю, чтобы не только всѣ, но даже большинство получило уже новыя убѣжденія и сознало бы внутреннюю духовную жизнь Русскаго народа,—какъ единственное и плодотворное начало для будущаго просвѣщенія; но можно утвердительно сказать, что изъ даровитыхъ и просвѣщенныхъ людей не осталось ни одного, кто бы не сомнѣвался въ разумности нашихъ прежнихъ путей. Остаются только еще привычки (къ несчастію, слишкомъ крѣпкая цѣпь и которая вдругъ

Digitized by Google

порваться не можетъ); остается въ большинствѣ грубое невѣденіе тѣхъ древнихъ, но живыхъ и вѣчноновыхъ началъ, къ которымъ должно возвратиться; остается гордость, которая сознаетъ, или покрайней мѣрѣ, подозрѣваетъ въ себѣ ошибку, да признаться въ ней не хочетъ ни себѣ, ни другимъ; остается наконецъ тотъ скептицизмъ, о которомъ я уже говорилъ, который потерялъ вѣру въ силу формальной науки, и не можетъ еще повѣрить плодотворной силѣ жизни. Вотъ препятствія, съ которыми должно бороться, и которыя не могутъ долго устоять противъ убѣжденія истиннаго и глубокаго. Ими объясняется упорство, съ которымъ многіе добросовѣстные и далеко не бездарные люди отстаиваютъ прежнее направленіе нашей образованности. Иные изъ нихъ выставляютъ съ гордымъ самодовольствіемъ наши успѣхи въ наукѣ и художествѣ; но добросовѣстная оцѣнка всего, что мы сдѣлали по этимъ частямъ, не должна бы намъ внушать другаго чувства, кромѣ смиренія, а разумная критика легко можетъ показать, что задатки, данные искусству не ученою Русью, далеко еще не оправданы ученою Россіею. Другіе хвалятся историческимъ развитіемъ нашимъ, но отвѣтъ старика сынку въ разговорѣ о Суворовѣ можетъ быть легко приложенъ ко всему остальному, и во всѣхъ случаяхъ будетъ равно вѣренъ. Другіе еще извиняютъ насъ — нашею будто весьма недавней образованностію; но полтораста лѣтъ могли бы и должны (если бы направленіе, взятое было не ложно) довести наше просвѣщеніе до высокихъ результатовъ, или по крайней мѣрѣ, вызвать зародыши великаго развитія въ будущемъ; а мы, кажется, этимъ похвастаться не можемъ. На-

Digitized by Google

конецъ нашлись и такіе люди, которые рѣшились безъ дальнихъ умозрѣній, назвавъ всѣхъ своихъ противниковъ грязными варварами, спрятаться за одно великое имя Петра. Это умно, благородно и учено, доказываетъ одинаковое уваженіе къ наукѣ и ея правамъ на анализъ, къ исторіи и ея постоянному развитію, къ человѣческой мысли и ея праву на самобытность. Эти люди могутъ-оставаться безъ возраженія и безъ отвѣта, — они сами себѣ улика. Всѣ такія явленія неизбѣжны, но всѣ они по внутренней своей слабости доказываютъ, что эпоха перерожденія въ просвѣщеніи наступила. Еще важнѣе явленія, доказывающія, что мы начали понимать не только темнымъ инстинктомъ, но истиннымъ и наукообразнымъ разумѣніемъ — всю шаткость и безплодность духовнаго міра на Западѣ. Очевидно, что онъ самъ сомнѣвается въ себѣ и ищетъ новыхъ началъ, утративъ вѣру въ прежнія, и только утѣшаетъ себя тѣмъ, что называетъ нашу эпоху — эпохою перехода, не понимая, что это самое названіе доказываетъ уже отсутствіе убѣжденій; ибо тамъ, гдѣ есть убѣжденіе и вѣра, тамъ есть уже радостное чувство жизни, узнавшей новыя цѣли, а не горькое чувство перехода неизвѣстнаго. Но намъ предоставлено было возвести инстинктивныя сомнѣнія Западнаго міра въ наукообразныя отрицанія, — и этотъ подвигъ должно считать лучшею заслугою нашей современной науки, заслугою, которую наше образованное общество начало уже оцѣнять, хотя конечно оцѣнило не вполнѣ. Такъ напримѣръ прекрасныя и глубокомысленныя статьи Ивана Васильевича Кирѣевскаго о современномъ состояніи Европейскаго просвѣщенія, статьи, въ которыхъ строгая

Digitized by Google

логика согрѣта теплымъ чувствомъ всеобщей любви и которымъ конечно современная журналистика Европы не можетъ представить ничего равнаго, пробудили многія новыя мысли во многихъ, и были радушно привѣтствованы всѣми. Со временемъ эти статьи будутъ поняты еще полнѣе; выводы, въ нихъ заключенные, получатъ, по большой части, значеніе несомнѣнныхъ истинъ. Но, разумѣется, анализъ на этомъ остановиться не можетъ: онъ пойдетъ далѣе и покажетъ, что современная шаткость духовнаго міра на Западѣ—не случайное и преходящее явленіе, но необходимое послѣдствіе внутренняго раздора, лежавшаго въ основѣ мысли и въ составѣ обществъ; онъ покажетъ, что начало той мертвенности, которая выражается въ XIX вѣкѣ—заключалось уже въ составѣ Германскихъ завоевательныхъ дружинъ и Римскаго завоеваннаго міра съ одной стороны и въ односторонности Римско-протестанскаго ученія съ другой; ибо законъ развитія общественнаго лежитъ въ его первоначальныхъ зародышахъ, а законъ развитія умственнаго—въ вѣрѣ народной, т. е. въ высшей нормѣ его духовныхъ понятій. Этой истины доказывать не нужно, ибо тотъ, кто не понимаетъ, что иное должно было быть развитіе просвѣщенія при соборныхъ ученіяхъ, а иное было бы подъ вліяніемъ Аріянства, или Несторіянства,—тотъ не дошелъ еще до исторической азбуки. Примѣромъ же можно бы представить въ самомъ Западномъ мірѣ Англію, которой современная жизненность и исключительное значеніе—объясняются только тѣмъ, что она (т. е. Англо-Саксонская Англія) никогда не была вполнѣ завоевана, никогда не была вполнѣ Римскою и никогда вполнѣ протестан-

Digitized by Google

скою. При этомъ будущемъ успѣхѣ анализиса и, безъ сомнѣнія, съ нимъ вмѣстѣ разовьется синтезъ науки и жизни, успокоенной и оправданной разумнымъ сознаніемъ; ибо стремленіе, отрицающее подражательность нашей образованности — не есть стремленіе къ мертвому и темному невѣжеству, но къ наукѣ живой, къ внутреннему освобожденію ея отъ ложныхъ системъ и ложныхъ данныхъ и къ соединенію ея съ жизнію, т. е. къ созданію просвѣщенія.

Конечно успѣхи будутъ медленны, и только дѣти наши воспользуются трудами нашихъ современниковъ; ибо не смотря на сомнѣнія многихъ въ разумности прежней нашей образованности, не смотря на выражающуюся жажду и на какія-то предчувствія уже не эклектическаго Россійскаго, но органическаго Русскаго просвѣщенія; никогда еще, можетъ быть, подражательность и смиреніе передъ Западнымъ міромъ не были такъ сильны, или по крайней мѣрѣ, такъ общи — какъ теперь. Но анализъ началъ свое дѣло, и это дѣло не можетъ оставаться безъ плода. Недавно все наше просвѣщенное общество узнало о химическомъ разложеніи Румфордова супа изъ сухихъ костей, которымъ долго кормили бѣдныхъ и который, не содержа въ себѣ ничего питательнаго, болѣе способенъ ускорить голодную смерть, чѣмъ спасти отъ нея. Конечно съ этого открытія еще бѣдные сыты не будутъ; но ужъ и того много, что постараются возвратиться къ хлѣбу, бросивъ надежду на супъ изъ сухихъ костей.

Digitized by Google

Вопросомъ дерзкимъ не пытай
Судьбы таинственныхъ велѣній,
Поднять завѣсы не мечтай,
Не разрѣшай своихъ сомнѣній,
И не тревожь въ тиши ночной
Видѣній злыхъ готовый рой!...

Оставь, забудь, не трогай ихъ,
Тамъ нѣтъ отрады и спасенья....
Въ борьбахъ измученный пустыхъ,
Ты пожелаешь разрушенья....
Такъ пусть въ сердечной глубинѣ
Всегда безмолвствуютъ онѣ!..

Что если—страшныя мечты! —
Все безпредѣльное созданье
И міръ бы цѣлый понялъ ты
И перенесъ въ свое сознанье?...
Но мнится духъ, напоромъ силъ,
Земныя узы-бъ сокрушилъ!

Моли, чтобъ вѣчно не могла
Раскрыться истины пучина,

Digitized by Google

Заговорить съ тобою мгла,
На зовъ откликнуться темнина
И дать властительный отвѣтъ,
Гдѣ дышетъ смерть и жизни нѣтъ!

И. Аксаковъ.

1846 Нояб. 23 Калуга.

Digitized by Google

О РОДОВЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

С. Соловьева.

Digitized by Google

Digitized by Google

О РОДОВЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Отношенія между членами Княжескаго рода, занимающія такое важное мѣсто въ отечественной исторіи до самаго пресѣченія Рюрикова дома, до сихъ поръ еще не уяснены, и значеніе ихъ не оцѣнено: до сихъ поръ на нихъ лежитъ приговоръ Карамзина, который въ борьбѣ Князей древней Руси видѣлъ однѣ безсмысленныя драки владѣльцевъ сосѣдей. Но теперь, когда наука, благодаря исполинскому труду того же Карамзина, отысканію и разработкѣ матеріаловъ, сдѣлала замѣтный шагъ впередъ, теперь одна изъ главныхъ задачъ для изслѣдователей Русской исторіи состоитъ въ томъ, чтобъ уяснить смыслъ борьбы между древними Князьями нашими, показать связь этой борьбы съ явленіями послѣдующими, назначить ей надлежащее мѣсто въ историческомъ развитіи общества. Цѣль предлагаемаго изслѣдованія — споспѣшествовать хотя сколько нибудь въ этомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на значеніе старшаго въ родѣ, или Великаго Князя.

Digitized by Google

Старшій въ родѣ, вступая во всѣ права отца, могъ требовать отъ младшихъ членовъ рода глубокаго уваженія и покорности своей волѣ 1). Младшій обязанъ былъ идти всюду по первому зову старшаго 2); обязанъ былъ, по тогдашнему выраженію, ѣздить подлѣ его стремени 3), имѣть его господиномъ, быть въ его волѣ 4), смотрѣть на него 5). Старшій имѣлъ право судить и наказывать младшихъ чле-

---

1) «Се же поручаю (Ярославъ I) въ себе мѣсто столъ сыну своему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ; сего послушайте, яко же послушаете мене, да и той вы будетъ въ мене мѣсто.» — Кенигсб. стр. 114. Здѣсь не нужно предполагать, чтобъ таково точно было завѣщаніе Ярослава I: эти слова лѣтописи важны для насъ потому, что выражаютъ представленіе вѣка о значеніи старшаго въ родѣ.

2) «И наказавъ его (Ярослава) Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, «когда тя позову.» — Ипатьев. 8.

3) Такъ Ярославъ Галицкій, признавая старшинство Изяслава Кіевскаго, говоритъ: «Нынѣ, отце, кланяютися, прими мя, яко сына своего Мстислава, такоже и мене, ать ѣздить Мстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тобе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣжду, всими своими полкы.» Ипатьев. 73 — Тамже 39. Ростиславъ Юрьевичь говоритъ Изяславу Мстиславичу: «пришелъ есмь наврекъ Бога и тебѣ, зане ты еси старѣй насъ въ Володимирихъ внуцѣхъ, а за Русскую землю хочю страдати, и подле тебе ѣздити.» — Давидовичи говорятъ Изяславу Мстиславичу: «А пусти брата нашего, а мы подле тебе ѣздимъ», то есть, если ты освободишь нашего брата, то мы признаемъ твое старшинство.

4) «Велми радъ, господине отце», говоритъ Ростиславъ Вячеславу, «имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей волѣ былъ». Ипатьев. 75.

5) Они же вси (Рязанскіе Князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ.—Ипатьев. 79.

Digitized by Google

новъ рода 1). Младшій долженъ былъ соглашаться на распоряженіе старшаго безъ возраженій, не имѣлъ права подавать совѣта старшему, и когда послѣдній спрашивалъ его мнѣнія, то считалъ это за большую честь и снисхожденіе 2). Изъ всего сказаннаго легко было бы заключить, что старшій въ родѣ имѣлъ самую неограниченную власть надъ младшими; но тѣ же семейныя понятія, которыя давали ему такую огромную власть, тѣ же самыя семейныя понятія стѣсняли ее, ограничивали въ пользу младшихъ членовъ, а именно: старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ неограниченную власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, то есть пока не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая никакого различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ скоро предпочиталъ собственныя выгоды, или выгоды дѣтей своихъ интере-

---

1) Ростиславъ Юрьевичь говоритъ Изяславу Мстиславичу: «А ты меня старѣй, а ты мя съ нимъ и суди».—Ипатьев. 41.—Святополку Изяславичу, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ семейнаго совѣта наказать Давида Юрьевича, и т. п.

2) В. К. Изяславъ спрашивалъ совѣта у младшаго брата, Ростислава; тотъ отвѣчалъ ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а какъ ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ бихъ, брате, тако рекль» и проч. Ипатьев. 38.

Digitized by Google

самъ цѣлаго рода, то онъ терялъ свое значеніе старшаго, отца; всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общимъ родовымъ совѣтомъ или, въ случаѣ разногласія Князей, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищалъ свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ. Такъ, когда Всеволодъ Ольговичь, доставши Кіевскій столъ, пренебрегъ интересами рода Святославова, въ которомъ онъ былъ старшимъ, и для выгодъ собственнаго сына искалъ дружбы Мстиславичей, не давая хорошихъ удѣловъ братьямъ, то послѣдніе сказали ему: «Мы обязаны тебѣ повиновеніемъ, какъ старшему; но если ты пренебрегаешь выгодами нашего рода, подружился со Мстиславичами, своими шурьями, а нашими врагами, осажался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, не давая намъ ничего, то мы должны заботиться о себѣ сами 1): «Такъ Ростиславъ Юрьевичь, видя несправедливость отца, не давшаго ему удѣла, отступилъ отъ него и обратился къ врагу его, Изяславу Мстиславичу; послѣдній при этомъ случаѣ говоритъ, что отецъ Ростислава, Юрій, старше ихъ всѣхъ, но что они, младшіе, не могутъ признать этого старшинства, ибо Юрій не исполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, и что онъ, Изяславъ, принялъ въ такомъ случаѣ старшинство

---

1) «Ты намъ братъ старишій, аже ны не даси а намъ самѣмъ о себѣ поискати.... и не любяхуть сего Олговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь имѣеть съ Мстиславичи, съ шурьями своими, а съ нашими ворогы, и осожалъся ими около, а намъ на безголовіе и безьместье и собѣ». — Ипатьев. 18, 19.

Digitized by Google

на себя и клянется вполнѣ исполнить свои отеческія обязанности 1). Эта обязанность отца или старшаго блюсти выгоды своего рода, имѣть весь свой родъ, «яко душю», не позволяла ему считать себя единовластнымъ владѣльцемъ области, располагать ею по произволу: онъ былъ только совладѣльцемъ съ своими сыновьями, и спѣшилъ при первой возможности ввести ихъ во владѣніе: вотъ одна изъ причинъ, почему Святославъ, Владиміръ, Ярославъ, спѣшили выдѣлять своимъ сыновьямъ удѣлы; вотъ почему въ древніе періоды нашей Исторіи не могло существовать завѣщанія въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его теперь принимаемъ; ибо при общности родовой собственности В. Князь не могъ ни чѣмъ распоряжаться. Такъ, когда Мстиславъ Владиміровичъ Мономашичъ съ братомъ Ярополкомъ уговорились было назначить Кіевъ по смерти Ярополка сыну Мстислава, Всеволоду, мимо дядей его, и представляли, что на это была воля отца ихъ Мономаха, то этой воли никто не думалъ уважить: обойденные дядья, сыновья минмаго завѣщателя, возстали противъ распоряженія и кровопролитная война была слѣдствіемъ такой попытки.

Показавъ значеніе власти В. Князя въ отношеніи къ прочимъ Князьямъ, младшимъ членамъ рода, мы должны обратиться теперь къ вопросу: какъ пріобрѣталось великокняжеское достоинство, или стар-

---

1) Изяславъ же рече ему: «Всихъ насъ старѣй отець твой, но съ нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю имѣти и весь родъ свой въ правду, яко и душю свою». Ипатьев. 39.

Digitized by Google

шинство въ родѣ? Ясно, что первымъ основнымъ правомъ на старшинство было старшинство физическое; слѣдовательно дядя имѣлъ первенство надъ племянникомъ, старшій братъ надъ младшимъ, мужъ старшей сестры надъ младшими шурьями. Изяславъ говоритъ про Вячеслава: «а се ми есть яко отець стрый свой 1).» Св. Борисъ говоритъ про Святополка: «Тось ми буди въ отца мѣсто 2).» Изяславъ Мстиславичь говоритъ про Всеволода Ольговича: «Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене, яко отець 3).» Слѣдовательно по первому представленію о старшинствѣ—дядя постоянно имѣлъ право предъ племянникомъ. Но теперь обратимъ вниманіе на второе представленіе; по смерти отца, старшій братъ заступалъ его мѣсто для младшихъ, становился отцемъ въ отношеніи къ нимъ, слѣдовательно его дѣти должны были стать братьями дядьямъ своимъ. И точно, такое представленіе существовало при семейныхъ княжескихъ отношеніяхъ; ибо мы видимъ, что дядья называютъ племянниковъ братьями: такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику своему, Изяславу Мстиславичу: «се, брате, на мя еси приходилъ.» 4) Тотъ же Юрій съ братомъ своимъ Вячеславомъ говорятъ Полякамъ и Венграмъ: «а вѣся съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ сами вѣдаимы 5).» Наконецъ Глѣбъ, сынъ Юрія, ясно го-

---

1) Ипатьев. 50.
2) Лавр. 90.
3) Ипатьев. 23.
4) Ипатьев. 43.
5) Тамъ же, 46.

Digitized by Google

воритъ Изяславу, что онъ для него имѣетъ совершенно тоже значеніе, какое и отецъ Юрій: «аки мнѣ Гюрги отець, тако мнѣ и ты отець 1)». Но при такомъ представленіи необходимо раждался вопросъ: старшій сынъ старшаго брата, ставшаго отцемъ для младшихъ братьевъ, дѣлался по этому самому братомъ дядьямъ своимъ; но какимъ братомъ, старшимъ или младшимъ? Здѣсь опять два представленія: по первому, основанному на физическомъ старшинствѣ, отдавали всегда преимущество дядьямъ предъ племянниками; старшій сынъ старшаго брата былъ братомъ дядьямъ своимъ, но братомъ младшимъ; однако въ пользу послѣдняго скоро явилось другое представленіе: старшій братъ сталъ отцемъ для младшихъ, сыновья его изъ племянниковъ стали для нихъ братьями; старшій между сыновьями отца есть необходимо старшій между братьями, слѣдовательно старшій племянникъ старше дядей. Если Глѣбъ Юрьевичь называлъ своего двоюроднаго брата, Изяслава, такимъ же себѣ отцемъ, какимъ былъ для него самъ Юрій, то на какомъ основаніи Мстиславъ Изяславичь, старшій сынъ этого отца, не будетъ для него старшимъ братомъ? Это послѣднее представленіе о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьями явилось при самыхъ первыхъ столкновеніяхъ между правами Ярославовыхъ потомковъ на старшинство; но встрѣтило сильное сопротивленіе въ общемъ мнѣніи, которое было за естественное представленіе, основанное на физическомъ стар-

1) Ипатьев. 49.

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

шинствѣ дядей надъ племянниками; отсюда произошли страшныя войны между потомками Мономаха, въ продолженіе которыхъ и до самаго разъединенія югозападной старой Руси отъ сѣверовосточной торжество оставалось за представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками. Такъ Мстиславъ Владиміровичь Мономашичь раскаявался всю жизнь въ томъ, что позволилъ Всеволоду Ольговичу, старшему сыну старшаго изъ Святославичей изгнать дядю Ярослава 1). Такъ сынъ его, Изяславъ, въ борьбѣ своей съ дядьями не смѣя задѣвать господствующее понятіе, основывалъ свои права не на старшинствѣ старшаго племянника, но на неспособности дяди; ясно говорилъ, какъ мы уже видѣли, что старшинство принадлежитъ дядѣ Юрію, и подъ конецъ принужденъ былъ раскаяться въ своихъ беззаконныхъ притязаніяхъ и признать старшинство дяди Вячеслава. Вотъ слова его къ послѣднему: «Отце, кланаютися; аче ми Богъ отца моего Мистислава отъялъ, а ты ми еси отець, нынѣ кланаютися, съгрѣшилъ есмь и первое, я того ся каю; а изнова коли ми Богъ далъ побѣдити Игоря у Кыева, а я есмь на тобѣ чести не положилъ, а потомъ коли у тумаща; нынѣ же, отце, того всего каюся предъ Богомъ и предъ тобою, еже ми, отце, того отдаси ты, то и Богъ ми отдастъ; нынѣ же, отце, осе даю ти Кіевъ, поѣди, сяди же на столѣ дѣда своего и отца своего.» 2) Но всего важнѣе для насъ отвѣтъ Вячеслава на эти слова: въ этомъ отвѣтѣ

1) И плакася того вся дни живота своего. Ипатьев. II.

2) Ипатьев. 57.

Digitized by Google

простодушный старикъ смѣшиваетъ различныя представленія о правѣ старшинства, при чемъ безсознательно показываетъ, что племянникъ имѣетъ такое же право, какъ и онъ самъ. Въ этомъ отвѣтѣ обнаружены сѣмена всѣхъ раздоровъ, всѣхъ усобицъ княжескихъ. Вотъ слова Вячеслава: «Сыну! Богъ ти помози, аже на мене еси честь возложилъ, то аще бы ты и давно такъ учинилъ, то чи мене еси почестилъ, Бога еси почестилъ; аже дѣеши: *ты мой еси отець, а ты мой и сынъ; у тебе отца нѣту, а у мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ.*» 1) Здѣсь Вячеславъ называетъ Изяслава сыномъ, какъ племянника; братомъ, какъ сына старшаго брата Мстислава, который слѣдовательно былъ вмѣстѣ и отцемъ Вячеслава; наконецъ отцемъ, ибо Изяславъ, какъ старшій сынъ старшаго брата-отца, былъ старшимъ братомъ Вячеславу, а старшій братъ младшему всегда *въ отца мѣсто.*

Не смотря на это, повторяю, представленіе о старшинствѣ дядей надъ племянниками господствовало до самыхъ Монголовъ, или разъединенія Руси; но съ этого времени въ Руси сѣверовосточной господство переходитъ къ представленію о старшинствѣ старшаго племянника надъ дядьми. Это господство вполнѣ обнаруживается въ записи Владиміра Андреевича Донскаго, гдѣ онъ объявляетъ себя младшимъ братомъ племянника Василія Дмитріевича. Однако и послѣ этого явленія борьба дядей съ племянниками продолжается до самаго прекращенія

1) Ипатьев. 57.

Digitized by Google

Рюриковой династіи и служитъ главною причиною ея пресѣченія.

Изложивъ различныя представленія о старшинствѣ, существовавшія въ древней Руси, мы должны обратиться теперь къ случаямъ, которые, по тогдашнимъ понятіямъ, исключали изъ старшинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностію. Главное правило при этомъ было, что племянники не могутъ быть совладѣльцами съ своими дядьми. Если я говорю здѣсь: племянники, то исключаю сыновей старшаго брата, которые были не племянниками, но уже братьями дядьямъ своимъ, причемъ разумѣются сыновья такого старшаго брата, который точно по смерти отца заступалъ его мѣсто для младшихъ братьевъ, былъ имъ въ отца мѣсто; но если старшій братъ умиралъ при жизни отца, и слѣдовательно не заступалъ мѣсто отца для младшихъ, то сыновья его были для нихъ только племянниками, и потому исключались изъ старшинства, равно какъ изъ владѣнія родовою собственностію, и если получали удѣлъ, то этимъ обязаны были или милости дядей, или какому нибудь другому обстоятельству. Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшаго сына Владимірова, умершаго при жизни отца, потомство Владиміра, старшаго сына Ярославова, равно какъ потомство Игоря и Вячеслава Ярославичей. Этотъ обычай не допускать племянниковъ въ сонаслѣдники съ дядьми существовалъ и у народовъ Германскаго племени. Такъ читаемъ у Витикинда (Annal. Sax. 11) слѣдующее мѣсто: «Произошелъ споръ о законахъ, говорили, что внуки не должны считаться на ряду съ сыновьями и дѣлить съ послѣдними наслѣдство, если отцы ихъ умерли при

Digitized by Google

жизни дѣдовъ; для этого Король назначилъ всенародное собраніе у города Стелы, гдѣ было положено разсмотрѣть дѣло чрезъ посредниковъ. Но Король не захотѣлъ, чтобъ благородные мужи и старшины народа потерпѣли отъ того какое нибудь оскорбленіе и приказалъ рѣшить дѣло поединкомъ. Побѣдила та сторона, которая внуковъ отъ умершихъ сыновей считала на ряду съ сыновьями, и подтверждено было, чтобъ они дѣлили наслѣдство по ровну съ дядьями 1)».

Второе обстоятельство, исключавшее Князя изъ старшинства или изъ владѣнія какою нибудь областію, было насильственное лишеніе правъ или владѣнія, изгнаніе изъ удѣла; ибо сѣверные народы смотрѣли на битву, какъ на судъ Божій, и слѣдовательно побѣжденный являлся виновнымъ въ гла-

---

1) De legum quoque varietate facta est contentio, fuereque qui dicerent, quia filii filiorum non deberent computari inter filios, hereditatemque legitime cum filiis sortiri, si forte partes eorum obiissent, avis superstitibus; unde exiit edictum a rege, ut universalis populi conventio fieret apud villam, quae dicitur Stela, factumque est ut causa inter arbitros judicaretur debere examinari. Rex autem, meliori consilio usus, noluit viros nobiles et senes populi inhoneste tractari, sed magis rem inter gladiatores decerni jussit. Vicit igitur pars, qui filios filiorum computabant inter filios, et firmatum est ut aequaliter cum patruis hereditatem dividerent, pacto sempiterno.

Въ отечественной Исторіи есть слѣды, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣти втораго брака имѣли преимущество предъ дѣтьми отъ перваго, именно потому, что у послѣднихъ не было матери. Такъ Іоаннъ Алексѣевичъ уступаетъ престолъ брату своему Петру, именно потому, что у послѣдняго была мать еще жива. См. Собр. гос. гр. и дог. т. IV, N° 147.

Digitized by Google

захъ всѣхъ, его пораженіе и изгнаніе считали праведнымъ наказаніемъ за грѣхъ, при чемъ побѣдитель былъ только исполнителемъ воли Божіей 1). Въ нашихъ лѣтописяхъ Князья постоянно называютъ битву судомъ Божіимъ; Изяславъ Мстиславичь говоритъ: «даже мя постигнетъ Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, и какъ Богъ разсудитъ съ нимъ; паки ли мя усрящетъ Гюрги, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ разсудитъ.» Тотъ же Изяславъ велѣлъ сказать сыну своему Мстиславу: «Се уже мы идемъ на судъ Божій и вы намъ, сыну, всегда надоби 2)». Вотъ почему Василій Шуйскій, желая доказать права свои на престолъ, говоритъ въ окружной грамотѣ о своемъ воцареніи: «Учинилися есьмя на отчинѣ прародителей нашихъ, на Россійскомъ Государствѣ Царемъ и В. Княземъ, егожъ дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, оже бѣ отъ Римскаго Кесаря, и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего, Вел. Князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ Россійскомъ государствѣ быше прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлъ раздѣлишась, *не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству* 3)».

---

1) Это понятіе, что побѣжденный есть грѣшникъ, раздражившій божество, всего яснѣе выражено у Прокопія (de bello vandal. I, 5) въ разсказѣ его о Вандалѣ Гензерихѣ, который, входя на корабль, предается на волю вѣтровъ, долженствующихъ примчать его къ народу, раздражившему божество: «Ἐφ' οὓς ὁ θεὸς ὤργισται.»

2) Ипатьев. 62.

3) Собр. гос. гр. и дог. т. II.

Digitized by Google

Здѣсь ясно видно, что отнятіе и неволя лишали права.

Въ заключеніе изслѣдованія о родовыхъ отношеніяхъ между Князьями древней Руси должно упомянуть, что послѣ, когда линіи разошлись, младшія линіи выбирали себѣ по произволу одного изъ старшихъ Князей *въ отца мѣсто*, иногда совершенно изъ другаго рода: такъ Рязянскіе Князья рода Святославова выбрали себѣ въ старшіе Ростислава Мстиславича Смоленскаго изъ рода Мономахова, враждебнаго Святославичамъ 1): такіе Князья, въ отношеніи къ старшему, на котораго они *смотрѣли*, назывались *ротниками* 2).

---

1) Въ то же время Ростиславъ Мстиславичь, Смоленскій Князь, цѣлова крестъ съ братьею своею, съ Рязанскими Князи, на всей любви, они же вси зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ.—Ипатьев. 79.

2) Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: «Пойди сѣмо ко мнѣ а тамо наряди Новгородци и Смолняны, ать удержать Гюргя, и къ *ротникомъ* ся сли, и въ Рязань, и всямо.» Тамъ же, 32.—Стр. 36: «Брате! тобѣ Богъ далъ верхнюю землю, а ты тамо пойди противу Гюргеви, а тамо у тебе Смолняне и Новгородци и кто ротьниковъ твоихъ».

Digitized by Google

«Среди удобныхъ и лѣнивыхъ,
Упорно медленныхъ работъ,
Негодованій говорливыхъ,
Привычныхъ золъ и терпѣливыхъ
Надеждъ, желаній и невзгодъ,—

Живемъ, довольные судьбою,
Браня судьбу. Досуга нѣтъ
Ни сладить съ внутренней борьбою,
Ни дать взывающему къ бою
Вопросу жизненный отвѣтъ.

Но жизни нашей ложь и бремя
Сознали мы;—чегожъ мы ждемъ?
Ужели не приспѣло время,
Ужели мы, бросая сѣмя,
Его плодовъ не соберемъ?»

И мнѣ въ отвѣтъ на это слово
Другое слово раздалось:
Оно неслыханно и ново,
Всей силой пламеннаго зова,
Въ моей груди отозвалось!

Digitized by Google

И вѣрѣ уступая жгучей,
Сталъ также вѣровать и я
И современности могучей,
И близости еще за тучей
Отъ насъ таящагося дня.

Но время мчится, жизнь старѣетъ,
Все также свѣта не видать:
Такъ незамѣтно дѣло зрѣетъ,
Такъ мало васъ, которыхъ грѣетъ
Любви и скорби благодать!

И дней былыхъ не даромъ, мнится,
Тяжелый опытъ учитъ насъ,
Что много лѣтъ еще промчится,
Пока лучемъ не озарится
Давно предчувствуемый часъ!

Пока роскошный и достойный,
Завѣтный не созрѣетъ плодъ;
Пока неумолимо стройный,
Тяжелый, твердый и спокойный
Событій не свершится ходъ.

А сколько прежде поколѣній
Ждетъ вновь неправедность судьбы,
И бремя тяжкое стремленій,
И оскорбительность явленій,
И безутѣшныя борьбы!

И. Аксаковъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ,

СОБРАНІЕ

ДРЕВНИХЪ ЧЕШСКИХЪ ЭПИЧЕСКИХЪ И ЛИРИЧЕСКИХЪ ПѢСНЬ.

ПЕРЕВЕЛЪ

Н. БЕРГЪ.

(Посвящается С. П. Шевыреву).

Digitized by Google

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Краледворская рукопись есть собраніе древнихъ Чешскихъ стихотвореній. Она была найдена библіотекаремъ Чешскаго Музея, В. В. Ганкою, въ 1817 году 16 Сентября, въ городѣ Кралеве-Дворѣ, отъ котораго и получила свое имя. Рукопись сія есть небольшой отрывокъ отъ цѣлаго, вѣроятно, огромнаго кодекса, который, какъ полагаютъ, существовалъ еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Найденный отрывокъ состоитъ изъ 22 узкихъ полосокъ и 12 полныхъ листочковъ пергамена. Письмо рукописи мелко, но четко и красиво. Раздѣленія стиховъ и знаковъ препинанія нѣтъ; сокращеній весьма мало. Добровскій полагаетъ время явленія рукописи между 1290 и 1310 годами; а Палацкій — между 1280 и 1290. Стихотворенія, входящія въ рукопись, могутъ быть раздѣлены на эпическія, лирико-эпическія и лирическія. Первыхъ 6, вторыхъ 2 и послѣднихъ 6. Размѣры стихотвореній весьма разнообразны. Преимуществуетъ десятисложный размѣръ Славянскихъ пѣсенъ. — Вотъ какія были изданія рукописи послѣ ея открытія. Въ первый разъ она издана Ганкою въ 1819 г. въ Прагѣ. Къ тексту былъ тогда приложенъ стихотворный Нѣмецкій переводъ Г. Свободы. Въ 1823 г. было напечатано отдѣльно одно стихотвореніе рукописи «Ярославъ». Въ 1826 г. въ Прагѣ вышло новое изданіе текста рукописи. За симъ послѣдовало изданіе 1836 г. съ опытами переводовъ рукописи на Польскій и Краинскій языки. Послѣ этого издана была рукопись въ 4-й разъ Ганкою въ 1843 г. На сей разъ

Digitized by Google

къ тексту были присоединены переводы Польскій, Нѣмецкій и Англійскій и переложенія нѣкоторыхъ стихотвореній на языки Малорусскій, Иллирскій, Краинскій и Верхнелужицкій. Въ 1815 г. въ Прагѣ же рукопись была напечатана въ книгѣ « Wybor z literatury ceské. Наконецъ, въ этомъ же году, явилось новое изданіе рукописи съ переводомъ графа Туна. У насъ въ Россіи былъ напечатанъ текстъ Краледворской рукописи съ переводомъ на Русской языкъ въ 1820 г. А. С. Шишковымъ, при « Извѣстіяхъ С. Петербургской Академіи. »

Кромѣ упомянутыхъ 14 пѣсенъ къ Краледворской рукописи присоединены еще 3 стихотворенія, найденныя немного послѣ ея. Это: « Сеймъ », « Любушинъ Судъ», и «Пѣснь подъ Вышеградомъ». Изъ нихъ замѣчательны два первыя, какъ по содержанію, столь важному въ историческомъ отношеніи, такъ и по силѣ, простотѣ и изящности самыхъ стиховъ.

Вообще замѣчу, что во всѣхъ пѣсняхъ предлагаемой рукописи простота, сила и, въ нѣкоторыхъ, грація стиховъ — удивительны. Всѣ до одной проникнуты жизнію.

Вотъ имена работавшихъ надъ Краледворскою рукописью въ Чехіи: Добровскій, Мейнертъ, Дамбекъ, Палацкій, Шафарикъ и Свобода.

Изъ Поляковъ занимались ею Семинскій, Бродзинскій и Кухарскій. Въ Англіи — Боурингъ. Во Франціи—Кине и Эйхофъ.

« Любушинъ Судъ » и « Сеймъ » разобраны весьма отчетливо и подробно Гг. Шафарикомъ и Палацкимъ въ сочиненіи: « Die älteſten Denkmäler der böhmiſchen Sprache ». О « Пѣснѣ подъ Вышеградомъ » писали: Ганка въ 1817 г. и Добровскій въ 1818 г.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ памятникѣ будутъ приложены мною къ отдѣльному изданію моего перевода.

П. Б.

Digitized by Google

ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I. ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

Поднимается скала надъ лѣсомъ;
На скалѣ стоитъ Забой могучій
И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
Возмутился духъ его печалью
И Забой заплакалъ, что твой голубь.
Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ;
Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
Черезъ боръ широкой и пустынный;
Побывалъ у каждаго онъ мужа,
Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался;
Рѣчь держалъ короткую со всякимъ;
Преклонялъ чело передъ богами,
И къ другимъ оттуда онъ пускался.

Минулъ день; за нимъ другой проходитъ;
Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ.
Собрался мужи въ лѣсъ дремучій;
Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
Что́ лежала межъ лѣсовъ глубоко.
Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
Въ варито рукою ударяетъ.
«Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
Мужи искренніе взоромъ!

Digitized by Google

Вамъ пою въ глубокой я долинѣ,
Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
Что̀ печалью возмутилось!
Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
И дѣтей покинулъ малыхъ,
И подругъ своихъ покинулъ,
Не сказавши никому:
Братъ! поди, поговори ты съ ними,
Какъ отецъ съ родимою семьею!

И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью;
И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
Такъ и нашимъ женамъ и ребятамъ
Жить велѣлъ, и каждому онъ мужу
По одной велѣлъ держать подругѣ
На пути съ Весны и до Мораны.
Ясныхъ кречетовъ изъ бору выгналъ
И боговъ, что боги на чужбинѣ,
Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
И святыя сожигать имъ жертвы;
А своимъ никто не смѣй молиться,
И въ потемкахъ приносить имъ пищу.
Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу, —
Онъ посѣкъ священныя деревья,
И боговъ кумиры ниспровергнулъ.»

— Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
Пѣсню горя, какъ Люміръ, что двигалъ

Digitized by Google

Вышеградъ и всѣ его предѣлы
Пѣснями да крѣпкими словами :
Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ.
Добраго пѣвца и боги любятъ!
Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни,
Что̀ мутятъ все наше сердце
Противъ не́друга лихаго! —

Посмотрѣлъ Забой, какъ у Славоя
Разгорѣлись, раскалились очи—
И запѣлъ онъ пѣсни снова,
Чтобъ сердца разшевелились:

« Жило-было двое братьевъ.
Какъ ужъ стали голосами
На мужей они похожи ,
Всякій день ходили въ рощу
И къ мечу, копью и млату
Пріучали тамъ десницу.
Прятали въ густомъ лѣсу оружье
И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
Выходили братья въ бой кровавый!
Втапоры братишки ихъ другіе
Подростали, и во слѣдъ за тѣми
На враговъ летѣли, словно буря ; —
И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ! »

Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
И пѣвца въ объятьяхъ сжали крѣпкихъ ,

Digitized by Google

Клали руки сильныя на перси,
И умно-разумно говорили.

До разсвѣту было ужъ не долго.
Выходили изъ долины мужи,
Выходили розно, темнымъ лѣсомъ,
И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.

День проходитъ, и другой проходитъ;
А на третій день, какъ ночь настала, —
Въ темный лѣсъ пошелъ Забой
И за нимъ пошли дружины;
Въ темный лѣсъ пошелъ Славой
И за нимъ пошли дружины.
Всякъ покоренъ Воеводѣ;
Королю-же всякъ тамъ пѐдругъ,
Всякъ его сгубить замыслилъ.

« Гой еси ты, братъ Славой!
Къ голубой ступай вершинѣ,
Что́ надъ всѣмъ поднялась краемъ!
Тамъ сбираться надо будетъ.
На востокъ отъ той вершины,
Видишь, лѣсъ идетъ дремучій;—
Тамъ рукой ударимъ въ руку!
Пробирайся-жъ ты лисицей;
Я туда-жъ приду съ полками. »

—Гой еси ты, братъ, Забой!
Для чего оружье наше

Digitized by Google

Оставлять въ покоѣ долго?
Что бы грянуть намъ отсюда! —

«Ты послушай, братъ Славой,
Коль известь ты хочешь змѣя,
Наступи ему на горло —
Горло вражье на вершинѣ!»

По лѣсу разбились мужи,
И на-право и на-лѣво.
Эти идутъ, слушая Забоя,
Тѣ по слову храбраго Славоя,
Темнымъ лѣсомъ, къ синей той вершинѣ.
Въ пятый разъ восходитъ солнце красно.
Тутъ вожди другъ-другу руку
Подаютъ и лисьимъ окомъ
Съ той вершины озираютъ
Королевскія дружины.

«Насъ однимъ разбить ударомъ
Хочетъ Людекъ: вишь, полки сбираетъ!
Эй ты Людекъ! ты теперь холопомъ
Надъ холопами у нихъ поставленъ!
Палачу ты своему скажи-ка,
Что его приказы—дымъ для нашихъ!»

Разъярился Людекъ;
Войско быстро онъ сзываетъ.
Много свѣту было въ небѣ:
Красно солнце тамъ играло,
И играло красно солнце

Digitized by Google

На дружинахъ Королевскихъ.
Всѣ они въ походъ готовы
И поднять готовы руку,
Коли вождь прикажетъ Людекъ.

« Гой ты братъ Славой!
Ты зайди лисицей сзади.
Яжъ ударю имъ навстрѣчу! »

И пошелъ Забой, какъ туча съ градомъ,
И Славой пошелъ, какъ туча съ градомъ:
Этотъ съ боку, тотъ ударилъ прямо.

« Братъ! вонъ эти лиходѣи,
Что̀ боговъ у насъ низвергли,
Порубили рощи наши,
Ясныхъ кречетовъ прогнали.
Намъ пошлютъ побѣду боги! »

Разозлился Людекъ, заметался;
Онъ изъ полчищъ на Забоя вышелъ;
И Забой, сверкая взоромъ, встрѣтилъ
Людека. Что̀ дубъ схватился съ дубомъ
Средь лѣсовъ: такъ Людекъ на Забоя
Налетѣлъ среди обѣихъ ратей.
Людекъ поднялъ тяжкій мечь
И пробилъ въ щитѣ три кожи;
Тутъ Забой пускаетъ молотъ —
Людекъ въ сторону отпрянулъ;
Угодилъ тяжелый молотъ,
Угодилъ онъ въ дубъ высокой —

Digitized by Google

Дубъ на воиновъ свалился,
И къ отцамъ пошло ихъ тридцать.
Разъярился Людекъ: « Звѣрь ты дикій,
Злющая ты гадина, ехидна!
Ну-ка выйди на мечахъ со мною! »

И махнулъ Забой мечемъ:
Отлетѣлъ у сопостата
Отъ щита большой осколокъ.
Людекъ самъ ударъ заноситъ —
Да скользнулъ булатъ по кожѣ,
Что была по сверхъ щита Забоя.
Распалились оба воеводы,
Сыпали тяжелые удары,
И забрызгали другъ-друга кровью;
Всѣ въ крови и воины ихъ были,
Что вокругъ вождей рубились крѣпко.
На полуднѣ стало солнце
И пошло ужь къ вечеру съ полудня;
Но вожди безъ-умолку все бились.
Здѣсь кипѣла яростная сѣча,
Да и тамъ Славой сражался ладно.

« Ахъ ты врагъ безъ угомону!
Чтобы взялъ тебя нечистый!
Что ты кровь-то нашу точишь! »

И Забой свой молотъ поднялъ:
Да отпрыгнулъ Людекъ!
Поднялъ тотъ свой молотъ снова

Digitized by Google

И пустилъ имъ въ сопостата ;
Молотъ свиснулъ—вражій щитъ разбился ,
И разбились Людековы перси ;
А душа изъ тѣла полетѣла;
Молотъ выпугнулъ оттуда душу
И пронесся въ войско на пять саженъ.
Страхъ напалъ на вражьи рати ,
Вырывая вопль изъ ихъ гортани.
У Забоя-жъ люди веселились
И въ очахъ у нихъ играла радость

« Братья ! боги дали намъ побѣду !
Раздѣлитесь, братья, на двѣ части —
И въ походъ на-право и на-лѣво !
Изо всѣхъ долинъ коней сгоняйте:
Пусть заржутъ они въ дубравахъ этихъ ! »

– Братъ Забой ! удалый левъ !
Бей враговъ ты безъ пощады ! —

Щитъ Забой на землю бросилъ,
Въ руку взялъ тяжелый молотъ ,
А въ другую мечь булатный —
И дорогу межъ врагами
Проложилъ себѣ онъ разомъ. —
Зашумѣли, дрогнули дружины !
Тутъ погналъ ихъ съ тылу Трясъ могучій
И они со страху завопили.
Кони ржутъ въ густомъ лѣсу.

« На коней и за врагами!

Digitized by Google

Черезъ весь ихъ край гоните!
Быстры кони, мчитесь, мчитесь
По пятамъ злодѣевъ нашихъ!»

И отряды на коней вскочили;
Скокъ-по-скокъ погнали за врагами,
Сыпля за ударами удары.
Проскакали горы, лѣсъ, равнины —
Справа, слѣва все назадъ бѣжало.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.
Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.
Все леталъ надъ тѣми надъ полями
На широкихъ крыльяхъ лютый коршунъ,
И гонялъ онъ малыхъ пташекъ.
А дружины смѣлыя Забоя
По полямъ, разсыпавшись, бѣжали
За врагами, ихъ разили всюду
И топтали ярыми конями.
Ночью гнали, какъ свѣтилъ имъ мѣсяцъ;
Гнали днемъ, когда свѣтило солнце.
Тамъ опять скакали ночью,
Тамъ зарей на утрѣ сѣромъ.
Вдругъ рѣка шумитъ предъ ними,
За волнами волны катитъ.
Воины спрыгнули въ рѣку
И враговъ передъ собой погнали.

Digitized by Google

Тутъ чужихъ топили наши волны,
А своихъ на берегъ выносили.

«Ну, къ сѣдымъ туда вершинамъ,
Тамъ конецъ кровавой мести.»

—Ты послушай, братъ Забой:
До горы́ ужъ недалеко,
И враговъ немного стало;
Да и тѣ о жизни молятъ! —
«Такъ назадъ веди дружины!
Я-жъ пойду и доконаю
Всѣхъ послѣднихъ Королевцевъ!»

Въ томъ краю прошли метели;
Въ томъ краю прошли дружины,
Въ томъ краю, на-право и на-лѣво;
Тамъ и сямъ дружины видны,
Крики радостные слышны.
«Братъ, ужъ вотъ она вершина,
Гдѣ намъ боги шлютъ побѣду!
Тамъ изъ тѣлъ выходятъ души
И порхаютъ по деревьямъ.
Звѣрь и птицы ихъ боятся,
Не боятся только сòвы.
Погребать пойдемъ убитыхъ,
Да боговъ своихъ покормимъ,
Принесемъ большія жертвы
Имъ, спасителямъ народа;
Возгласимъ и честь и славу,
И положимъ все предъ ними,
Что̀ у нѣдруговъ отбили!»

Digitized by Google

II. ЧИСТМІРЪ И ВЛАСЛАВЪ.

Князь Некланъ велитъ къ войнѣ сряжаться,
Княжескимъ велитъ онъ словомъ,
Противъ Власлава.
Собрался, встали рати,
Собрались по слову Князя,
Противъ Власлава.

Чванился Влаславъ побѣдой
Надъ Некланомъ, славнымъ Княземъ,
И вносилъ огонь и мечь
Онъ въ Неклановы предѣлы;
И своимъ удалымъ людямъ
Онъ приказывалъ надъ Княземъ
Непотребно издѣваться.

« Чміръ, веди мои дружины!
Все ругается надъ нами
Князь Влаславъ надменный! »

Чміръ встаетъ, веселый духомъ,
И снимаетъ щитъ свой черный,
Что съ двумя зубами сдѣланъ,

Digitized by Google

Да беретъ тяжелый молотъ,
И шеломъ несокрушимый;
А потомъ богамъ приноситъ
Подо всѣ деревья жертвы.
Громкимъ голосомъ онъ крикнулъ;
Рати строятся рядами.
Вотъ пошли передъ зарею;
Цѣлый день въ походѣ были;
Шли, когда и солнце сѣло,
Шли на холмъ высокой.
Дымъ отъ селъ валитъ клубами;
Въ селахъ жалобные вопли.

«Кто спалилъ тѣ сёла?
Кто принесъ вамъ слезы?
Не Власлав-ли гордый? —
Больше онъ не будетъ
Храбровать надъ вами:
Я иду злодѣю
Отомстить за братьевъ!»

Тутъ сказали Чміру:
«Окаянный Кру́вой
Завладѣлъ въ долинахъ
Нашими стадами;
Въ сёла внесъ онъ горе
Мечёмъ и пожаромъ;
Все сгубилъ, что́ было
Въ жизни намъ потребой;
Взялъ и Воеводу!» —

Digitized by Google

На Крувоя Чміръ озлился,
И въ груди его широкой
Злоба закипѣла,
Потрясла всѣ члены.

«Вратья!»—крикнулъ—«нынче утромъ
Будетъ крѣпкая работа;
А теперь даю вамъ отдыхъ!»

Горы влѣво, горы вправо;
На хребтѣ у нихъ высокомъ
Красно солнышко играетъ.
И отсюда черезъ горы,
И оттуда черезъ горы
Идутъ Чміровы дружины
И несутъ съ собою битву.

«Прямо, прямо къ городу,
На скалѣ что̀ выросъ!
Крувой заперъ тамъ Войміра,
Съ нимъ и дочь его младую,
Что въ лѣсу густомъ похитилъ,
Тамъ, подъ сѣрою скалою,
Гдѣ ругался надъ Некланомъ.
Крувой клятву далъ Неклану
Быть ему слугою вѣрнымъ,
И десницу Князю подалъ;
Только тѣмъ же голосомъ,
Той-же самою рукою
Онъ бѣду принесъ народу. –
Ну, за мною, мо̀лодцы.

Digitized by Google

Къ городу высокому! »
И отважная дружина
Быстро къ замку двинулась,
Слова Чмірова послушавъ;
Двинулась, какъ туча съ градомъ.
Тяжкіе щиты сомкнувши плотно,
Рядъ передній весь покрылся ими;
Тѣ, что сзади, оперлись на копья
И, всадивъ ихъ поперегъ въ деревья,
Всею тяжестью на нихъ повисли.
Ихъ мечи тутъ загремѣли
Надъ вершинами лѣсными,
На мечи кидаясь вражьи,
Что̀ изъ за̀мка поднимались.
На стѣнѣ, какъ быкъ, метался Крувой,
Въ осажденныхъ разжигая храбрость.
Мечъ его на Пражанъ падалъ,
Словно дубъ съ горы высокой,
Что́, валясь, деревья ломитъ; —
Столько было подъ стѣнами
Воиновъ Неклана—Князя.
Чмірь велѣлъ итти на городъ сзади;
Спереди-жъ, черезъ ограду,
Онъ скакать велѣлъ дружинѣ.
Тамъ два дерева стояло:
Прислонилися деревья
Подъ скалой къ оградѣ самой —
Пусть на нихъ летятъ колоды,
А головъ не тронутъ буйныхъ!
Тутъ-то, спереди, поставилъ кучу

Digitized by Google

Молодцовъ онъ дюжихъ и широкихъ,
Такъ-что всѣ они срослися
Богатырскими плечами.
Поперегъ они на плечи
Жерди длинныя взмахнули,
Ихъ веревкой вдоль связали
И на древки оперлися.
Тутъ на жерди къ нимъ другіе
Мужи крѣпкіе вскочили;
Копья вскинули на плечи
И веревкою связали.
Третій рядъ вскочилъ на этихъ,
Тамъ четвертый рядъ на третій;
А ужь пятые достали
До вершины самой замка.
Тутъ мечи блеснули сверху,
Сверху стрѣлы засвистѣли,
Сверху бревна покатились.
Черезъ стѣны Пражане, какъ волны,
Хлынули и замкомъ завладѣли

«Выйди, выйди, Войміръ, ты на волю,
Выйди съ дочерью милой своею!
Утро ясное въ небѣ играетъ!
Посмотри, какъ злодѣю Крувою
Буйну голову нынче отрубятъ!»

На зарѣ вышелъ витязь могучій,
Дочь-красавицу вывелъ съ собою,
И увидѣлъ, какъ злаго Крувоя
Казнію безчестною казнили.

Digitized by Google

Отослалъ Чміръ добычу къ народу,
А съ добычей вернулась и дѣва.
Тутъ Воймiръ хотѣлъ готовить жертву
Въ томъ же мѣстѣ, въ ту же солнца пору.

«Нѣтъ, въ походъ!» —къ нему Честмiръ воскликнулъ;
«Чѣмъ скорѣе, тѣмъ къ побѣдѣ ближе!
Погодимъ богамъ сжигать мы жертву;
Намъ карать велятъ Власлава боги.
А какъ станетъ солнышко на полдень —
Соберемся мы, гдѣ надо будетъ,
И войска намъ прокричатъ побѣду.
Вотъ тебѣ оружiе Крутоя,
Нѣдруга ликаго—и поѣдемъ!»

Закипѣлъ Воймiръ веселiемъ буйнымъ;
Громкимъ голосомъ съ горы онъ крикнулъ
Изъ гортани сильной, ажно дрогнулъ
Темный лѣсъ: «Не гнѣвайтесь вы, боги,
За мое предъ вами прегрѣшенье,
Что сегодня я не жгу вамъ жертвы!»

А Честмiръ: «За нами эта жертва,—
Но пора и въ битву съ сопостатомъ!
На коня садись-ка ты лихаго,
Да лети ты черезъ боръ оленемъ!
На дорогѣ, близь дубравы темной,
Повстрѣчаешь небольшую гору;
Эту гору полюбили боги,—
Тамъ сожги ты имъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,

Digitized by Google

За побѣду, что́ была за нами.
За побѣду, что̀ еще предъ нами!
Ты придешь на это мѣсто прежде,
Чѣмъ подвинется на тверди солнце,
А когда ужъ двѣ и три ступени
Пробѣжитъ оно и надъ лѣсами
Станетъ тамъ—придутъ и рати наши
Въ тѣ мѣста, гдѣ дымъ столбомъ взовьется
Къ небесамъ отъ жертвы приносимой;
Тамъ дружины голову преклонятъ.»

На коня тогда Воймiръ садился,
Полетѣлъ онъ черезъ боръ оленемъ
Къ той горѣ, что близь дубравы темной;
Тамъ сжигалъ богамъ святую жертву
За свое чудесное спасенье,
За побѣду, что̀ была за ними,
За побѣду, что еще предъ ними;
Сожигалъ онъ добрую телицу;
Шерсть на ней червонная блестѣла.
Ту телицу онъ купилъ въ долинѣ,
Что́ густою поросла травою;
За телицу пастухамъ оставилъ
Онъ коня и съ нимъ его уздечку.
Какъ святая запылала жертва —
Подходили воины къ долинѣ
И въ дубраву другъ за другомъ шумно
Поднимались, брякая мечами.
Каждый воинъ обходилъ вершину
И богамъ провозглашалъ онъ славу;

Digitized by Google

Проходя, мечёмъ не медлилъ брякнуть.
А когда осталось ихъ немного,
На коня Воймiръ лихаго прыгнулъ
И велѣлъ поднять остатки жертвы
Шестерымъ онъ всадникамъ послѣднимъ:
Два плеча и жирныя лопатки.
Вотъ пошли дружины вмѣстѣ съ солнцемъ.
На полуднѣ солнышко стояло.
А въ долинѣ Князь Влаславъ надменный
Поджидалъ ихъ съ силами своими,
Что́ отъ лѣса протянулись къ лѣсу.
Впятеро ихъ было больше Пражанъ.
Словно въ тучѣ тамъ гремѣли громы
И собакъ тамъ заливались стаи.

«Трудно будетъ биться намъ съ врагами:
Палицы не переломишь колонъ!»

Такъ Воймiръ, а Чмiръ ему на это:
—Хорошо лишь про-себя то вѣдать!
Лучше быть всегда на все готову!
Развѣ лбомъ ты горы поворотишь?
А лиса проводитъ вѣдь и тура.
Съ высоты Влаславу нашихъ видно:
Такъ придется обойти намъ гору,
Чтобы тѣ, что́ впереди-то идутъ,
Позади за нами очутились;
Тамъ и ну ходить вокругъ вершины!—

И Воймiръ устроилъ дѣло съ Чмiромъ:
Девять разъ по ихъ наказу войско,

Digitized by Google

Девять разъ ту гору обходило. —
Такъ ихъ силы выростали съ виду,
Такъ враги все болѣе пугались.
Вдругъ вся рать въ кустахъ остановилась
И мечи врагу блеснули въ очи;
Вся вершина будто жаръ горѣла!
Тутъ выходитъ смѣлый Чміръ съ отрядомъ,
А въ отрядѣ томъ четыре части;
Въ ту же пору Трисъ на сопостата
Налетѣлъ изъ-за деревьевъ частыхъ
И враговъ перепугалъ онъ сзади:
Ихъ ряды, смѣшавшись, побѣжали;
Но Воймiръ своей рукою храброй
Заградилъ имъ ночью выходъ въ поле,
И ударилъ съ боку на Власлава.
Ухъ! какъ лѣсъ-то затрещалъ широкой:
Словно горы тамъ съ горами бились
И деревья на себѣ ломали!

Тутъ Влаславъ понесся противъ Чміра,
Встрѣтилъ Чміръ его ударомъ тяжкимъ;
Закипѣла битва между ними —
И Влаславъ на землю повалился.
По землѣ катается онъ страшно,
Вбокъ и взадъ, а справиться не можетъ:
На покой зоветъ его Морена.
Кровь изъ тѣла крѣпкаго струится,
По травѣ бѣжитъ въ сырую землю;
И душа изъ теплыхъ устъ порхнула;
Тамъ и сямъ она летала долго,

Digitized by Google

Съ дерева на дерево, покуда
Не сожженъ былъ на кострѣ убитый.

Побѣжали воины Владслава
И ударились въ испугѣ въ гору,
Трепеща передъ очами Чміра,
Что̀ въ бою сразилъ Владслава—Князя

Загремѣли вѣсти о побѣдѣ.
Ихъ Некланъ веселымъ ухомъ слышитъ,
И свою военную добычу
Радостнымъ оглядываетъ окомъ.

Digitized by Google

III. ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Старъ и младъ, внимай разсказу
О бояхъ и ратоборствахъ!

Жилъ когда-то Князь за Лабой,
Князь богатый, славный, добрый.
Дочь-краса была у Князя,
И ему и всѣмъ по сердцу;
Красотою свѣтъ дивила:
У нея былъ станъ высокой,
Бѣлый ликъ, а на ланитахъ
Разцвѣталъ живой румянецъ;
Очи были, словно небо;
По плечамъ-же бѣлоснѣжнымъ
Разсыпались золотыя
Кудри, въ кольца завиваясь.

Князь посламъ велитъ сряжаться —
Звать къ нему бояръ окольныхъ
На великій праздникъ въ городъ.
День уставленный приходитъ:
Все боярство собралося

Digitized by Google

Изъ земель и странъ далекихъ
На великій пиръ, на праздникъ

Бубны-трубы загремѣли.
Подошли бояре къ Князю,
Подошли и поклонились
Низко Князю и Княгинѣ;
И Княжнѣ, дѣвицѣ красной;
За столы потомъ усѣлись
Всѣ по сану и по роду.
Тутъ прислуга подносила
Яства дивныя боярамъ,
одно сила медъ шипучій.
То-то былъ веселый праздникъ!
То-то было пированье!
Въ члены сила набиралась,
Душу бодрость напоила!

Князь сказалъ тогда боярамъ:
«Мужи! тайну я открою,
Для чего собралъ васъ нынѣ:
Мужи славные! хочу я
Испытать теперь, извѣдать,
Кто изъ васъ мнѣ всѣхъ нужнѣе.
Благо ждать войны и въ мирѣ:
Насъ вѣдь Нѣмцы окружаютъ!»

Князь сказалъ и всѣ бояре
Изъ-за трапезы поднялись
И, поднявшись, поклонились
Низко Князю и Княгинѣ

Digitized by Google

И Княжнѣ, дѣвицѣ красной.

Бубны-трубы загремѣли.
Изготовились бояре.
Посреди равнины свѣтлой,
На разубранномъ балконѣ
Князь сидѣлъ передъ народомъ
Со своими старшинами;
Близь него была Княгиня,
Съ именитыми женами,
И съ подругами Людиша.

И воскликнулъ Князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ на битву первый,
Самъ я, Князь, того назначу!»

Указалъ онъ на Стребора.
Вызвалъ Стреборъ Людислава.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ;
Другъ на друга поскакали,
Долго бились и боролись,
Оба древка изломили
И, отъ боя истомяся,
Вышли вонъ изъ-за ограды.

Бубны-трубы загремѣли.
И воскликнулъ Князь къ боярамъ:
«Кто пойдетъ вторымъ на битву,
Пусть Княгиня намъ укажетъ!»

И Княгиня указала

Digitized by Google

На Серпоша. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Спитибора.
На коней садятся оба;
Всякъ беретъ по вострой пикѣ
И помчались другъ на друга.
Выбилъ Серпошъ Спитибора,
Самъ съ копя спрыгнулъ онъ на̀ земь.
За мечи схватились оба —
И запрыгали удары
По щитамъ ихъ по тяжелымъ
И посыпался искры.
Спитиборъ Серпоша ранилъ,
Тотъ на землю палъ сырую.
Истомясь отъ боя, оба
Вышли вонъ изъ-за ограды.

Бубны-трубы загремѣли,
И воскликнулъ Князь къ боярамъ:
« Кто пойдетъ на битву третьимъ,
Пусть Людиша намъ укажетъ!»

И Людиша указала
На Любора. Онъ выходитъ,
Вызываетъ Болеміра.
На коней садятся оба,
Всякій взялъ по вострой пикѣ,
И вскакали внутрь ограды.
Другъ на друга понеслися,
Пики вострыя скрестились —
Люборъ выбилъ Болеміра;

Digitized by Google

Щитъ его далеко прянулъ;
Самого-жъ его прислуга
Понесла изъ-за ограды.

Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ въ бой идетъ съ Рубошемъ.
На коня садится Рубошъ,
Быстро скачетъ на Любора;
Люборъ вмигъ копье Рубоша
Пересѣкъ мечемъ тяжелымъ
И врага въ шеломъ ударилъ.
Рубошъ палъ съ коня на землю
И взяла его прислуга.

Бубны-трубы загремѣли.
Люборъ кликнулъ за оградой:
« Кто теперь со мною хочетъ,
Выходи плечо помѣрить! »

И пошелъ въ народѣ говоръ
Люборъ ждетъ-стоитъ въ оградѣ.
Вотъ Здеславъ качаетъ пикой,
А на пикѣ турій черепъ;
На коня Здеславъ садится,
Горделиво похваляясь:
« Прадѣдъ мой одолѣлъ Тура,
Разогналъ отецъ мой Нѣмцевъ; —
А меня спознаетъ Люборъ! »

Другъ на друга поскакали,
Лбами крѣпкими сразились —

Digitized by Google

И слетѣли оба съ сѣделъ.
За мечи схватились быстро
И рубиться ими стали;
Гулъ стоялъ отъ ихъ ударовъ;
Люборъ съ боку вдругъ нагрянулъ
И въ шеломъ врага ударилъ
И разбилъ шеломъ на части.
Ихъ мечи потомъ скрестились;
Выбитъ мечъ изъ рукъ Здеслава,
Полетѣлъ онъ за ограду,
А Здеславъ на землю рухнулъ.

Бубны-трубы загремѣли.
Обступили всѣ Любора,
Повели предъ очи Князя,
И Княгини, и Людиши; —
И Княжна вѣнокъ дубовый
Возложила на Любора.
Бубны-трубы загремѣли.

Digitized by Google

IV. ЯРОСЛАВЪ.

Разскажу я славную вамъ повѣсть
О бояхъ великихъ, лютыхъ брапяхъ;
Собирайте вы свой умъ и разумъ:
Нынче будетъ вамъ чего послушать!

Тамъ, гдѣ правитъ Оломуцъ землями
Невысокая гора поднялась;
Называютъ гору ту Гостайновъ;
На ея вершинѣ Христіянамъ
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы въ покоѣ;
Было все кругомъ благополучно;
Да поднялась отъ Востока буря,
А поднялась ради дщери Ханской,
Что̀ за злато Нѣмцы погубили,
За жемчугъ, за дороги каменья.
Дочь Кублая, красотой что́ мѣсяцъ,
О земляхъ на Западѣ узнала,
И узнала, что въ нихъ много люду:
Собиралась въ дальнюю дорогу

Digitized by Google

Поглядѣть житье-бытье чужое.
Съ нею десять юношей срядилось
Да еще двѣ дѣвы молодыя.
Было все потребное готово.
Тутъ они на быстрыхъ сѣли коней
И свой путь по солнышку держали.
Какъ заря передъ восходомъ блещетъ
Надъ густыми темными лѣсами:
Такъ блестѣла дочь Кублая Хана;
Красотою красна и нарядомъ,
Золотой она парчей покрылась,
Лебедину шею обнажила,
Дорогимъ увѣшалась каменьемъ.
Ханской дочери дивились Нѣмцы,
На ея сокровища польстились;
Выжидать засѣли на дорогѣ,
И въ лѣсу Кублаевну убили,
Все богатство Ханское побрали.
Какъ про то услышалъ Ханъ Татарскій,
Что съ его Кублаевной случилось:
Собиралъ несмѣтныя онъ рати,
И пошелъ, куда уходитъ солнце.
Короли на Западѣ узнали,
Что Кублай готовится ударить:
Перемолвились, набрали войско
И поѣхали на встрѣчу къ Хану;
Становили станъ среди равнины,
Становили, поджидали Хана.
Вотъ Кублай сбираетъ чародѣевъ,
Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,

Digitized by Google

Чтобъ они рѣшили ворожбою,
Будетъ-ли, не будетъ-ли побѣда.
Притекли толпами чародѣи,
Звѣздочеты, знахари, шаманы;
Разступившись, кругомъ становились;
Положили черный шестъ на землю,
Разломили на-двое, назвали
Половину именемъ Кублая,
А другую назвали врагами;
Стародавнія запѣли пѣсни; —
Тутъ шесты затѣяли сраженье:
Шестъ Кублая вышелъ цѣлъ изъ бою.
Зашумѣли въ радости Татары,
На коней садились ретивыхъ —
И рядами становилось войско.
Христіане ворожбы не знали,
А пошли на басурмановъ просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремѣла первая тутъ битва.
Задождили стрѣлы, будто ливень,
Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома,
Блескъ мечей, что молнія изъ тучи.
Объ стороны рубились крѣпко
И одна другой не уступала.
Вдругъ шатнули Христіане погань
И совсѣмъ-бы смяли сопостатовъ:
Да пришли къ нимъ чародѣи снова
И шесты народу показали. —
Тутъ опять Татары разъярились,
Въ Христіанъ ударили свирѣпо

И погнали ихъ передъ собою,
Словно псы испуганнаго звѣря.
Здѣсь шеломъ, тамъ щитъ желѣзный брошенъ;
Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
Что̀ ногою въ стремени повиснулъ.
Здѣсь одинъ вотще съ врагами бьется,
Тамъ другой помилованья проситъ.
Такъ Татары были крѣпки въ битвѣ,
Что налоги съ Христіянъ собрали
И два царства отняли большія:
Старый Кіевъ да Новгородъ людный.
Выростало горе на долинахъ;
Весь народъ сходился Христіянскій,
Собиралось ихъ четыре войска;
Звали снова басурмановъ къ бою.
Въ этотъ разъ Татары взяли вправо.
Словно туча съ градомъ надъ полями,
Что̀ грозитъ богатымъ урожаямъ:
Издалеча рати такъ шумѣли.
Вотъ и Угры сдвинули дружины,
Въ сопостата ударили крѣпко
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолѣли дикіе Татары,
Разметали Угорское войско,
Цѣлый край мечемъ опустошили. —
Христіянъ покинула надежда!
Было горе, всѣхъ горчѣе горе.
Милосердому взмолились Богу,
Чтобы спасъ ихъ отъ Татаръ свирѣпыхъ:

Digitized by Google

«Господи! возстань въ своемъ Ты гнѣвѣ,
Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
Что̀ совсѣмъ сгубили наши души:
Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»
Бой потерянъ и другой потерянъ.
Въ землю Польскую пришли Татары,
Полонили все, что̀ было близко,
Додрались до града Оломуца.
Тяжкая бѣда кругомъ вставала:
Брали верхъ поганые Татары.
Бьются день, другой дерутся крѣпко;
Никуда не склонится побѣда.
Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
Будто тьма вечерняя подъ осень.
Посредипѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
Колебались Христіянъ дружины,
Продираясь ко святой часовнѣ,
Гдѣ свѣтился чудотворный образъ.
«Ну, за мною, братья!»—Такъ воскликнулъ,
Въ щитъ мечомъ гремя, Внеславъ могучій,
И хоругвь надъ головами поднялъ.—
Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
На Татаръ ударили жестоко,
И, какъ пламень изъ земли, пробились
Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ.
На пятахъ они поднялись въ гору,
У подошвы раздвинули рати,
А въ долину стали вострымъ клиномъ.
Тутъ покрылись тяжкими щитами,
Справа, слѣва, и большія пики

Digitized by Google

Взбросили на могутныя плечи
Другъ-ко-другу: задніе переднимъ.
Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по землѣ и небу;
Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
Что, враждой раскалены, горѣли.
Той порой, во мракѣ, Христіяне
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ:
Зашумѣли орды сопостатовъ
И кругомъ ту гору обступили;
Не видать конца полкамъ несмѣтнымъ!
На конях иные тамъ кружили
И на длинныя втыкали пики
Головы отъ труповъ Христіянскихъ—
И носили предъ наметомъ Ханскимъ.
Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
Къ одному они шатнулись боку,
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность,
Ажно долъ и горы загудѣли.
Христіяне поднялись на насыпь.
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули —
Отступили отъ холма Татары.
Разъярился народъ некрещенный;
Закипѣло сердце Хана гнѣвомъ;
На три полчища разбился таборъ,

Digitized by Google

Съ трехъ сторонъ облавили ту гору;
Тутъ скатили Христіяне бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
Подбѣжали къ насыпи Татары,
Въ облака ударились ихъ вопли
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать, но бревна покатились —
Какъ червей приплюснуло тутъ погань,
И еще давило ихъ въ долинѣ.
Тѣ и тѣ потомъ рубились долго,
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеславъ сраженъ могучій
И на землю съ насыпи свалился.
Одолѣло горе наши души,
Изсушила жажда всѣ утробы;
Языки съ травы лизали росу.
Вечеръ тихъ былъ передъ ночью хладной,
Послѣ ночь смѣнилась утромъ сѣрымъ.
Смирно было въ станѣ сопостата.
Разгорѣлся день передъ полуднемъ.
Христіяне падали отъ жажды,
Рты свои сухіе отворяли,
Хриплымъ голосомъ молились Дѣвѣ,
Истомленныя поднявши очи,
Заломивши руки въ лютой скорби;
Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
« Намъ не-въ-мочь терпѣть такую жажду,
Отъ нея не-въ-силахъ мы рубиться!
Кто не смерти, живота желаетъ:

Digitized by Google

Дожидайся милости Татарской!»
Такъ одни сказали, а другіе:
«Лучше сгинуть отъ меча намъ, братья,
Чѣмъ отъ жажды на холмѣ издохнуть.
Хоть въ плѣну-бы намъ воды напиться!»
—Такъ за мною-жъ!—къ нимъ Вестонъ воскликнулъ,
Коли такъ вы, братья, говорите;
Коль измучились отъ жажды лютой! —
Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
Братиславъ ударилъ и за плечи
Онъ потресъ его рукою мочной:
«Ахъ ты змѣй, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
Чѣмъ бы милости просить у Бога,
Ты зовешь ихъ въ мерзкую неволю.
Не ходите, братья, на погибель!
Вѣдь ужь зной мы тяжкій пережили:
Въ ярый полдень Богъ намъ силы подалъ;
Онъ еще подастъ, коль вѣрить будемъ.
А такія рѣчи непотребны
Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
А мечамъ невѣрнымъ отдадимся:
Руки сами на себя наложимъ!
Неугодна Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ яремъ итти охотой.
Кто такъ мыслитъ — онъ за мною, мужи,
Тотъ за мною ко святой иконѣ!»
Двинулись къ часовнѣ Христіане:

Digitized by Google

«Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
Дай смирить намъ силы сопостата,
Выслушай моленіе ты наше!
Мы отвсюду стиснуты врагами:
Изъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
И увлажь росою намъ гортани!
Славословить Тебе, Бога, станемъ!
Сокруши Ты нашихъ сопостатовъ,
Да не придутъ нехристи во вѣки!»
Глядь—ужъ тучка въ раскаленномъ небѣ!
Дуютъ вѣтры, слышенъ рокотъ грома;
Разостлались облака по небу,
Мечутъ молніи на станъ Татарскій,
Страшный ливень рвы холма наполнилъ.
Миновала буря. Идутъ рати
Изо всѣхъ земель и странъ далекихъ,
Къ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви;
Тяжкіе мечи гремятъ у бедеръ;
На плечахъ колчаны со стрѣлами,
А на буйныхъ головахъ шеломы.
Скачутъ-пляшутъ ретивые кони.
Зазвенѣли вдругъ рога лѣсные,
Бубны-трубы раздалися въ полѣ;
Закипѣла яростная битва.
Стало темно межъ землей и небомъ—
И была послѣдняя то схватка!
Звонъ и стукъ пошелъ отъ сабель вострыхъ,
Засвистѣли стрѣлы каленыя;
Ломъ отъ копій, трескъ отъ пикъ тяжелыхъ,
И молитвы посрединѣ битвы,

Digitized by Google

Плачъ, тревога — и веселья много!
Кровь лилась ручьями дождевыми;
Что̀ въ лѣсу деревьевъ, было труповъ.
У того мечомъ разрубленъ черепъ,
У того не стало рукъ по плечи,
Тотъ съ коня валится черезъ брата,
Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
Словно буря на скалахъ деревья;
У инаго мечъ торчитъ изъ реберъ,
А тому отнесъ Татаринъ ухо.
Ухъ! кругомъ послышалися вопли:
Христіяне сбиты, побѣжали; —
Гонятъ ихъ поганые Татары!
Но смотрите: Ярославъ несется,
Что̀ орелъ летитъ, могучій витязь!
На груди его желѣзный панцырь,
А подъ нимъ отвага и удача;
Подъ шеломомъ крѣпкимъ разумъ быстрый,
А въ очахъ играетъ гнѣвъ и ярость;
Расходился, будто левъ косматый,
Что́, почуявъ запахъ теплой крови,
Раненый, бѣжитъ за человѣкомъ; —
Такъ онъ мчался, лютый, на поганство.
Чехи съ нимъ, что́ градъ изъ темной тучи
Онъ на сына Ханскаго нагрянулъ —
И борьба межъ ними закипѣла!
Пиками тяжелыми сразились —
Да сломились пики у обоихъ.
Ярославъ съ конемъ окровавленнымъ
Ринулся, махнулъ мечомъ широкимъ

Digitized by Google

И разнесъ Кубланча до брюха.
Палъ Кубланчъ бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчаномъ.
Басурманы всѣ оторопѣли,
Пометали саженныя копья,
И кто могъ пустился по долинѣ
Въ тѣ края, отколь приходитъ солнце.
И враговъ Татаръ не стало въ Ганѣ.

Digitized by Google

V. БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

1.

Гой ты солнце наше красно!
Чтò съ лазоревыхъ высотъ
Нынче такъ печально свѣтишь
Ты на бѣдный нашъ народъ?

2.

Гдѣ нашъ Князь? гдѣ людъ военный?
Къ Отту, къ Отту всѣ ушли....
Кто-жъ прогонитъ вражью силу
Изъ отеческой земли?

3.

Йдутъ Нѣмцы длиннымъ строемъ —
То Саксоновъ злая рать;
Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
Йдутъ край нашъ воевать.

4.

Злато-сѐребро сбирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придутъ злодѣи
Наши хаты и дворы.

Digitized by Google

5.

Все пожгли враги, побрали
Злато-сѐребро изъ хатъ
И стадà угнали наши;
Къ Троскамъ далѣе спѣшатъ.

6.

Не тужите, добры люди:
Встанетъ травушка въ поляхъ,
Что̀ Саксоны притоптали,
Проскакавши на коняхъ.

7.

Убирайте-же вѣнками
Избавителю чело!
Зелень выросла на нивахъ,
Все по-старому пошло.

8.

Скоро минетъ наше горе:
Бенешъ Германычъ идетъ,
Биться нà смерть съ сопостатомъ
Призываетъ свой народъ.

9.

Вотъ собрались наши люди
Подъ Скалой въ лѣсу густомъ;
Всякій шелъ на бой кровавый
Не съ булатомъ, а съ цѣпомъ.

Digitized by Google

10.

Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
Всѣ бѣгутъ во слѣдъ ему.
«Горе Нѣмцамъ!—Бенешъ крикнулъ:—
Нѣтъ пощады никому!»

11.

Закипѣли гнѣвомъ лютымъ
Въ битвѣ обѣ стороны;
Взволновалися утробы;
Очи злобой зажжены.

12.

Набѣжали другъ на друга
И давай колоть и сѣчь:
Коломъ колъ тяжелый встрѣченъ,
Зацѣпился мечъ за мечъ!

13.

Страшно рать на рать валила,
Словно лѣсъ пошелъ на лѣсъ;
Отъ мечей летѣли искры,
Будто молнія съ небесъ.

14.

Нивы стономъ застонали;
Всполошило всѣхъ звѣрей;
Всполошило вольныхъ пташекъ
Средь лѣсовъ и средь полей.

Digitized by Google

15.

До вершины ажно третьей
Слышно было жаркій споръ ;
Копья съ саблями трещали,
Словно падалъ ветхій боръ.

16.

Такъ стояли оба войска,
Сѣвши крѣпко на пяту —
И пришло отъ лютой битвы
Тѣмъ и тѣмъ не-въ-могуту.

17.

Въ гору Германычъ ударилъ ;
Что махнетъ мечомъ своимъ —
Цѣлой улицей ложится
Вражья сила передъ нимъ;

18.

И на-право, и на-лѣво
Такъ и стелетъ онъ народъ;
Поднялся — и сопостата
Сверху камнями онъ бьетъ.

19.

На широкій долъ сбѣжали
Мы опять съ холмовъ крутыхъ;
Завопили Нѣмцы, дрогнувъ;
Мы пошли — и смяли ихъ!

Digitized by Google

VI. ОЛЬДРИХЪ И ВОЛЮСЛАВЪ.

. . . . . въ лѣсъ дремучій ,
Гдѣ владыки собирались вмѣстѣ,
Семь владыкъ съ дружинами своими.
Выгонъ-Дубъ въ ночную темнеть прибылъ ,
Со своими прибылъ молодцами :
Было съ нимъ сто воиновъ отважныхъ
И у всѣхъ въ ножнахъ мечи гремѣли ;
Сто мечей наточено булатныхъ ,
Сто десницъ могучихъ на-готовѣ ;
Удальцы владыкѣ вѣрно служатъ.
Вотъ пришли они въ средину лѣса ,
Стали въ кругъ; другъ-дружкѣ руки дали ;
Разговоры тихіе заводятъ.

Было время за-полночь гораздо.
Утро сѣрое ужъ было близко.
Выгонъ молвилъ тихо Князю Ольдрѣ:
« Гой еси ты Князь и воинъ славный !
Богъ вложилъ въ тебя и мочь и крѣпость,
Въ буйну голову далъ разумъ свѣтлый:

Digitized by Google

Такъ веди-жъ насъ на Полянъ свирѣпыхъ!
За тобой послѣдуемъ мы всюду:
Взадъ, впередъ, на-право и на-лѣво,
Гдѣ ты будешь въ ярой битвѣ биться!
Ну зажги-жъ ты въ сердцѣ нашемъ храбрость!»

Князь беретъ могучею рукою
Длинный прапоръ: « Такъ за мною, братья,
На Полянъ, враговъ роднаго краю?»
Вслѣдъ за Княземъ двинулись владыки,
Восемь всѣхъ, и было съ ними войска
Триста парней добрыхъ до полсотни.
Всѣ они собрались, гдѣ Поляне
Сонные, раскинувшись, лежали.
Становились у опушки лѣса.
Прага все еще во снѣ молчала;
Паръ клубился надъ рѣкой Велтавой;
А за Прагой ужъ синѣли горы,
И востокъ за ними загорался.

« Въ долъ за мною, только тихо, тихо!»
Вся дружина скрылась въ Прагѣ сонной,
Спрятавши оружье подъ одежу.

На зарѣ пастухъ подходитъ къ замку
И кричитъ, чтобъ отперли ворота.
Услыхалъ его изъ замка сторожъ,
Отворилъ ворота чрезъ Велтаву.
Пастырь всходитъ на мостъ, громко трубитъ.
Ольдрихъ выскочилъ и съ нимъ владыки,
Семь владыкъ и всякъ съ народомъ ратнымъ.

Digitized by Google

Бубны-трубы загремѣли разомъ;
На мосту завѣяли хоругви;
Мостъ затресся, какъ пошла дружина.

Обуялъ Полянъ внезапный ужасъ.
Вотъ они оружіе схватили!
Вотъ владыки стали съ ними биться!
По Поляне скоро заметались
И толпами бросились къ воротамъ,
Убѣгая отъ рѣзни жестокой.

Самъ Господь намъ даровалъ побѣду!
И одно встаетъ на небѣ солнце —
Яромiръ опять встаетъ надъ нами!
Разнеслась по цѣлой Прагѣ радость,
И кругомъ-то Праги разнеслася;
По всему-то полетѣла краю,
По всему-ли краю отъ той Праги.

Digitized by Google

ЛИРИКО-ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I. ЗБИГОНЬ.

Сизъ леталъ голубчикъ
По кустамъ зеленымъ;
Высказывалъ горе
Онъ темному лѣсу:
«Ахъ, ты лѣсъ широкой!
Здѣсь леталъ я прежде
Съ дорогой подружкой,
Съ голубицей милой;
Да подружку-душку
Збигонь-недругъ отнялъ
И въ каменный городъ
Онъ бѣдняжку заперъ!»

Подъ стѣнами зàмка
Мòлодецъ гуляетъ;
О красѣ-дѣвицѣ
Воздыхаетъ, плачетъ.
Отъ того-ли зàмка
Уходилъ онъ въ горы;

Digitized by Google

На горѣ садился,
И молчалъ онъ долго
Вмѣстѣ съ лѣсомъ темнымъ

Вотъ летитъ голубчикъ,
Жалобно воркуетъ.
Мòлодецъ удàлый
Голубчику молвилъ:
«Что́ ты, сизъ-голубчикъ,
Стонешь такъ и плачешь?
Али одинокимъ
Ты живешь на свѣтѣ?
Али соколъ быстрый
Заклевалъ подружку?
У меня вотъ Збигонь
Милую похитилъ
И въ каменномъ зáмкѣ
Дорогую заперъ.
Ты-бы, сизъ-голубчикъ,
Съ соколомъ подрался,
Ка-бы сердце было
У голубя храбро.
Ты-бы вѣдь подружку
У злодѣя отнялъ,
Кабы востры когти
У тебя случились.
Ты задралъ-бы, сизый,
Вора-лиходѣя,
Лишь родись ты съ клевомъ,
Съ крѣпкимъ, плотоядным.»

Digitized by Google

«Мòлодецъ удàлый!
Ну-ка поднимайся
И ударь ты смѣло
Въ Збигоня-злодѣя!
У тебя вѣдь сердце
Нетрусливо, храбро!
У тебя вѣдь латы,
Ратные доспѣхи;
У тебя вѣдь молотъ,
Молотокъ желѣзный!»

И пошелъ онъ доломъ,
И дремучимъ лѣсомъ;
Взялъ броню съ собою
И желѣзный молотъ.

Вотъ подъ стѣны зàмка
Мòлодецъ приходитъ.
Былъ онъ подъ стѣнами —
Ночь, ни зги не видно! —
Онъ рукою сильной
Постучалъ въ ворота.
«Кто за воротàми?»
Изъ зàмка спросили.
—Молодой охотникъ
Ночью заблудился! —
Отперли ворота.
Онъ еще ударилъ:
Отперли другія.
«Гдѣ владыка Збигонь?»
—Въ терему высокомъ! —

Digitized by Google

Тамъ онъ затворился;
Тамъ краса-дѣвица
Молодая плачетъ.
«Отворяй-ка двери!»
Збигонь не послушалъ.
Мо́лодецъ ударилъ
Молотомъ желѣзнымъ:
Распахнулись двери!
Въ голову онъ послѣ
Збигоня ударилъ —
Збигонь повалился.
Юноша по за̀мку
Побѣжалъ и въ за̀мкѣ
Все побилъ живое;
А потомъ съ подружкой,
Съ дорогою, съ милой,
Спалъ онъ до разсвѣту.

Разъигралось солнце,
Сквозь деревья свѣтитъ
На каменный городъ.
Разъиграласъ радость
У мо̀лодца въ сердцѣ,
Что красу-дѣвицу
Обнималъ онъ снова
Сильною рукою.

«Это чья-жъ голубка?»
—Збигонь ту голубку
Изловилъ въ дубравѣ

Digitized by Google

Да и заперъ пташку,
Какъ меня бѣдняжку!—
«Такъ лети-жъ, голубка,
Ты теперь изъ замка!»
Вотъ и полетѣла
Въ лѣсъ она широкій;
Тамъ и сямъ порхала
Съ кустика на кустикъ;
Со своимъ-ли другомъ,
Съ голубочкомъ сизымъ,
На одной на вѣткѣ
Ночку ночевала.

Веселилась дѣва
Съ молодцемъ удалымъ;
Тамъ и сямъ гуляла,
Гдѣ млада хотѣла,
И спала съ любезнымъ
На одной кровати.

II. ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летмя летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.

Хаживалъ мо̀лодецъ въ горы,
Доломъ широкимъ на брань;
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мочь поражалъ.
Добраго мо̀лодца нѣту!—
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ.
Юношу въ перси ударилъ —
Всплакались темны лѣса —
Вышла изъ мо̀лодца, вышла,
Душенька вышла душа!

Digitized by Google

Горломъ пошла лебединымъ,
Въ алы порхнула уста.

Вотъ онъ лежитъ; за душею
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.

Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочикъ,
Вѣтви пустилъ широко.

Ходитъ олень круторогой,
Скачетъ на прытких ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.

Быстрые кречеты вьются,
Изъ-лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ выводятъ:
« Молодца врагъ погубилъ! »
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

Digitized by Google

ПѢСНИ.

1. ВѢНОКЪ.

Вѣетъ вѣтеръ изъ дубравы,
Изъ дубравы Княженецкой;
Молода краса-дѣвица
За водой бѣжитъ на рѣчку.
Только стала черпать воду,
Черпать кованымъ ведеркомъ,
Глядь-поглядь: вѣнокъ зеленый
Къ ней по рѣчкѣ подплываетъ.
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами
Онъ фіялками да розой.
Вотъ вѣнокъ дѣвица ловитъ;
Да упала, ахъ, упала
Въ воду съ берега крутаго!

«Кабы вѣдала я, знала,
Кто тебя, вѣнокъ прекрасный,
Посадилъ въ сырую землю:
Я дала-бъ тому колечко,
Дорогое, золотое!»

Digitized by Google

« Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука вѣнокъ прекрасный
Увивала тонкимъ лыкомъ:
Я дала-бъ тому иголку,
Изъ косы моей изъ черной! »

« Кабы вѣдала я, знала,
Кто тебя, вѣнокъ прекрасный,
По волнамъ пускалъ студенымъ:
Съ головы тому дала-бы
Я вѣночикъ свой завѣтный! »

---

2. ЯГОДЫ.

1.

Разъ моя краса-подруга
Въ лѣсъ по ягоду пошла;
Уколола бѣлу ножку
Ей терновая игла,
И ступить отъ боли дѣва
На дорожку не могла.

2.

« Ахъ ты тернъ, ты терпъ колючій
Что со мною сдѣлалъ ты?
Изведу тебя за это,
Вражьи выметy кусты! »

Digitized by Google

3.

— Подожди въ дубравѣ темной
Ты, красавица, меня :
Дай пригнать мнѣ изъ долины
Бѣлогриваго коня ! —

4.

Борзый конь въ долинѣ ходитъ,
Травку—травушку жуетъ;
А въ дубравѣ-то въ зеленой
Молодца подруга ждетъ;

5.

Про себя все тужитъ, тужитъ,
Тихо молвитъ иногда :
« Что-то скажетъ мнѣ родная ?
Знать пришла моя бѣда ! »

6.

« Мать говаривала : сердце
Ты отъ молодцевъ храни!....
Да чего-жъ мнѣ ихъ бояться,
Коль со мной добры они ? »

7.

На конѣ на бѣлогривомъ
Прискакалъ къ подругѣ я
И серебряной уздечкой
Привязалъ въ лѣсу коня.

Digitized by Google

8.

Обнялъ крѣпко дорогую,
Цаловалъ ее въ уста —
И про терн, про терн колючій
Позабыла красота!

9.

Мы ласкались, миловались;
Солнце къ вечеру пошло.
«Ахъ пора, пора, мой милый,
Намъ домой пора въ село!»

10.

На коня вскочилъ я быстро
И проворною рукой
Обхватилъ красу-дѣвицу
И поѣхалъ съ ней домой.

---

3. РОЗА.

Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
Распустилася такъ рано?
Распустившись, ты замерзла,
Ты замерзла и увяла
И, увянувши, упала!

Digitized by Google

Долго я вечоръ сидѣла,
Пѣтухи ужъ прокричали:
Я млада еще сидѣла;
Ничего я не дождалась,
Вся лучина догорѣла.

* *
*

Я заснула — мнѣ приснилось,
Что съ руки-то у бѣдняжки
Перстенечикъ спалъ завѣтный,
Выпалъ камень самоцвѣтный.
Не нашла я камня снова,
Не дождалась я милова!

---

4. КУКУШКА.

Въ чистомъ полѣ росъ дубочикъ,
Тамъ кукушка куковала,
Куковала, тосковала,
Что весна не вѣчно въ полѣ.

* *
*

Кабы все весна-то въ полѣ:
Какъ-бы жито вызрѣвало?

Digitized by Google

Кабы лѣто вѣчно было:
Какъ-бы яблоко доспѣло?

* *
*

Какъ-бы могъ прозябнуть колосъ,
Кабы осень все стояла?
Было-бъ горько, было-бъ тяжко
Красной дѣвицѣ безъ друга!

---

5. СИРОТА.

Ахъ лѣса, лѣса вы темные,
Вы лѣса-ли Милетинскіе!
Что̀, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада-бъ я не плакала,
Не мутила-бы сердечушка:
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежитъ!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила-друга люди отняли!

Digitized by Google

6. ЖАВОРОНОКЪ.

Каноплю красна дѣвица
Въ огородѣ барскомъ полетъ.
«Что смутна ты, что печальна?»
Дѣвѣ жаворонокъ молвилъ.

—Какъ могу я жить веселъемъ,
Птица-жаворонокъ малый?
Моего мило́ва друга
Посадили въ крѣпкій за̀мокъ!

Кабы мнѣ перо, бумаги:
Написала-бы я къ другу
И съ тобой-бы въ ту сторонку
Я письмо свое послала.

Нѣтъ пера и нѣтъ бумаги!
Такъ лети-жъ одинъ отсюда:
Спой ты пѣсню дорогому
Про мою тоску-кручину! —

Digitized by Google

СЕЙМЪ.

. . . . . .

. . . . . .

Всякъ владѣетъ челядью своею;
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежу;
А умретъ глава, начальникъ дома —
Дѣти вмѣстѣ начинаютъ править
И становятъ надъ собой владыку,
Что̀ за нихъ всегда на сеймы ходитъ;
Вмѣстѣ съ нимъ для пользы братій ходятъ,
Ходятъ Кметы, Лехи и Владыки.
Встали Кметы, Лехи и Владыки,
Похвалили правду по закону.

Digitized by Google

ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

Гой, Велтава, что ты волны мутишь,
Сребропѣнныя что мутишь волны?
Подняла-ль тебя, Велтава, буря,
Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
Оросивши главы горъ зеленыхъ,
Разметавши глину золотую?
Какъ Велтавѣ не мутиться нынѣ:
Разлучились два родные брата,
Разлучились и враждуютъ крѣпко
Межъ собой за отчее наслѣдье.
Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Отъ кривой Отавы златоносной,
И Стяглавъ съ рѣки Радбузы хладной;
Оба братья, Кленовичи оба,
Оба родомъ отъ сѣдаго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха.
Прилетѣла сизая касатка,
Отъ кривой Отавы прилетѣла,
На окошкѣ сѣла на широкомъ,
Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,

Digitized by Google

Стольномъ градѣ, святомъ Вышеградѣ;
Зароптала, заплакала горько.
Какъ сестра касатки той родная
Этѣ рѣчи въ домѣ услыхала —
Позвала Княжну Любушу въ городъ
Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.
Шлетъ пословъ Княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать отъ Любицы,
Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что̀ правилъ
На холмѣ великомъ Доброславскомъ.
Гдѣ Орлицу пьетъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осилилъ;
Радована съ Каменнаго моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьистыхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода со Мжи среброносной,
Кметовъ, Леховъ и Владыкъ великихъ,
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что̀ за отчину враждуютъ крѣпко.
Какъ собрались Лехи и Владыки
Въ Вышеградѣ у Княжны Любуши,
Всякой сталъ по сану и по роду, —
Къ нимъ тогда Княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы,

Digitized by Google

Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой-же мечъ, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.
Начала Княжна такое слово
Съ золотаго отчаго престола:
«Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
Разрѣшите братьевъ по закону,
Разрѣшите братьевъ, что враждуютъ
Межъ собой за отчее наслѣдье.
Вы скажите намъ святую правду
Отъ боговъ всевѣдцевъ присносущихъ:
Вмѣстѣ-ль станутъ безъ раздѣла править,
Иль на части ровныя раскинутъ.
Гой вы Кметы, Лехи и Владыки!
Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
Коли вамъ по разуму придется;
А не то законъ поставьте новый,
Да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.»
Поклонились Лехи и Владыки,
И пошли про это разговоры,
Разговоры тихіе межъ ними,
Въ похвалу рѣчей Княжны Любуши.
Лютоборъ, что проживалъ далече
На холмѣ великомъ Доброславскомъ,
Всталъ и началъ къ ней такое слово:
«О Княжна ты наша въ Вышеградѣ,
На златомъ отеческомъ престолѣ!
Мы твое рѣшенье разсудили;

Digitized by Google

Прикажи узнать народный голосъ.»
И тогда собрали по наказу
Дѣвы-судьи голоса народа,
И въ сосудъ священный положивши,
Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.
Радованъ отъ Каменнаго моста
Голоса народа перечислилъ
И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:
«Сыновья враждующіе Клена,
Братья родомъ отъ сѣдаго Тетвы,
Попелова сына, иже прибылъ
Въ этотъ край богатый и обильный
Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»
Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затресся
И, махнувъ могучею рукою,
Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется;
Горе мужу, если онъ попуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно обладать мужами,
Первородному идетъ наслѣдье!»
Поднялась Любуша на престолѣ,
Молвя: «Кметы, Лехи и Владыки!
Мой позоръ свершился передъ вами —
Такъ творите-жъ нынѣ судъ и правду

Межъ собою сами по закону:
Править вами не хочу я болѣ!
Изберите мужа, да пріиметъ
Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
А рукѣ моей, рукѣ дѣвичьей,
Управлять мужами не-подъ-силу!»
Ратиборъ, что̀ съ Керконошъ высокихъ,
Всталъ и началъ къ вѣчу: непохвально
Судъ и правду намъ искать у Нѣмцевъ:
По святымъ у насъ законамъ правда:
Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на эту землю.

ПѢСНЯ ПОДЪ ВЫШЕГРАДОМЪ.

Гой ты солнце ясно,
Вышеградъ нашъ крѣпкій,
Что стоишь высоко
Твердою твердыней,
Твердою твердыней,
Страхомъ сопостату!
Подъ тобою рѣчка,
Быстры волны катитъ,
Подъ тобою рѣчка,
Ярая Велтава.
Близко той Велтавы,
Той Велтавы чистой,
Выросла дубрава,
Лѣтняя прохлада.
Весело тамъ пѣсни
Соловей заводитъ,
Весело и смутно:
Какъ его сердечко
Скажетъ и прикажетъ.
Ахъ, зачѣмъ не пташка
Я, не соловейка:
Полетѣлъ-бы въ поле —,
Тамъ, въ широкомъ полѣ,

Digitized by Google

Вечерами поздно
Милая гуляетъ.
Всѣхъ объ эту пору,
Всѣхъ любовь тревожитъ;
Всякое созданье
Въ часъ вечерній проситъ
У любви отрады. —
Такъ и я, бѣдняга,
Все тужу по милой.
Сжалься, дорогая,
Ты надъ горемыкой!

Digitized by Google

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. ЗАБОЙ И СЛАВОЙ.

С. 20. Варито. Музыкальный инструментъ со струнами, въ родѣ кобзы. Это слово напоминаетъ Греческое βάρβιτον.

С. 23. Пѣвцы того времени становились, или садились во время пѣнія обыкновенно ниже тѣхъ, кому пѣли. Въ подлинникѣ: vám pèju najnižší zdola piesň. Я сдѣлалъ небольшое отступленіе, дабы сохранить параллель этого стиха съ слѣдующимъ.

С. 28. Изъ этого стиха видно, что въ Чехіи нѣкогда было многоженство.

С. 38. Весною называлась у нихъ богиня весны (jara) и молодости, а потомъ и самая весна и молодость. Морана (Morana, иначе Marana, Morena, Mořena, Mořena) была напротивъ богиня зимы смерти, а также и самая зима и смерть. Морана встрѣчается еще въ пѣснѣ «Честміръ и Влаславъ»: Mořena jej syraše v noc črnu — Морена препроводила его *въ царство* черной ночи. Mořena и до сихъ поръ самое обыкновенное слово у Чеховъ; на прим. они говорятъ: Mořena na něj sáhla—Смерть ему приключилась. Также существуетъ у нихъ пословица: proti Mořene není kořene — отъ смерти нѣтъ лѣкарства; по нашему: отъ смерти не уйдешь!

С. 50. Любиръ. Древній пророкъ-пѣвецъ.

С. 51. Вышеградъ. Построеніе сего города припи-

Digitized by Google

сывается нѣкоторыми Любушѣ, но скорѣе можно думать, что онъ былъ при ней возобновленъ. Это замѣчаніе Г. Свободы. Оно подтверждается и стихами изъ Любушина Суда: »

V Lubušině otně zlatě siedle,
Siedle otně, světě Vyšegradě.

Значитъ, Вышеградъ былъ ея наслѣдственною столицею.

С. 62. Кажется, здѣсь онъ говоритъ про себя и про Славоя. Вниманіе, съ какимъ слушаетъ пѣсню сей послѣдній и пылающій взоръ его, показываютъ, что пѣсня производитъ на него особенное впечатлѣніе. Въ послѣдствіи Забой нѣсколько разъ называетъ Славоя братомъ.

С. 94. Нельзя точно опредѣлить, какая была это гора. На правомъ берегу Лабы могъ быть Бездѣзъ (Pěsig), а на лѣвомъ Громоланъ (Donnersberg) близъ Милешова.

С. 108. Въ подлинникѣ: na hlawu mu najjistěje.

II. ЧЕСТМІРЪ И ВЛАСЛАВЪ.

С. 19. Съ двумя зубами. Думаютъ, что это былъ щитъ на двухъ ножкахъ съ желѣзными остріями, которыя втыкались въ землю, когда воинъ готовился отразить врага.

С. 23. Таковъ былъ обрядъ жертвоприношенія у древнихъ Чеховъ.

С. 160. Вѣроятно, это была гора Громоланъ.

С. 250. Чехи-язычники полагали, что душа мертваго не успокоится до тѣхъ поръ, пока не сожгутъ тѣла.

III. ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

С. 29. У Кирши Данилова:

Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя.
(Дюкъ Степановичъ).

Digitized by Google

С. 32. Опять напоминаетъ Киршу:

Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ.

(Иванъ Гостиной сынъ).

С. 122. Турій черепъ. Первое употребленіе наслѣдственныхъ знаковъ или гербовъ.

IV. ЯРОСЛАВЪ.

С. 7. Гостайновъ. Нынѣ Гостейнъ, гора пониже городка Быстрицы; отъ Оломуца на Востокъ въ двухъ часахъ ѣзды. Еще недавно были на ней видны слѣды насыпи, что̀ свидѣтельствуетъ о подлинности происшествія, описаннаго въ этомъ стихотвореніи.

С. 49. Въ подлинникѣ:

Kublaj káže wšem svým čarodějem,
Hadačem, hvězdářem, kúzelníkóm.

С. 205. Вестонъ. Имя показываетъ, что это былъ иноземецъ и всего скорѣе Англичанинъ. Свой братъ Славянинъ вѣроятно не сталъ-бы звать народъ на такое постыдное дѣло.

С. 273. Творецъ пѣсни выводитъ своего героя подъ-конецъ, когда Христіяне гибнутъ и кажется, что все ужѐ потеряно. Какое умѣнье располагать подробностями разсказа!

С. 291. Большое сходство съ Гомеромъ (Ilias V. 42. 540 и другіе).

δοῦπησεν δὲ πεσών, ἀράβησε δὲ τεύχεʼ ἐπ' αὐτῷ.
На земь онъ рухнулъ и громко доспѣхи на немъ застучали.

Digitized by Google

С. 296. Нельзя не замѣтить здѣсь соотвѣтствія этого стиха 44-му: И пошелъ (Кублай съ Татарами), куда уходитъ солнце. Тутъ занавѣсъ поднимается и начинается дѣйствіе на поляхъ Ганы; а послѣ стиха вышеприведеннаго занавѣсъ опускается. — Татаръ не стало; въ Ганѣ по-прежнему все тихо и спокойно.

V. БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

Строфа 9. С. 2. Въ подлинникѣ:

V lese pod Hrubú skalú. Это, вѣроятно, было мѣсто владѣнія Бенеша. Донынѣ въ Младоболеславскомъ округѣ существуетъ весьма старый, недавно возобновленный замокъ Hrubá Skalá (Groß-Skale). Онъ построенъ на высокой горѣ. Неподалеку отъ него *Троски* — двѣ огромныя скалы съ развалинами замка. Тутъ же, въ лѣсу, остатки замка Валдштейна, откуда имя извѣстнаго Валленштейна.

VI. ОЛЬДРИХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

С. 33. У опушки лѣса. Тамъ, гдѣ нынче стоитъ Страговъ, былъ нѣкогда весьма густой лѣсъ.

VII. ОЛЕНЬ.

С. 20. Укажемъ на подобное мѣсто въ «Словѣ о полку Игоревѣ»: единъ-же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе.

VIII. ВѢНОКЪ.

С. 22. Иголку. Это было украшеніе головы у Славянскихъ дѣвушекъ. Онѣ носили также и вѣнокъ, который

Digitized by Google

снимался послѣ сватьбы. Украшеніе въ родѣ чепца надѣвали замужнія женщины по рожденіи перваго ребенка.

IX. СИРОТА.

С. 2. Милетинскіе. Милетинъ, замокъ въ Быджовскомъ округѣ; принадлежалъ нѣкогда владѣтельнымъ князьямъ.

X. СЕЙМЪ.

С. 8. Кметъ. Это слово употреблялось различнымъ образомъ. Иногда означало оно обыкновеннаго селянина, какъ теперь у Поляковъ kmeć; въ другой разъ Кметомъ назывался близкій человѣкъ къ Князю, его совѣтникъ. И преимущественно оно имѣло это значеніе. Иногда-же подъ словомъ Кметъ разумѣлся начальникъ извѣстнаго округа, подобный Польскому старостѣ. А въ пѣснѣ «Людиша и Люборъ» означаетъ важнаго сановника.

Лехъ. Богатый владѣтель, правитель. Отъ нихъ впослѣдствіи произошли Магнаты. Самое слово Лехъ нынѣ исчезло и только слышится въ произшедшемъ отъ него Szlechtic или Szlachtic.

Владыка Владѣтель небольшаго участка, мелкій дворянинъ. Изъ нихъ образовалось рыцарство и среднее дворянство.

Зам. Лехи и Владыки могли быть Кметами, не переставая носить прежнее названіе.

XI. ЛЮБУШИНЪ СУДЪ.

С. 11. Отава. Чаще Вотава; рѣка въ южной Чехіи. Въ этой рѣкѣ находили золотой песокъ, почему и городъ, неподалеку оттуда лежащій, называется Pisek. При городѣ Звѣковѣ (Klingenberg) впадаетъ въ Волтаву.

Digitized by Google

С. 13. Радбуза. Рѣка; впадаетъ при Пильзенѣ во Мжу (Mies), которая, называясь далѣе Берункою (Berann), впадаетъ близь Праги въ Велтаву. Свобода говоритъ, что въ этихъ мѣстахъ еще доселѣ сохранилось преданіе о враждованіи двухъ братьевъ.

С. 18. Три рѣки. Нѣкоторые, выводя Чеховъ изъ Славоніи, полагаютъ, что это были Драва, Рабъ и Дунай; другіе-же, которые считаютъ Чеховъ пришельцами изъ Бѣлой Хорватіи, отъ Карпатскихъ горъ, видятъ въ этихъ трехъ рѣкахъ Вислу, Одру и Лабу, а также и Гронъ, Вагъ и Мораву.

С. 32 Любица—близь Подибрада. Доброславскій холмъ. Можно думать, что на этомъ мѣстѣ находится теперь Kralowé Hradec (Königin Grätz). Керконоши—Riesengebierge. Сказаніе о Трутѣ, побѣдившемъ Дракона, и до сихъ поръ живетъ въ народѣ. Въ гербѣ города Трутнова сохраняется изображеніе Дракона. О Каменномъ мостѣ упоминается въ граматѣ Князя Спитигнѣва, данной Лютомѣрицкому Собору въ 1057 г. Гдѣ былъ этотъ мостъ, опредѣлить точно невозможно. Сазава—рѣка, вытекающая изъ южной Чехіи; близь Праги впадаетъ въ Велтаву.

Digitized by Google

Не лишнимъ считаю напечатать здѣсь три моихъ подражанія Краледворской рукописи. Онѣ были написаны еще до того, какъ я задумалъ перевести рукопись вполнѣ. Въ этѣхъ подражаніяхъ есть нѣкоторыя отступленія отъ подлинника и слышенъ болѣе складъ Рускихъ пѣсень.

---

1. ВѢНОКЪ.

Какъ подулъ, повѣялъ вѣтеръ
Изъ дубравы Княженецкой.
Прибѣжала красна дѣвка
Зачерпнуть воды на рѣчку.
Глядь: а къ ней вѣнокъ зеленой
По волнѣ плыветъ студеной.
Перевитъ вѣнокъ цвѣтами,
Алой розой, васильками.
Вотъ она ведро становитъ
И вѣнокъ зеленый ловитъ,
Да, ловивши, оступилась,
Въ воду съ берега скатилась.
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя сажала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый:
Я тому позолоченый
Подарила-бы въ гостинецъ
Дорогъ-перстень на мизинецъ.»
«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя срывала.
Чья рука тебя срывала,
Тонкимъ шелкомъ увивала:
Ахъ! тому-бъ дала иглу я,
Что въ косѣ моей ношу я!»

Digitized by Google

«Кабы вѣдала я, знала,
Чья рука тебя кидала,
Мой вѣнокъ, вѣнокъ зеленый,
На просторъ волны студеной:
Я дала-бъ тому вѣночикъ,
Пусть надѣнетъ милъ-дружочикъ.

---

2. СИРОТА.

Ахъ ты темный лѣсъ,
Милетинскій лѣсъ,
Что зимою такъ
Зеленѣешь ты?

* *
*

Рада, рада-бъ я
Не кручинилась:
Да не держитъ слезъ
Сердце бѣдное!

* *
*

Нѣту батюшки:
Спитъ въ землѣ сырой!
И надъ матушкой
Травка выросла!

* *
*

Другъ въ чужой землѣ,
Не воротится —
Такъ никто душѣ
Не откликнется!

Digitized by Google

3. ЖАВОРОНОКЪ.

Подъ тѣнью вѣтвистой березы
Красавица-дѣва сидѣла ;
Рукой утираючи слезы ,
Печальную пѣсенку пѣла.

* *
*

И вотъ жавороночекъ-птица
По травкѣ , по цвѣткамъ скачетъ.
« О чемъ это, молвилъ, дѣвица ,
О чемъ это красная плачетъ ? »

* *
*

— Ахъ, птичка, я плачу невольно ,
Проплакала цѣлое лѣто ;
А сердцу все больно да больно :
Нѣтъ друга, нѣтъ солнца, нѣтъ свѣта.

* *
*

Не скоро, не скоро мнѣ снова
Онъ ясныя очи покажетъ ;
Не скоро мнѣ сладкое слово
Устами медовыми скажетъ !

* *
*

Ахъ, если бы листикъ мнѣ дали
И перышко дали-бы въ руки :
Сказала-бъ я другу печали ,
Сказала-бы горькія муки !

Digitized by Google

Листочка и пернышка нету!...
Лети-же, пѣвецъ легкокрылой,
Ты къ милому, къ солнышку, къ свѣту —
И спой ему пѣсню о милой! —

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАШЕМЪ НРАВОНИСАНІИ.

К. Аксакова.

Digitized by Google

Digitized by Google

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАШЕМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ орѳографическомъ отношеніи у насъ пишутъ очень различно, впрочемъ и нельзя упрекать за это. Правописаніе наше до сихъ поръ не установлено на твердыхъ началахъ, и многія его правила приняты неизвѣстно почему. Нашъ языкъ подвергся съ нами одной участи; онъ подпалъ подъ законы чуждой готовой грамматики, не вытекшей изъ его началъ, а насильственно на него наложенной. При составленіи Русской грамматики всего менѣе думали о Русскомъ языкѣ: думали о готовыхъ формулахъ иностранныхъ грамматикъ, о данныхъ рамкахъ, въ которыя слѣдовало втискивать Русской языкъ. Это отразилось и въ правописаніи.— Обращая на него вниманіе въ этой статьѣ, мы не думаемъ опредѣлять началъ, на которыхъ оно основано, но хотимъ сказать нѣсколько замѣчаній на нѣкоторые случаи.

Письмо — вещь условная. Слово напротивъ есть необходимое, на глубокихъ законахъ основанное явленіе. — Буква есть отдѣльный звукъ; одинъ изъ

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

такихъ звуковъ,—лишь въ устахъ человѣка могущихъ образоваться, — изъ которыхъ составилось слово. Подъ буквой съ другой стороны разумѣемъ мы самое начертаніе отдѣльнаго звука, начертаніе, которое, какъ принадлежащее къ области письма, есть тоже условный знакъ. Первое основаніе письма — отдѣльность буквъ — совершенно законно, ибо звуки, ими представляемые, отдѣльны по своему существу. Потомъ отдѣльность словъ при написаніи еще очевиднѣе. Но кромѣ этой отдѣльности, что̀ надобно принять за основаніе въ письмѣ, при изображеніи звуковъ буквами? Вотъ вопросъ.—Если принять одно произношеніе, то мы необходимо придемъ въ затрудненіе. Произношеніе имѣетъ свои совершенно случайныя условія. Слова̀ являются быстро въ устахъ, опредѣленность буквъ исчезаетъ, отчасти по крайней мѣрѣ. И такъ рѣшительное передаваніе произношенія на письмѣ невозможно, и, сверхъ того, не должно быть ; ибо буквы, не смотря на свою кажущуюся неопредѣленность (въ произношеніи), остаются опредѣленными; и только эта лежащая въ основаніи ихъ опредѣленность даетъ возможность явиться, въ произношеніи неопредѣленному, выговору. Сверхъ того, не смотря на иныя довольно явственно являющіяся буквы въ произношеніи, письмо имѣетъ свои законы, которымъ оно слѣдуетъ. Письмо, въ отличіе произношенія, возводитъ буквы и вообще звучность слова къ его опредѣленности, къ его положительнымъ, основнымъ началамъ; будучи само опредѣлено, оно иначе и поступать не можетъ. Еслибы оно вздумало передавать произношеніе со всею его неопредѣленностью, то будучи само опредѣлен-

Digitized by Google

нымъ въ начертаніяхъ, оно тѣмъ самымъ нарушило бы эту неопредѣленность, и грубо утвердило бы знакомъ то, что является нетвердымъ, невѣрнымъ въ произношеніи. Въ тоже время оно такимъ образомъ, исказивъ, оклеветавъ самое произношеніе, измѣнило бы основнымъ законамъ буквъ и вообще звучности слова; такъ на примѣръ, если бы стали писать: *маево*, *тваево* и т. п., какъ и пробовали уже, — это было бы противно и основаніямъ буквъ, и самому произношенію. — И такъ намъ кажется, что письмо, не будучи никакъ произношеніемъ, письмо, явственно чертящее буквы, *не можетъ и не должно* подражать и передавать произношеніе; напротивъ, будучи опредѣленнымъ, оно должно возводить слово къ той опредѣленности, къ его твердымъ прочнымъ началамъ (въ звукѣ), къ тѣмъ основнымъ, внутреннимъ, филологическимъ законамъ, которые лежатъ въ немъ и при произношеніи, выражая такимъ образомъ его организацію; и пускай, основываясь на этомъ положительномъ письмѣ, произношеніе раздается свободно, — какъ это и бываетъ на самомъ дѣлѣ, — увлекаемое, управляемое случайностью. —

Сказавъ это маленькое предисловіе, мы взглянемъ на начала слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашего правописанія и перешагнемъ, можетъ быть, нѣсколько за его принятые предѣлы. —

У насъ принято писать: *эти*, для именъ мужескаго рода; *этъ* для женскаго и средняго. На чемъ это основано? Ни на чемъ, по нашему мнѣнію. Это совершенно ложно. *Этотъ — эта* во множественномъ числѣ и по языку Церковно-Славянскому писались: *эти* для именъ мужескаго, *эты* для женскаго. По древнему Русскому употребленію этого тонкаго

Digitized by Google

различія не сохранилось; такъ что писалось: *эти* для обоихъ родовъ, и *эта* для средняго, что̀ тоже не твердо сохранялось въ Русской рѣчи. Такая разница основывалась на склоненіи именъ существительныхъ, которое было одно и для именъ прилагательныхъ первообразныхъ. *Эти* мало по малу стало общимъ окончаніемъ для всѣхъ родовъ. Но языкъ Великорусской собственно не любилъ буквы *и*, и часто замѣнялъ ее, иногда до излишества, буквою *е*, собственно *ѣ*. Тоже самое произошло и здѣсь, какъ и въ другихъ словахъ; какъ *вій* перешло въ *вей*, *людій*, *людей*, и т. д.; такъ *эти* перешло въ *этѣ*. Если бы было различіе во множественномъ числѣ, то за чѣмъ же бы оно не сохранилось въ словѣ: *тотъ*, изъ котораго образовалось *этотъ*, и которое во множественномъ имѣетъ: *тѣ* для всѣхъ родовъ? Здѣсь также *ти* перешло въ *тѣ*. Разница въ томъ, что въ словѣ: *тотъ* *и* — окончаніе — ясно выдается наружу; а въ словѣ: *этотъ*, гдѣ удареніе на *э*, окончаніе *и* скрывается и произносится неопредѣленно; отъ этого не прямо и нерѣшительно уничтожилось здѣсь *и*, и *эти* не перешло рѣшительно въ *этѣ*; такъ что въ произношеніи слышится и то и другое окончаніе. Наши грамматики совершенно ошибочно приняли эту разницу произношенія за разницу родовъ, и стали совершенно искуственно употреблять ее для обозначенія чрезъ *эти* рода мужескаго, а *этѣ* рода женскаго и средняго. При *всѣ*, *тѣ* никто однако и не спрашиваетъ этого различія родовъ. Этого различія вовсе нѣтъ, и по тому надо взять одну форму и для мужескаго и для женскаго и средняго родовъ.

Тоже самое должны мы сказать о употребленіи

Digitized by Google

множественныхъ: *они*, *онѣ*; *одни*, *однѣ*. – Здѣсь хотя удареніе и на послѣднемъ слогѣ, но присутствіе другаго слога даетъ и той и другой буквѣ возможность произношенія. Опять ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы *ѣ* означало женскій и средній родъ. Склоненіе Церковно-Славянскаго языка и древнее Русское, на которое мы указали при предыдущемъ примѣрѣ, здѣсь можетъ быть приведено еще съ бо́льшею ясностью; ибо *онъ она оно*, *одинъ одна одно*, еще правильнѣе склоняются, какъ первообразныя прилагательныя. И такъ и здѣсь нѣтъ различія родовъ, а надо взять одну форму для всѣхъ родовъ. Хотя Великорусскій языкъ любитъ болѣе *ѣ*, *е*, хотя это есть уже не произвольное, а народное фонетическое отличіе,— какъ Малороссъ на оборотъ до излишества предпочитаетъ *и*, —но здѣсь, въ сомнительныхъ случаяхъ нами приведенныхъ, мы не видимъ необходимости ставить непремѣнно *ѣ*: языкъ свободно, и свободнѣе даже, допускаетъ *и*: *эти*, *они*, *одни*. Русскій языкъ иногда доходилъ до крайностей, на пр. писалось: *княженей*, *Григорей*; но это такъ сказать частности случайности языка, а не общее его требованіе; произношеніе и здѣсь должно быть сомнительно, и мы вѣрнѣе передадимъ его, если напишемъ здѣсь *и*: *княженій*, *Григорій*. Въ сомнительныхъ случаяхъ, намъ кажется, слѣдуетъ писать: *и*, какъ звукъ болѣе основной; гдѣ же произношеніе этого не допускаетъ, тамъ *ѣ*; но во всякомъ случаѣ одно окончаніе для всѣхъ родовъ, различія которыхъ во множественномъ числѣ здѣсь нѣтъ.

Потомъ въ самыхъ прилагательныхъ видимъ мы почти тоже обстоятельство. Обыкновенно во множественномъ числѣ ставятъ *е* послѣ мужескаго, *я*

Digitized by Google

послѣ женскаго и средняго рода: *добрые, добрыя*; но это также произвольно. Въ Церковно-Славянскомъ языкѣ есть точно такая разница, но она основана совершенно на другой причинѣ: имена, въ языкѣ Церковно-Славянскомъ оканчивающіяся въ единственномъ числѣ на *я*, также на *жа, ча, ша, ца, жда* и *ща*, въ родительномъ падежѣ, а равно и въ именительномъ и винительномъ множественнаго числа, имѣютъ окончаніемъ носовое: ѧ; имена прилагательныя, производныя или неусѣченныя, оканчиваются въ женскомъ родѣ единственнаго числа всѣ на *я* и потому во множественномъ имѣютъ: ѧ; и такъ здѣсь причина чисто звуковая. Носовой звукъ былъ намъ чуждъ и даже противенъ и потому это различіе было чуждо нашему языку. И такъ множественное число прилагательныхъ въ обоихъ случаяхъ должно у насъ быть на *и*; въ среднемъ безспорно прежде было на *я*; но, какъ сказали мы, различіе средняго рода у насъ утратилось и въ прилагательныхъ первообразныхъ и въ прилагательныхъ производныхъ; *и* по Великорусскому произношенію перешло въ звукъ *е*; его изображаютъ здѣсь обыкновенно не чрезъ *ѣ*, а чрезъ *е*; какъ правильнѣе,—это будетъ другой вопросъ, который мы теперь отклоняемъ. И такъ здѣсь опять нѣтъ различія родовъ. Въ произношеніи часто слышно *я*; *и*, также *е*, могло перейти въ него, какъ изъ *братіе* сдѣлалось: *братія, братья*, и потомъ, какъ существительное, *братія, братья*: изъ *сучіе — сучья* и т. д. И такъ вопросъ можетъ состоять въ томъ, что̀ писать здѣсь въ окончаніи множественнаго числа: *е* или *я*? Что̀ касается до *и*, то оно здѣсь слышно слабѣе, и едва ли можетъ писаться. По

Digitized by Google

опять это окончаніе не должно имѣть разницы родовъ, должно быть одно для всѣхъ родовъ. И такъ разницы родовъ во множ. числѣ нѣтъ у насъ ни въ мѣстоименіяхъ, ни въ именахъ прилагательныхъ.

Что касается до словъ: *два*, *двѣ*, то здѣсь безспорно есть различіе рода, но на это другая причина; это число двойственное, которое въ мужескомъ имѣетъ окончаніе на *а*, въ женскомъ и среднемъ на *ѣ*. Есть измѣненія въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, но мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь объ нихъ. Тоже видимъ въ словахъ: *оба*, *обѣ*. Когда двойственное число, принадлежавшее нашему языку, также какъ и Церковно-Славянскому, у насъ исчезло, сохранясь неподвижно только при иныхъ словахъ, на пр. *двѣсти*, *въ очью* и пр., — то средній родъ, котораго склоненіе вообще сходно съ мужескимъ, принялъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, окончаніе двойственное мужескаго на *а*. Изъ этаго двойственнаго окончанія объясняется множественное на *а*, получившее съ уничтоженіемъ двойственнаго у насъ особенный характеръ, чего-то собирательнаго: *дóмы*, *домá* и пр. Объясняется почему необходимо надо сказать: *два человѣка*, *дома* и пр. Это двойственное окончаніе при *два* (при *двѣ* оно утратилось)было перенесено на *три* и *четыре*, при которыхъ, какъ при множественныхъ числительныхъ прилагательныхъ, слѣдовало бы сказать: *человѣки* и пр. (какъ и говорилось прежде). Мы думаемъ, что такое употребленіе произошло тѣмъ естественнѣе, что послѣ этихъ прилагательныхъ числительныхъ прямо слѣдуютъ числительныя существительныя: *пять*, *шесть* и т.д. Самое склоненіе двойственнаго числа было перенесено частію на слова: *три* и *четыре* и слышится въ твори-

Digitized by Google

тельномъ падежѣ: *тремя, четырьмя.* Въ нашихъ грамотахъ и другихъ памятникахъ письменности, въ исторіи языка, можно видѣть, какъ колебалось и устанавливалось такое употребленіе. Но мы отдалились въ сторону. - Теперь въ родительномъ падежѣ отъ *оба, обѣ,* въ мужескомъ родѣ у насъ пишутъ: *обоихъ,* въ женскомъ: *обѣихъ.* Въ двойственномъ числѣ въ родительномъ падежѣ для всѣхъ родовъ одно окончаніе: *обою.* Если множественное въ этихъ числительныхъ образовалось изъ двойственнаго, что и очевидно, то естественно, что надо писать: *обоихъ* и т. д. отъ *обою,* безъ различія родовъ, котораго нѣтъ въ двойственномъ за исключеніемъ имен. и вин., и котораго также нѣтъ ни въ какомъ прилагательномъ во множественномъ числѣ; выше мы показали въ чемъ состоятъ исключенія. А у насъ по какому-то закону пишутъ обыкновенно для мужескаго и средняго: *обоихъ,* а для женскаго: *обѣихъ*— совершенно искусственное, изобрѣтенное употребленіе. Можетъ быть, что мы и могли приучить себя насильственно къ болѣе свободному произношенію: *обѣихъ* передъ именемъ женскаго рода; можетъ быть, намъ ловчѣе сказать: *обѣихъ деревень*, чѣмъ: *обоихъ деревень*; но въ такомъ случаѣ это только ложная, ни на чемъ не основанная привычка. Къ тому же если мы говоримъ: *обоихъ, обѣихъ,* то почему же не говоримъ мы: *двоихъ, двѣихъ.* — Употребленіе различія: *обоихъ, обѣихъ* (слѣдовало бы употреблять одно, и именно: *обоихъ*) кажется намъ совершенно ложнымъ и неумѣстнымъ.

Нѣкоторые, замѣтя въ нашемъ языкѣ въ именахъ мужескаго рода (едвали средняго, развѣ очень слабо) особенное окончаніе въ родительномъ надежѣ

Digitized by Google

на *у* и *ю* (на пр. *трубка табаку*, *отъ знаю*) и находя въ этомъ какую-то народность и разговорность, и не вникая въ смыслъ и духъ языка, стали употреблять окончаніе: *у* и *ю* безъ разбора, замѣняя имъ окончаніе: *а* и *я*.—Такое употребленіе очень ошибочно: не всякое слово допускаетъ послѣ себя это избранное окончаніе; надо обратить здѣсь вниманіе на употребленіе народа. Сверхъ того, большею частію употребляется то и другое окончаніе. Здѣсь есть тонкое различіе, недоступное иностранцамъ, или Русскимъ людямъ, измѣнившимъ своей народности, и потому произведшее эту ошибку. Поговоримъ объ употребленіи окончанія: *у* и *ю*.— Въ нашемъ языкѣ замѣчателенъ особенно дательный падежъ; онъ почти вездѣ употребляется; вмѣщаетъ въ себѣ обширное, важное значеніе; это преимущественно видимъ мы въ примѣрахъ чисто Русской древней рѣчи. Самое простое его употребленіе и понятно, и встрѣчается до сихъ поръ, на пр. *начальникъ войску*. Очень ошибутся тѣ, которые примутъ это за замѣну родительнаго (чрезъ *у*); нѣтъ, хотя родительный и можетъ быть употребленъ здѣсь, но здѣсь именно является дательный, и дательный вноситъ здѣсь особенное свое значеніе. Впрочемъ, что здѣсь (въ приведенномъ примѣрѣ) не родительный, а дательный, это кажется ясно и въ этомъ вѣроятно никто спорить не будетъ. Дательный становится явственнѣе въ выраженіи на примѣръ: *скрежетъ зубо́мъ* (*зуба́ми*; только незнающій Ц. С. языка, увидитъ здѣсь творительный падежъ: *зубо́мъ*); еще явственнѣе выступаетъ онъ въ выраженіи въ Сл. о П. И.: *подъ сѣнію зелену древу*— зеленаго дерева, какъ бы мы сказали. Здѣсь невольно

Digitized by Google

раждается вопросъ, не дательный ли это — этотъ родительный на *у* и *ю*? — Противъ такого мнѣнія должно говорить, сначала употребленіе прилагательныхъ, становящихся въ родительномъ падежѣ; но во первыхъ: употребленіе прилагательнаго становитъ почти всегда, тогда уже опредѣленное окончаніе родительнаго падежа; мы скажемъ: *куча песку* (я беру слово, въ которомъ наиболѣе употребляется *у*, а не *а*) но мы скорѣе скажемъ: *куча желтаго песка*, нежели *песку*. И потомъ: во вторыхъ, такая разность въ падежахъ, въ этомъ случаѣ ничего не значитъ; при переходѣ, при дальнѣйшемъ развитіи, когда нѣсколько утрачивается и не такъ ясна причина образованія или здѣсь лучше употребленія слова, — такое несогласіе, несообразность очень понятна; этому мы можемъ видѣть примѣры; мы видѣли это уже выше въ употребленіи числительныхъ прилагательныхъ, гдѣ свойство двойственныхъ перешло на множественныя числительныя прилагательныя. Противъ мнѣнія нашего, высказаннаго выше, можетъ говорить то, что это окончаніе употребляется съ предлогами, положительно требующими падежа родительнаго, какъ *изъ, отъ* (изъ песку) и пр., гдѣ нельзя, по видимому предположить дательнаго, какъ при именахъ существительныхъ. Но на это также можемъ мы сказать: что еще не опредѣлено непремѣнно требованіе предлогомъ именно такого - то падежа; къ тому же мы видимъ примѣръ въ Греческомъ языкѣ согласованія падежей съ предлогами, которые постоянно требуютъ другихъ падежей. Этою особенностью обозначается тонкое различіе отношенія предметовъ, — именно чрезъ согласованіе такихъ падежей съ предлогами, которыхъ они не требуютъ. Почему

Digitized by Google

же этому свойству не быть и въ нашемъ языкѣ? И такъ мы думаемъ, что эти предлоги могли, можетъ быть, требовать падежа дательнаго; положительно не опредѣлено, чтобы они требовали родительнаго; или же здѣсь могла быть особенность, свойство разумѣется самобытное, находимое нами въ языкѣ Греческомъ, гдѣ съ предлогами, требующими постоянно однихъ падежей, согласуются другіе. — Здѣсь еще можетъ быть возраженіе, что въ именахъ женскаго рода, на которыхъ должно бы было простираться это употребленіе, мы не видимъ окончанія дательнаго тамъ, гдѣ ставится падежъ родительный. Прежде всего скажемъ, что значеніе дательнаго является точно также и здѣсь, какъ мы сказали выше при именахъ муж. р.: мы часто читаемъ въ нашихъ грамотахъ: *Храмъ святой Софіи*; *Храмъ Богородицѣ*. И такъ слова наши, сказанные нами о именахъ мужескаго рода, должны относиться и сюда. Теперь надо сказать о предлогахъ: точно мы не видимъ при предлогахъ употребленія окончанія родительнаго въ именахъ женскаго рода; но во первыхъ мы не считаемъ это невозможнымъ; вспомнимъ какъ часто у насъ является въ разговорѣ и даже на письмѣ у людей, плохо знающихъ грамотѣ, не безпричинная можетъ быть ошибка: отъ *Акулинѣ*. *У голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ*, и т. д.; во вторыхъ имена женскаго рода и въ другихъ случаяхъ имѣютъ отличіе отъ именъ муж. и сред. рода, имѣютъ свою особенность; — это можетъ быть и здѣсь. Въ третьихъ различіе дательнаго отъ родительнаго въ именахъ женскаго рода слабо, частію не существуетъ вовсе, частію очень близко сходно и вообще — сходно. — И такъ наше мнѣніе, что здѣсь употребленъ дательный.

Digitized by Google

Дательный вообще означаетъ участвующее присутствіе предмета и имѣетъ въ нашемъ языкѣ важное значеніе и обширное мѣсто. Болѣе мы о немъ не распространяемся, считая въ другомъ мѣстѣ приличнѣе опредѣлить его разумное значеніе какъ падежа и вмѣстѣ разобрать его особенное осуществленіе и случаи его явленія въ нашемъ языкѣ. Нашего мнѣнія о дательномъ падежѣ въ случаѣ употребленія формы на *у*, какъ думаютъ, въ родительномъ, не выдаемъ мы за истину; это не подтверждено рѣшительно, мы представляемъ его здѣсь какъ догадку, предположеніе.

Оставя въ сторонѣ, что̀ такое, какъ образовалось окончаніе на *у* въ род., посмотримъ, не имѣетъ-ли, и какое значеніе, и какое отличіе имѣетъ оно въ нашемъ языкѣ отъ обыкновеннаго родительнаго (на *а*), и слѣдовательно какъ надобно его употреблять.

Первое, что мы должны сказать: то, что окончаніе на *у* въ род. возможно только въ именахъ неодушевленныхъ,—свойство очень важное. Вообще надо сказать, что окончаніе родительнаго на *а* сохраняетъ такъ сказать предметъ во всей его цѣлости и самостоятельности; здѣсь надо помнить, что мы говоримъ о родительномъ не относительно дательнаго въ его самостоятельной особенности, но относительно окончанія въ род. на *у*, которое можетъ быть и дат. падежемъ, но уже ставшимъ на мѣстѣ родительнаго при преимуществѣ его значенія, и такимъ образомъ уже въ особенномъ, какъ бы зависящемъ отношеніи;—тогда какъ окончаніе на *у* лишаетъ предметъ этого самостоятельнаго характера и дѣлаетъ его какъ бы придаточнымъ, однимъ словомъ становитъ его въ отношеніе нарѣ-

Digitized by Google

чія, соединяетъ съ предыдущимъ словомъ и сливаетъ съ нимъ какъ бы въ одно слово; ниже мы надѣемся болѣе объяснить это. Такъ на пр. *дай огню, дай огня*; нельзя не чувствовать здѣсь разницы. — Когда спрашиваю *огню*, я не обращаю вниманія на самый предметъ, смотрю на него, какъ на средство, даже мимо его перваго понятія свѣта. Дай *огню*, скажу я, закурить сигару и т. д; но когда я спрашиваю *огня*, здѣсь невольно я смотрю на предметъ самостоятельный; я скажу: *дай огня*, когда хочу, чтобъ освѣтили комнату. — Такъ точно, *стаканъ квасу, меду*, — *стаканъ кваса, меда*—въ первомъ случаѣ это значитъ стаканъ съ *квасомъ;* во второмъ это мѣра, которою измѣряется *квасъ* и т. п. Вотъ различіе которое находимъ мы между окончаніемъ въ родительномъ на *а* и на *у* (*). Это тонкость языка — трудная для опредѣленія, для подведенія подъ извѣстное правило, *живущая* тонкость, имѣющая внутри себя законъ своей жизни, для разумѣнія и поддержанія которой нужно жить въ духѣ языка, нужно быть Русскимъ. Можно опредѣлить внутренній законъ, свойство, разумъ, духъ употребленія, но назначать внѣшнимъ образомъ, когда именно и гдѣ надобно употреблять, нельзя и не должно особенно въ Русскомъ, по преимуществу живомъ языкѣ. Такъ напротивъ въ нашихъ грамматикахъ, постановленіе недвижныхъ правилъ, показываетъ

(*) Это объясняется и подтверждается еще болѣе тѣмъ, что мы замѣтили уже выше, что имена одушевленныя не могутъ имѣть окончанія на *у;* понятное дѣло; какъ одушевленныя и субъективныя они всегда сохраняютъ свою самостоятельность и опредѣленность и не становятся въ зависимое ослабляющее по крайней мѣрѣ ихъ самобытность отношеніе. Здѣсь является уже нравственная причина такого употребленія.

Digitized by Google

рѣшительное непониманіе языка, его жизни, и стѣсняетъ его, если только можетъ стѣснить. Нѣкоторые между нами, иностранцы по духу, замѣтивъ какое нибудь употребленіе, схватываютъ его односторонне и, вытѣсняя другое и доходя до ложнаго единства, ложной правильности, думаютъ писать по Русски. Такъ есть люди, которые вездѣ пишутъ въ род. *у*. Мы сказали, что надо понять причину употребленія; но гдѣ именно употреблять, что̀ условлено жизнію языка, для этого надобно быть Русскимъ; но увы! какъ много между нами Русскими — не Русскихъ и не только въ языкѣ!

Съ этимъ имѣетъ нѣкоторое и, можетъ быть, и тѣснѣйшее сродство употребленіе на *у* въ предложномъ падежѣ. Взглянемъ теперь на это употребленіе. Сказанное нами выше о дательномъ падежѣ еще болѣе тогда объяснится.

Въ предложномъ падежѣ часто находимъ мы употребленіе на *у*, на пр: *на холмѣ — на холму*, *на берегѣ — на берегу*; и т. п. То самое, что̀ сказали мы о употребленіи только въ именахъ неодушевленныхъ, и то мужескаго рода, идетъ и сюда; надо еще прибавить, что̀ въ именахъ женскаго р. здѣсь нѣтъ различія между дательнымъ и предложнымъ. Здѣсь невольно раждается у насъ мысль, не дательный ли тутъ также является, не составляетъ-ли онъ тоже особеннаго отношенія къ предлогу? Но оставивъ опять въ сторонѣ эту гипотезу, мы обратимъ вниманіе на самое различіе отношенія того и другаго употребленія. Здѣсь видимъ мы тоже отношеніе, которое сей часъ замѣтили въ предыдущемъ употребленіи; но здѣсь выступаетъ оно еще явственнѣе; и какъ будто здѣсь собственно оно ори-

Digitized by Google

гинально. — Какъ скоро употребляется собственно предложный падежъ, на пр. *на холмѣ*, то здѣсь удерживается предметъ въ его опредѣленности; вы видите холмъ, онъ рисуется самостоятельно въ вашемъ воображеніи. Когда же является падежъ предложный на *у* (падежъ мож. б. дательный): *на холму*, то здѣсь предметъ не имѣетъ своей опредѣленности, является чѣмъ-то придаточнымъ, дополняющимъ человѣка, или что бы то ни было, къ чему онъ относится; онъ рисуется просто какъ подножіе; *на холму* значитъ скорѣе *на верху, на горѣ*. Здѣсь предметъ сливается съ предлогомъ какъ бы въ нарѣчіе. Точно тоже можемъ мы увидать во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ: *въ садѣ—въ саду*; здѣсь *у* какъ будто замыкаетъ округляетъ слово, или лучше выраженіе, и *въ саду* становится чѣмъ-то цѣлымъ. Это ярче выступаетъ въ словѣ *на верхѣ, на верху*: послѣднее почти рѣшительно обратилось въ нарѣчіе; такъ что слово *на верхѣ* какъ будто пробуждаетъ самостоятельное значеніе слова: *верхъ*. Надо прибавить, что здѣсь также, какъ было замѣчено выше, окончаніе на *у* является въ именахъ неодушевленныхъ. Предоставляемъ читателямъ самимъ дальнѣйшіе примѣры. Такое же отношеніе видимъ мы въ другихъ употребленіяхъ языка, при другихъ падежахъ съ предлогомъ, гдѣ нѣтъ вопроса о различныхъ окончаніяхъ одного и того же падежа, гдѣ оттѣнокъ выражается перенесеніемъ ударенія. Наше опредѣленіе, сказанное нами выше объ этомъ оттѣнкѣ, объясняется здѣсь еще болѣе; на пр: *на го́ру*, когда произносится раздѣльно, то здѣсь предметъ удерживаетъ свою опредѣленность и самостоятельность; такъ, что передъ всѣми рисуется *гора*; когда же мы ска-

Digitized by Google

жемъ *на́-гору* и произносимъ какъ будто вмѣстѣ, то здѣсь напротивъ предметъ теряетъ свою самостоятельную опредѣленность и *на́-гору* значитъ *вверхъ*, показываетъ *направленіе вверхъ*. Тоже видно и въ другихъ подобныхъ употребленіяхъ, именно: *подъ го́ру*, *по́дъ-гору*; *на руку*, *на́-руку* и т. д. Оттѣнокъ этотъ является иногда и тамъ, гдѣ никакъ не рѣшится употребить его человѣкъ, твердо держащійся грамматики, какъ она теперь у насъ существуетъ, но гдѣ употребитъ его народъ, — Русской человѣкъ, обладающій тайною языка; на пр: *за́ тростникъ* и т. п. Такое употребленіе видимъ мы при именахъ неодушевленныхъ; при именахъ одушевленныхъ оно не находится, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко, не свободно, и то въ остоявшихся выраженіяхъ, получившихъ неподвижный видъ, и употребляющихся какъ нарѣчіе, на пр: *за́мужемъ*, но не скажемъ: *за́-братомъ*, *за́ вождемъ* и т. д. — Подобное же употребленіе встрѣчается и въ другихъ формахъ; на пр: *верхо́мъ и ве́рхомъ*, гдѣ является нарѣчіе уже совершенно явственно. — И такъ вотъ наше мнѣніе о разницѣ значенія, происходящей отъ разницы окончанія въ родительномъ и предложномъ (*а-у*; *ъ-у*); также отъ разницы ударенія въ словахъ съ предлогомъ и безъ предлога. Повторимъ: должно опредѣлить внутренній законъ, духъ употребленія, что̀ мы и хотѣли сдѣлать; но назначать въ какихъ именно случаяхъ надобно такъ употреблять; назначать такъ называемыя грамматическія правила, — считаемъ совершенно ложнымъ, чисто внѣшнимъ, особенно въ языкѣ Русскомъ, всего менѣе дающемся подъ формулу, движущемся по внутреннимъ законамъ, языкѣ вполнѣ, глубоко свободномъ.

Digitized by Google

Здѣсь кстати скажемъ наше мнѣніе о нарѣчіи. Нарѣчіе не есть часть рѣчи. Часть рѣчи то, что получило въ словѣ особую форму, особый отдѣлъ; нарѣчіе своей особой формы не имѣетъ. Оно выражаетъ *отношеніе*, оно есть уже синтаксическое явленіе. Нарѣчіемъ могутъ быть разныя части рѣчи, въ разныхъ отношеніяхъ, употребленіяхъ. На пр. нарѣчіе времени: *сегодня*; ясно, что это прилагательное *сей* и существительное *день: сего дня*,—какое же это нарѣчіе? *Утромъ*—то же самое, что творительный падежъ отъ имени *утро*; можно сказать: *лѣтнимъ*, *прекраснымъ утромъ*. Это уже нѣсколько словъ, а между тѣмъ это тоже нарѣчіе. Цѣлое предложеніе также можетъ быть нарѣчіемъ; на пр.: *въ то время, въ которое всѣ стремятся къ истинѣ и добру*, *стремишься и ты*. Первое предложеніе будетъ нарѣчіе. Намъ могутъ сказать: но есть слова, собственно нарѣчію принадлежащія, на пр. *вездѣ*, *тамъ* и пр., слова, кажется, не принадлежащія къ другому разряду словъ. Нѣтъ, всѣ они объясняются, всѣ они принадлежатъ къ какому нибудь разряду именъ. Дадимъ здѣсь объясненіе на нѣкоторые, которые кажутся составляющими особый разрядъ. На пр. *вѣсьма* ясно происходитъ отъ *весь* и соотвѣтствуетъ словамъ: *ревма*, *стоймя* и т. д., употребляющимся, какъ творительный падежъ. Но откуда явился этотъ творительный падежъ? Мы знаемъ, что такъ оканчивается творительный двойственнаго числа. Какъ же явился онъ здѣсь? Мы можемъ сказать, что во всякомъ случаѣ здѣсь можетъ быть творит. множественнаго, на пр. *кольми*. Мы знаемъ также, что этотъ творительный множественнаго перешелъ въ окончаніе двойственнаго въ словахъ: *тремя*,

Digitized by Google

четырьмя. Въ этомъ смыслѣ употребляется слово, въ которомъ правильно и понятно является двойственный падежъ: *полма*, подходящее совершенно подъ категорію *ревма, стоймя* и пр. Но здѣсь понятенъ двойственный, ибо *полы* могутъ быть только *двѣ*. Какъ же явился здѣсь двойственный падежъ въ другихъ случаяхъ, гдѣ этой необходимости нѣтъ? Намъ кажется, что онъ явился здѣсь также, или подобно какъ явился въ словахъ *тремя и пр.*,—какъ падежъ не настоящій и потому болѣе скрывающій настоящее значеніе падежа и болѣе могущій выразить характеръ нарѣчія. Двойственное, какъ число опредѣленное, болѣе имѣетъ въ себѣ замкнутости, нежели множественное и могло, особенно когда перестало употребляться въ языкѣ, явиться въ словахъ, употребляемыхъ въ смыслѣ нами объясненномъ, какъ нарѣчіе.—Прежде вѣроятно говорилось *ревми* и т. д., какъ *кольми*; потомъ когда падежъ забывался, какъ падежъ: *ревмя*, какъ *стоймя*, и наконецъ *ревма*, какъ *полма*, и пр. Сверхъ того сама буква *а* имѣетъ въ себѣ что-то замкнутое, что, и безъ изложенныхъ выше причинъ, согласно съ значеніемъ употребленія, и буква *а* могла здѣсь кстати явиться дабы опредѣлить характеръ нарѣчія. *Гдѣ*, которое должно писаться *кдѣ* и употребляется въ Малороссійскомъ языкѣ, какъ *дѣ*, указываетъ на предложный безъ предлога и т. д. Въ дальнѣйшія объясненія нарѣчій мы теперь не вдаемся.

Вотъ еще одно замѣчаніе, которое намѣрены мы сдѣлать относительно правописанія. У насъ обыкновенно пишутъ: *имя, время* и т. д.;— намъ кажется это ошибочнымъ. Основная буква средняго рода есть *о* и *е*, которое ему соотвѣтствуетъ. Что *е* соотвѣт-

Digitized by Google

ствуетъ *о*, какъ *я—а*, *ю—у*, доказательствомъ служитъ, что при перемѣнѣ ударенія оно выговаривается, какъ *іо*, *ё*, на пр. *сúне-синё*, *село-сёлъ*, *чёлнъ-челнокъ*, *Іевъ*, *моё*, *Іона* и пр. Въ такомъ случаѣ здѣсь кажется намъ обыкновеннымъ писать *е* въ именахъ средняго рода, *име*, *време*, какъ *поле* и т. д. Если намъ скажутъ, что среднія имена кончащіяся на *мя* принадлежатъ къ особенному разряду именъ, которыхъ окончаніе является потомъ съ приращеніемъ *ени*, что это уже другое склоненіе, то мы отвѣчаемъ, что это по нашему мнѣнію ни сколько непротиворѣчитъ словамъ нашимъ; ибо 1) мы не видимъ никакой необходимости, отъ того, что въ родительномъ и другихъ падежахъ является *ени*, словамъ *время* и пр. писаться черезъ *я*, если это даже и другое склоненіе; потомъ 2) мы видимъ здѣсь двойственность самаго склоненія; мы видимъ, что могло быть именительное на *ень*, и тогда склоненіе могло идти своимъ чередомъ, какъ *камень* и пр. Замѣтимъ, что подобное приращеніе есть въ словѣ *небо*, *око* и пр.; но это не мѣшаетъ намъ писать на концѣ окончаніе именъ средняго рода *о* или *е*, а не *а*; мы пишемъ: *небо*, а не *неба*. Если скажутъ намъ, что въ Санскритскомъ языкѣ окончаніе: *ас*, то это нисколько не измѣняетъ и не должно измѣнять употребленія Русскаго языка, который имѣетъ свою самостоятельность и могъ измѣнять даже хотя бы и прежде существовавшую форму согласно съ своимъ духомъ, съ своею особенностью. Двойственность склоненія видна; у насъ есть и мы не считаемъ неправильностью склоненія: *знамя*, *знамя*, *знамень*, *знамю* и пр. Эту двойственность видимъ мы и въ другихъ склоненіяхъ съ приращеніемъ; мы можемъ

Digitized by Google

сказать: *небо*, *неба*, *небу* и т. д. 3) Сверхъ того мы ясно видимъ двойственность въ словѣ: *пламя*, которое существуетъ и какъ *пламя*, и какъ *пламень*. Намъ скажутъ: такъ, но во множественномъ непремѣнно слышно приращеніе. Хотя и не непремѣнно, какъ *очи*, *дѣти*, но положимъ что это такъ, что это приращеніе необходимо,—и тогда мы не видимъ, почему писать *я*, а не *е*—окончаніе средняго рода соотвѣтствующее *о*, если мы уже пишемъ *о* въ подобныхъ случаяхъ, какъ *небо* и т. д. Намъ скажутъ, можетъ быть, что *я*, на которое оканчиваются имена на *мя*, имѣетъ въ себѣ носовой звукъ, что это самое потомъ опредѣляется въ склоненіи въ род. на *ени* и т. д. Мы противъ этого не споримъ; что касается до склоненія, гдѣ слышно *ен*, мы уже на это, думаемъ, отвѣчали; что же касается до носоваго звука, то извѣстно, что носоваго звука у насъ нѣтъ; отъ чего же *я* передаетъ его болѣе, чѣмъ *е*. Намъ кажется наоборотъ. Неужто же стѣсняться только сходствомъ начертанія *а* и *я*? Мы думаемъ, нѣтъ.

Трудно уловить, особенно иностранцу и еще болѣе объиностраненному Русскому, употребленіе народнаго языка. Прихотливъ кажется народъ; но стройность и глубокой законъ лежитъ въ его видимыхъ прихотяхъ; онъ руководится духомъ слова, тайною его жизни, благозвучіемъ. Такъ на пр.: какъ прихотливъ кажется онъ въ производствѣ названій жителей отъ именъ городовъ. Онъ говоритъ: *Москвичъ*, *Симбирякъ*, *Костромичъ*, *Тверичъ*, *Тулякъ*, *Колужанинъ*, *Уфимецъ*. Здѣсь трудно ошибиться; внутреній голосъ, внутреннее чувство народа говоритъ, какъ надо сказать. Но что дѣлать въ такомъ случаѣ, когда внутреннее чувство народа ничего

Digitized by Google

не говоритъ вамъ? что дѣлать при названіи городовъ иностранныхъ? у насъ они есть. Какъ произвести названіе жителей на пр. отъ *Петербурга*? Спросимъ внутреннее чувство народа,—внутреннее чувство народа молчитъ. Чему слѣдовать въ такомъ случаѣ? Отъ слова *Парижъ* мы производимъ *Парижанинъ*; но потому что Парижъ уже обрусѣлое слово. Отъ словъ: *Лондонъ*, *Вѣна*, *Берлинъ* производимъ мы довольно неловко *Лондонецъ*, *Вѣнецъ*, *Берлинецъ*. Но здѣсь еще не такъ дико иностранное слово. Слово же, оканчивающееся на *бургъ*, сохраняетъ весь свой иностранный характеръ; *бургъ* такъ чуждъ, такъ противенъ Русскому уху. Что дѣлать? *Петербуржанинъ*—всѣ засмѣются, *Петербуржакъ*—еще смѣшнѣе. *Петербургецъ* или *Петербуржецъ* или *Петербурецъ*, какъ употребляютъ,—точно также чуждо и неловко, особенно въ женскомъ: *Петербурка* или *Петербуржка*. *Петербуржичь* тоже смѣшно. Что дѣлать? какъ-то совѣстно къ имени иностранному прибавить Русское окончаніе. Нѣтъ, видно, какъ ни бейся, а отъ иностраннаго имени не получишь Русскаго окончанія.

Вмѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліянія на всю Россію, на весь ея бытъ, на всѣ начала, и языкъ нашъ подвергся тому же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой и, какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время, освободиться отъ этого тѣснящаго ига иностраннаго. Мы должны, теперь обратиться къ самому языку, изслѣдовать, сознать его, и изъ его духа и жизни вывести начала и разумъ его, его грамматику. Она не будетъ противорѣчить грамматикѣ об-

Digitized by Google

ще-человѣческой, но *только* и *строго* общей, а совсѣмъ необщечеловѣческой, выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ, и только представляющей свое самобытное явленіе этого общаго; и въ ней, въ Русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели гдѣ нибудь. Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое? Русской на него самъ имѣетъ прямое право, а не черезъ посредство чье нибудь, какаго нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и, кто знаетъ? можетъ быть, ему болѣе, нежели другимъ; и, можетъ быть, міръ не видалъ еще того общаго человѣческаго, какое явитъ великая Славянская, именно Русская, природа. Бѣда наша въ томъ, что Западъ вмѣстѣ съ обще-человѣческимъ принесъ къ намъ свои необщечеловѣческія, а частныя, національныя явленія; что онъ приносилъ къ намъ истину, какъ vérité, или Wahrheit, или truth, что свое національное выдалъ онъ намъ за обще-человѣческое, что не самобытно созерцали мы и принимали его труды и работы.

Но это время проходитъ; оно бѣжитъ можно сказать, и да возникнетъ вполнѣ вся Русская самобытность и національность. Только при этомъ условіи возможно обще-человѣческое, котораго не отвергаетъ Русская природа, которое по преимуществу лежитъ въ ней и которому національность (не исключительная, разумѣется) дастъ только силу и крѣпость. Гдѣже національность шире Русской? Да освободится и языкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится онъ во всей собственной жизни и свободѣ своей! Свобода же есть существенное свойство Русскаго языка.

Digitized by Google

Объ имени человѣкъ.

М. Максимовича.

Михайлова гора надъ Днѣпромъ, Дек. 1845 года.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ ИМЕНИ ЧЕЛОВѢКЪ.

1.—«Что́ есть человѣкъ, яко помнишя его? . . »

На этотъ близкій для каждаго вопросъ, человѣкъ давно уже отвѣчалъ себѣ, и собственнымъ самопознаніемъ, и откровеніемъ Высшей Премудрости. Но что́ значитъ имя Человѣкъ? съ какимъ понятіемъ оно образовалось въ языкѣ нашихъ праотцевъ? . . На это филологія наша не дала еще отвѣта окончательнаго.—

Такъ просто казалось и кажется, что имя человѣкъ сложено изъ двухъ—*чело* и *вѣкъ*. Но по какому понятію они сошлись въ одно? Это такъ не ясно, что и самое производство отъ нихъ не принято и даже признано страннымъ. Надъ нимъ взяло верхъ другое: производство отъ имени *слово*.—

Глаголевъ (въ Основаніяхъ Словесности, 1834. I. 12) говоритъ, что имя «человѣкъ—значитъ какъ бы тоже, что *словакъ* или *словесный*». Оно и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы тоже, по своему значенію. Но «*члово* вмѣсто *слово* не принадлежитъ никакому Славянскому нарѣчію». Это замѣтила Глаголеву Россійская Академія; однако онъ, сославшись на Сравнительный Словарь, гдѣ поставлено «по Вендски

Digitized by Google

Члово вмѣсто слово», и признавъ это не ошибочнымъ, остался при своемъ.—

Тоже мнѣніе, и еще остроумнѣе, представлено было Сенковскимъ (въ Библ. для Чт. 1834 т. I.). Онъ говорилъ, что имя человѣкъ въ Восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слишкомъ отдалилось отъ своей первоначальной формы —*Слозѣкъ*; что оно— «очевидно есть ни что иное какъ Словакъ или Шловакъ; очевидно происходитъ отъ корня *слово*, и значитъ лице говорящее словомъ, знающее слово, составляя противоположность съ рѣченіемъ *Нѣмецъ*, то есть, лицемъ не знающимъ слова, не умѣющимъ объясниться внятно, нѣмымъ.» На такомъ основаніи Сенковскій нѣкоторое время, вмѣсто Славяне, писалъ Человѣки.—

Чего бы и лучше для имени *человѣкъ*, какъ происхожденіе отъ слова! И для имени Славянинъ хорошо бы значить тоже, что человѣкъ. По своему значенію они и дѣйствительно близки другъ къ другу. Но производство имени *человѣкъ* отъ корня *слово* выходитъ изъ предѣловъ филологической возможности.—

2.—Не только въ Рускихъ, но и въ Западно-Славянскихъ нарѣчіяхъ, имя человѣкъ господствуетъ издревле съ начальнымъ звукомъ *Ч*. Его удерживаютъ въ этомъ имени нерѣдко и тѣ нарѣчія, которыя въ другихъ словахъ такъ охотно мѣняютъ ч на *ц* или *ть*. Потому произношеніе имени Человѣкъ съ начальнымъ звукомъ ч, можно считать первообразнымъ въ Славянской рѣчи; или, другими словами, звукъ ч въ этомъ имени есть коренной. Наши Рязанцы, болѣе другихъ любящіе перемѣнять ч на ц (напримѣръ—*цего*, *цудо*, *сцепка*), и вмѣсто человѣкъ гово-

Digitized by Google

рять *целавькъ*. Это есть уже уклоненіе отъ господствующаго Рускаго выговора,—одинаковое съ тѣмъ, какое господствующая Западнославянская форма—*чловькъ* получила въ Полабскомъ выговорѣ—цлавакъ. Отсюда представляется возможность произойти и формѣ *словькъ* или Словакъ, чрезъ отпаденіе *т* отъ *ц* (—тс), какое бываетъ нерѣдко въ Нижнелужицкомъ выгогорѣ (на пр. пусь вмѣсто пуць, путь). Но формы, происшедшія такимъ путемъ нисхожденія или удаленія отъ кореннаго звука, были бы недомолвки, позднѣйшія и мѣстныя; и мнѣ не извѣстно въ какихъ именно Западнославянскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ эти мнимо-родоначальныя формы—*словькъ*, *словикъ* или *словакъ*, вмѣсто Чловѣкъ (*).—

Но если бы и допустить, что форма Словѣкъ есть первоначальная; тогда формы *чловькъ* и *человькъ* не только не были бы господствующими въ Славянскомъ кругу, но составляли бы еще бо́льшую рѣдкость, чѣмъ теперь *словькъ*. Ибо по законамъ звукоизмѣненія, господствующимъ въ Славянской рѣчи, звукъ *с*, принадлежащій кореннымъ Славянорускимъ словамъ, никогда кажется не переводится въ *ч* (=тш), ни грамматическими, ни діалектическими ихъ перемѣнами. Тѣмъ менѣе звукъ *с* могъ быть отступникомъ отъ этого въ имени *слово*, составляющемъ его собственное имя въ Славянской азбукѣ.—

Коренной звукъ *с* въ Славянской рѣчи переходитъ въ четыре звука: въ *з*, *ш*, *ж*, *ц* (=тс). Въ діалектическихъ разностяхъ особенно замѣтенъ второй ходъ, т. е. перемѣна *с* на *ш*; на пр. у

(*) Сколько намъ извѣстно этихъ формъ не существуетъ ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій. Ред.

Digitized by Google

Черногорцевъ *шнѣгъ* вмѣсто *снѣгъ* (какъ въ Нѣмецкой рѣчи schnee вмѣсто snee); у Камчатской Руси *башня*, *ушя*, вмѣсто *басня*, *усы*. По такому ходу и народное имя Словакъ легко могло обратиться въ Шловакъ, особенно у Нѣмцевъ. Но никогда оно въ Славянскихъ устахъ не могло такъ повсемѣстно передѣлаться въ Чловакъ, Чловѣкъ, Человѣкъ.—

Происхожденіе отъ корня *слово* принадлежитъ именамъ Словѣнинъ, Славянинъ, Словакъ; а для имени человѣкъ было другое основаніе. Какое-же?—

3.—По двоякому выговору буквы *ъ*, имя человѣкъ у Малороссіянъ и нѣкоторыхъ Новгородцевъ произносится *чоловикъ*, у многихъ Иллирцевъ—*чловикъ*, *човикъ*. Придержавшись этого выговора, Павскій полагаетъ, что окончательная половина въ словѣ человѣкъ составилась изъ двухъ производственныхъ слоговъ: *ова*, *ика*, какъ въ именахъ полевикъ, боровикъ. Что касается до начальной половины, то, по мнѣнію Павскаго, она есть тоже, что Санскритское слово *кула*—родъ, племя, народъ. Слѣдственно—говоритъ онъ—«Человѣкъ значитъ—принадлежащій къ роду, народу, или одинъ изъ народа». (II. 70).

И такъ человѣкъ значитъ—родовикъ .... Но имя съ такимъ значеніемъ не отличаетъ человѣка отъ другихъ земнородныхъ существъ. Столько-же идетъ оно ко всякому звѣрю и гаду, ко всякому злаку и поросту; ибо каждый изъ нихъ—«по роду своему». Притомъ же сомнительно, чтобы Санскритское слово *кула* было корнемъ нашего *Челвѣ* имени человѣкъ. Если уже надо что нибудь произвести отъ него въ нашемъ языкѣ, то всего скорѣе можно бы поставить ему у насъ въ соотвѣтствіе корень *кол* въ словѣ колѣно, которое прямо значитъ тоже, что кула—родъ,

Digitized by Google

племя. Я даю мѣсто этой догадкѣ потому, что производство слово колѣно не рѣшено еще: Павскому всего вѣроятнѣе кажется, что оно однородно съ Нѣмецкимъ Glied; а Шимкевичъ производитъ его отъ глагола клонить.—

Еще не вѣроятнѣе, чтобы вторая половина имени человѣкъ значила *ов икъ*. Окончаніе *ькъ*, выговариваемое одними *екъ*, другими *икъ*, никогда не бываетъ производственнымъ; или, другими словами, буква *ь* никогда не бываетъ въ производственныхъ слогахъ *икъ*, *екъ*. Въ именахъ съ окончаніями созвучными слову человѣкъ буква *ь* бываетъ всегда коренною; на пр.—лѣкъ, калѣка, вѣно, вѣкъ.—

4.—Окончаніе слова человѣкъ Шимкевичъ и признаетъ *вькомъ*, т. е. «безконечнымъ продолженіемъ времени»; а начальная половина, по его мнѣнію, есть *чель*—прошедшее время глагола *чну* или *чеду*, который значитъ здѣсь—дѣлаю. Слѣдовательно—говоритъ онъ—«подъ словомъ человѣкъ можно разумѣть существо, осужденное на вѣчное дѣланіе или безпрерывные труды». (Корнесл. 11. 133).—

Вѣчный дѣлатель . . . это очень можетъ идти къ человѣку, когда и одинъ изъ величайшихъ царей земныхъ, по выраженію нашего поэта—«на тронѣ вѣчный былъ работникъ».—

Но въ этомъ слово-производствѣ есть неудовлетвореніе относительно языка. Если основаніемъ служитъ здѣсь глаголъ *чну*, *чать*, или выращенный Шимкевичемъ корень его *чеду*, *честь*; то онъ, слагаясь съ именемъ вѣкъ, образовалъ бы не человѣкъ, но—или *вькочель*, по образцу именъ старожилъ, земледѣлъ; или же *чедивькъ*, по образцу именъ Володиміръ, Станиславъ. Въ такомъ имени какъ

Digitized by Google

человѣкъ, геній Славянской рѣчи не могъ ослабить своего дѣла—отступленіемъ отъ привычныхъ ему способовъ словосоставленія.—

5.—Находя не возможнымъ произвесть имя человѣкъ отъ *слова*, а производство отъ *кула* и *чеду* считая сомнительнымъ, взглянемъ еще на отверженное слово *чело* (по Южнорускому, Верхнерускому и Польскому выговору—*чоло*). По чему бы оно не могло войти въ составъ имени человѣкъ?... По всѣмъ примѣтамъ геній Славянской рѣчи былъ тонкій наблюдатель видимой природы и великій художникъ въ ея изображеніи. А человѣкъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ животныхъ отличается своимъ возвышеннымъ челомъ, тѣмъ больше выдавшимся впередъ, чѣмъ выше и совершеннѣе порода человѣческая. Какъ много поставляли въ этомъ Греческіе художники, видно изъ того, что они своему Зевесу и другимъ богамъ давали чело, выдавшееся впередъ гораздо больше человѣческаго. Наши праотцы также могли имѣть мысль объ этомъ наружномъ или тѣлесномъ отличіи человѣка, составляющаго собою *чело* (*) всего творенія Божія въ земномъ мірѣ. По-тому очень возможно, даже естественно было этому слову войти въ названіе человѣка, для означенія видимой, съ перваго взгляда замѣтной его особенности.—

(*) Челомъ, какъ извѣстно, называлась издревле передовая часть войска (какъ и у Римлянъ frons). У Рускихъ земледѣльцевъ именемъ чело называется первое, лучшее зерно, отдѣляющееся при вѣяніи какого нибудь хлѣба. У Кравицевъ челомъ называется и лобъ и мозгъ. —

Digitized by Google

При томъ же съ именемъ *чело* соединяется понятіе мысли, счета, познанія и чести; ибо это имя въ славянской рѣчи образовалось — какъ я полагаю — отъ многозначущаго глагола *чету* (чьту или чту) *честь*, — подобно тому, какъ имена *свѣтило*, *крыло*, *било*, *рало*, *сѣдло*, *пѣкло* (адъ), произошли отъ своихъ глаголовъ. По такому образованію отъ глагола чету, честь, который между прочимъ значитъ и думать (какъ видно изъ Рязанскаго рѣченія — *мѣнь — челъ*, (*) *тѣ — челъ*, *онъ — челъ*), имя чело значитъ орудіе и мѣсто мысли, познанія, почитанія или чести, вообще — разума и мудрости. Этимъ *чело* существенно рознится въ Славянской рѣчи отъ имени *лобъ*, которое означало собственно только костяной составъ головы, — головной черепъ (cranium). Такъ было оно сперва въ Руской рѣчи; такъ осталось и во многихъ нарѣчіяхъ Западнославянскихъ. Смѣшеніе этихъ двухъ словъ конечно произошло въ позднѣйшіе вѣка. —

Если же именемъ *чело* такъ прилично могла быть означена наружная, тѣлесная сторона человѣка; то внутренняя сторона его можетъ быть отличена именемъ *вѣкъ*, въ значеніи вѣчности, — въ томъ же смыслѣ, какъ и Карамзинъ сказалъ, что «на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго кромѣ души человѣческой.» Въ такомъ разѣ составное имя человѣкъ,

---

(*) Рѣченіе *мѣнь — челъ* примѣчательно тѣмъ, что оно и въ Руской рѣчи представляетъ прямой или основный падежъ мѣстоименія *мень*, употребительнаго у насъ только въ падежахъ косвенныхъ; а въ именительномъ уступившаго свое мѣсто мѣстоименію *язъ*, (въ Церковносл., Болгар., Осетин. *азъ*) укороченному въ *я*.

Digitized by Google

двумя главными чертами, означало бы двѣ стороны человѣческаго бытія — тѣло и душу. Но составленіе слова человѣкъ съ такимъ раздѣльнымъ, искуственнымъ понятіемъ едва-ли можно приписать нашимъ праотцамъ. При томъ же имя, составленное изъ двухъ существительныхъ безъ взаимной связи, не выразительно и не въ духѣ Славянской рѣчи. Сопоставленіе двухъ именъ въ одно бываетъ тогда, когда одно изъ нихъ, особенно послѣднее, само собою уже именуетъ предметъ; на примѣръ жаръ-птица, пила-рыба, сонъ-трава.—

Обыкновеннѣе всего сложныя имена лицъ составляются изъ имени, мѣстоимѣнія, даже нарѣчія, съ прилагательнымъ, либо отглагольнымъ именемъ усѣченной формы; на примѣръ — Людмила, звѣздочётъ, пчеловодъ, верхоглядъ, доброхотъ, самолётъ, скороходъ. И я думаю, что слово *человѣкъ* принадлежитъ къ сложнымъ именамъ этого образованія, господствующаго въ рѣчи Славянской. — Если первая половина его есть существительное имя *чело*, то вторая половина *вѣкъ* весьма могла соединиться съ нимъ, какъ отглагольное усѣченное имя, вмѣсто *вѣкый*, въ значеніи вѣщій или вѣщъ: — какъ *рокъ*, въ имени пророкъ, значитъ рекый, рекущій; какъ *сѣкъ*, въ имени дровосѣкъ, значитъ сѣкый, сѣкущій, и пр.

Въ такомъ разѣ человѣкъ значитъ *челомъ-вѣщій* — тотъ, который и вѣщаетъ, и вѣдаетъ отъ чела своего, т. е. отъ разума или мудрости, которыхъ орудіемъ и мѣстомъ почиталось чело. Не этимъ-ли и отличается собственно-человѣческое вѣщаніе и вѣдѣніе отъ голоса и вѣщеванія животныхъ и природы вообще, — хоть и они не чужды человѣку, какъ мало-

Digitized by Google

му міру, соединяющему въ себѣ всѣ степени бытія и жизни.—Имя *вѣщій* заключаетъ въ себѣ двоякое понятіе: *знанія и рѣчи*; *вѣдый и вѣтій*. Потому-то названіе *вѣщаго* у нашей древности значило также много, какъ теперь имя великій. Оно давалось не многимъ, отборнѣйшимъ мужамъ: вѣщій Олегъ, вѣщій Боянъ; «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ», сказано Бояномъ о Всеславѣ Полоцкомъ.

Кто соображалъ многоразличныя формы глаголовъ въ Русскихъ и Западнославянскихъ нарѣчіяхъ, по нынѣшнему и по старинному ихъ употребленію, тотъ конечно не станетъ отрицать приведенной мною формы *вѣкый*; ибо она могла быть точно также, какъ были *искый* (отъ глагола искать), *рѣкый*, и прочая. По чрезвычайной измѣняемости глаголовъ, трудно даже рѣшить, какая была основная форма глагола вѣщать (по Чешски вецети), въ корень которому у насъ Шимкевичъ ставитъ—*вѣтить*, а Рейфъ—*вѣтовать*. Мнѣ кажется, что онъ принадлежалъ въ одной семьѣ съ глаголами *реку*, *теку*, и что его настоящее время было *вѣку*, а неопредѣленное наклоненіе — *вѣчи* или *вѣчь*, Санскр. *вачь*; по Церковнославянски — *вѣщи* (сходно съ рещи, тещи), по спряженію Южнорускому — *вѣчу́*, речу́, течу́, — *вѣкти́*, ректи́, тектѝ; по Сербскому — *вѣчемъ*, ре́чемъ, те́чемъ,—*вѣти*, рети, тети, и т. д. Съ этимъ предположеніемъ удобно соглашаются всѣ производныя слова этого корня: вѣтъ, вѣтій (витія), вѣче, вѣщъ или вѣщій, (*) вѣщунъ, вѣщецъ, и вѣкый, усѣченно — *вѣкъ*.—

(*) Шимкевичъ справедливо замѣтилъ, что имя вѣщунъ и нѣкоторыя другія столько же относятся къ корню вѣдать, сколь-

Digitized by Google

7.—И такъ по всѣмъ соображеніямъ имя *человѣкъ*, существуетъ у насъ въ своемъ первоначальномъ, полномъ видѣ, въ которомъ уцѣлѣли всѣ звуки, въ которомъ звуки *ч* и *ѣ* суть коренные. Оно есть имя составное; и всего вѣроятнѣе, что первая половина его — *чело*, есть существительное имя, происшедшее отъ глагола *чету, честь*, — какъ орудіе и мѣсто человѣческаго разума или мудрости; какъ часть головы, образованіемъ которой человѣкъ видимо превосходитъ всѣхъ животныхъ. Вторая половина *вѣкъ*, по моему мнѣнію, есть отглагольное усѣченное имя, однозначительное съ словомъ вѣщій, т. е. вѣщающій и вмѣстѣ вѣдущій. Сложеніе ихъ

ко и къ корню вѣтить. Онъ думалъ даже, что для объясненія этого можно или предположить общій корень *вѣть*, или допустить перемѣну *д* на *т* въ глаголѣ вѣтить отъ вѣдать (Корнесл. 1. 38). Но предположивъ общимъ корнемъ—вѣть, прійдется допустить обратную перемѣну, т. е. *т* на *д*, что очень возможно, какъ показываютъ слова — сватъ и свадьба (вм. сватьба). Возможнымъ кажется мнѣ и то, что корнемъ обоихъ глаголовъ служило имя *вѣкъ*: отъ него и вѣщаю, вѣщать, и вѣдаю, вѣдать (по Церковнославянски вѣмъ или вѣдѣ, вѣдѣти). Какая бы ни была основная форма глагола вѣтить, вѣщать, — во всякомъ случаѣ онъ могъ произойти отъ имени вѣкъ; а отъ него уже глаголъ вѣдати или вѣдѣти (по Санскр. *видъ*). Таже перемѣна *т* на *д* видна на этомъ глаголѣ и въ рѣчи Нѣмецкой: въ Готск. vitan, въ Исл. vita, въ Швед. veta, а въ Датс. vide. Это производство обоихъ глаголовъ отъ имени *вѣкъ* ведетъ еще къ мысли, что въ первобытной Славянщинѣ, въ одномъ этомъ имени могли соединяться понятія: о вѣчности и ея дѣленіи на разные сроки времени, о вѣщаніи или голосѣ, и о вѣданіи, т. е. знаніи и смотрѣніи. Но все это не болѣе какъ гаданіе, которое можетъ быть и не въ попадъ.

Digitized by Google

въ одно имя произошло по господствующему способу Славянскаго словосоставленія; и выдерживаетъ, кажется, всѣ филологическія условія.

Звуки слова прямые проводники къ смыслу, который ими высказался; и такъ какъ имя человѣкъ составилось въ самой рѣчи Славянской, то въ немъ заключается и собственное Славянское понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ *разумновѣщемъ*.

Вѣрно ли мое истолкованіе, рѣшить это уже не мое дѣло. Съ своей стороны я прибавлю еще слѣдующее. Человѣкъ первоначальный и главный (по отношенію къ женѣ) у нашихъ праотцевъ былъ отличенъ именемъ *мужа*; да и въ мужескомъ полѣ этимъ именемъ отличали потомъ человѣковъ избраннѣйшихъ по своему дарованію, званію, возрасту. Это конечно потому, что именемъ мужъ выражено высокое понятіе, или лучше сказать общечеловѣческое преданіе о сотвореніи *перваго* человѣка самимъ Богомъ. Ибо мужъ (по Польски манжъ и монжъ) есть сокращеніе полнаго имени *мануджа*, которое въ языкѣ Индовъ составлено изъ ману—творецъ міра, и джа—рожденный (Корнесл. 1. 50). Имя *жона* или *жена*, по Санскритски *джани*, значитъ рождающая, отъ джанъ—рождать. Такъ различены въ Индской рѣчи, а отъ нея и въ Славянской, два человѣческіе пола. Но у Славянъ они подведены еще подъ общее, родовое имя—*человѣкъ*, равно идущее обоимъ поламъ; имя, которымъ обозначаются Славяне и Нѣмцы и Чудь, и всѣ люди. Въ Нѣмецкой рѣчи такое родовое значеніе дано слову мужъ (mensch). Впрочемъ у Южно-Русскаго народа имя *человѣкъ*, присвоется преимущественно супругу

Digitized by Google

и вообще взрослому мущинѣ, въ отличіе отъ *жёнки*. Тоже у Чеховъ и Сербовъ: имя *чловѣкъ*, *човѣкъ*, употребляется вмѣсто мужъ, въ значеніи супруга. Такимъ усвоеніемъ его преимущественно мужу и мущинѣ конечно выражается предпочтеніе ихъ передъ женою и женщиною, которое было искони, да и теперь еще ведется, особенно у Славянъ Черногорскихъ.

Digitized by Google

САМПСОНЪ.

А. С. Хомякову.

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и Князья Филистимской земли,
Себѣ на потѣху они—и Самсона
Въ оковахъ туда привели,

* *
*

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

* *
*

Давно ли, дрожа и блѣдняя, толпами,
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

* *
*

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно,—и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

* *
*

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далида, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано ни кому!

Digitized by Google

И Бога забылъ онъ,—и падшаго взяли
Самсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

* *
*

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Самсонъ;
Но выросли кудри его; но смирился
И Богу покаялся онъ.

* *
*

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены—блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

* *
*

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибелью вамъ отомститъ!

* *
*

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна,
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

* *
*

О дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Самсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

* *
*

И вдругъ оглянулись враги на Самсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ...

И. Языковъ.

1816-го г., Мая 1 дня.

Digitized by Google

ВУКЪ СТЕФАНОВИЧЪ

КАРАДЖИЧЪ,

ОЧЕРКЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

И. Срезневскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВУКЪ СТЕФАНОВИЧЪ

КАРАДЖИЧЪ.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ.

Человѣкъ невысокаго росту, подъ шестдесятъ лѣтъ, въ очень длинномъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ, лѣвая нога его поднята и опирается колѣномъ на «*штулу*» (костыль), что заставляетъ его ходить тихо, какъ не ходитъ никто; — лице у него — одно изъ тѣхъ лицъ, какія можно видѣть только въ Украйнѣ и Сербіи, лице какъ будто треугольное съ выдавшимися скулами, со впалыми, небольшими, карими, сверкающими глазами, рѣдко не опущенными въ землю, и широкія, полусѣрыя брови и усовъ придаютъ этому лицу какое-то суровое выраженіе. По этимъ признакамъ легко узнать Вука Стефановича Караджича, легко отличить его отъ сотней другихъ болѣе или менѣе оригинальныхъ лицъ, обращающихъ на себя вниманіе въ Вѣнѣ.

Маленькую квартиру, въ три комнаты, занимаетъ онъ издавна въ Landstrasse на Ober-Reissner Gasse. (*)

(*) Такъ было до 1842 года, когда конченъ этотъ очеркъ. Теперь Вукъ переселился, кажется, во дворецъ Князя Милоша.

Digitized by Google

Вы войдете въ дворикъ, потомъ въ сѣни, поднимитесь по лѣстницѣ, направо, позвоните, спросите: «ist der Herr Doctor zu Hause?» получите въ отвѣтъ: «Belieben Sie nur herein zu spazieren,» и черезъ семейную комнату, заставленную постелями и постельками, гдѣ увидите и его добрую, милую жену, и трехъ дѣтокъ, войдете въ крошешный кабинетикъ. Тамъ сидитъ онъ на софѣ, передъ столомъ, заваленнымъ разнымъ бумажнымъ и книжнымъ хламомъ, въ красной Сербской «*капп*» (калпакѣ — шапочкѣ), съ четками въ рукахъ, между тѣмъ какъ штула важно покоится близь своей ноги. Пріемъ Вука простъ, но ласковъ, или, лучше сказать, радушенъ. Усадивши васъ, въ чемъ не можетъ не принять участія и его штула, онъ попроситъ у васъ позволенія остаться въ капѣ — не потому что длинные, рѣдкіе волосы едва прикрываютъ его голову, а потому что Сербская привычка — оставаться всегда и вездѣ въ капѣ, сдѣлала его слишкомъ подверженнымъ головной простудѣ. Можете съ нимъ говорить по Нѣмецки, по Русски, по Сербски; будете имъ поняты, если станете говорить и по Чешски, или по Польски. По Нѣмецки и по Русски онъ говоритъ хорошо; но, если только вамъ не совершенно чуждъ языкъ Сербскій, попросите его говорить роднымъ языкомъ: онъ не будетъ говорить дикой смѣсью Старо-Славянскаго, Русскаго и Сербскаго, а живымъ народнымъ языкомъ. Вы увидите тогда, какъ всякое народное, простонародное нарѣчіе, управляемое умомъ и чувствомъ знатока, становится способнымъ выражать все, что угодно, и все въ духѣ народномъ. Если желаете узнать его изъ разговора, заговорите съ нимъ о Сербахъ, ихъ

Digitized by Google

правахъ и обычаяхъ, ихъ успѣхахъ, о чемъ хотите Сербскомъ; мало по малу оживляясь и оживляя васъ своимъ простымъ, но полнымъ глубокаго смысла разсказомъ, онъ введетъ васъ въ очарованный кругъ Сербскаго народа, какъ будто въ новый, и между тѣмъ вашей душѣ знакомый, не фантастическій міръ. Послушавши нѣсколько разъ его разсказы о Сербахъ, вы станете столько же любить Сербовъ, сколько и уважать его самаго за его любовь къ нимъ и за знаніе ихъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Въ Срезѣ Ядрскомъ (окружія Подринскаго) есть между общинами одна, называемая Гершичъ. Въ давнее время въ этомъ мѣстѣ было село, но пришла, какъ говорятъ, кума-чума, «*помбрила и старо и младо*» и оставила село пустымъ селищемъ. Еще и до сихъ поръ сохранилось названіе стараго села, и до сихъ поръ видны слѣды прежнихъ жилищъ — мѣста, гдѣ стояли «*кучи*» (домики) и клѣти, около нихъ старыя груши и яблони . . . Впустѣ стояли окрестныя нивы до войны Австріи съ Турками, 1737—1739 года. Война была для Австрійцевъ несчастлива: они были разбиты и подъ Вакупомъ, и у Баньей Луки, и у Ниша; впрочемъ Генералу Лентулусу удалось проникнуть до Албаніи, въ округъ *Кучи*, принадлежащій теперь Черногоріи, и найдти въ самыхъ жителяхъ тамошнихъ помощь противъ Турокъ. Когда же онъ долженъ былъ возвратиться назадъ, съ нимъ вмѣстѣ пошли и многіе, служившіе въ его войскѣ, Болгаре, Албанцы и Эрцеговцы Одни изъ нихъ были вытребованы Турками обратно и большею частію повѣшены; другіе были счастливѣе и съ семьями своими переселились на-всегда въ

Digitized by Google

Славонію и Венгрію. Въ это время, какъ извѣстно, и Патріархъ Сербскій, оставивъ Ипекъ, поселился на Дунаѣ въ Карловцахъ. Нѣкоторые изъ Эрцеговцевъ, не возвратясь домой, остались у Дрины, въ нынѣшней собственной Сербіи, и, нашедши праздными мѣста около Старосельскаго селища, поселились тамъ, ближе къ горѣ; по обычаю Сербскому—чѣмъ ближе лѣсъ, «*гора*», тѣмъ ближе дрова и далѣе Турки,—поселились и перевели къ себѣ не только свои семьи, но и родственниковъ. Между ними были Добриловичи, Гергуревичи изъ Пивы, Ивановичи изъ Рудина, Баньянцы изъ Баньянъ, а также и Караджичи изъ Дробняка, всего семей до сорока. Все новое поселеніе было изъ чистыхъ Эрцеговцевъ; одинъ только какой-то Іовица, женатый на Эрцеговской вдовѣ, былъ между ними «*шијак*», чужой человѣкъ (*шијаками* называютъ тѣхъ, которые говорятъ вмѣсто *ѣ* простое *е*, не смягчая предъидущей согласной). Это поселеніе, называвшееся, можетъ быть, старымъ именемъ Тершича, и до сихъ поръ если ничѣмъ другимъ, то по крайней мѣрѣ выговоромъ буквы *ѣ* отличается отъ многихъ другихъ жителей окрестныхъ мѣстъ.

Въ этомъ-то Тершичѣ родился Вукъ Стефановичъ Караджичъ, на Дмитріевъ день (26 Октября), 1787 года. Отецъ его, Стефанъ Іоксимовъ (Осиповъ), былъ родомъ изъ Тершича, а мать, Јегда Симова Зерничева, роду также Эрцеговскаго, (Никшичскаго). У Јегды было прежде уже пятеро дѣтей; но всѣ они, одинъ за другимъ, не дорося, исчахли и пошли въ могилу. Горько было матери: кто думалъ про себя, а кто и говорилъ ей, что, вѣрно, ея бѣдныхъ дѣтей «*вјештице једу*» (вѣдьмы ѣдятъ). Что-бы сдѣ-

Digitized by Google

дать, чтобы и этого новорожденца не изъѣли вѣдьмы?—стали разсуждать въ кучи Стефановой и придумали дать ему имя волка: «*вјештице не смије на вука*». Вздумано и сдѣлано. Пошелъ расти Вукъ,—и, на радость роднымъ, на славу Сербовъ и всѣхъ Славянъ, ни одна вѣщунья его не изгубила (*).

Не странное-ли дѣло, въ Сербіи, гдѣ и теперь еще училищъ такъ мало, гдѣ прежде и вовсе ихъ не было, гдѣ и самыя книги такъ рѣдки,—въ Сербіи есть гораздо болѣе людей, разумѣющихъ грамоту, нежели какъ бы можно было вообразить. Богъ знаетъ, въ прежнее время было ихъ, можетъ быть, и еще болѣе. По крайней мѣрѣ, въ рѣдкой Сербской пѣсни не «*пише*» или не «*учи*» (читаетъ) «*книгу ситну*» (мелко-написанное письмо) тотъ или другой «*јунак*», та или другая «*љуба*» или «*вјереница*». Такъ и въ Терщичѣ печатныхъ книгъ, можетъ быть, не было и двухъ; а Вукъ дитею научился читать и писать такъ изрядно, что даже не помнитъ времени, когда былъ неграмотнымъ. Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ, Јефта Совичь, прозваніемъ Чатричь: разведетъ бывало пороху въ водѣ, возметъ клочекъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлять Вука учить ихъ. Уже позже, позже добылъ Јефта своему внуку какой-то, чуть-ли не Московскій, букварь, съ картинками, между которыми болѣе другихъ забавляла Вука какая-то чудная птица.

(*) Что касается до возможности дать такое названіе, то она опиралась на обычаѣ Сербскомъ, существующемъ и у Поляковъ, давать дѣтямъ имена совершенно по произволу, не заглядывая въ календарь и не думая объ именахъ Святыхъ. Вмѣсто патроновъ частныхъ для каждаго лица, они имѣютъ патроновъ домашнихъ, для цѣлой семьи и дома.

Digitized by Google

Этотъ букварь очень утѣшалъ Вука. Бывало, ходя по селу, или по дорогѣ, и читая букварь, онъ не пропускалъ никого, отъ кого надѣялся получить отвѣтъ, чтобы не спросить, такъ-ли онъ читаетъ то, или другое. Чуть завидитъ такого человѣка, купца-ли, попа, или монаха, лишь бы не Турка,—что было легко отличить по одеждѣ,—скинетъ передъ нимъ капу, «*пољуби у руку*» (поцѣлуетъ руку), и поставитъ ему букварь передъ глаза: «*молим тебе, мајсторе*» (если то былъ купецъ), или «*попо*» (если то былъ священникъ), или «*дуовниче*» (если то былъ монахъ), «*молим тебе, кажи ми*» (читай мнѣ, пожалуста, такъ, чтобы я могъ за тобою повторять). Потомъ опять поцѣлуетъ руку, скажетъ «*фала*» (спасибо),—и далѣе пошелъ твердить свой букварь. Случалось и такъ, особенно съ купцами, что на свою просьбу Вукъ получалъ только такой отвѣтъ: «*Бог ми, синко, не знам ни ја*» (право, сынокъ, и я не знаю).

Въ концѣ 1795 года, когда Вуку было 8 лѣтъ, одинъ изъ Тершичскихъ селянъ, Гергуревичъ, завелъ небольшое училище въ городкѣ Лозницѣ. Послалъ туда и Стефанъ своего Вука. Повторивши «*бѣкавицу*» (азбуку), принялся Вукъ за «*часловац*» (часословецъ), и становился уже молодцемъ «*часло́вцем*», когда чума пришла на бѣду многимъ въ Лозницу, разогнала учениковъ, отогнала и Вука домой. Стефанъ подождалъ мѣсяца два—три, и послалъ Вука въ другую школу—въ Монастырь Троношу. Сюда не пришла чума; но чума своего рода для отцевъ учащихся дѣтей была и остается до сихъ поръ въ монастыряхъ Сербскихъ. Монахи Сербскіе проводятъ свое время въ молитвахъ и заботахъ о

Digitized by Google

своемъ хозяйствѣ, и ничего другаго не считаютъ принадлежащимъ къ числу своихъ обязанностей; о народѣ, о распространеніи въ немъ свѣта истины, они не думаютъ;—если гдѣ, въ монастыряхъ, есть ученики, то они не столько учатся, сколько занимаются другими полезными дѣлами, на пр. пасутъ козъ и свиней монастырскихъ, полютъ лукъ, собираютъ сѣно или сливы, метутъ кельи, топятъ печи, поятъ монастырскихъ лошадей, и т. п. Такъ и Вука въ Троношѣ заставили пасти козъ; а между тѣмъ Стефанъ нанималъ для своихъ козъ пастуха. «*Ако је тако*—сказалъ Стефанъ Вуку—*ѳди кући, те чувај наше козе*» (если такъ, то иди лучше домой и паси своихъ козъ), и оставилъ Вука дома, сколько это ни было ему досадно, потому что Стефанъ, видя въ своемъ Вукѣ «*отворено дијете*» (бойкое дитя), желалъ въ немъ видѣть со-временемъ купца, или священника, и хотѣлъ дать ему для этого приличное воспитаніе.

Какъ бы то ни было, Вукъ не забывалъ того, что выучилъ, повторялъ, прочитывалъ и кое-что новое, потому что отецъ купилъ ему и житіе Алексія человѣка Божія, и Жертву Авраамову, и Мѣсяцословъ, и Требникъ. Вышло, что и безъ пособія школы, по семнадцатому году, Вукъ въ своемъ краѣ и слылъ и былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей. Не мудрено: онъ умѣлъ сказать, поглядѣвши на любую Европейскую монету, когда она чеканена, зналъ, когда будетъ какой праздникъ, и притомъ не только бывало напишетъ, но и прочтетъ любое письмо. Не мудрено, что былъ уважаемъ не по лѣтамъ: всякая женщина цѣловала ему, какъ-бы и первому «*кмету*,» руку; на свадебныхъ и крестоименныхъ пирахъ ему было

Digitized by Google

всегда готово мѣсто или подлѣ священника, или первое; а на мірскія сходки его звали вмѣсто отца, даже и самъ Бегъ Сулейманъ-Бегъ-Алај-Беговичъ, владѣтель Тершича, пріѣзжавшій изъ Эрцеговины ежегодно собирать обычную подать съ жителей, призывалъ его къ себѣ какъ писаря, и, въ знакъ благодарности и уваженія къ Вуку, сажалъ его за обѣденную «*софру*» (столикъ въ видѣ подноса на очень низкихъ ножкахъ) вмѣстѣ съ собою. Какъ было послѣ этого не гордиться Вукомъ его матери и отцу! Јегду огорчало только то, что Вукъ, хотя и былъ уже семнадцати лѣтъ, оставался однако не по лѣтамъ недоросткомъ; но ей была въ утѣшеніе пословица: «*Дукат је мали новац, але вриједи више од талијера*» (червонецъ малая монета, а стоитъ больше талера). Одинъ Вукъ не былъ совершенно доволенъ собою: отецъ совѣтовалъ ему идти въ какой нибудь городъ и сдѣлаться тамъ купцомъ, или проситься въ священники: а Вукъ не хотѣлъ въ городъ, чтобы оставаться подалѣе отъ Турокъ, не хотѣлъ и въ священники, чтобы остаться на свободѣ. Однако хотѣлось Вуку—учиться,—и онъ просилъ отца пустить его за границу Сербіи, въ Срѣмъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, учатъ и многимъ другимъ книгамъ, кромѣ Часослова и Псалтыря; но отецъ этого и слышать не хотѣлъ, не желая пустить его далеко отъ себя.

Такъ застала Вука Сербская «*Карађорђева буна*» (возстаніе Георгія Чернаго), 1804 года. Стефанъ пошелъ было самъ съ другими на Турокъ: но о Вукѣ уже знали, и нуждались въ людяхъ грамотныхъ. Стефана послали домой, а потребовали вмѣсто его Вука и сдѣлали его писаремъ. Скоро однако

Digitized by Google

случай, хоть и несчастный, исполнилъ давнее желаніе Вука идти въ Срѣмъ. Турки напали на Ядрскій Срѣзъ, разорили его, выжгли; тутъ сгорѣлъ и домъ Стефановъ, «*стока*» (стадо) его была вся отогнана, и Стефанъ, бывши прежде очень зажиточнымъ селяниномъ, совершенно обнищалъ. Вукъ сталъ опять проситься у отца и матери отпустить его въ Срѣмъ, говоря имъ, что иначе онъ долженъ будетъ по неволѣ сдѣлаться гайдукомъ (разбойникомъ). «*Кад је тако, да ти је просто*» (если такъ, то Богъ съ тобой), отвѣчали Стефанъ и Јегда, и благословили Вука въ путь.—Вукъ пошелъ въ Карловцы. Годъ онъ учился дома; годъ въ училищѣ, занимаясь Латинской, Славянской и Нѣмецкой грамматикой. На третій годъ онъ хотѣлъ было перейти въ Гимназію; но когда сталъ проситься, ему сказали: что это для него уже поздно, что девятнадцатилѣтній «*момакъ*» уже не годится для Гимназіи, и увѣряли, что онъ для Сербіи приготовленъ довольно, что онъ какъ разъ будетъ, чѣмъ захочетъ, попомъ-ли, учителемъ, или писаремъ. Такъ Вука, если не то, такъ другое, если не чума, такъ козы, а не козы, такъ сами учителя, отгоняли отъ ученія. Съ горемъ оставилъ онъ Карловцы, и поѣхалъ въ Петриню, гдѣ думалъ продолжать учиться по Нѣмецки; но не столько учился, сколько гулялъ, и весною 1807 воротился въ Сербію.—Онъ сдѣлался писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ, когда его родственникъ, прежній учитель, сдѣлался Совѣтникомъ въ Бѣлградѣ, перешелъ и Вукъ въ Бѣлградъ, и былъ писаремъ въ Совѣтѣ,—и между тѣмъ учился у знаменитаго Юговича сочинять письма по Нѣмецки. Тутъ подъ покровительствомъ двухъ своихъ учителей, перваго и

Digitized by Google

послѣдняго, провелъ Вукъ свое послѣднее учебное время. Тутъ и самъ онъ увидѣлъ, что училищное ученье для него поздно, и рѣшился по возможности вознаградить недостатокъ школьнаго образованія чтеніемъ книгъ. Не одному Вуку книги помогли болѣе всѣхъ дешевыхъ и дорогихъ учителей.

Однажды вечеромъ, въ то незабвенное время, когда мы съ Вукомъ проводили вечера обыкновенно вмѣстѣ, разговорились мы съ нимъ о современной Сербской литературѣ. Отъ одного къ другому, —и я спросилъ его, какъ сдѣлался онъ писателемъ? Вукъ улыбнулся, потомъ задумался, потомъ опять улыбнулся, сверкнувъ своими яркими глазами, и отвѣчалъ: «э, я такъ думаю: безъ вотъ этой штулы, да безъ моей доброй жены и безъ благороднаго Копитара, я бы писателемъ не былъ; а любовь странствовать помогла въ свою очередь.» Этимъ начался его разсказъ о своей жизни, разсказъ, который сталъ и поводомъ и источникомъ очерка мною начатаго....

Вукъ заболѣлъ въ 1808 году, когда еще былъ писаремъ въ Совѣтѣ. Болѣзнь все болѣе усиливалась, и на зиму 1808 года Вукъ рѣшился оставить Бѣлградъ и ѣхать домой въ Тершичъ. Прежде болѣли и руки и ноги, потомъ стала болѣть особенно лѣвая нога, и кончилось тѣмъ, что чашечка въ колѣнѣ приросла къ кости такъ, что нога не могла двигаться. Вукъ надѣялся было, что ему помогутъ минеральныя воды, и въ 1809 году ѣздилъ на воды въ Мехадію, потомъ въ Новый Садъ (Neusatz), потомъ въ Буду (Offen); но ничто не помогло. Ногу надобно было поставить колѣномъ на костыль, простившись на всегда съ выгодами здороваго человѣ-

Digitized by Google

ка. «Со штулой—говорилъ мнѣ Вукъ—я уже не могъ думать ни о кошѣ, ни о войнѣ, и—волей-неволей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домосѣдлой. Не будь со мною штулы, я бы, можетъ быть, давно убитъ былъ Турками, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штула моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покойнаго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза.—Не меньше штулы, удерживала меня на мѣстѣ и жена....—Но извините, что я васъ прерву; жена ваша Вѣнка; а до пріѣзда въ Вѣну, вы не были женаты, не любили?—Женатъ не былъ, влюбленъ тоже не былъ; впрочемъ могъ жениться, а можетъ быть и влюбиться. Вашъ вопросъ напоминаетъ мнѣ о Ружѣ Тодоровой. Родители ея и мои были сосѣди и жили въ пріязни. Мать Ружи была первою красавицей въ нашемъ селѣ, первой «*гиздой*», и «*кититисе*» (наряжаться) умѣла со вкусомъ; Ружа была тоже прежде миленькой дѣвочкой, а потомъ и миленькой дѣвушкой. Росли мы вмѣстѣ и она мнѣ—такъ, нравилась, а можетъ быть, и я ей; впрочемъ это была самая обыкновенная сельская дружба. Родители наши думали впрочемъ иначе. Отецъ Ружи говорилъ мнѣ: «*дат'ћу ти дјевојку*» (выдамъ за тебя дочку),—и хотя я, слыша это, сердился, но между нашими родителями дѣло, какъ будто, было уже слажено. Съ 1804 года, когда я ушелъ въ Карловцы, я не видалъ ее до тѣхъ поръ, пока въ 1809 воротился домой больнымъ. Однажды Ружа пришла къ намъ въ домъ, не знаю зачѣмъ. Мнѣ хотѣлось ее увидѣть, и, по моему желанію, она пришла изъ кухни въ «*собу*» (комнату), гдѣ я лежалъ; пришла и поцѣловала мнѣ руку. Я взялъ ее за

руку, спросилъ ее: «*јеси-ли велика наросла?*» (а что, ты выросла?) Она отвѣчала: «*это видиш, велика*» (видишь какая), и прибавила: «*а куда си ти отбјо у свијет, оставио отца и матер! да ти није болест докерала, не би ни сад кући дошао!*» (а ты куда зашелъ въ свѣтъ, оставивши отца и мать! Если бы не болѣзнь, то ты бы и теперь не пришелъ на родину!) Почти этимъ и кончился нашъ разговоръ.— Не излечившись дома, я, какъ вы знаете, поѣхалъ на воды.... Въ 1812 году я былъ въ Бѣлградѣ, когда однажды ко мнѣ приходитъ изъ нашего села посолъ отъ Ружина отца: «*иште Ружу људи, просе*» (Ружу запискиваютъ, сватаютъ) говорилъ онъ мнѣ, напомнилъ о давнемъ уговорѣ нашихъ родителей, по которому все таки я оставался первымъ женихомъ Ружи, такъ, что и теперь, когда за нее сватался другой, ее не хотѣли отдать, не зная, что скажу я. Я отвѣчалъ послу, что «*сад мени није до женитбе, а да од Бога јој срећа*» (теперь мнѣ не до женитьбы, а ей желаю счастія отъ Бога). Съ этимъ отвѣтомъ посолъ воротился въ Тершичь, — и Ружа вышла за мужъ.... Теперь ея уже нѣтъ въ живыхъ. А я женился на Нѣмкѣ.—Съ семействомъ Краусовъ я познакомился уже въ первый мой пріѣздъ въ Вѣну, въ 1813 году, когда, подобно Георгію Черному, принужденъ былъ оставить Сербію; принятъ былъ въ немъ родственно; еще болѣе сблизился во время моей болѣзни, когда старушка Краусъ и дочь ея Анна ухаживали за мною, какъ за близкимъ роднымъ; тогда же задумалъ предложить Аннѣ руку, и не предложилъ только потому, что боялся столько же своего православнаго суевѣрія, сколько и суевѣрія римокатолическаго семейства Краусовъ: отда-

Digitized by Google

дутъ-ли Нѣмку за меня, Серба. Время упрочило нашу взаимную привязанность, и въ 1808 году Анна Краусъ стала моей женою. Добрая жена, добрая мать, добрая хозяйка, она раздѣляла со мною всѣ неудобства и перевороты жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не полюбить своей Вѣны, предпочитала ее всѣмъ другимъ городамъ и царствамъ, и угоаривая жить въ Вѣнѣ, заставляла меня вмѣстѣ съ тѣмъ волей-неволей заниматься литературой. Будучи далеко отъ Сербіи, я былъ въ ней и съ нею думою въ Вѣнѣ; старался припоминать и записывать о ней все, что́ зналъ и удалялся изъ Вѣны только для того, чтобы увидѣть Сербію, или какой другой край Сербскаго народа, и, собравъ новые матеріялы для трудовъ, ворочался въ Вѣну снова трудиться надъ Сербскими записками. — Впрочемъ главной виной, что и я писатель, на всегда останется Копитаръ: въ этомъ отношеніи я обязанъ ему, если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, многимъ, очень многимъ. Надобно испытать такъ, какъ я, этого истинно благороднаго человѣка, чтобы имѣть къ нему то уваженіе, какого онъ достоинъ — и какъ ученый, и какъ человѣкъ... Въ концѣ 1813 года я пріѣхалъ въ первый разъ въ Вѣну....—Позвольте, Вукъ Стефановичъ! мнѣ бы хотѣлось прежде знать, въ какой мѣрѣ вы въ своей душѣ приготовлены были къ званію такаго писателя, какимъ вы сдѣлались, прежде нежели пріѣхали въ Вѣну,—въ какой мѣрѣ любили и уважали народность?—На этотъ вопросъ Вукъ отвѣчалъ мнѣ такъ: Вы уже знаете: я былъ изъ народа, провелъ молодость между народомъ, все Сербское народное было мнѣ природнымъ; обстоятельства позволили развиться этому чувству пристрастія къ моему родно-

Digitized by Google

му. Что языкъ мой народенъ, это естественно. Я не зналъ другаго, говорилъ какъ зналъ, старался моимъ языкомъ выражать все, что мнѣ было нужно, старался изучать его, разумѣется не по правиламъ, а безотчетливо, думая только о томъ, чтобы имѣть въ головѣ поболѣе словъ и выраженій и употреблять ихъ кстати. Въ концѣ 1810 года, не получивши облегченія отъ болѣзни въ Будѣ, я возвратился въ Бѣлградъ и сдѣланъ былъ учителемъ въ Бѣлградской школѣ. Учителемъ такимъ, какимъ мнѣ быть хотѣлось, я не былъ; но знаніе языка народнаго и тогда уже было замѣчено моими товарищами, которые были большею частію изъ Сербовъ Венгерскихъ, — и меня называли знатокомъ Сербскаго языка. Такое мнѣніе о мнѣ подстрекало мое самолюбіе, и я не упускалъ никогда случая оправдать добрую мысль о моемъ знаніи языка, вслушивался въ говоръ народа, старательно замѣчалъ все, что мнѣ казалось въ немъ любопытнымъ. Особенно полезно было для меня время, когда я въ 1813 году былъ судьею въ Борзой-Паланкѣ: тутъ я внимательно слушалъ судящихся селянъ, и всякое слово, мнѣ незнакомое, немедленно замѣчалъ на бумагѣ, безъ всякой литературной цѣли, о которой тогда мнѣ и не грезилось, а такъ, для себя. Еще легче мнѣ было знать и узнавать обычаи народа: я самъ въ нихъ участвовалъ, зналъ ихъ, какъ знаетъ всякій селянинъ, не испортившій своихъ сельскихъ понятій понятіями городскими; любилъ ихъ и любилъ объ нихъ распрашивать, какъ любопытный мужикъ.... Впрочемъ, что я сдѣлался писателемъ и даже такимъ писателемъ, какимъ вы меня понимаете, я обязанъ единственно Копитару. Въ 1813 году, въ одно время съ Геор-

Digitized by Google

гіемъ Черным, и я оставилъ Сербію и пріѣхалъ въ Вѣну, самъ не зная и не думая, что̀ изъ меня будетъ. Копитаръ, хоть и былъ еще молодъ въ то время, но былъ уже цензоръ; цензурѣ его принадлежали между прочимъ и «*Сербске Новине*,» которыя тогда издавали въ Вѣнѣ Фрушичь и Давидовичь. Копитаръ убѣждалъ издателей заняться составленіемъ чисто Сербской грамматики, представляя имъ тутъ же, что языкъ, которымъ они пишутъ, не можетъ быть чисто Сербскимъ. Отъ предложенія Копитарова они не отказывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не знали другаго языка, кромѣ того, на которомъ писали и говорили, а языкъ простаго народа считали языкомъ пастуховъ, языкомъ свиньярскимъ и говядарскимъ. Въ это время написалъ и я статейку о паденіи Сербіи въ видѣ письма къ Георгію Черному и подалъ въ цензуру. Доставшись въ руки Копитару, она обратила на себя его вниманіе странностію языка. Копитаръ пожелалъ меня увидѣть, и сблизился со мною. Между разговорами была рѣчь и о народныхъ Сербскихъ пѣсняхъ. Копитаръ, увидя, что я ихъ знаю много, сталъ меня убѣждать записывать ихъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а потомъ и съ Богомъ, печатать. «*Э шта ћу!*» (ну, что будешь дѣлать), меня это заняло, и я давай писать пѣсни; а чего самъ не зналъ, то спрашивалъ у моей родственницы, жены С. В. Живковича, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхалъ въ Вѣну. Набралась порядочная тетрадь ихъ и вышла въ свѣтъ подъ именемъ «*Сербске простонародне песмарице.*» Въ то же время, слыша отъ Копитара о грамматикѣ, и самъ не зная, какъ писать грамматику, я сталъ предлагать Фрушичу и Давидовичу писать Сербскую грамматику вмѣстѣ, чтобы

Digitized by Google

они помогали мнѣ своимъ искусствомъ, а я имъ своимъ знаніемъ Сербскаго языка. «*Э, проѣи се будалаштине!*» (оставь эту глупость) отвѣчали они, и такъ это и осталось. Образуясь однако все болѣе разговорами съ Копитаромъ, все болѣе чувствуя потребность Сербской грамматики для самого себя, я рѣшился попробовать написать ее самъ, и, взявши подъ руку Славянскую грамматику Мразовича, сталъ переписывать изъ нея склоненія и спряженія, поправляя по Сербски. Эта жалкая проба Сербской грамматики, которой я долженъ теперь стыдиться, была напечатана въ 1814 году. Копитаръ не скрывалъ отъ меня недостатковъ этой книжонки; но радъ былъ, что она напечатана уже потому, что надѣялся на мое честолюбіе, на то, что я не захочу остаться только при такомъ началѣ, и, убѣждая трудиться далѣе, совѣтовалъ приготовлять себя къ труду грамматическому другими вспомогательными трудами. По его совѣту, ѣздя въ Срѣмъ и Карловцы, я продолжалъ собирать народныя пѣсни, и, воротясь въ Вѣну, издалъ вторую книжку «*Пѣсмарицы*,» посвятивъ ее Копитару. — И прежде уговаривалъ меня Копитаръ заняться собраніемъ народныхъ Сербскихъ словъ; я и обѣщалъ ему; но все изъ этого ничего не было. Однажды наконецъ пришелъ онъ ко мнѣ, принеся съ собою цѣлую стопу бумаги, разрѣзанную на лоскутки. «Припоминайте-ка себѣ слова, какія знаете, что употребляются народомъ, и записывайте на этихъ лоскуткахъ, каждое на отдѣльномъ лоскуткѣ. Мало по малу наберется ихъ и цѣлый словарь.» Работа была не трудная, и я сталъ ею заниматься прилежно. Чтобы облегчить меня еще болѣе, Копитаръ подарилъ мнѣ для просмотра сло-

Digitized by Google

варь Вольтиджи, а потомъ и словарь Бѣлостенца, Ямбрешича, Стулли. Я впрочемъ болѣе просматривалъ эти словари, чѣмъ читалъ, писалъ на лоскутки слова больше изъ головы, и никогда не бралъ изъ словарей такихъ словъ, о которыхъ не могъ сказать съ увѣренностію, что они употребляются въ народѣ. Возвратившись въ концѣ 1816 года въ Вѣну, я привезъ съ собою уже порядочно большую книгу лоскутковъ съ Сербскими словами. Тогда началась у насъ работа вмѣстѣ съ Копитаромъ. Онъ приходилъ ко мнѣ каждый день передъ вечеромъ, не глядя ни на дождь, ни на грязь, и мы просиживали до свѣта. Я бралъ лоскутки одинъ за другимъ и объяснялъ ему значеніе каждаго слова, объяснялъ до тѣхъ поръ, пока видѣлъ, что Копитаръ совершенно понялъ, а Копитаръ переводилъ слова по Нѣмецки и по Латыни, справляясь въ случаяхъ сомнительныхъ съ лексиконами Аделунга, Шеллера и др. Иногда, гдѣ ему казалось нужнымъ, онъ заставлялъ меня записать примѣръ, который бы могъ облегчить уразумѣніе смысла слова, или цѣлое описаніе предмета, обычая и т. п. Каждый день подвигалъ нашу работу впередъ, и лексиконъ такимъ образомъ былъ готовъ къ печати, и напечатанъ въ 1818 году. Это время ежедневныхъ разговоровъ съ Копитаромъ останется для меня навсегда незабвеннымъ: тогда-то мое прежнее, хоть и подробное, но безотчетливое знаніе Сербскаго языка оживилось отчетливостію; каждый день была возможность подумать и о формѣ слова, и о его грамматическихъ измѣненіяхъ и о различіи произношенія по мѣстнымъ говорамъ, и о синтаксическихъ сложеніяхъ словъ.... Такъ поставленный на ноги Копитаромъ, я мало по малу ознакомился съ своимъ дѣломъ,

Digitized by Google

и теперь—вы знаете, какое удовольствіе доставляютъ мнѣ мои литературныя занятія. Я не ищу славы, не стараюсь заслужить похвалы многихъ: я бы желалъ, чтобы, по моей смерти, человѣкъ, знающій дѣло, могъ, читая мои книги, быть увѣренъ, что я вѣрно передавалъ, что̀ зналъ. Пиша что бы то ни было, я всегда думаю, что̀ скажетъ объ этомъ Копитаръ, или Шафарикъ, или Гриммъ; а о другихъ не забочусь. «*Нека вичу како им драго; свему свијету нико угодити не може*» (пусть себѣ кричатъ; всему свѣту никто не угодитъ).»

И вотъ прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Вукъ въ первый разъ выступилъ на литературное поприще. Всѣ главные труды его окончены, или приходятъ къ концу. Матеріалы, имъ собранные и еще не изданные, состоятъ изъ однихъ только дополненій и поправокъ того, что уже имъ издано. Къ заслугамъ своимъ онъ можетъ прибавить очень немногое, и кто бы захотѣлъ оцѣнить этѣ заслуги, тому довольно знать и одно то, что уже сдѣлано Вукомъ. Не съ тѣмъ однако, чтобы оцѣнять заслуги, оказанныя Вукомъ литературѣ Сербской, предположилъ я себѣ сдѣлать перечень фактовъ его литературной жизни; пусть имъ воспользуется для этой цѣли кто другой, если найдетъ его достойнымъ; мое дѣло—только указать, что сдѣлано Вукомъ.

Начнемъ съ его трудовъ языкословныхъ.—Главный изъ нихъ есть—«*Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечима, скупно и на свијет издао Вук Стефановић у Бечу.* 1818». (8° LXXXI+828). Какъ словарь, эта книга не заклю-

Digitized by Google

чаетъ въ себѣ, конечно, полнаго собранія Сербскихъ словъ, и при второмъ изданіи, которое Вукъ издавна приготовляетъ, увеличится почти вдвое; но, съ другой стороны, къ ней же, какъ къ лучшему Сербскому Словарю, всякій, изучающій Сербское нарѣчіе, можетъ обращаться съ полною довѣренностію: въ ней найдетъ онъ только то, что дѣйствительно принадлежитъ Сербскому нарѣчію, будь оно Славянское или чужестранное, принятое цѣлымъ народомъ, а не по прихоти частныхъ людей,—и все объяснено, хотя не всегда съ одинаковою полнотой и подробностію, но всегда вѣрно. Вниманія читателей не могутъ не обратить особенно объясненія этнографическія, важныя, часто необходимыя для уразумѣнія памятниковъ народной Словесности. До сихъ поръ, и прежде и послѣ Вука, составители Словарей, и Славянскихъ и другихъ, на эту часть заботъ, имъ принадлежащихъ, или очень мало, или и вовсе не обращали вниманія, представляя ихъ Этнографамъ, Археологамъ и т. п. Вукъ первый понялъ, что Словарь языка долженъ быть не однимъ дополненіемъ къ его грамматикѣ, а полнымъ пособіемъ для изученія всѣхъ элементовъ образованности народа въ ея мѣстномъ развитіи, и что если составитель Словаря обязанъ объяснить каждое слово, то тѣмъ болѣе долженъ заботиться о вѣрномъ объясненіи словъ, по своему значенію принадлежащихъ только народу, котораго языкъ онъ описываетъ. Не менѣе важно въ Словарѣ Вука то, что въ немъ обращено вниманіе на разнообразіе удареній въ словахъ и употреблено правописаніе, совершенно послѣдовательное, устраняющее всякое сомнѣніе о томъ, такъ или иначе должно выговорить слово.

Digitized by Google

Немногіе еще изъ писателей Сербскихъ слѣдуютъ этому правописанію, образцовому въ литературѣ Славянской; увлекаясь привычкой къ правописанію старому, Сербо-Славяно-Русскому, многіе бранятъ Вука,—но между тѣмъ все болѣе сближаются съ нимъ (*).—Къ словарю приложена и краткая грамматика (стр. XXIX—LXX), краткая, но отчетливая, написанная рукою знатока, уже не то, что̀ была его «*Писменица Сербскога іезика по говору простога народа. У Виенни*, 1814». (8° XI+106). Филологамъ Европейскимъ она извѣстна по переводу Я. Гримма (Wuk's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin. 1824 (8° LXXII+104).—Не льзя упустить изъ виду, что Вукъ и въ Грамматикѣ и въ Словарѣ обратилъ

(*) Оставляя неприкосновеннымъ это мнѣніе о Вуковомъ правописаніи, мы не можемъ однакожъ не высказать нашего несогласія въ этомъ отношеніи съ авторомъ этой прекрасной статьи. По нашему мнѣнію, вводимое Вукомъ правописаніе—(*свијет* вм. свѣтъ, *љуба* вм. *люба*, *језик* вм. языкъ, и пр.;—примѣры можно видѣть во всѣхъ Сербскихъ словахъ, приводимыхъ въ этой статьѣ и которыхъ правописаніе, употребляемое въ присланной намъ рукописи, мы старались со всею точностію соблюсти въ печати)—есть заблужденіе, единственное пятно въ его учено-литературной дѣятельности. Здѣсь только погрѣшилъ онъ противъ народности, и его правописаніе особенно какъ-то не клеится съ его чистымъ, правильно-народнымъ слогомъ. Народный духъ языка высказывается равно и въ случайностяхъ и въ законахъ неизмѣнныхъ: первыя выражаютъ произношеніе, слогъ, вторыя письмо. Не желаемъ у насъ подражателей Вуку въ его нововведеніи: выключите изъ нашего письма букву *з*, и останется одинъ шагъ для перехода къ Латинской или нынѣшней Чешской азбуки.—*Ред.*

Digitized by Google

вниманіе на различіе мѣстныхъ говоровъ Сербскихъ и отчасти тамъ, отчасти въ другихъ сочиненіяхъ объяснилъ его довольно вѣрно.—Меньшаго объема труды языкословные напечатаны Вукомъ въ Денницѣ, Календарѣ, имъ издаваемомъ. Такъ въ книжкѣ за 1826 годъ помѣщены:—«*Почетак описанија Српски намастира* (стр. 1—40),—*Главне разлике између данашњега Славенскога и Сербског језика* (стр. 41—69),—*Одговор рускомс рецензенту* (стр. 95—106); въ книжкѣ за 1827 годъ:—*Оглед Српскога буквара* (стр. 1—25); въ 1828:—*Главна свршиванья суштествителни и прилагателни имена у Српском језику* (стр. 1—135). Отдѣльно напечатанъ *Одговор на ситнице језикословне, у Бечу*. 1839 (8°—19). Каждая изъ этѣхъ статей, можно сказать, необходима для изучающаго Сербское нарѣчіе, и не по предположеніямъ и догадкамъ, а по фактамъ, по выводамъ глубокаго, сознательнаго знанія языка.

Болѣе общее вниманіе заслужили тѣ труды Вука, въ которыхъ онъ показалъ себя, какъ искусный собиратель и объяснитель памятниковъ народной Словесности Сербской. Пѣсни, сказки, пословицы, загадки, все, что можно назвать памятникомъ Словесности народа, все обращало на себя ревностное вниманіе Вука, и все передано съ такимъ уваженіемъ къ славѣ народной, что въ этомъ отношеніи Вукъ остается образцемъ и дѣятельности и умѣнья.—Его *Мала простонародња Славено-Сербска песмарица* (*У Бечи* I: 1614, II: 1817) была только началомъ, за которымъ послѣдовало самое блестящее продолженіе. Второе изданіе пѣсенъ, заставившее совершенно забыть о первомъ, вышло подъ названіемъ; *Народне Српске пјесме, скупио и на*

Digitized by Google

свијет издао Вук Стеф. Караџић, Књига 1—111 *у Липиисци*, 1823—1824 (LXII+316, 305, 399), *Књига* IV *у Бечу*, 1833 (XLIV+352). Пѣсни переданы совершенно вѣрно безъ всякихъ измѣненій, только по лучшимъ спискамъ, все необходимое объяснено; обращено вниманіе на языкъ, слогъ, мѣру. Если чего недостаетъ, то развѣ историческихъ примѣчаній. Изъ этого изданія Европа въ первый разъ узнала эпическую геніяльность Сербскаго народа и высокую степень совершенства, до которой Эпопея можетъ достигнуть у народа простаго, не цивилизованнаго. Четыре пѣсни въ дополненіе къ этому изданію помѣщены Вукомъ въ его Денницѣ (1826 стр. 107—120, 1829; стр. 44—56). Множество другихъ собралъ онъ послѣ; и такъ какъ предъидущее изданіе все разошлось, онъ предпринялъ новое, дополненное и еще лучше составленное, подъ тѣмъ же названіемъ: двѣ огромныхъ книги уже вышли (у Бечу 1841—44); остается еще одна; если только Вукъ успѣетъ въ ней помѣстить все, что собрано имъ.—Огромное собраніе пословицъ Сербскихъ Вукъ издалъ въ Черногоріи: *Народне Српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. На Цетиньу.* 1836 (8°—L+362). Почти всѣ пословицы, требовавшія объясненія, объяснены; на всѣхъ оставленъ мѣстный колоритъ; у многихъ, не обще извѣстныхъ, означено мѣсто, гдѣ слышаны. Можно пожалѣть развѣ о томъ, что не сдѣлано общаго обозрѣнія содержанія пословицъ и не приложенъ словарь тѣхъ словъ, которыхъ нѣтъ въ Вуковомъ словарѣ.—Нѣсколько сказокъ Сербскихъ напечаталъ Вукъ отдѣльною книжкой: *Народне Српске приповијетке, написао В. С. У Бечу.* 1821 (8° 48).

Digitized by Google

нѣсколько другихъ въ Денницѣ (1828: стр. 235—240, 1829: стр. 34—41, 1834: стр. 89—95) и въ объясненіяхъ къ пословицамъ. Въ концѣ книги сказокъ помѣщено и собраніе загадокъ (стр. 33—48). Не льзя не пожелать, чтобы эта послѣдняя часть трудовъ Вука была дополнена тѣмъ, что имъ собрано послѣ, и издана съ такоюже тщательностію, какъ изданы имъ и пословицы.

Здѣсь же упомяну, что Вукъ первый обратилъ вниманіе на нарѣчіе Болгарское. Ему посвященъ его *Додатак к Санктпетербургским сравнителным рјечницима свију језика и нарјечија с особитим огледима Бугарског језика*; *написао Вук Стефановић*, У Бечу 1822 (4°—54). Книга эта была издана въ то время, когда никто не имѣлъ понятія о Болгарскомъ нарѣчіи, когда самъ Добровскій пропускалъ его еще изъ числа нарѣчій Славянскихъ: въ ней помѣщено и краткое грамматическое обозрѣніе, и собраніе народныхъ пѣсенъ.

Услуги Вука въ отношеніи къ Исторіи и Этнографіи Сербской останутся также навсегда незабвенны. Все, что написалъ онъ по этой части, не есть ни сборъ, ни выборъ изъ другихъ книгъ, а наблюденія современника. Конечно и онъ, какъ и всякій другой современникъ, не оставался равнодушнымъ наблюдателемъ, тѣмъ болѣе потому, что все это касалось его отечества, его народа; однако умѣлъ скрывать и свое пристрастіе, и, хотя не досказывалъ того, чего не хотѣлъ сказать; но за то и никогда никѣмъ не былъ обличенъ въ умышленномъ представленіи обстоятельствъ. Точно такъ, какъ его словарь или грамматика, могутъ быть попол-

Digitized by Google

нены и его Историческія записки; но все написанное можетъ остаться безъ выпусковъ.

Смолода Вукъ сдѣлался лицемъ дѣйствующимъ въ обстоятельствахъ, волновавшихъ и оживлявшихъ Сербію. Такъ уже въ 1804 года, при самомъ началѣ Сербскаго возмущенія, будучи только семнадцатилѣтнимъ юношей, онъ былъ призванъ въ лагерь и сдѣлался писаремъ у извѣстнаго Чурчіи. Позже, въ 1807 году, послѣ неудачъ на поприщѣ учебномъ, онъ былъ писаремъ у Якова Ненадовича, а потомъ переѣхалъ въ Бѣлградъ, какъ писарь Сербскаго Совѣта. Болѣзнь и леченье (1808—1810) отвлекли его отъ Сербіи; но въ 1810 году, воротившись опять въ Сербію, онъ былъ сначала учителемъ въ Бѣлградскомъ училищѣ, потомъ въ 1811—таможеннымъ Секретаремъ въ Крадовѣ, а въ 1812 былъ посланъ въ Неготинъ, какъ Коммисаръ отъ Совѣта, и тамъ сдружился съ знаменитымъ Гайдукомъ Вельком Петровичемъ, и оттуда былъ посылаемъ Георгіемъ Чернымъ по разнымъ дѣламъ къ Молла—Пашѣ Видинскому. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ, по назначенію Георгія Чернаго, Судьею въ Борзой-Паланкѣ, а потомъ, когда началась война, перешедши служить въ Бѣлградъ, два раза былъ посылаемъ по разнымъ дѣламъ въ Поречь. Возвращаясь во второй разъ въ Бѣлградъ, онъ не могъ уже туда попасть: на Дунаѣ были уже Турки. Онъ оставилъ Сербію, и изъ Шанчева поѣхалъ въ Вѣну. Обстоятельства политическія и занятія литературныя отвлекали Вука отъ Сербіи, но не заставили его забыть о ней. Въ 1816 году онъ ѣздилъ въ Сербію, думая остаться тамъ служить, и воротился въ Вѣну, ничего не достигши. Въ 1820 году, уже будучи женатымъ и

Digitized by Google

съ литературною извѣстностію, пріѣзжалъ опять въ Сербію съ намѣреніемъ завести въ Бѣлградѣ, по примѣру Русскому, училище взаимнаго обученія, и учить Князя Милоша читать и писать,— и опять уѣхалъ изъ Сербіи, не достигши желаемаго. Въ 1822 и 1827 онъ посѣщалъ Сербію по своимъ литературнымъ дѣламъ. Пріѣхавши опять въ Сербію въ 1828 году, онъ получилъ отъ Князя Милоша предложеніе заняться составленіемъ законовъ для Сербіи, долго отказывался, но наконецъ принужденъ былъ согласиться и остался въ Сербіи на три года; 1829 —1830 занимался составленіемъ законовъ, а въ 1831 году онъ былъ Президентомъ Бѣлградскаго Магистрата. Въ это время онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ правительствомъ Сербскимъ, будучи самъ однимъ изъ членовъ его, и имѣлъ средство узнать лучше и народъ, и землю, и лица, дѣйствовавшія на сценѣ возрожденія Сербіи. Милоша, какъ избавителя и устроителя Сербіи, онъ не могъ не уважать, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ равнодушно глядѣть на его Турецкій деспотизмъ, и, удалившись въ 1831 году въ Землинъ, Вукъ написалъ ему письмо, въ которомъ представилъ ему состояніе Сербіи и его погрѣшности, упрашивая его измѣниться и предрекая судьбу, какая должна его постигнуть, если онъ не измѣнитъ своего поведенія, и какая точно его постигла. Послѣ этого возвратиться ему въ Сербію было уже невозможно, а между тѣмъ и правительство Австрійское не позволяло ему оставаться въ Землинѣ, требуя отъ него удалиться за границу. Вукъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, подавалъ просьбу за просьбой, и уже только въ концѣ 1832 года получилъ приказаніе переѣхать

Digitized by Google

въ Пештъ, а потомъ и позволеніе поселиться въ Вѣнѣ. . . . . Въ 1834 году Вукъ ѣздилъ въ первый разъ въ Адріатическое Приморье, посѣтилъ Боку Которскую, Дубровникъ и жилъ въ Черногоріи. Въ 1837 году онъ совершилъ путешествіе по Венгріи, Славоніи и Кроаціи; въ 1838 снова былъ въ Славоніи и Далмаціи; въ 1839 снова въ Сербіи, не заставши уже Милоша Княземъ; въ 1841 году онъ путешествовалъ въ Далмацію, Черногорье, Кроацію, Славонію и Сербію вмѣстѣ съ Русскими путешественниками, Княжевичемъ и Надеждинымъ. Измѣненіе обстоятельствъ въ Сербскомъ Княжествѣ и участіе въ судьбѣ Милошева семейства заставили его побывать еще раза два въ Сербіи. — Припоминаю все это для того, чтобъ показать, что Вуку не трудно было узнать и народъ Сербскій въ разныхъ его частяхъ, и землю и современное положеніе дѣлъ. Все это онъ высказывалъ во многихъ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Географіи, Этнографіи и современной Исторіи Сербовъ.

Я уже упомянулъ, что множество этнографическихъ примѣчаній вставлено Вукомъ въ Словарь. Изъ нихъ однихъ можно составить прекрасное описаніе нравовъ и обычаевъ Сербовъ. Не знаю, какъ думаетъ Вукъ теперь, но въ то время, когда мы были съ нимъ близки, въ 1841—1842 году, его занимала мысль воспользоваться, между прочимъ, и ими для подробнаго описанія Сербскаго народа. Для этого служило-бъ ему пособіемъ *географическо-статистическое описаніе Сербіи*, помѣщенное имъ въ Денницѣ (1827: стр. 25-128, 1828: стр. 222—234, 1826: и пр.—1—40). Описаніе Черногорья и Черногорцевъ было у него готово уже давно, и

Digitized by Google

вышло на Нѣм. языкѣ: Montenegro und die Montenegriner Stuttg u. Tübing. 1837. (8°, 114 стр.)

Возвратившись изъ Черногорья, гдѣ былъ болѣе мѣсяца въ 1834 году и гдѣ, посѣщая нахіи Катунскую, Рѣчкую и Черничкую, успѣлъ собрать много свѣдѣній о народѣ, правительствѣ и его отношеніяхъ къ Туркамъ, онъ сталъ писать свои записки обо всемъ этомъ, и послалъ небольшой отрывокъ къ Коттѣ въ Штутгартъ, и Котта, напечатавши его, помнится — въ Ausland, просилъ Вука сообщить ему о Черногоріи свѣдѣнія болѣе подробныя. Съ помощію одного Нѣмца, Вукъ перевелъ сокращенно свои записки и послалъ Коттѣ, полагая, что эта статья будетъ напечатана также въ журналѣ; но Котта, увидя, что статья по своей величинѣ можетъ быть издана отдѣльною книжкой, напечаталъ ее въ своемъ собраніи Reisen u. Länderbeschreibungen, какъ особенную часть его. Такъ вышло сочиненіе Вука на Нѣмец. языкѣ. Вукъ однако не терялъ надежды издать его по Сербски и въ гораздо болѣе полномъ видѣ.

Два важнѣйшія изъ его историческихъ сочиненій: а) *Прва и друга година Српскога војеванья на даије* (*Даница*, 1828: стр. 136—221, 1834: стр. 25—54); б) *Милош Обреновић, Књазь Сербіи, грађа за Српску Историју нашега времена. У Будиму.* 1828 (8 стр. 204). Замѣчательны также его краткія жизнеописанія знаменитыхъ Сербовъ (Даница, 1826: стр. 70—94, 1829: стр. 1—31). При этомъ нельзя не вспомнить о знаменитомъ Историкѣ Ранке. Въ 1828 году онъ пріѣзжалъ въ Вѣну, познакомился съ Вукомъ, распрашивалъ его о Сербіи, и наконецъ вздумалъ написать книгу о Сербіи въ ея современномъ положеніи. Для этого онъ съ Ву-

Digitized by Google

комъ сходился почти ежедневно, записывалъ подробно его разсказы, прочитывалъ ему потомъ, что писалъ, сталъ по частямъ печатать: такимъ образомъ составилась книга: Die serbische Revolution. Aus Serbischen Papieren und Mittheilungen von Leop. Ranke. Hamburg. 1829. Она только написана Ранке, а все содержаніе. можно сказать, даже духъ разсказа принадлежитъ Вуку. Впрочемъ Ранке не забылъ Вука, когда вышла книга: онъ прислалъ ему половину платы, полученной имъ за нее отъ книгопродавца. Статью о Боснѣ—über die letzten Umwandlungen in Bosnien, въ Politische Zeitschrift, 1834, 2-te Liefer., написалъ Ранке также по разсказу Вука, и прислалъ ему также половину гонорара. Гораздо смѣлѣе поступилъ Буе въ своей: La Turquie d'Europe (Paris 1840. 4 части): все, что тамъ есть о Сербіи и Сербахъ, ея нравахъ и современной Исторіи, все Вуково, частію извлечено изъ напечатаннаго, частію записано по разсказамъ,—и въ знакъ благодарности Вукъ получилъ только похвалы въ книгѣ, похвалы, не рѣдко въ искаженномъ видѣ представляющія его литературное значеніе. Я уже не говорю о компиляціяхъ, изданныхъ въ Германіи и Австріи, гдѣ часто о Вукѣ нѣтъ и помину, и между тѣмъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что напечаталъ Вукъ. Все это впрочемъ показываетъ, какъ важно свидѣтельство Вука о современной Исторіи Сербской.

Нельзя окончить этого перечня, не упомянувъ о томъ, что Вукъ въ своихъ сочиненіяхъ хотѣлъ не только описывать все Сербское, но и быть писателемъ народнымъ. Доказательствомъ этому служить можетъ, между прочимъ, и его переводъ Новаго Завѣта. Онъ начатъ по

Digitized by Google

предложенію библійскаго общества, послѣ поѣздки въ Петербургъ въ 1818—1819, и оконченъ довольно скоро; но къ сожалѣнію попался въ жалкія руки А. Стойковича, человѣка образованнаго, но вовсе не понимавшаго духа и особенностей Сербскаго нарѣчія. Стойковичъ измѣнилъ переводъ Вука по своему, исказивши чисто Сербскій слогъ Вука фразами и словами какого-то несуществующаго нарѣчія,— и въ такомъ искаженномъ видѣ вышелъ этотъ Новый Завѣтъ, будто переведенный Стойковичемъ въ Лейпцигѣ, въ 1834. (У Таухница 8° 628 стр.) Что не таковъ вышелъ онъ изъ подъ пера Вукова, свидѣтельствомъ этому служатъ отрывки, изданные Вукомъ во время его путешествія въ Германію: *Вука Стеф. Караџића, Огледи светога писма на Српском језику. У Липисци.* 1824. (8° IV+25). Вукъ приготовилъ еще общую книгу для народнаго чтенія, что-то въ родѣ Календаря и вмѣстѣ ручной Энциклопедіи для простаго народа, книгу, которая была бы необходима для Сербовъ при теперешнемъ состояніи ихъ просвѣщенія; но къ сожалѣнію обстоятельства всегда его отвлекали отъ этого добраго дѣла. Это тѣмъ болѣе жаль, что, кромѣ Вука, по крайней мѣрѣ, теперь, нѣтъ еще писателя, который бы такъ умѣлъ управлять языкомъ народнымъ, и, оставаясь всегда простымъ, нравиться народу. Да и не одному простому народу Вукъ можетъ нравиться своимъ языкомъ и слогомъ: надолго онъ останется образцомъ не для однихъ Сербовъ. Подобнаго писателя по естественности и правильности выраженія нѣтъ теперь ни у одного изъ Западныхъ Славянскихъ народовъ,—и тѣмъ важнѣе заслуга его въ литературѣ Сербской, что онъ засталъ

Digitized by Google

ее въ отношеніи къ языку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ рукахъ людей, не только не знавшихъ языка, на которомъ они хотѣли писать, но и не желавшихъ знать, предполагавшихъ, что учиться языку народъ долженъ у нихъ, а не они у народа, что они и судьи и владыки языка. Не всѣ уже впрочемъ такъ думаютъ: такъ между прочимъ новая школа, такъ называемыхъ Иллировъ, въ Загребѣ, за честь себѣ ставитъ изучать языкъ и слогъ Вука и подражать ему.

Труды Вука были впрочемъ всегда оцѣняемы по заслугамъ. Во время путешествія въ Россію (*) онъ сдѣланъ былъ членомъ Общества Любителей Русской Словесности и членомъ Краковскаго Общества Наукъ,

---

(*) Вукъ былъ въ Россіи, кажется, въ 1820 г. Это путешествіе его любопытно и важно во многихъ отношеніяхъ. Оно познакомило насъ, можетъ быть, впервые, съ Сербскою Литературою, особенно народною. Его указаніями воспользовался, кажется, покойный Калайдовичъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ рукописей Патріаршей Библіотеки. Въ Вѣстникѣ Европы, который издавалъ покойный, Проф. Каченовскій, стали тогда появляться статьи о Сербской Литературѣ: онѣ были бы интересны и даже новы и въ наше время. Въ 1820 году, въ 112 части Вѣст. Евр. (стр. 112 и 208) помѣщена любопытная статья *о Сербскихъ народныхъ пѣсняхъ*, по случаю Вукова изданія этихъ пѣсней. Въ 1823 г. въ N° за Май и Іюнь мѣсяцы помѣщенъ переводъ письма Вука Стефановича къ Фрушичу изъ Прибавленія къ 68 числу Новинъ Сербскихъ, письма важнаго для Вуковой Біографіи. — Въ Кіевѣ Вукъ былъ радушно принятъ покойнымъ Митрополитомъ Евгеніемъ. Въ письмѣ къ И. М. Снегиреву покойный Евгеній писалъ тогда съ особеннымъ удовольствіемъ объ этомъ знакомствѣ. — *Ред.*

Digitized by Google

въ 1823 году во время путешествія въ Германіи, гдѣ былъ обласканъ Гёте, Фатеромъ, Бетигеромъ, Гриммомъ и другими, онъ получилъ отъ Іенскаго Университета почетный Дипломъ на степень Доктора Философіи. Позже онъ принятъ членомъ Геттингенскаго Общества Наукъ, Московскаго и Одесскаго Обществъ Исторіи и Древностей. Въ 1841 году Государь Императоръ наградилъ его литературные труды большою золотой медалью. Пособія денежныя онъ получалъ отъ Князя Милоша, отъ Черногорскаго Владыки, отъ Графа Румянцова, отъ Россійской Академіи и покойнаго Министра Шишкова. По ходатайству Шишкова, онъ получаетъ ежегодно пенсіи 100 червонцевъ въ годъ съ 1826 года, а съ 1839 года Правительство Сербское высылаетъ ему также пенсію, въ годъ по 400 гульденовъ.

Да подкрѣпитъ Всевышній жизнь этого труженика науки! Да подастъ ему силы окончить все, имъ предпринятое! А Сербамъ и всѣмъ Славянамъ нельзя не быть ему благодарнымъ: онъ одинъ изъ немногихъ современныхъ писателей Славянскихъ, которыми могутъ безукоризненно гордиться Славяне передъ иностранцами.

Digitized by Google

Digitized by Google

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ ВѢНЫ.

И. Ригельмана

Digitized by Google

Digitized by Google

ПИСЬМО I.

Я обѣщалъ Вамъ писать о впечатлѣніяхъ моей заграничной поѣздки, — но, искренно сознаюсь, что врядъ-ли бы приступилъ къ нѣсколько отчетливому исполненію своего обѣщанія, если-бы случай не остановилъ меня на долгое время въ Вѣнѣ и не привелъ бы потомъ на нашу родную Славянскую почву. — Лѣнь, самолюбіе, были издавна причиною, которая часто препятствовала мнѣ сказать свое слово о томъ, что могло быть также хорошо извѣстно и безъ меня, или передано лучше другими. — Въ самомъ дѣлѣ, согласись, что могъ я сказать тебѣ новаго о Германіи, которую проѣхалъ поперегъ, и объ Италіи, гдѣ прожилъ зиму. Изучать подробности, разложить элементы жизни, у меня не доставало времени, передавать-же тебѣ голыя впечатлѣнія — было-бы крайнею самонадѣянностію. Нѣтъ ничего легче, какъ метать опредѣленія изъ почтовой кареты о нравахъ, обычаяхъ, направленіи умственномъ народа; по собѣсѣдникамъ общаго стола, или спутникамъ на параходѣ заключать объ общественномъ мнѣніи, по удобству гостинницъ и чистотѣ мостовой объ успѣхахъ образованія; —

Digitized by Google

этотъ легкій способъ чрезвычайно соблазнителенъ, но моя тяжелая натура не поддается на подобную приманку; если-же что и досталось мнѣ за эту дешевую цѣну, то я берегу это про себя, какъ едва набросшенный дагеротипный оттискъ, которому пагубно малѣйшее прикосновеніе свѣта. Притомъ, въ нашъ вѣкъ единичной самостоятельности и самоувѣренности, когда всякій глубокомысленно обнимаетъ и политику и науку и жизнь разныхъ народовъ, кто станетъ заботиться о мнѣніи неизвѣстнаго путешественника, кто повѣритъ ему на слово? Но когда я очутился на полѣ Славянства, такъ обильно засѣянномъ зёрнами будущаго развитія, зародышами новой всемірной эпохи — я почувствовалъ, что надо отложить самолюбіе въ сторону. Было-бы грѣшно Русскому, знакомому съ элементами новой Славянской жизни, не вникнуть въ нее глубже, имѣя на то время и способы. Было-бы грѣшно — вникнувши, таить про себя сознаніе ея великаго значенія, и не присоединить своего слабаго голоса къ тѣмъ немногимъ голосамъ, которые говорили уже о ней въ нашемъ отечествѣ, заглушаемые говоромъ несвѣдущихъ, близорукихъ и недоброжелателей.

Но прежде, нежели я приступлю къ главному предмету, считаю не лишнимъ сказать тебѣ нѣчто о мѣстѣ, гдѣ я наиболѣе сблизился съ Славянами, и откуда всего яснѣе можно обозрѣвать совокупность ихъ движенія, куда примыкаетъ борьба ихъ съ чуждыми элементами,—я говорю о Вѣнѣ, какъ первенствующемъ городѣ Австрійскаго государства.

Въ Вѣну я прибылъ въ началѣ Октября прошлаго года; а потому зналъ ее сначала въ шубѣ, или ско-

Digitized by Google

рѣе въ пальто, теперь вижу ее въ лѣтнемъ костюмѣ. Семимѣсячное пребываніе конечно достаточно, чтобы пріобрѣсть довольно ясное понятіе о городѣ, который имѣетъ значеніе Европейское, только какъ мѣстопребываніе кабинета сильной имперіи, и котораго вліяніе нравственное, слава Богу, не простирается даже на всю Австрію.

Вообще въ сѣверной и западной Германіи имѣютъ очень не высокое понятіе объ Австрійской образованности; рѣдко и почти съ пренебреженіемъ говорятъ о здѣшней дѣятельности умственной и художественной. Когда же пріѣдешь въ Вѣну и разговоришься съ первымъ Вѣнцемъ, то подумаешь, что напалъ на человѣка съ другаго свѣта, — съ такимъ восторгомъ отзывается онъ о своемъ городѣ, превознося его до небесъ. Сначала трудно объяснить это противорѣчіе; но, вглядѣвшись нѣсколько въ пустоту и ничтожество Вѣнской жизни, невольно долженъ пристать къ мнѣнію Нѣмцевъ объ ихъ Австрійскихъ братьяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Вѣна и вообще Австрія не приноситъ въ настоящее время никакой дани Нѣмецкой образованности, едва слѣдитъ за нею, и то издали, только въ матеріальныхъ интересахъ, чуждыхъ національности. Въ настоящее время я не знаю здѣсь ни одного имени, съ авторитетомъ на всю Германію, имени, которое-бы помѣщалось въ спискѣ первокласныхъ знаменитостей науки, искусства, тѣмъ менѣе общественной дѣятельности. Въ отношеніи къ наукѣ, Австрія никогда не занимала передняго мѣста, — всегда она была лѣнивымъ ученикомъ, изгнаннымъ на послѣднюю лавку.—Столица государства обыкновенно сосредоточиваетъ ученыхъ

Digitized by Google

дѣлателей общественнаго сознанія; но, какъ ни безкорыстна всякая ученая дѣятельность, напрасно думаютъ, будто она можетъ существовать исключительно для самой себя; гдѣ нѣтъ отголоска, опоры въ обществѣ, тамъ она не развивается, хилѣетъ и вянетъ. Можно-бы далёко преслѣдовать причины этого явленія, страннаго, если сообразимъ матеріяльныя силы государства, его обширность и господство германскаго элемента, такъ блистательно развивавшаго себя въ самыхъ малыхъ кругахъ своего союза. Конечно, одною изъ главныхъ причинъ было тяготѣніе латинской Церкви, или лучше ея іерархіи и монашескихъ орденовъ, проникавшее во всѣ поры огромнаго тѣла. Этому вліянію должно приписать незавидное состояніе школъ, особенно высшихъ, т. е. университетовъ. Схоластическое преподаваніе, мало приноровленное къ потребностямъ времени, до сихъ поръ господствуетъ въ низшихъ училищахъ, состоящихъ большею частію подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ духовенства. Мало заботятся о развитіи ума: учитель, имѣя опредѣленныя книги для руководства, часто требуетъ одного механическаго ученія наизусть. Разумѣется, ученики, такъ подготовленные, не понимаютъ значенія и требованій университетскаго преподаванія. Я здѣсь умалчиваю о положеніи дѣтей другаго племени, обязанныхъ слушать нѣмецкія лекціи и учиться по нѣмецкимъ книгамъ, въ которыхъ они сначала не понимаютъ ни слова.

Если сравнить состояніе Австрійскихъ университетовъ съ значеніемъ высшихъ учебныхъ заведеній прочей Германіи, то нельзя не подивиться слабости первыхъ. Въ Германіи каждый университетъ есть

Digitized by Google

средоточіе самостоятельной ученой дѣятельности; въ маленькомъ городкѣ вы найдете нѣсколько именъ уважаемыхъ въ учёномъ мірѣ; въ Австріи университеты прозябаютъ незамѣтно, это не болѣе какъ посредственныя школы. Въ Вѣнѣ никто не говоритъ и не слышитъ о профессорахъ, тѣмъ менѣе о студентахъ. Одинъ медицинскій факультетъ удерживаетъ до сихъ поръ за собою нѣкоторую заслуженную знаменитость,—особенно въ практическомъ приложеніи.

Казалось-бы, не трудно слѣдовать по стопамъ знаменитыхъ учителей, своихъ-же соплеменниковъ, если нѣтъ творческаго начала; германская наука могла-бы легко быть усвоена Нѣмецкою Австріею. Но корень неудачныхъ попытокъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, идетъ гораздо глубже, нежели обыкновенно воображаютъ. Я убѣжденъ, причиною этому то, что Австрія не есть Нѣмецкое государство.— Въ недавнее время нѣсколько людей, сумазбродовъ по мнѣнію космополитовъ, — великихъ знаніемъ и стремленіями, по мнѣнію благородно преданныхъ отчизнѣ,—открыли въ Австріи новое племя—Славянское, которое какъ будто вдругъ выросло изъ земли послѣ благодатнаго дождя, тамъ, гдѣ прежде его и не подозрѣвали. Всматриваясь далѣе, замѣтили, что это племя составляетъ свое особенное цѣлое, хотя и раздробленное временемъ и враждебною судьбою, что оно имѣло свою исторію, т. е. особенную самостоятельную жизнь, не рѣдко увѣнчанную лаврами славы и миртомъ мирныхъ искуствъ; наконецъ, что̀ всего важнѣе, что духовный составъ его враждебно противоположенъ Нѣмецкому, и, не смотря на вѣковое подчиненіе политическое,

Digitized by Google

религіозное, на совершенную беззащитность младенческаго образованія передъ состарѣвшимся Нѣмецкимъ, посѣдѣвшемъ въ системѣ нравственнаго порабощенія,—этотъ духовный составъ сохраняетъ свой типъ, и на зло единицамъ, которыя преклоняются передъ необходимостію, продолжаетъ борьбу даже въ сердцѣ враговъ своихъ, даже передаваясь на ихъ сторону.—То, что сначала возбуждало недовѣрчивость и удивленіе—теперь сдѣлалось естественнымъ явленіемъ.—Могло-ли быть иначе съ великою семьёю народовъ, обнимающею шестую долю земнаго шара, которой родословное древо простираетъ свои корни во времена незапамятныя и покрываетъ вѣтвями неизмѣримыя пространства, какія не доставались въ удѣлъ ни одному племени на земномъ шарѣ? Въ жизни человѣчества оно призвано играть столь-же важную роль, какъ и племена Германское и Романское, раздѣляющія съ нимъ Европу. — Въ столкновеніи съ этими народами нѣкоторыя его отрасли должны были погибнуть, могли быть изломаны, обезображены — но громадный стволъ дерева, приливомъ свѣжихъ жизненныхъ соковъ, безпрестанно вознаграждаетъ потерянное, и пускаетъ новые ростки.

Вамъ извѣстно, что Славяне составляютъ половину всего населенія Австріи; другая половина раздѣлена между Мадьярами, Итальянцами, Волохами, Нѣмцами и пр.—Современное намъ возрожденіе Славянства въ Австріи показываетъ, что ей достались не сухія вѣтви нашего племени; на нашихъ глазахъ онѣ воскресли къ самосознанію, въ минуту, когда можно было ихъ считать на-всегда погибшими. Но можно-ли думать, чтобы онѣ гораздо прежде не имѣли

Digitized by Google

вліянія на жизнь государства? Сила Божія воскрешала мертвыхъ людей; но народы умершіе не воскресаютъ. И наши западные братья не были мертвы, а только казались такими. Они имѣли свою долю хотя нѣмаго, страдательнаго участія въ историческомъ развитіи; были исполнителями чужихъ повелѣній, слѣдовали по стопамъ наставниковъ чужаго образованія. — Какъ ни удивляются способности Славянъ усвоивать себѣ все иноплеменное; но, мнѣ кажется, это только способность послушанія, страдательной покорности, къ несчастію, заходившей часто слишкомъ далеко. Нѣмецкій элементъ такъ діаметрально противорѣчитъ Славянскому духу, такъ совершенно чуждъ ему, что внутренняго, органическаго соединенія не могло произойти. Славяне не могли переродиться въ Нѣмцевъ; часть ихъ сдѣлалась только послушнымъ орудіемъ, не болѣе. Совокупность Славянскаго племени останавливала самостоятельное развитіе Нѣмецкаго образованія въ Австріи; во всякомъ случаѣ не могла принимать въ немъ дѣятельнаго участія, не могла придать своихъ производительныхъ силъ ненавистной цивилизаціи, тяготѣвшей насильнымъ принужденіемъ и ухищреніями своей макіавельской системы.—Нѣмцы въ Австріи, окруженные моремъ иноплеменниковъ, то враждебныхъ, то равнодушныхъ къ ихъ призывамъ, предоставленные самимъ себѣ—были обречены на ничтожество. Они употребили свои средства на борьбу насилія, въ которой, уничтожая благороднѣйшее достояніе народа, духовный составъ, и языкъ, какъ его выраженіе,— сами потеряли изъ виду высшія цѣли, предоставленныя Провидѣніемъ народному существованію.

Вотъ, по моему мнѣнію, причина существенная не-

Digitized by Google

завидной роли, доставшейся Австріи въ кругу Нѣмецкихъ владѣній: ее обогнали на всѣхъ путяхъ образованія самые младшіе ея братья.—Не пускаясь въ дальнія изысканія, мы можемъ видѣть слѣдствія этой причины во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни.

Старая и неотвержимая истина, что безъ самостоятельнаго, органическаго развитія самобытныхъ силъ духовныхъ, быть не можетъ достоинства въ произведеніи и всякая дѣятельность неминуемо перерождается въ подражаніе и оставляетъ своимъ плодомъ не собственное созданіе, а копію съ оригинала, чуждаго жизни, насъ окружающей. Сколько подобныхъ опытовъ видимъ мы въ нашемъ отечествѣ, начиная съ техническихъ пріемовъ матеріяльной жизни и до высшей области искуства и словесности. Здѣсь есть впрочемъ существенное различіе въ причинахъ, слѣдственно и въ явленіяхъ. У насъ духъ сохранилъ свою самостоятельность, святилище его осталось не тронутымъ; подчиненіе чужому вліянію было добровольное увлеченіе, чистилище необходимое для молодаго народа, вступившаго въ новый періодъ существованія. Чтобы усвоить новые элементы при столь быстромъ переходѣ, надо было начать слѣпымъ подражаніемъ;—но время самосознанія наступаетъ, мы можемъ по праву надѣяться, что внутреннія силы, покоившіяся до сихъ поръ въ тайникахъ своихъ, выйдутъ на свѣтъ, и бодро овладѣютъ историческою народною жизнію.—Да послужатъ намъ урокомъ и предостереженіемъ печальныя судьбы нашихъ западныхъ братій. Съ горестію надо сознаться, что они подставляли выю подъ иго чужаго образованія еще во время своей политической независимости. Окончательное порабощеніе было,

Digitized by Google

можно сказать, слѣдствіемъ зловреднаго сѣмени, породившаго раздоръ, а потомъ изнеможеніе въ составѣ народнаго тѣла. Такова была судьба Чеховъ которые до Гуса, т. е. въ XIII и XIV в., имѣли уже двѣ партіи — нѣмецкую и народную: когда религіозные вопросы вызвали ихъ на борьбу между собою,—кровавая распря кончилась уничтоженіемъ послѣдней. Народъ, составлявшій особенное государство, не только потерялъ свою независимость, но и существованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова; сталъ умаляться числительно, какъ будто опустошаемый моровою язвою, и только перстъ Провидѣнія не допустилъ ему исчезнуть съ лица земли (*). Тоже, въ другихъ видоизмѣненіяхъ, совершилось съ прочими Славянскими племенами, подпавшими австрійско-нѣмецкому владычеству. Но горе и несчастіе нашего племени не могло обратиться на пользу и славу торжествующему; какъ угрызеніе совѣсти, какъ гробовое привидѣніе, славянскій духъ преслѣдовалъ побѣдителя на всѣхъ его путяхъ и довелъ до изнеможенія. Что̀ ни предпринималъ послѣдній, къ чему ни стремился — всё не удавалось, всё оставалось слабою попыткою, выходило изъ рукъ неконченнымъ, безобразнымъ слѣпкомъ. Посмотрите на

(*) Тому 30 лѣтъ во всей Чешской землѣ было не болѣе десяти человѣкъ, которые сознавали свою Чешскую національность. Собравшись разъ вмѣстѣ, они стали толковать о несчастной судьбѣ отчизны и одинъ изъ нихъ сказалъ: «братья, разойдемся скорѣе: если на насъ упадетъ потолокъ комнаты, то не останется на свѣтѣ ни одного истиннаго Чеха.» Теперь въ Прагѣ выходятъ Чешскіе журналы и Матица Чешская имѣетъ нѣсколько сотъ членовъ.

Digitized by Google

область искусства — на это елисейское поле, гдѣ растетъ благоуханный цвѣтъ нашей духовной природы, гдѣ ублажаются души избранныхъ: участокъ Австріи поросъ крапивой и терніемъ, между которыми свѣтотатственной рукою воткнуты кое-гдѣ искуственные цвѣты изъ воску и тряпокъ.

Обращусь за доказательствами къ Вѣнѣ. Ходя по ея улицамъ, спрашиваешь себя — гдѣ-же слѣды этого многочисленнаго поколѣнія Императоровъ? Неужели оно не оставило послѣ себя величественныхъ памятниковъ, посвященныхъ общественной пользѣ, благочестію, или украшенію царственной столицы, увеселенію ея жителей? Столь долгое, матеріяльно цвѣтущее существованіе должно было воздѣлать почву, довести общество до той степени образованія, когда оно любитъ воздвигать зданія на память потомкамъ, когда дѣятельность въ области изящнаго становится потребностію его жизни. — Напрасно тѣснятся въ васъ эти мысли—вы не находите имъ отвѣта, оправданія. Начиная съ древнѣйшихъ зданій до тѣхъ, гдѣ еще не положенъ послѣдній камень, глазъ простаго наблюдателя находитъ совершенное отсутствіе стиля, соразмѣрности въ частяхъ и вкуса въ подробностяхъ. Соборъ Св. Стефана, строгій, величественный, громадный, посреди необозримаго стада строеній, столпившагося у его подножія, служитъ какъ будто укоромъ мелочному позднѣйшему поколѣнію. Огромное зданіе стоитъ почернѣвшее, почти предоставленное разрушительнымъ стихіямъ, недоконченное; по малому вниманію, которое обращаютъ

Digitized by Google

на него, видно, что мало кто имъ любуется, и еще менѣе принимаютъ участія въ его изяществѣ, цѣнятъ его красоту.—Не говоря уже о томъ, что только одна башня докончена, а надъ другою придѣлана безобразная нахлобучка,—самыя мелочи остаются неисполненными, или безъ поправки. Прекрасная рѣзная работа оконъ, парапетовъ, выступовъ—разрушается, хотя поправка не требовала-бы большихъ пожертвованій. Когда большая часть Кельнскаго собора достроивается въ незначительномъ городѣ въ сравненіи съ Вѣною, Вѣнцы не имѣютъ столько гордости, чтобы воздвигнуть одну башню для довершенія единственнаго зданія, которымъ могутъ гордиться. Внутренность церкви, прекраснаго готическаго стиля, съ крестчатыми поясными сводами, съ величественными столбами, мелко прорѣзанными, какъ связки камыша,—непростительно обезображена маленькими алтарями стиля возрожденія, неуклюжо прислоненными къ почтеннымъ старымъ столбамъ. Главный алтарь, къ которому невольно стремится взглядъ, пробѣжавъ внутреннее пространство, непріятно поражаетъ васъ своими дорическими колонами и классическимъ фронтономъ, рѣзко противорѣчащимъ готическому вмѣстилищу. Словомъ, всё что добавлено, или докончено въ послѣдствіи, послужило только къ искаженію величественнаго памятника XIV стол.

Вообще, въ архитектурѣ Вѣнской, чѣмъ ближе подвигаешься къ нашему времени, чѣмъ позднѣе строеніе, тѣмъ отсутствіе стиля, безвкусіе дѣлается чувствительнѣе. Иныя зданія, въ которыхъ хотѣло именно выразиться мастерство архитектора, удивляютъ своею нелѣпостію,—это архитектура непостижимаго

Digitized by Google

рода и времени — французское рококо съ примѣсью Нѣмецкихъ выдумокъ. Образчикомъ можетъ служить недавно оконченная церковь въ Леопольдштатѣ (на Егерцейле) — пятно неизгладимое для современнаго вѣнскаго зодчества; довольно сказать, что оно подвергается критикѣ самихъ Вѣнцевъ. — Всего невыгоднѣе представляются Вѣнскія постройки, возвращающемуся изъ Италіи. Послѣ классической страны, гдѣ вы удивляетесь и поучаетесь, слѣдя за тысячелѣтнимъ ходомъ творческой художественной силы, съ первыхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ ея проявленія, до превосходныхъ своею оконченностію памятниковъ разцвѣта языческаго міра и до произведеній неудовлетворенной, влекущей къ небу идеи Христіанской; послѣ того, какъ вокругъ себя вы видѣли гармонію идеи съ жизнію,—вы попадаете въ среду хаотической нелѣпости, коей прихоти безполезно даже изслѣдовать потому, что вы не откроете въ нихъ ни искры творчества. Здѣсь люди не знали другаго стремленія, кромѣ удовлетворенія потребности имѣть кровъ и матеріяльно удобное жилище; имъ по слухамъ было знакомо искусство, и дѣтски, неуклюжо примѣняя его, они промѣняли обиходныя формы, обреченныя невниманію, на нелѣпость, бросающуюся въ глаза каждому.

Нужно-ли говорить вамъ послѣ этого о другихъ отрасляхъ образовательнаго искусства?—Ни ваяніе, ни живопись, не укрываютъ насъ отъ непогоды, не даютъ щегольской одежды (напротивъ показываютъ нелѣпость настоящей), не дѣлаютъ лакомѣе яствъ,— для чего же о нихъ заботиться, къ чему они?—такъ вѣроятно разсуждали Вѣнцы издавна. Надо отдать имъ справедливость: они исполнили силлогизмъ

Digitized by Google

логически, и никогда не принимались за рѣзецъ или кисть — съ художественною цѣлью, т. е. для нихъ самихъ. Если-бы послѣ какого нибудь мірового переворота уцѣлѣло только то, что сдѣлано австрійскими художниками въ этомъ родѣ, то ни одинъ самый мечтательный нѣмецкій эстетикъ не осмѣлился-бы утверждать, что искусство существуетъ для самого себя, что творенія его суть изліянія внутренней духовной силы во внѣшности, олицетворенія ея въ видимыхъ образахъ, что это гармонія идеи съ формою, и т. п. Впрочемъ не подумай, чтобы Вѣна не обладала замѣчательными художественными произведеніями; картины и статуи можно привезти изъ дальнихъ странъ. Когда наступило время моды на искусство, когда образчики его сдѣлались необходимою принадлежностію придворнаго и аристократическаго великолѣпія,—тогда ни дворъ, ни магнаты не жалѣли большихъ суммъ для пріобрѣтенія чужеземныхъ драгоцѣнностей, и въ здѣшнихъ галлереяхъ и собраніяхъ ты встрѣтишь много именъ знаменитыхъ художниковъ, много рѣдкихъ древностей, которыя-бы заняли почетное мѣсто въ сокровищницахъ Рима и Неаполя.

Digitized by Google

ПИСЬМО II.

Одно искусство, на которое Вѣнцы могутъ объявить притязанія, — это музыка, — и то разумѣется по древнему преданію. Гайденъ, Моцартъ, Бетговенъ — первокласныя свѣтила, провели жизнь свою въ Вѣнѣ и умерли въ ней. Шубертъ былъ Вѣнецъ, Веберовъ Фрейшюцъ — пріобрѣлъ свою извѣстность въ Вѣнѣ. Много другихъ знаменитыхъ именъ украшаютъ музыкальную лѣтопись этого города. Въ наше время Тальбергъ положилъ въ Вѣнѣ основаніе новому характеру фортепьянной музыки и исполненія. Вообще со времени славнаго тріумвирата Вѣна получила какой-то авторитетъ въ музыкальномъ мірѣ Германіи. Сюда не пріѣзжали дѣлать извѣстность, какъ ѣздятъ въ Парижъ, гдѣ судитъ несвѣдующая толпа; а являлись уже приготовленными къ требованіямъ критики, съ надеждою выдержать и нападки. Здѣсь изучали музыку, какъ высокое искусство. Но вліяніемъ матеріяльной жизни, развившейся въ послѣднее время утратилась эта безкорыстность. Откуда же взялась эта творческая сила, проявлявшаяся здѣсь нѣкогда блистательно? По моему мнѣнію, она должна быть отнесена на счетъ Славянскаго элемента, проникающаго Австрію. Извѣстно, что Моцартовъ Донъ-Жуанъ, появился на сцену первый разъ въ Прагѣ; великій композиторъ отзывался въ послѣдствіи, что нигдѣ исполненіе не соотвѣтствовало въ такой степени его мысли. Это не должно казаться удивительнымъ, потому что Чехъ узнаетъ

Digitized by Google

въ Донъ-Жуанѣ множество своихъ народныхъ мелодій; а кому неизвѣстны удивительныя музыкальныя способности Чеховъ, — ихъ истинно музыкальный организмъ, равняющійся итальянскому? Въ безсмертныхъ симфоніяхъ Бетговена вы нерѣдко встрѣтите главные мотивы чисто Славянскіе (напр. въ первомъ аллегро и въ минуетѣ пятой, многіе въ шестой, второй мотивъ въ первомъ аллегро симфоніи героической). Это требуетъ нѣкотораго объясненія.

Безъ сомнѣнія, велика творческая сила генія; но она не сила божеская, она не творитъ изъ ничего: она только переработываетъ, строитъ, сообразно безсмертной своей идеѣ изъ элементовъ жизни, развиваетъ и преображаетъ ихъ въ великое цѣлое. Тоже и въ музыкальномъ произведеніи — великіе композиторы являлись у народовъ, одаренныхъ музыкальною натурою, и только переработывали, пересоздавали народные напѣвы. — Изъ Европейскихъ народовъ, я знаю только двухъ, получившихъ отъ природы задатки музыкальнаго развитія: Итальянцевъ и Славянъ. Музыкальный организмъ первыхъ конечно полнѣе Славянскаго, потому уже, что онъ проявляется въ соразмѣрности и округлости, свойственной только классическимъ народамъ. Притомъ, онъ имѣлъ время развиться вполнѣ: геній итальянской музыки прошелъ всѣ степени своей жизни, и теперь достигъ если не періода дряхлости, по крайней мѣрѣ, такого, откуда поступательное движеніе уже не возможно, сообразно его началамъ. Напротивъ, Славянская музыка существуетъ только in rudimentis — стихіи ея разсѣяны еще по лицу міра; но

Digitized by Google

она разнообразнѣе, многостороннѣе, глубже, нежели звуки счастливой Авзоніи. Можно сказать, что одни относятся къ другимъ, какъ мечты чувства Христіянскаго къ языческимъ фантазіямъ. Въ итальянской мелодіи все ясно, стройно и чувственно, иногда сладострастно; въ Славянскомъ напѣвѣ все неопредѣлительно, скорбно, глубоко. Притомъ, какое неисчерпаемое богатство въ разсѣянныхъ и разрозненныхъ Славянскихъ племенахъ, обитающихъ въ различныхъ климатическихъ полосахъ, раздѣленныхъ въ продолженіи вѣковъ, какъ будто нарочно для того, чтобы онѣ имѣли возможность развить безпрепятственно всѣ стороны своей природы, всѣ звуки Славянской души; терпѣвшихъ и терпящихъ великія нравственныя утѣсненія, какъ будто для того, чтобы стѣсненное чувство выливалось въ звукѣ, въ пѣсни.

По положенію нашему, намъ Русскимъ, всего удобнѣе съ высоты нашей великой самостоятельности обнимать явленія цѣлаго Славянскаго міра; понять ихъ значеніе и развить до великаго цѣлаго—есть наша обязанность. Но это сознаніе едва пробуждается въ общемъ, оно еще не коснулось никакого отдѣла жизни. Въ области музыки наши самые талантливые дѣлатели еще не догадываются, какія сокровища содержитъ народная почва. Одни изъ нихъ, воспитанные нѣмецкими теоріями, или пріучившіе ухо къ Италіянскому складу пѣнія, дѣлаютъ неудачныя попытки въ иностранномъ родѣ, неудачныя, какъ всякое подражаніе тому, что несвойственно внутреннему организму духа; другіе, обратившіеся къ народной музыкѣ и создавшіе нѣсколько бли-

Digitized by Google

стательныхъ явленій, еще не знаютъ о существованіи роднаго Славянскаго міра, который, своимъ разнообразіемъ и неисчерпаемымъ богатствомъ могъ бы служить имъ неизмѣримымъ пособіемъ въ ихъ творчествѣ. Пора намъ убѣдиться, что сколь ни полезно изученіе Нѣмецкихъ теорій, оно однакоже не даетъ намъ духа жизни. Нѣмцы, съ свойственною имъ логикою анализа, разложили начала состава звуковъ, но для насъ эти правила односторонни, иногда даже разрушительны; потому что Славянская музыка допускаетъ сочетанія и переходы, которыхъ западная не имѣетъ. Намъ надо создать свою теорію; по крайней мѣрѣ, опредѣлить особенности и сущность характерическаго отличія, составляющаго основу нашего элемента. Пока мы будемъ вскармливать себя чужимъ молокомъ, пока не будемъ видѣть далѣе горизонта нашихъ наставниковъ, до тѣхъ поръ творчество не осѣнитъ насъ, мы останемся слабыми учениками, ничтожными подражателями. И кому подражаемъ мы? есть-ли въ настоящее время, въ западномъ музыкальномъ мірѣ свѣтила, которыя бы освѣщали его яркимъ, незаимствованнымъ свѣтомъ? По истинѣ, они закатились и, я думаю навсегда. Итальянцы ищутъ поддержать свой родъ полнотою, богатствомъ гармоническихъ сочетаній, переходящимъ нерѣдко въ оглушительный шумъ и трескъ, (оперы Верди); Нѣмцы не знаютъ, какому патрону молиться. Въ инструментальныхъ сочиненіяхъ видно одно холодное исполненіе узаконенныхъ условій, въ родѣ упражненій на заданныя правила; въ операхъ—наборъ разорванныхъ фразъ, силящихся выразить отдѣльные моменты драматическихъ положеній.

Digitized by Google

Не упрекните меня въ дерзости; но мнѣ кажется, Нѣмцы никогда не постигали смысла оперы; или лучше — ихъ музыка, по преимуществу отвлеченная, способна выражать идеи, но не чувства; отъ того они произвели много превосходнаго въ инструментальныхъ композиціяхъ и ничего для пѣнія, способнаго потрясти, увлечь слушателя. Какъ и всѣ искусства, такъ и музыка достаялась имъ не въ слѣдствіе природнаго расположенія, чутья къ изящному, а помощію неутомимаго, послѣдовательнаго труда и критической логики. Оглядываясь безпрестанно на предшественниковъ, отвлекая малѣйшія условія, приводя въ правила все что можно уловить въ актѣ созданія, они, по видимому, создали какой-то родъ, но это скорѣе отсутствіе, или вѣрнѣе отвлеченіе разныхъ родовъ. Знаю, вы мнѣ противоставите имена Гайдена, Моцарта, Бетховена, Вебера; но эти геніи велики по стольку, по сколькуумѣли совлечься своей анти-музыкальной національности. Я уже намекнулъ Вамъ, на какой почвѣ и изъ какихъ матеріяловъ создали они свои великіе памятники. Можно-ли назвать на примѣръ оперы Моцарта Нѣмецкими, когда почти каждой ихъ мелодіи вы находите соотвѣтствующій Итальянскій или Славянскій напѣвъ. Веберъ, даже великій Бетховенъ, послѣ блистательныхъ усилій, пали въ борьбѣ съ Нѣмецкимъ элементомъ; ихъ оперы должны были замолкнуть подъ его давленіемъ. Блистательное созвѣздіе въ мірѣ драматической музыки могло явиться у Нѣмцевъ только въ то время, когда они, въ своемъ эклектизмѣ, безразлично обнимали духовную жизнь другихъ народовъ, когда они увлекались ею и усвояли себѣ ея стихіи. Это было время Фридри-

Digitized by Google

ха II, гуманнаго Гердера, время молодости Шиллера и Гёте, когда отвлеченная идея человѣчества присутствовала во всѣхъ умахъ. Это было также время Генделя, Гайдена, Моцарта, Бетховена — принадлежавшаго къ своимъ предшественникамъ по направленію (*). — Но когда возникло національное стремленіе въ Германіи, вызванное борьбою за политическую независимость, когда оно отозвалось въ наукѣ и въ искусствѣ, тогда музыка должна была пасть, потому что и въ ней захотѣли ограничиться однимъ своимъ міромъ, не замѣчая недостатка средствъ. То, что положило начало современному образовательному искусству Германіи, то что дало ему настоящее значеніе, послужило къ упадку Нѣмецкой музыки, которая не имѣя корней въ народной почвѣ, не могла найти въ ней живительныхъ соковъ питанія.—Въ настоящее время—что выражаетъ масса Нѣмецкихъ оперныхъ композиторовъ (потому что я здѣсь по преимуществу говорю объ оперѣ)? не совершенное-ли отсутствіе чувства, души, увле-

---

(*) Извѣстно, что Бетховенъ былъ космополитный республиканецъ по образу мыслей и никогда не думалъ о національности; поклонникъ Бонапарта, онъ былъ увѣренъ, что первый Консулъ ратуетъ за всемірную республику. Героическая Симфонія была нарочно сочинена для него Бетховеномъ и вмѣстѣ съ посвященіемъ изготовлена къ отправкѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Бонапарте сталъ Императоромъ Наполеономъ; Бетховенъ въ припадкѣ негодованія сорвалъ посвященіе и бросилъ тетрадь подъ столъ, гдѣ она пролежала довольно долго, пока пріятели не уговорили маэстро выдать ее въ свѣтъ, подъ названіемъ Simfonia eroica. Во время нашествій Французовъ Бетховенъ ни разу не покидалъ Вѣны.

Digitized by Google

ченія, пѣвучаго инстинкта — т. е. — отсутствіе мелодіи, сердечнаго звука, того, что не пріобрѣтается изученіемъ? Въ этѣхъ операхъ, которыхъ партитуры выработаны съ такимъ усильнымъ тщаніемъ, съ такимъ знаніемъ гармоніи, съ такими пособіями инструментовки, въ нихъ нѣтъ иногда живой ноты, нѣтъ фразы, нѣтъ звука, способнаго потрясти сердечную струну. Сочинители не обладаютъ даже настолько воображеніемъ, чтобы дать художественную округлость, полноту періоду; бѣдность мысли обнаруживается въ безпрестанной отрывочности, въ несвязномъ ходѣ фразъ, которыя усильно подобраны одна за другою. И передъ этими наставниками, мы благоговѣемъ, какъ передъ высшимъ судилищемъ, на которое нѣтъ апеляціи; изучаемъ съ подобострастіемъ его изрѣченія, и наперекоръ внутреннему отвращенію, насильно заставляемъ себя удивляться, въ потѣ лица ищемъ высшаго смысла тамъ, гдѣ нѣтъ никакого.

Слава Богу, у насъ явились однакожъ композиторы, которые поняли причину общаго равнодушія, и обратились на лучшій путь. Успѣхъ, увѣнчавшій произведенія Алабьева, Глинки, Верстовскаго указалъ, гдѣ должно искать пищи русскому композитору; если этотъ успѣхъ не достигъ еще высшей степени, если достоинство произведеній не можетъ имѣть бо́льшихъ притязаній; то это потому, что сочинители не обняли задачи во всей ея общирности, что они заключились въ кругу руской народности, не воспринявъ музыкальныхъ стихій обще-славянскаго міра. Чтобы понять ихъ, чтобы проникнуться этими стихіями, необходимо тѣсно ознакомиться со всѣми оттѣнками духа Славянской музыки, выражающимися

Digitized by Google

въ напѣвахъ разныхъ племенъ; они найдутъ въ нихъ всѣ стороны жизни, всё нужное для разнообразнѣйшихъ положеній, для всѣхъ движеній внутренняго существованія (*).

Эпическая простота Сербскаго речитатива, мужественный, воинскій характеръ напѣвовъ Хорватскихъ, нѣжная унылость и тоска любви, выражающіяся въ Чешскихъ и Моравскихъ, безотрадная грусть пѣнія Словацкаго—всѣ эти многообразныя преломленія единаго народнаго чувства, присоединенныя къ яркимъ цвѣтамъ племенъ нашего великаго отечества, составятъ особенный, чарующій міръ звуковъ, которому ничего подобнаго не имѣетъ весь западъ. Намъ надо генія, который-бы волшебнымъ жезломъ творчества открылъ тайники Славянской музыкальной души; тогда западъ преклонитъ колѣна передъ неслыханною музыкою.

Не пеняйте меня за отступленіе,—мнѣ отрадно говорить о полнотѣ будущаго, насъ ожидающаго, если только судьба допуститъ насъ исполнить свое назначеніе.—Но послѣдовательность требуетъ возвратиться къ Вѣнцамъ. Что же дѣлаютъ соплеменники Гайдена, Моцарта, Бетховена? Артисты копа-

---

(*) Вмѣсто того, чтобы ѣздить въ Парижъ, если-бы Глинка или Дорогомыжскій поѣздили по Италіи, Моравіи, Хорватской, Сербіи и другимъ Славянскихъ землямъ, то они-бы воротились съ запасомъ драгоцѣнныхъ сѣмянъ, которыя, воздѣланныя ими, дали-бы имъ обильную жатву. Имъ-бы открылся міръ новый и вмѣстѣ знакомый, свой; поле, ожидающее только способной руки.

Digitized by Google

ются въ оставленныхъ ими партитурахъ, изучаютъ каждую ноту, повторяютъ безпрестанно ихъ произведенія—и только. Что являлось новаго въ мое время—не болѣе какъ бѣдные сколки съ формы учителей, разумѣется при отсутствіи духа. Жизнь улетѣла; остались однѣ техническія орудія и пріемы великихъ мастеровъ предковъ; мѣлкое потомство всячески старается воспользоваться ими; хватается за всѣ рычаги великой машины, но она издаетъ только отрывочные звуки, нѣтъ силъ одушевить ее снова, заставить говорить.—Въ бытность мою въ Вѣнѣ ни одно современное произведеніе не имѣло успѣха ни на сценѣ, ни въ концертахъ; только инструментальное исполненіе, конечно безукоризненное, заслуживало одобреніе. Но толпа, публика находитъ себѣ пищу въ музыкѣ другаго рода; она не обращаетъ вниманія на важныхъ предковъ—Штраусъ вотъ ея идолъ; третій Владыка въ Вѣнѣ. Зимою въ залахъ, блестящихъ свѣтомъ, лѣтомъ въ павильонахъ, подъ открытымъ небомъ, на гульбищахъ, Штраусъ своими вальсами привлекаетъ послушную толпу, которая конечно въ отношеніи къ нему не заслуживаетъ названія вѣтреной. Можно сказать, что Вѣнцы носятся въ утробѣ матери, почти родятся, но конечно выростаютъ, живутъ и умираютъ подъ звуки вальса. Истый Вѣнецъ считаетъ тотъ день потяннымъ, nefastus dies, въ который онъ не слышалъ Wiener Früchteb, или Odeon-Tänze, или Loreley-Klänge, или Roza-Walzer и пр. и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что такое воспитаніе и подобный акомпаниманъ въ продолженіи жизни, должны имѣть особенное вліяніе на общій характеръ населенія. Говорятъ, что древніе въ комнатахъ беременныхъ женщинъ по-

Digitized by Google

мѣщали изображенія красивыхъ юношей, для того чтобы дитя было красиво; мнѣ кажется, что звуки должны въ этомъ случаѣ имѣть еще большее дѣйствіе въ отношеніи къ характеру, нежели образы въ отношеніи къ наружности; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ порода Вѣнцевъ. Гдѣ можно найти столько легко живущихъ людей, какъ въ Вѣнѣ, столько беззаботности, довольства самимъ собою и всѣмъ окружающимъ, — истиннаго земнаго блаженства? Едва Вѣнецъ проснется, какъ бросается къ окну смотрѣть, какова погода, потомъ онъ суръезно занимается рѣшеніемъ вопроса: какимъ образомъ употребить день, на какое собраніе, на какое гульбище отправиться. Рѣшивъ эту трудную задачу, онъ вылѣтаетъ какъ птица изъ клѣтки, съ свободною, воспріимчивою душою, не тревожимый высшими побужденіями, и возвращается домой около полуночи, развѣ только жалуясь на 3 крейцера шперъ-гельдъ, которые послѣ 10 часовъ должно платить дворнику.

Не думаю, чтобы гдѣ нибудь среднее сословіе столько веселилось, или чтобы гдѣ болѣе было праздношатанія, какъ въ Вѣнѣ. Надо нарочно воспитать людей, извѣстнымъ способомъ откормить ихъ, чтобы довести до этой степени умственной беззаботности, и отдать во власть матеріяльнымъ инстинктамъ. — Правда, для достиженія этого употребляются всѣ средства; дурныя и самыя похвальныя, самыя человѣческія, не имѣютъ кажется другой цѣли. — Мѣлкія блаженства Вѣнской жизни, удобства разсѣянности, вялыя забавы и дешевой развратъ составили извѣстность этого города, достигнутую малыми средствами, или лучше, соединеніемъ посредственнаго. — Зимою, это безчисленные танцовальные ве-

Digitized by Google

чера за деньги — редуты, гдѣ платится за входъ около цѣлковаго, балы въ залахъ Одеона, Шперля, въ трактирахъ, корчмахъ — нисходящіе въ цѣнѣ до гривенника. Кромѣ того, такъ называемые Abend-Unterhaltung, гдѣ подъ звуки вальсовъ и кадрилей слушатели пьютъ пиво, закусывая ветчиной и вюрстелями. Съ наступленіемъ карнавала, продолжающагося отъ празника Рождества до начала Поста, число этихъ увеселеній умножается постепенно до невѣроятности; приходишь въ изумленіе при видѣ безчисленныхъ объявленій, покрывающихъ всѣ углы улицъ, и завлекающихъ прохожихъ цвѣтами своего краснорѣчія, обѣщая всегда ein brillantes Fest; при чемъ упоминается, что приложена особенная забота о кухнѣ, столъ имѣется отличный и по самимъ дешевымъ цѣнамъ.—Можно сказать, что Вѣнцы только въ этомъ отношеніи посягаютъ на грандіозное; гдѣ дѣло идетъ объ увеселеніи извѣстной публики, тутъ являются антрепренеры, рискующіе цѣлыми капиталами на учрежденія подобнаго рода, тутъ даже неудачи и банкротства не отбиваютъ охоты на новыя попытки.

Не такъ давно существовала въ Вѣнѣ зала, заключавшая въ себѣ Пратеръ въ маломъ видѣ, цѣлыя аллеи изъ большихъ деревъ, качели и разныя увеселенія, помѣщаемыя обыкновенно подъ открытымъ воздухомъ. Прошлую зиму явился спекулантъ, который превратилъ въ залу цѣлый переулокъ, около 60 сажень длины, соединивъ крышкою сосѣдніе домы. Тутъ есть цвѣтники, фонтаны и безконечныя галереи со столами для ужина. Все это освѣщается 5,000 свѣчей и можетъ вмѣстить до двадцати тысячъ посѣтителей.—Но зимой вся Вѣна превращается

Digitized by Google

въ танцовальное собраніе, и соперничество вѣроятно не дастъ долго устоять этой залѣ monstre, названной Одеономъ, хоть въ ней жертвуютъ одной Терпсихорѣ. — Наибольшею народностію пользуется такъ называемый Элизіумъ, который приличнѣе назвать Аидомъ, потому что онъ помѣщается подъ землей, въ пространныхъ подвалахъ, освѣщенныхъ газомъ и подвергаетъ посѣтителей опасности задохнуться отъ несноснѣйшаго жара. Тутъ Вѣнская фантазія достигаетъ крайней точки своей нелѣпости. Все помѣщеніе раздѣлено на четыре отдѣленія подъ названіемъ частей свѣта. Проходя Америку, вы видите на мѣсто банановъ сосны, воткнутыя въ землю; на нихъ сидитъ нѣсколько обезьянъ и попугаевъ; тутъ-же желающіе катаются въ кабріолетѣ. Далѣе слѣдуетъ Азія, съ живымъ султаномъ и одалисками; потомъ Европа, съ хрипло поющими, подавившимися тирольцами; Африка украшается только соотвѣтственными изображеніями на стѣнахъ. Въ особой залѣ толкутся, въ настоящемъ смыслѣ слова, отчаянные танцоры; особая сцена устроена для плясуновъ и разныхъ глупыхъ представленій; наконецъ необходимѣйшее и существенное условіе всѣхъ нѣмецкихъ сборищъ — столовыя, гдѣ неутомимо уничтожаются ломти окороковъ, колбасы, шницели (родъ котлета), gebackene huhn (запеченая курица) и подобные лакомые куски. Плотная масса народа колышется глубоко за полночь въ этомъ вмѣстилищѣ, раздвигаясь только, чтобы пропустить какую нибудь маскарадную процессію, составленную изъ Китайцевъ, уродовъ въ грязныхъ нарядахъ, съ превращеніями и разными дурачествами.

Элизіумъ — прототипъ Вѣнскихъ народныхъ уве-

Digitized by Google

селеній; онъ пользуется найбольшимъ успѣхомъ потому именно, что отвѣчаетъ вполнѣ вкусу жителей. Поэтому можно судить, какъ блаженно проходитъ жизнь Вѣнца, какого бы онъ сословія ни былъ: всякое сословіе имѣетъ свой элизіумъ, если не совершенно, по крайней мѣрѣ, въ томъ-же духѣ и съ тою-же цѣлью. — Маскарады въ редутной залѣ, не смотря на смѣшанное общество, посѣщаются даже людьми, имѣющими притязанія на приличіе и comme il faut. Но какъ маски избавляютъ посѣтителей и въ особенности посѣтительницъ отъ цензуры общественной, отъ этого собраніе дѣлается очень занимательнымъ, по своему смѣшенію и свободѣ разговора. Вѣнки подъ маскою очень любезны и развязны, такъ что не дадутъ вамъ запнуться на половинѣ рѣчи; а смѣсь всѣхъ Европейскихъ націй позволяетъ говорить на языкѣ наиболѣе вамъ знакомомъ. — Послѣ каждаго подобнаго редута, разсказывается въ городѣ множество смѣшныхъ развязокъ маскарадной интриги, и много другихъ, дѣлающихъ счастливцевъ, остается подъ покрываломъ тайны. — Наконецъ, въ высшемъ сословіи, кромѣ домашнихъ баловъ и вечеровъ, бываютъ своего рода таинственные маскарады, покрытые непроницаемою завѣсою отъ непосвященныхъ взоровъ и полиціи.

Мнѣ остается сказать тебѣ нѣсколько словъ о высшемъ родѣ увеселенія, восходящемъ до искусства — о театрѣ. Нѣльзя отнять у Вѣнцевъ нѣкотораго юмористическаго взгляда на жизнь, выходящаго изъ простоты натуры и, можетъ быть, изъ отсутствія высшихъ интересовъ, но, по крайней мѣрѣ, естественнаго, не испорченнаго искусственнымъ философствованіемъ. Вѣна имѣетъ двѣ сцены (театры Ле-

Digitized by Google

опольдштатскій и на Виднѣ) истинно народныя; несмотря на презрѣніе, съ которымъ отзывается о нихъ такъ называемое порядочное сословіе, мнѣ онѣ казались лучшимъ выраженіемъ Вѣнскаго характера. Душу этихъ театровъ, въ полномъ смыслѣ слова, составляетъ Нестрой, Славянинъ по имени, авторъ-актеръ, въ обоихъ отношеніяхъ очень замѣчательный по дарованію: его можно назвать геніемъ Нѣмецкой Posse — шутки. Классъ мѣлкихъ владѣльцевъ, богачей, вышедшихъ изъ мѣлочныхъ лавокъ и магазиновъ, сидѣльцевъ и слугъ, обманывающихъ своихъ господъ, — составляетъ поле Нестроя, на которомъ онъ постоянно собираетъ богатую жатву, для своей наивной веселости и насмѣшки. Нѣтъ несообразности, нѣтъ нелѣпости, которыхъ-бы онъ не употребилъ въ дѣло, чтобы разсмѣшить своихъ зрителей, и ему охотно ихъ прощаешь; но не рѣдко въ немъ пробуждается потребность выразить задушевную мысль, тогда изъ остроумнаго паяца, онъ дѣлается истиннымъ юмористомъ и достигаетъ глубокой ироніи; къ сожалѣнію, эти минуты, напоминающія Шекспировскія выходки, длятся не долго; авторъ какъ будто боится быть непонятнымъ своей публикѣ и увлекается въ обыкновенную мутную среду. — Нельзя отрицать однакожъ, что нѣкоторыя его піэсы задуманы дѣльно, сквозь шутовскую одежду проглядываетъ мысль человѣческая, и выходки полны нерѣдко горькой насмѣшки надъ жизнію и бѣднымъ человѣчествомъ. — Характеры, гдѣ онъ хочетъ ихъ выставить, очерчены мастерски и не измѣняютъ себѣ ни на минуту; малѣйшіе оттѣнки уловлены съ искусствомъ первокласнаго художника и комизмъ поло-

Digitized by Google

женій, созданныхъ изъ ничего, доходитъ иногда до высшей степени. Наконецъ, что никогда не покидаетъ Нестроя — это неподражаемое богатство остротъ и самыхъ небывалыхъ сатирическихъ выходокъ. Можно пожалѣть, что Нестрой явился въ Вѣнѣ; въ этой тяжелой атмосферѣ, гнетущей со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ остаться паяцемъ низшаго класса; поприще, на которомъ движутся его піэсы, очень стѣснено, и все, что принадлежитъ достоянію комика въ высшихъ слояхъ, ему недоступно. Нѣтъ сомнѣнія, что при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, онъ-бы могъ занять почетное мѣсто въ исторіи комедіи (*).

Придворный Burg-Theater, стоящій такъ высоко въ мнѣніи Вѣнцевъ имѣлъ для меня менѣе интереса, потому, что его сцена лишена народнаго значенія (разумѣя слово народный въ высшемъ, общемъ смыслѣ), и не имѣетъ значенія эстетическаго. Здѣсь даютъ безъ большаго выбора комедіи и драмы, произведенія Нѣмецкой фантазіи сѣверной и южной. Тутъ также утираются платками чувствительныя души отъ драмъ Коцебу и звонкихъ стиховъ Гальма, какъ и отъ неподражаемыхъ произведеній Шекспира, Гете и возвышенныхъ монологовъ Шиллера; хотя первые вообще пользуются большею благосклонностію публики, что довольно знаменательно для сужденія о ея вкусѣ. Не говоря о первокласныхъ геніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ и оцѣненныхъ сознаніемъ потомства, изъ современныхъ произведеній не

(*) Лучшія его піесы, какія мнѣ удалось видѣть это: Die zwei Nachtwandler, Lumpatius Vagabundus, Liebesgeschichten und Heirathssachen, и Er wils sich einen Jux machen.

Digitized by Google

явилось на этой сценѣ ничего замѣчательнаго. Замѣчателенъ былъ только отпечатокъ Нѣмецкаго характера, который всѣ они носили на себѣ: въ этомъ отношеніи, посредственныя созданія выказываютъ ясно, безъ покрывала то, что въ истинно художественныхъ возвышено и облагорожено. — Присутствуя въ Нѣмецкой, такъ называемой высокой комедіи, я не разъ дивился тому, что даже въ произведеніяхъ фантазіи Нѣмцы никогда не покидаютъ обиходныхъ привычекъ своей домашней жизни; на сценѣ точно также ѣдятъ, точно также пьютъ пиво и говорятъ всякой вздоръ, какъ бываетъ въ дѣйствительности; тѣ-же естественно-скучныя отношенія лицъ и положеній; но нигдѣ нѣтъ жизни и творческой силы, которыя совокупляютъ все въ художественное созданіе. Ихъ комедіи писаны какъ-бы отжившимъ старикомъ: сидитъ онъ въ халатѣ спокойно въ своихъ креслахъ, да забавляется разсказами о разныхъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ когда-то, о случаяхъ изъ своей жизни, иногда набросаетъ хорошо характеръ, узнанный долголѣтнимъ знакомствомъ, естественно представитъ сцену — но въ сущности все это занимательно только для него, а для постороннихъ совсѣмъ не заслуживаетъ такого подробнаго изображенія. — Сочинитель трагедіи напротивъ является всегда *мыслящею головою*, (denkender Kopf), которая понатужась, высыплетъ передъ вами вдругъ все высокое и глубокое, ею начитанное, наслышанное, выученное, помечтаетъ, посентиментальничаетъ; но души, но электрическаго тока, претворяющаго все въ одну живую массу, вы не найдете.

Какъ изложеніе въ Нѣмецкихъ драмахъ, такъ и

Digitized by Google

самое исполненіе актеровъ почти вездѣ, слѣдовательно и въ Вѣнѣ, страждетъ отъ неестественности. Напыщенная рѣчь и натянутая декламація искажаютъ драматическія положенія и вредятъ впечатлѣнію даже дѣльно задуманныхъ частей. Сюда-же должно отнести приторную Süszlichkeit женскихъ ролей, эту манерность, которая у Нѣмокъ неудачно замѣняетъ Французское кокетство. — Исполненіе комедій, по моему мнѣнію, несравненно удовлетворительнѣе. Комическая труппа Бургъ-театра хороша почти безъ исключеній, и есть нѣсколько талантовъ первокласныхъ.

Но довольно о Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ перейду къ предмету, къ которому давно уже стремятся мои мысли.

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

....оа.

(1846 г. Февраля).

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ Царей Московскихъ; тѣсно стало ему, не потому чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ не доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ,—всего находилось въ излишествѣ; а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событіе совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по нѣскольку дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ выходили за-мужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе неразмежеванною землею—и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ нѣкотораго времени сталъ часто онъ слышать объ Уфимскомъ Намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописан-

Digitized by Google

номъ изобиліи дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги: носились слухи, что стоило только позвать къ себѣ въ гости десятокъ *родичей отчинниковъ* Каратобынской или Кармалинской тюбы (*), дать имъ два-три жирныхъ барана, которыхъ они по своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставятъ ведро вина, да нѣсколько ведръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго пива, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что Башкирцы были не строгіе магометане и въ старину. Говорили правда, что такое угощеніе продолжалось иногда нѣдѣлю и двѣ: да съ Башкирцами и не льзя вдругъ толковать о дѣлѣ, а надо всякой день спрашивать: «*А что знакомъ, добрый человѣкъ, давай говорить объ мой дѣла.*» (**) Если гости ѣвшіе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполнѣ довольны угощеніемъ, не вполнѣ напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсень, наигрались на чебызгахъ (***), наплясались, стоя и присядая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ карикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ роди-

---

(*) Тюба—волость.

(**) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи, до сихъ поръ говоря съ Башкирцами, стараются точно также ломать Русскую рѣчь, какъ и сами Башкирцы.

(***) Чебызга—дудка, которую Башкирецъ беретъ въ ротъ какъ кларнетъ, и перебирая лады пальцами, играетъ на ней двойными тонами, такъ что вы слышите въ одно и тоже время какихъ-то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явленіе въ мірѣ духовыхъ инструментовъ.

Digitized by Google

чей, пощелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лице спрашивающему, съ важностью скажетъ въ отвѣтъ: « *Пора не пришелъ—еще баранъ тащи.* » Барана разумѣется притащатъ, вина, меду нальютъ, и вновь пьяные Башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ, гдѣ ни попало.... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичь скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: « *Ай бачка, спасибо, больно спасибо! ну что, какой твой нужда?* » Тутъ какъ водится, съ природною Русскому человѣку ловкостію и плутовствомъ, покупщикъ начнетъ увѣрять Башкирца, что нужды у него никакой нѣтъ, а наслышался онъ, что Башкирцы больно добрые люди, а потому и пріѣхалъ въ Уфимское намѣстничество, и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч. потомъ рѣчь дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества Башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущениковъ (*), которые годъ другой заплатятъ деньги, а тамъ и платить перестанутъ, да и останутся даромъ

(*) Припущениками называются тѣ, которые за извѣстную ежегодную или единовременную плату по заключенному договору на извѣстное число лѣтъ, живутъ на Башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущениковъ, по окончаніи договорнаго срока, не оставила земель Башкирскихъ; изъ этого завелись сотни дѣлъ, которыя обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что припущеники оставляются на мѣстахъ своего жительства съ каризной имъ пятнадцати десятинной пропорціи на каждую ревижскую душу по пятой ревизіи.... и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность Татаръ, Мещеряковъ, Чувашъ, Мордвы и другихъ казенныхъ поселянъ.

Digitized by Google

жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться; — за такими рѣчами, (сбывшимися съ поразительной точностью), послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ Башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель.... и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее мѣрилъ? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, на пр. вотъ такъ: «отъ устья рѣчки Конлы-елга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на общій сыртъ, а отъ общаго сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамрадкиной борти и пр.» И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячь десятинъ земли! И за все это платилось какихъ нибудь сто рублей (разумѣется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частыхъ угощеній. — Полюбились дѣдушкѣ моему такіе разсказы, и хотя онъ былъ человѣкъ самой строгой справедливости, довольно рѣдкое явленіе въ Русскихъ людяхъ, и ему не нравилось надуванье добродушныхъ Башкирцевъ; но онъ разсудилъ, что не дѣло дурно, а способъ его исполненія, и что поступя честно, можно купить обширную землю за сходную плату; что можно перевесть туда часть родовыхъ своихъ крестьянъ и переѣхать самому съ семействомъ, то есть, достигнуть главной цѣли своего намѣренія. Ибо съ нѣкотораго времени до того надоѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее

Digitized by Google

владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимою его мыслью, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человѣкъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

И такъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившись съ своей супругою, которую звалъ Аришей, когда былъ веселъ, и Ариной, когда бывалъ сердитъ; поцѣловавъ и благословивъ четырехъ малолѣтныхъ дочерей и особенно новорожденнаго сына, единственную отрасль и надежду стариннаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считалъ онъ ни за что: «*что въ нихъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Нелышны, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда — Тимофей...* сказалъ на прощанье мой дѣдушка и отправился за Волгу въ Уфимское Намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ наперед, что за человѣкъ былъ мой дѣдушка.

Извольте, скажу: скажу чистую правду, безо всякой прикрасы. Степанъ Михайловичь, такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшаго роста, но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло, обличало въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасные большіе темноголубые глаза, легко загоравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріі-

Digitized by Google

ятный ротъ, все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ, его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ и онъ не получилъ никакого образованія, Русскую грамоту зналъ плохо; но служа въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтерофицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели, и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки Волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость; что разбойники знали его въ лицо и боялись какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ Багрово тожъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссылкѣ и отпускѣ хлѣба; смотрѣлъ рѣдко да мѣтко, какъ говорятъ Русскіе люди, и ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, что ужъ не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ

Digitized by Google

но своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни, — значитъ вредить его благосостоянію; наказать денежнымъ взысканіемъ тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую отчину, употребить въ тяжелую работу—тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства—несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ капитану-исправнику,.. Боже помилуй, да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватому какъ по мертвому, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ, все равно, что отданнымъ въ рекруты. Да и надобно сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мило. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не какого и не за что разсердиться. Одни дворовые и въ послѣдствіи собственное его семейство испытывали иногда всю ярость этой бури. Достаточно было маленькой неправды; небольшаго лукавства или обмана, малѣйшаго непослушанія, чтобъ воспалить его гнѣвъ, доходившій до бѣшенства. Но совсѣмъ тѣмъ не только крестьяне, но и дворовые около него служившіе люди, не говорю уже о семействѣ, любили его безъ ума. Въ послѣдствіи времени нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его, доживали свой вѣкъ при мнѣ; уже стариками часто разсказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, но справедливомъ и добромъ своемъ старомъ баринѣ, и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали.

Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на А. И. Неклидовой, небогатой дѣви-

Digitized by Google

цѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была коньком моего дѣдушки, и хотя у него было всего 180 душъ крестьянъ, но производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то Варяжскаго Князя, онъ ставилъ свое семисотълѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма-богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась единственно потому, что прадѣдушка ея, за сто лѣтъ предъ тѣмъ, былъ простой казакъ. —

И такъ вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись черезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперегъ степную ея сторону, называемую луговою, и переѣхавъ Черемшанъ, Кандурчу, черезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, пріѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ *Большой Сокъ*: Сергіевскъ, нынѣ заштатный городъ, давшій свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрнымъ источникамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ*. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское Намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Обдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ по высокой горѣ, надъ рѣкою *Большой Кинель*, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Digitized by Google

Кинель рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста....

—въ Бугурусланѣ остановился Степанъ Михайловичь, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣздѣ уже мало оставалось земель, принадлежавшихъ Башкирцамъ: всѣ заселялись, или коренными крестьянами, которымъ правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за Акаевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенія и возвращенія земель отчинникамъ-Башкирцамъ; или были уже заселены ихъ собственными припущениками; или куплены разными помѣщиками. Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣлалъ поѣздки въ Бугульминской, Бирской и Мензелинской уѣзды (изъ нѣкоторыхъ частей двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевской уѣздъ); побывалъ онъ на прекрасныхъ берегахъ Ика и Демы. Мѣста очаровательныя! И въ старости Степанъ Михайловичь съ восторгомъ вспоминалъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изобильными, плодоносными окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ не поддался обольщенію,—и узнавъ покороче на мѣстѣ, что покупка Башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы; ибо хозяева сами хорошенько не знали правъ своихъ и числа настоящихъ отчинниковъ, дѣдушка мой, ненавидившій и боявшійся, какъ язвы, слова *тяжба*, рѣшился купить землю прежде купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отказанную за него* судебнымъ порядкомъ, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что сужденіе его было справедливо, но на дѣлѣ вышло

Digitized by Google

совсѣмъ другое, и меньшой внукъ его, уже будучи 40 лѣтъ, покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротившись съ береговъ Ика и Демы, дѣдушка мой, въ Бугурусланѣ и въ 25 верстахъ отъ него, купилъ землю у помѣщицы Грязевой по рѣчкѣ *Большой Бугурусланъ*, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугуруслана до кореннаго селенія *Красный Яръ*, оба берега его были не заселены; что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣдную денежку! Мѣстами росла густая урема (*) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и черноталу, вся переплетенная зелеными гирляндами хмѣля, и обвѣшенная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами одна тучная высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои *душистая кашка*, *татарское мыло* (боярская спѣсь), *скорлазубецъ* (царскіе кудри) и *кошечья трава* (валеріана). — Бугурусланъ течетъ по долинѣ, по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякой черный лѣсъ; поднимешься на гору, — тамъ равнина — непочатая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ, наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превращавшихся въ

(*) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.—

Digitized by Google

равнины, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенными свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица, дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы, куропатки и кречетки; по лѣсистымъ островамъ жила бездна тетеревей; рѣка кипѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду: щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; всякаго звѣря и въ степяхъ и лѣсахъ было невѣроятное множество, словомъ сказать: это былъ— да и теперь есть — уголокъ обѣтованный. — Дѣдушка купилъ около пяти тысячь десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину. Двѣ тысячи пять сотъ рублей въ то время были великая сумма. — Совершивъ купчую, крѣпость, и принявъ землю во владѣніе, то есть: справивъ и отказавъ ее за собою, весело воротился онъ въ Симбирскую губернію къ ожидавшему его семейству, и живо; горячо принялся за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію; ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать тяголъ отправились въ Бугурусланской уѣздъ, взявъ съ собою сохи, бороны и сѣмянной ржи; на любыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣву, то есть: переломали не пареный залогъ и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для яроваго сѣва, поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человѣкъ отправились тудаже, и съ наступившею

Digitized by Google

весною посѣяли двадцать десятинъ яроваго хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняныя печи и опять воротились въ Симбирскую губернію; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу; тѣ оставались дома и готовились къ переходу; на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ Іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телѣги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ стариною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно Русскому человѣку; но переселяться тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ по отдаленности церквей надо было и умирать безъ исповѣди и новорожденнымъ младенцамъ дома оставаться некрещеными — казалось дѣломъ страшнымъ!... За ними отправился и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвалъ *Знаменскимъ*, давъ обѣтъ со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божія Матери, празднуемое 27 Ноября, что и было исполнено уже его сыномъ. Но крестьяне, а за ними и всѣ окружные сосѣди назвали новую деревеньку *Новымъ Багровымъ*, по прозванію своего барина и въ память *Старому*

Digitized by Google

Багрову, изъ котораго были переведены; даже и теперь одно послѣднее имя извѣстно всѣмъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села Знаменскаго съ прекрасною каменною церковью не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянами и за господскими работами: вò-время убрался съ сѣнокосомъ, вò-время сжалъ яровое и ржаное и вò-время свезъ въ гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ Ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже поспѣлъ небольшой господской флигель. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, не смотря на дальнее разстояніе, охотно пріѣзжали на *помочи* къ новому разумному и ласковому помѣщику; попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ Симбирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевезть еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мѣльницу; ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за 40. И такъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки; съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели ее плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мѣльничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были

Digitized by Google

готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы кауза (*) должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкой прудъ и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, дѣдушка сдѣлалъ *помочь* на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, тѣлегами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человѣкъ собралось *занимать заимку*, то есть: запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и тоже мгновеніе, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперегъ рѣчнаго дна; связанныя копны соломы съ каменьями полетѣли туда-же, за ними слѣдовалъ навозъ, земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, а сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать

(*) *Каузомъ* называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ его *скрыни*.

Digitized by Google

крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптовать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой бы испугался, услыхавъ его, еслибъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: однѣ дикія степи и темные лѣса; на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать, всплыло озеро безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкла толчея, замолола мельница — и мелитъ и толчетъ до сихъ поръ. . . .

Боже мой, какъ я думаю, была хороша тогда эта дикая дѣвственная, роскошная природа! — Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зналъ тебя свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отвсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, также обширна, плодоносна и безконечно разнообразна, Оренбургская губернія! . . Дико звучатъ два эти послѣд-

Digitized by Google

нія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ *бургъ!...* Но я зазналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ Намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земныхъ богатствъ,
Не вѣчно будешь ты забвенный,
Служить для пастырей и паствъ!
И люди набѣгутъ толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Подъ ихъ нечистыми руками!
Помнутъ луга, порубятъ лѣсъ,
Взмутятъ въ водахъ лазурь небесъ!

И горы соляныхъ кристалловъ
По тузлукамъ твоимъ найдутъ,
И руды дорогихъ металловъ
Изъ нѣдръ глубокихъ извлекутъ!
И тукъ земли неистощенный
Всосутъ чужія сѣмена,
Чужія снимутъ племена
Ихъ плодъ сторицей возвращенный!
И въ глубь лѣсовъ и въ даль степей
Разгонятъ дорогихъ звѣрей!

Такъ говорилъ о тебѣ, лѣтъ 20 тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ, и все это отчасти уже сдѣлалось, или дѣлается съ тобою, но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера

Digitized by Google

твои: Кандры и Каротабынь. Многоводны и многообильны безчисленными породами рыбъ твои рѣки: то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катящіяся по кавылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны этѣ степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоемовъ, соединяющихся узкими и мѣлкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные черноземные, роскошные луга и поля, какъ краснымъ сукномъ покрытые мѣстами полевою, ароматическою клубникой. Обильною жатвой награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохою, или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные лѣса, и рой дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борта, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ! И Уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя Башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны, конскіе табуны и рогатыя и бараньи стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, буранной зимы, отощалые, изхудалые, какъ зимнія мухи, Башкирцы съ первымъ, весеннимъ теплomъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняютъ на привольныя для пастбищъ мѣста, въ половикъ передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ

Digitized by Google

двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остановъ явятся добрые, неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка!... Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока; уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ *Шурсукахъ* (*), и все что можетъ пить, отъ груднаго младенца до дряхлаго старика, пьетъ до пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ; и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки. – Но странный и грустный видъ представляютъ ихъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда нечаянно, ничего подобнаго не видавшій, заѣзжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами.... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка и — никого больше, ни одной души человѣческой!

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта,

---

(*) Шурсукъ — мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги.

Digitized by Google

всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской, Пермской губерніи, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ ростетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары и торгуютъ Уральскіе козаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное, и по вкусу добываемой *красной рыбы* (*), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горячей и вѣрной кисти, чтобъ возбудить общее вниманіе.... Но виноватъ заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

(*) *Красной рыбой* называются бѣлуга, осетръ, севрюга, и шипы, бѣлорыбица и др.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГДѢ ПОТЕРЯЕШЬ, НЕ ЧАЕШЬ;

ГДѢ НАЙДЕШЬ, НЕ ЗНАЕШЬ.

В. Луганскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

КЛЮЧЪ, ЛАДЪ И СТРОЙ ПѢСНИ.

Чтобъ выйти изъ посконнаго ряду безъ отрепьевъ, чтобы не побранили здорово живешь, дайте напередъ оговориться: не повѣсть затѣйливую собираетесь вы читать, а самый обиходный разсказъ о томъ, какъ гора съ горой не сходится, а горшокъ съ корчагой въ печи столкнется, гдѣ и не чаялъ.—

На Святой недѣлѣ, когда ясное теплое солнышко было еще въ диковинку послѣ морозной и снѣжной зимы, все село, старъ и малъ, гуляли подъ *релями*, какъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ простыя качели. Народъ сидѣлъ и стоялъ кучками, расположившись тутъ и тамъ на утоптанной землѣ, изъ которой усильно пробивалась носомъ на просторъ зеленькая травка, колѣнчатый спорышъ, круглолистые калачики, да жилистый придорожникъ. Въ одномъ изъ этихъ круговъ сидѣли пѣвцы и пѣвицы, изъ коихъ нѣсколько голосовъ отличались между всѣми прочими заливной соловьиной замашкой. Изъ этой семьи, сказалъ старикъ, указывая проѣзжему гостю на дѣвку и парня, изъ этой семьи ужъ не одинъ малый попалъ въ придворные пѣвчіи; это у насъ ужъ такая порода ведется.—Проѣзжій подсѣлъ и сталъ прислушиваться; другой старикъ, съ огром-

Digitized by Google

ной сѣдой бородой, сидѣвшій въ кружкѣ, и какъ видно было, заправлявшій пѣсенниками, спросилъ: «а что баринъ, ладно ли, любо ли тебѣ?» Любо, старикъ почтенный, отвѣчалъ тотъ; пойте, я стану слушать. « А какую-жъ тебѣ спѣть? Какую ты любишь? Слова станешь, что ли, слушать, аль ты до голосу охочь?» И до голосу охочь я, отвѣчалъ тотъ, и слова стану слушать; коли знаешь старинную пѣсню, такъ спойте-ка старинную!—

Старикъ затянулъ, а прочіе стройно приставали, подхватывали и выносили, и спѣли слѣдующую пѣсню (*):

Какъ во городѣ, въ Царѣ-Кіевѣ,
Тутъ жила-была молода вдова;
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
А десята дочь несчастная . . . .
Хорошо братцы ее возлелѣяли,
Возлелѣявши, за мужъ отдали:
Ни за князя, ни за боярина,
За хорошаго за морянина,
Какъ морянинъ онъ увезъ ее,
Молоду жену свою, за-море;
Она годъ живетъ и другой живетъ,
А на третій сынка родила;
Порождавши сына, встосковалася,
По родной своей по матушкѣ,
По роднымъ своимъ по сродничкамъ;

(*) Обѣ пѣсни эти списаны со словъ, какъ онѣ поются въ народѣ, въ Оренбургской губерніи.

Digitized by Google

Говорила она другу милому:
Ты душа моя, ты возлюбленный!
Пожалѣй меня со младенчикомъ,
Ты поѣдемъ, другъ, къ родной матушкѣ!
Собралася она и поѣхала,
Со своимъ другомъ милымъ,
Со своимъ милымъ дѣтищемъ.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ —
А на третій день становилися,
Коней кормить, кашу варить.
Не черны вороны налетали тутъ,
Злы разбойнички наѣзжали:
Морянина смерти предали,
Моряненочка въ воду кинули,
А меня молоду во полонъ взяли!
И мы день ѣдемъ и другой ѣдемъ —
А на третій день становилися,
Становилися, спать ложилися . . .
А одинъ-то изъ нихъ разбойничекъ
Ужъ онъ спать не спитъ, Богу молится,
Помолившись Богу, сталъ выспрашивать:
Ужь ты гой-еси, молода вдова,
Ты котораго, вдова, города,
Ты какого, вдова, роду-племени,
Ты чьего отца, какой матери?
А я города Царя-Кіева,
Отца — матери богатаго,
Роду племени хорошаго,
Какъ во градѣ Царѣ Кіевѣ
Жила-была молода вдова,

Digitized by Google

А у вдовушки было девять сыновъ,
А десята дочь несчастная;
Хорошо братцы ее возлелѣяли,
Возлелѣявши, за мужъ отдали,
Ни за князя, ни за боярина,
За хорошаго за морянина;
Онъ увезъ молоду за-море.
Она годъ живетъ, и другой живетъ,
А на третій сынка родила.
Породивши сына, встосковалася
По родной своей по матушкѣ,
По роднымъ своимъ по сродничкамъ,
Говорила она другу милому:
Ты душа моя, мой возлюбленный!
Пожалѣй меня съ младымъ юношей,
Ты поѣдемъ, другъ, къ родной матушкѣ?
Собиралась она и поѣхала,
Со своимъ другомъ милымъ,
Со своимъ милымъ дѣтищемъ.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
А на третій становилися
Коней кормить, кашу варить.
Не черны вороны налетали тутъ
Злы разбойники наѣзжали.
Морянина смерти предали,
Моряненочка въ воду бросили,
А меня молоду въ полонъ взяли!
Какъ возговоритъ разбойничекъ
Громкимъ голосомъ порывчатымъ:
Ужъ вы гой-есте братцы, братья—мои!

Digitized by Google

Вы вставайте-ка братцы скорехонько,
Вы послушайте сестру милую,
Сестру милую, сироту круглую; —
Не чужбинина мы смерти предали,
Смерти предали мы зятюшку;
Не чужаго мы и въ воду бросили,
Въ воду бросили племянничка!
Не чужеземочку и въ полонъ взяли,
Взяли мы родну сестрицу кровную!

Гость слушалъ съ большимъ вниманіемъ пѣсню эту, похвалилъ ее и спросилъ старика: А нѣтъ ли у тебя, старикъ, въ запасѣ еще такой же пѣсни?—

Есть, отвѣчалъ старикъ, расходившись; есть такая, что мать въ неволю къ Татарамъ цопала, да угодила къ родной дочери; спѣть что ли? и затянулъ:

«Какъ за той-то, за той за Дарьей рѣкой, Татарыто полонъ дѣлятъ: кому злато, кому серебро достанется. Доставалася видно теща зятюшкѣ . . . онъ привезъ ее на дикую степь къ молодой женѣ: еще вотъ тебѣ, молода жена, вѣковѣчная работница, а вамъ мои дѣтушки, нянька-матушка! — Ты заставь ее жена три дѣла дѣлать: перво дѣло дитя качать, друго дѣло бумагу прясть, третье дѣло гусей пасти. Полоняночка ногами-то дитя качаетъ, руками-то бумагу прядетъ, глазами-то гусей пасетъ. Дитя качаетъ, сама прибаюкиваетъ: Ты баю, баю, мое дитятко, ты баю, баю, мое милое; ты по батюшкѣ татарченочекъ, а по матушкѣ ты Русеночекъ — и моихъ черёвъ урывочекъ! — Твоя матушка мнѣ родна доченька, у нея на правой груди родимо пятнышко!»

Digitized by Google

« Услыхали няньки-мамушки, доложили онѣ своей барынѣ: Ахъ барыня-сударыня, полоняночка дитя качаетъ, прибаюкиваетъ: Ты баю, баю, мило дитятко— ты по батюшкѣ татарченочекъ, а по матушкѣ Русеночекъ—и моихъ черевъ урывочекъ: твоя матушка мнѣ родна доченька, у нея на правой груди родимо пятнышко!»

« Какъ стучитъ, бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ — по сѣнямъ бѣжитъ и дрожма дрожитъ: дочь родная упадала во рѣзвы ноги . . . Охъ, ты матушка сударыня! Что давно ты мнѣ не скажешься! Не заставила-бъ тебя три дѣла дѣлать: ни дитя качать, ни гусей пасти, ни бумагу прясти? Вотъ тебѣ золоты ключи, отмыкай-ка дубовы ларцы, бери себѣ золотой казны сколько надобно; поспѣшай-ка ты на конюшенку, бери себѣ коня добраго, поѣзжай съ Богомъ на Святую Русь, ко малымъ своимъ дѣтушкамъ!» —

« Дитя ли ты мое, дитя милое! не надо мнѣ золотой казны, не ѣду я на Святую Русь, съ тобой мой другъ не разстануся!»

Вотъ какое дѣло сталось, сказалъ старикъ, какъ-бы объясняя смыслъ пѣсни своей: разбойнички думали, грѣха не убояся, убить да обобрать чужихъ— чужой, такъ все будто на душѣ легче, чужое сердце во мнѣ не болитъ—анъ убили зятюшку, утопили сестрина сынка, да полонили родную сестру; а тутъ мать въ полонъ попала къ Татарамъ, анъ у нея дочка въ полонѣ, мурзинкой живетъ, въ парчахъ, въ шелку ходитъ, въ серебряныхъ бляхахъ

Digitized by Google

въ золотыхъ запястьяхъ . . . . стучитъ-бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ, и упала въ ноги родной матери!

Да, сказалъ гость, на досугѣ кто нибудь хорошо сложилъ! —

Однако, баринъ, сказалъ старикъ, сказка складка, а пѣсня быль; ужъ ты тамъ что хочешь говори, а пѣсня быль. —

Можетъ статься, и быль, замѣтилъ гость, а можетъ статься, и досужество; мудрено, признаться, чтобы все это такъ сталось. —

Какъ мудрено? спросилъ старикъ, отчего мудрено? Нешто тому только и вѣры дать можно, что мы сами видѣли, а чего не видали, тому нельзя и вѣрить? Оно правда, что, можетъ статься, быль, а можетъ, и досужество; да вѣдь не грѣхъ, баринъ, и досужество: оно пить-ѣсть не проситъ, а ину пору накормитъ; ремесло за-плечами не носишь, а съ нимъ добро. Только вотъ что, баринъ, мудренаго въ томъ ничего нѣтъ, что въ пѣсняхъ этихъ поется; гора съ горой не сходится, а горшокъ съ корчагой въ печи столкнется, хоть они оба и не одной руки работа, а каждый перешелъ Богъ вѣсть черезъ сколько рукъ, изъ разныхъ мѣстъ, покуда у мужика въ одной печи сошлися. Вотъ, баринъ, тутъ въ мою память было у насъ такое диво, что мужику Богъ далъ троихъ сыновей, да двухъ дочерей — всѣхъ было растерялъ, да всѣхъ опять Господь свелъ вмѣстѣ, и всѣ почитай господами подѣлались — а были такіе-жъ мужички, какъ и мы грѣшные. —

Гость просилъ старика разсказать, какъ это сталось; этотъ, поломавшись немного, подумавъ, погладивъ бороду, да почесавъ голову, согласился и разсказалъ слѣдующее:

Digitized by Google

РАЗСКАЗЪ.

Годовъ никакъ съ десятокъ до Француза, жилъ въ одномъ господскомъ селѣ—а называлось оно Лысовка—мужичокъ Иванъ Курмышевъ, и было у него дѣтей пятеро: три сына, да двѣ дочери. Мужикъ онъ былъ такъ, середней руки, плохаго ничего за нимъ не важивалось, а на мудрое никто его не надоумилъ. Жилъ онъ—какъ Богу угодно; родился хлѣбъ—Курмышевъ сытъ, а за нимъ и семья, и захребетники; не родился хлѣбъ—не украсть же его стать, благодать Божья и лебеда и мякина. Крестьянское горло суконное бердо: все мнетъ. Изъ себя Иванъ также не больно видный человѣкъ; ноги, руки привѣшены, какъ у Божьихъ людей, и голова стало быть на плечахъ, а ходитъ себѣ куль кулемъ, и не оглядывается. Да вотъ что: далъ Богъ ему хозяюшку, такъ уже и лицемъ показать, и за себя постоять: куда угодно. Баба разумпая, а мужа въ жизнь ни разу дуракомъ не звала; баба работящая, а кромѣ овсянаго снопа, никого цѣпомъ не колачивала; баба пригожая, красотка, а говоритъ: коли я приглянулась тебѣ, такъ погляди на меня, да и будь здоровъ! Ею-то и домъ стоялъ и хозяйство держалось; а какъ она помнила страхъ Божій, такъ Господь и благословилъ ее дѣтьми, что всѣ пошли не въ отца, а въ мать. Сыновья парни бойкіе, разумные, а дѣвки такія, что заглядѣнье!

Старшихъ было два сына, еще молодые парни, не взошло ничего подъ-носомъ, а третья дочь, Катерина, стало быть еще помоложе ихъ. Господа

Digitized by Google

стали заглядываться на нее и толковали въ господскомъ домѣ, бывало, что Катерина и не походитъ на мужичку, а боярышня она по всему. Изъ себя тонѣнька, а кругла и румяна; глазами глядитъ словно граматная какая, а войдетъ куда, да поклонится, такъ вотъ ровно тебѣ по губамъ текло, да въ ротъ не попало.

У господъ у этихъ была боярышня, дочь, и полюбила она Катерину, взяла ее къ себѣ въ горничныя и стала одѣвать ее ровно куколку. Она стала водить ее таки все по крестьянскому, въ сарафанѣ, да только убирала по своему, для потѣхи своей, и сарафанчики шила ей не кумачные, а господскіе, набивные да шелковые. Катеринушка моя пошла такой павочкой расхаживать, что бывало, какъ гости на барскій дворъ наѣдутъ, такъ ею не налюбуются: все на показъ вызываютъ.

Вотъ и былъ одинъ заѣзжій баринъ, изъ военныхъ, молодой и видный изъ себя, да сошлись надъ нимъ, не то чтобы пригожество и убожество—была, сказываютъ, за нимъ и вотчина, да роду былъ онъ по ихъ счету не залетнаго; дворянинъ-то онъ дворянинъ, да не перебродила, чтоли, десятая вода на киселѣ—столбовые тѣ его въ свое братство и не пускаютъ: погоди, говорятъ, молодъ. Онъ этого дѣла и знать не хотѣлъ; пусть-де ихъ величаются, а я знаю, что я не хуже ихъ. Вотъ онъ и посватался за боярскую-то дочку, а они возми, да и откажи; не въ свои-де сани садишься, намъ подай такого, чтобы семи пядепей во лбу былъ, либо князя, чтоли какого, а ты однодворецъ: и обругали его. Вотъ его и взяло поперегъ живота, и расходился; да нешто я, говоритъ, не такой же дворянинъ? нешто

Digitized by Google

я съ поля по дорожкѣ бѣжалъ, да сюда забѣжалъ? да самимъ имъ, говоритъ, можетъ статься, нашему брату кафтанъ подать, такъ и то въ почетъ будетъ; у нихъ и дѣти-то всѣ ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца; вся семья соберется, такъ тоже, кто съ борку, кто съ сосенки; кто имъ приказалъ порочить честный родъ мой, дворянскій? такъ я-жъ, говоритъ, покажу имъ, что по закону Божескому и человѣческому, по мужѣ жену честятъ, а не по женѣ мужа!

Вотъ онъ осерчавъ на господъ этихъ и задумалъ налить имъ щей въ ложку, да пустить туда крупицы крошку, чтобъ говоритъ, не расхлебали, а поперхнулись. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ; а задумалъ онъ, чтобы на зло имъ жениться на горничной дѣвушкѣ ихъ, на Катеринѣ. Видѣлъ онъ ее разъ другой, по личеку она ему приглянулась— дай-ка вотъ я-то имъ насолю, посватавшись на дочери, да женюсь на дочерней горничной!

Какъ самъ онъ не ѣздилъ болѣе къ нимъ въ домъ, такъ подослалъ надежную свашеньку, сосѣдку ихъ, такъ, дворянку изъ мѣлкой сошки, и обѣщалъ ей сотъ пять, коли сладитъ дѣло. Та была пролазъ-баба, вьюнъ такой, что въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, сама не смигнетъ глазомъ. Стала она понавѣдываться къ тѣмъ барамъ, стала нашептывать Катеринѣ и то, и сё—та и слышать не хочетъ; сама головой крутитъ, и не говори-дескать, а сама чай уши наострила. Такъ, сякъ, сманила она Катерину съ собой по грибы, дорогой все знай одно да одно ей толкуетъ; Катерина въ слезы, обманетъ онъ, говоритъ, не женится; какъ ему взять за себя мужичку! Тутъ глядь-отколѣ ни взялась карета,

Digitized by Google

а въ каретѣ самъ женихъ сидитъ, подхватилъ Катеринушку, посадилъ; та заметалась было во всѣ стороны, бѣлы руки заломила, да дѣваться-то не куда, а баринъ цѣлуетъ Катеринушку, унимаетъ, да уговариваетъ: прямо изъ кареты, говоритъ, подъ вѣнецъ и поведу; все готово, попъ ждетъ, до заката солнца обвѣнчаемся, честно, какъ Господь повелѣлъ; жить ты будешь припѣваючи; ходить станешь въ шелку, въ бархатѣ, носить станешь жемчугъ, золото; сама будешь у меня барыней!

Подъѣхали гдѣ-то въ чужомъ селѣ прямо къ паперти церковной: свѣчи горятъ, и попъ дожидается. Катеринушку мою на рукахъ внесли; свѣту Божьяго не взвидѣла. Вотъ давно ли мужичка была—и вѣкъ бы такъ изжила, сомлѣть бы не изучилася; а тутъ, какъ завидѣла судьбу немилучую, что быть да быть барыней — такъ съ легкой руки, для почину, обморокъ къ ней сразу прикинулся!

Очнулась сердешная, стоитъ, дрожитъ, сама не знаетъ, что съ нею дѣется ... Пригожа-то она пригожа, да въ крестьянскомъ платьѣ еще, какъ на себя взглянетъ, а женихъ такой, что только бъ барышнѣ ея по плечу; вотъ она испугается опять и не знаетъ, какъ быть. Не успѣла оглянуться, ужъ и обошли вокругъ налоя и къ кресту приложились, а тамъ и дружки стали цѣловаться, и съ нею и съ нимъ, поздравлять да добра желать, да и поѣхали домой.

А сваха межъ тѣмъ, выждавъ съ часокъ, воротилась къ тѣмъ господамъ, да какъ ко двору стала подходить, то и собачьей побѣжкой пустилась, да руки заломила къ верху, да ну кричать: увезли, говоритъ, вотъ въ моихъ глазахъ увезли; и не знаю

Digitized by Google

кто и откуда, а у меня ноги такъ и подкосились; я кричать, а бѣжать—покуда добѣжала до нее, до сердешной, а тутъ только пыль столбомъ по дорогѣ пошла!

Такъ моя Катеринушка и пропала безъ вѣсти, ровно въ воду канула: господа ее узнали правда въ чьихъ она рукахъ—да ужъ обвѣнчана была, кромѣ развѣ выкупа, ништо возмешь; слухъ пошелъ по селу, что ушла Катерина съ такимъ-то; отецъ и мать поплакали, да и благословили ее заочно, дай Богъ любовь да совѣтъ, коли обвѣнчалась, чтожъ, не безчестно сманилъ, стало быть и грѣха нѣтъ.

Поговорили, потолковали на селѣ—развели на бобахъ, замолчали. Господа тожъ: не плакать стать по горничной своей, хоть и стыдно было, что сватался на дочери, а женился на горничной—да отвели сердце, побранивъ его за глаза и махнули рукой.

Былъ однакоже одинъ человѣкъ, у котораго залегло дѣло это на-сердцѣ не на три дня, а ходилъ онъ долго, думалъ да гадалъ, да на усъ моталъ. А былъ это подстаршій братъ Катерининъ, Григорій. Не полюбилось ему жить у господъ своихъ, ни у отца у матери; онъ былъ бойчѣе всѣхъ, да ину пору дурь въ голову попадала, маленько отъ рукъ отбивался, такъ случалось, что бывалъ битъ и самъ. Вотъ онъ себѣ и задумалъ: коли сестра у меня за военнымъ офицеромъ, за родовымъ дворяниномъ, такъ чтоже я стану тутъ поясницу ломать на барщинѣ? Не клиномъ же земля передо мною сошлась, не только и свѣту, что у батюшки въ красномъ окнѣ! А въ тѣ поры слухъ былъ, что селятся на Кавказѣ, и кто ни приди, только бы дошелъ

Digitized by Google

туда, такъ вольный будешь и земли отведутъ и сиди и живи, знай только самъ себя. Было тутъ много и вракъ, про молочныя рѣки, кисельные берега, сытовые колодцы — ну, это присказка, а сказка будетъ впереди. — Вотъ Григорій и задумалъ на Кавказъ; а какъ онъ былъ еще и самъ парнишка совсѣмъ молодой и любилъ малаго брата своего, Терентія, пуще всѣхъ, то и задумалъ бѣжать, да съ собой увести и Терешку. А Терешка въ тѣ поры еще и до бороноволока не дорось на четверть, такъ вотъ только что ходилъ, да какъ телокъ молоко съ губъ облизывалъ. Ну, жаль вишь стало Григорью покинуть его, онъ и его съ собой. Ушелъ и пропалъ, ровно утопился, ни слуху, ни духу.

Узнавши объ этомъ, баринъ осерчалъ такъ, что свѣту не взвидѣлъ; досадила ему крѣпко ужъ и Катерина, что дала себя сманить и опозорила боярышню; а теперь вотъ Григорій бѣжалъ, да еще и брата увелъ; разсердился баринъ на всю семью, да тутъ-же старшему Курмышеву, недолго думавъ, Герасиму, лобъ забрилъ; а меньшую дочь, Марью, не давъ ей и подрости, всего-то годовъ четырнадцати, отдалъ за мужъ за старика вдовца, за плохаго мужичка, такъ, лыками сшитаго, только слава что мужикъ, а самъ хилой, больной, таки никуда не годится.

Межъ тѣмъ Григорій знай пробирается дальше, норовитъ такъ, чтобы гдѣ Исправнику не попасться въ руки, а доплестись какъ нибудь до самаго до Кавказа. Много таки кой-чего съ нимъ случалось, всякой нужды и горя натерпѣлся: и безъ хлѣба трое сутки съ братишкомъ промаялся; и волки съѣли было гдѣ то, какъ заночевалъ въ терновой

Digitized by Google

трущобѣ; и больной провалялся въ степи дня четыре, какъ мочи не стало, и чуть не померъ; однако доплелся. Хоть хуже будетъ жить де-скать, а все инако будетъ, не по старому—а старое-то житье и надоѣло. Въ чужой рукѣ всегда ломоть великъ. Вотъ пришли они въ тѣ мѣста, что Черкесы воровatые никому проходу не даютъ и отъ нихъ, сказываютъ, житья нѣтъ; кому нужда за чѣмъ по дорогѣ идти, либо ѣхать, такъ все съѣзжаются обозами, а за ними полки въ конвой идутъ, иную пору и пушку еще берутъ съ собой, да и отбиваются; а нашъ Григорій, какъ ему на вольный свѣтъ и на добрыхъ людей глядѣть нельзя было, пошелъ да пошелъ пробираться все дальше; день лежитъ въ лѣсу, въ камышахъ, а ночь идетъ, и все идетъ, а самъ не знаетъ куда; только знаетъ, что за Кавказомъ, сказываютъ, всякому селиться вольно и землю отводятъ и подушнаго нѣтъ, ни рекрутчины, ни барщины; а чего добраго и въ такія мѣста зайдешь, гдѣ молочны рѣки, кисельные берега. Шелъ онъ, шелъ, да и напоролся самъ на свою бѣду, и попалъ какъ куръ во щи: такъ-таки его и взяли Черкесы живьемъ руками — на ловца и звѣрь бѣжитъ, а онъ самъ сердечный на нихъ и набѣжалъ. Какъ сталась бѣда эта, такъ Григорій и догадался, вишь, тоже крѣпокъ заднимъ умомъ, что дѣло плохо; сталъ онъ тосковать и по себѣ, а еще пуще по маломъ братѣ, что отдалъ его въ руки Татарамъ. Думаетъ бѣжать, что Богъ ни дастъ — такъ брата жаль покинуть, по немъ убивается пуще, чѣмъ по себѣ. Такъ промаялся сутки; — вдругъ, на другую либо третью ночь, отколѣ ни взялись казаки, въ такихъ-же говоритъ мохнатыхъ шапкахъ, какъ и

Digitized by Google

Черкесы, что и не распознаешь ихъ — напали на шайку эту, на Черкесовъ, да и давай ихъ лупить. А тѣ, видятъ, что дѣло плохо, давай Богъ ноги, пошли одинъ другому дорогу указывать — да не доставайся-же, говорятъ, полонъ ни намъ, ни вамъ: приололи бѣднаго Григорія ни за грошъ, покинули. Вотъ тебѣ и воля; и попалъ туда, гдѣ нѣтъ ни рекрутчины, ни подушнаго, ни барщины! Какъ съ того свѣту придетъ, такъ, можетъ статься, и поразскажетъ что нибудь о сытовыхъ рѣкахъ.

Межъ тѣмъ, Герасима отдали въ солдаты, а Марьюшку чуть не туда же, погубили дѣвку ни за грошъ. Старикъ Курмышевъ потужилъ опять, поплакалъ — что будешь дѣлать? Власть Господня. Было пятеро дѣтей, такихъ, что завидно было смотрѣть на нихъ стороннимъ — а тутъ не стало вдругъ ни одного. Герасимъ въ солдатахъ; Григорій въ бѣгахъ, и съ Терёшкою; Катерина не то за мужемъ, не то такъ ушла; а Марья и того хуже: колотится сердечная, что рыба объ-ледъ, и молода еще, и слабосильна, а хозяинъ больной, хилой старикъ; а сиротъ, пасынковъ да падчерицъ малъ-мала-меньше полна изба; такъ и замоталась, ровно ошалѣла; и ласки законной отъ мужа ни какой не видала, словно только изъ избы въ избу работницей перешла; день-то бьется, а ночь плачетъ, только всего и житья.

Ну, однакожъ хозяйка Курмышева, Марьюшкина мать, сколько ни плакала тожъ по сиротству своему, а надежду на Бога полагала; горя вездѣ много на свѣтѣ, говорятъ, а рядомъ съ нимъ и добро живетъ, когда подчасъ не изъ него-ль еще оно родится. Она старика своего заставила Богу молиться, да стараться гдѣ можно за себя и за своихъ, и сама моталась

Digitized by Google

туда и сюда, чтобъ сложа руки не сидѣть, не пустословить, праздновать праздникъ, а не будень и умилостивить за дѣтей своихъ господъ, что бы эти на нихъ не пеняли. Такъ она со старикомъ своимъ всякую помощь подавала Марьѣ, да увидавъ, что та не справится съ хилымъ старикомъ и шестерикомъ ребятишекъ, взяла четверыхъ къ себѣ, а ей покинула двоихъ, по старше; вотъ Марьюшкѣ и полегшало. Вспомнила мать и о другихъ дѣтяхъ: просила она грамотныхъ людей отписать въ ту вотчину, которой помѣщикъ ей либо зятемъ сталъ, либо нѣтъ; чтобъ узнать, не слыхать ли чего о дочери ея, Катеринѣ; и въ полкъ писала она, гдѣ былъ, по слухамъ, Герасимъ—да отвѣту не сталось ни откуда; а Курмышева, почитая, что отчаяваться грѣшно, все по прежнему отъ восхода до заката старалась по своему да по дочернину хозяйству, да за сиротъ что Богъ ей далъ — такъ годъ за годомъ и проходилъ.

Все это было въ ту самую пору, въ то памятное всѣмъ намъ время, какъ наступилъ было Французъ на Москву, да ожегся, да попятился, чтобъ простудиться, да и замерзъ. Кто живой съ руками съ ногами былъ, всѣ въ тѣ поры подъ ружье пошли, и не было ни толковъ, ни разговору, какъ про Француза. И я послужилъ въ тѣ поры, хоть однимъ плечемъ, да послужилъ: былъ въ ратникахъ. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; не клокъ же какой нибудь матушка Россія, каблукомъ ее сразу не раздавишь, да и нахраномъ ее не накроешь; исплошится съ одного конца, поправится съ другаго—а встанетъ вся, такъ вѣдь ровно преставленье свѣта, чай не совладать захожимъ молодцамъ, хоть они разопрись.

Digitized by Google

На что уже у насъ въ глуши, и тутъ даже послѣдній мужичокъ бодрился, хоть и знали всѣ, что Москвы-то ужъ нѣтъ, да были слухи, что и Питера не стало; — ну, чтожъ, просторомъ насъ Господь не обидѣлъ, жаловаться грѣшно; за Москвой да за Питеромъ есть еще гдѣ порасходиться, охочій не добѣжитъ туда съ разу, а горячій простынетъ. Межъ-тѣмъ наши чай поспѣютъ собраться, да снарядиться; не на полатяхъ же лежа ветрѣчать да провожать станутъ непріятеля.

Ну миновалась и эта година; какъ постояла за себя матушка Русь, да поддавъ Французу киселя, пошла за нимъ въ проводы, чтобъ не давъ ему оклематься, добить подзатыльниками; такъ поднялись и прочія земли, и уходили его въ конецъ: сиди, говорятъ, дома. Извѣстное дѣло, передній заднему мостъ; за починомъ дѣло стало, а тамъ, сказываютъ, не отставали и прочіе. Прошло еще годовъ съ десятокъ никакъ, тутъ война объявилась съ Турками. Два лѣта повозились наши и тамъ, побили ихъ и замирились.

Вотъ въ Турціи и пришлось, что въ одномъ сраженіи — не было меня тамъ, такъ и не знаю въ какомъ, а врать не хочу, ужъ старъ больно на это — въ сраженіи поприжали было Турки полковника одного, и пошла раздѣлка жаркая: наши-то и радыбъ постоять за себя, такъ не беретъ сила; они вишь съ горъ, да изъ-лѣсу такъ и валятъ. Ну, въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются, а чья возметъ, тотъ и голова. Приходитъ, нашимъ плохо; вдругъ, смотрятъ, помощь валитъ: таки вотъ откуда все Турокъ сыпался, изъ лѣсу, несутся и наши по пятамъ, ровно дождевики вслѣдъ за ними выросли,

Digitized by Google

да и прижали ихъ; тутъ ужъ въ охотку стало и тому полковничку, и онъ поналегъ—справились да порасчистили поле такъ, что и духу Турецкаго тамъ не стало.

Вотъ тотъ первый полковничекъ и здоровается, порѣшивъ все благополучно, съ тѣмъ, что на подмогу поспѣлъ, и спрашиваетъ, какъ чествовать его и откуда Богъ принесъ. Да я, говоритъ тотъ, Курмышевъ прозываюсь, Герасимъ Ивановичъ. А изъ какого жъ вы мѣста родомъ? Да я вотъ оттуда-то, изъ села Лысовки, изъ простыхъ мужичковъ, и дослужилъ, благодаря Бога и великаго Государя, до большаго чина, и самъ теперь начальствую.—А у васъ, опять спрашиваетъ тотъ, не было-ль сестры Катерины?—Была; а вы, говоритъ, гдѣ ее видѣли? Она у насъ сердечная почитай-что безъ-вѣсти пропала, сманили ее, да и увезли!—А я, говоритъ тотъ, знаю такъ ее, что она мнѣ жена; а мы стало быть съ тобой зятья да шурья!—Вотъ и давай обниматься и распрашивать, кого и какъ Господь миловалъ, да Государь жаловалъ.

Я, говоритъ Курмышевъ, хоть съ первоначала и больно сердился на своего барина и каюсь, замышлялъ было противъ него худое, за то что разобидѣлъ онъ все наше семейство, а теперь не тужу. Попалъ я на службу въ такую пору, когда добрые солдаты были дороги; Богъ помогъ мнѣ; начальство полюбило меня, головы своей я не щадилъ—такъ я пошолъ да пошолъ, да вотъ и дослужился. Вотъ, говоритъ, и все; а ты жъ, братъ любезный, какъ?

А я, сказалъ зять его, я женился на Катеринѣ твоей просто на зло господамъ вашимъ, которые больно зазнались; а женившись, братъ любезный,

Digitized by Google

полюбилъ Катеринушку какъ душу. Что пригожа она была, это я видѣлъ, на то глаза во лбу; а что ума-разума было въ этой дѣвкѣ, такъ этого чай никто до того не зналъ. Какъ дастъ Богъ живы здоровы будемъ, да домой воротимся, такъ ты братъ на нее не налюбуешься; такая барыня вышла прекрасная, что завидно, братъ, глядѣть на нее тѣмъ, которые въ шелку повиты, дворянскимъ молочкомъ вскормлены. Ужъ что войдетъ тебѣ куда, что сядетъ, что слово молвитъ, то глядѣть на нее весело и радостно. Однако братъ, пойдемъ, осмотримъ-ка своихъ раненыхъ, да пораспорядимся, какъ слѣдуетъ.

Вотъ они и пошли, ходили по братски, рука въ руку, и всякій распорядокъ дали, да и зашли поглядѣть на плѣнныхъ. Приказали накормить ихъ, стали распрашивать; солдаты и говорятъ, что одинъ есть тутъ изъ нихъ немного знаетъ по-русски, да еще и Русскимъ сказывается. Подай его сюда! пришелъ; и по ихнему кланяется, и голова бритая въ чалмѣ, боится сердечный, не казнить ли ведутъ— сталъ передъ полковничками и дрожитъ. Начали спрашивать его—плохо знаетъ по русски, однакоже немножко понимаетъ. Ты гдѣ по-русски научился?—«да я, говоритъ, Русскій».—Какъ Русскій? откуда? —«Я малъ былъ, чуть помню—братъ меня увезъ на Кавказъ; тамъ взяли меня, а брата убили, держали меня не долго, продали Туркамъ, увезли моремъ въ Турецкій городъ; давно ужъ этому—а помню, что такъ было; тамъ хозяина моего въ войско взяли, въ чиновные, а онъ меня взялъ съ собой; вотъ я и попался.»

Какъ поглядѣли другъ на друга полковнички, какъ заплакали, да Турка того давай обнимать; тотъ

Digitized by Google

сердечный, ровно чужая голова у него на плечахъ, не знаетъ какъ быть: въ ноги имъ стелется, а они знай къ нему на шею вѣшаются. Одинъ говоритъ: я тебѣ братъ; другой говоритъ: я тебѣ зять; вѣдь тебя Терешкой звали, какъ былъ ты Русскимъ? Точно, говоритъ, Терёшкой.—Ну, такъ ты, Терентій Ивановичъ, нашъ; сымай чаяму, отращивай волосы, босовики разуй, да учись ходить въ сапогахъ; живи съ нами, съ нами поѣдешь и домой!

Терентій Ивановичъ помаленьку сталъ отвыкать отъ Турецкихъ ухватокъ своихъ, а братьямъ радъ былъ такъ, что первое время не помнилъ себя. Вотъ, сказалъ зять, видишь ли, Герасимъ Ивановичъ, словно мы съ тобой по грибы пошли: еще одного подобрали изъ своихъ; Богъ милостивъ, не далъ же намъ другъ на друга руки поднять, не далъ брату брата убить; а долголь было до грѣха? уложилибы на мѣстѣ, либо мы его, либо онъ насъ, такъ и закопали бы, земля бы все покрыла, и Богъ бы одинъ и вѣдалъ про то . . .

Терентій отъ брата своего не отставалъ болѣе, а разсудивши съ нимъ, какъ быть и что дѣлать, опредѣлился тутъ же на службу. Такъ наконецъ пришло и замиренье и пошла армія наша домой. Зять стало-быть списавшись съ своей Катеряной, гдѣ было ей встрѣтить на границѣ мужа, да не написавъ ей про братьевъ ни слова, вдругъ и привелъ къ ней ихъ обоихъ. Она, взглянула ли, нѣтъ ли на чужихъ, да къ мужу на шею. Тутъ и слезамъ и радостямъ не было конца. Обняла Катерина мужа—и не выпускаетъ его изъ рукъ; уйдешь, говоритъ, опять, да пропадешь—не дай Богъ опять тоже, что было; лучше помру безъ тебя, а ждать не дождать-

Digitized by Google

ся—моченьки моей нѣтъ! Подвела она ему и двоихъ дѣтей: вотъ, говоритъ, сколько Богъ далъ намъ съ тобой, сколько оставилъ ты мнѣ, столько и сдаю тебѣ опять съ рукъ на-руки: сберегла обоихъ; ночей не досыпала, куска хлѣба не доѣдала, а ихъ сберегла! Старшіе тожъ здоровы, въ наукѣ, а этихъ я безъ тебя грамотѣ выучила, добру наставляла, наказывала быть въ отца!

Вотъ какъ, подумалъ Герасимъ Ивановичъ, стоя до поры до времени ровно чужой въ углу избы, между тѣмъ какъ Турокъ Терентій прижался къ косяку,—вотъ какъ! ужъ она другихъ грамотѣ учитъ; а при мнѣ еще кромѣ серпа да цѣпа ничего въ рукахъ не держала!

Обнялъ мужъ и расцѣловалъ свою Катерину, обнялъ и дѣточекъ и стряхнулъ таки чай слезу съ усовъ, покуда опомнился, кого еще съ собой привелъ. Ну, говоритъ, Катеринушка моя, это все ладно, все благодаря Бога хорошо, и добрая ты моя жена и хозяйка; да вотъ, погляди-ка, я привезъ тебѣ изъ похода гостей, одинъ нашъ, другой Турокъ; вотъ этотъ хотѣлъ было убить меня, пошелъ на меня воевать; да этотъ, спасибо, заступился, не далъ въ обиду, отстоялъ?

Хоть я не дамъ толкъ, что ты говоришь, сказала Катерина, назвавъ мужа по отечеству,—а коли есть правда въ твоихъ словахъ, такъ я пойду обниму напередъ вотъ этого, который за тебя постоялъ; а тамъ, коли ужъ ты простилъ и тому, и привелъ его ко мнѣ въ гости, такъ и я мирюсь съ нимъ, и съ нимъ поцѣлуюсь!

Умная жъ ты баба, сказалъ хозяинъ ея, и не собьешь тебя видно съ толку ни чѣмъ. Ну, а обняв-

Digitized by Google

шись съ ними, по христіански, погляди-ка на нихъ, не захочешь ли еще обнять по братски? Смотри, какъ они сердечные жмутся, не зная, какъ быть и какъ къ тебѣ приступиться! Смотри-ка, вѣдь никакъ давно ужъ слезы навернулись и у нихъ; съ чего бы это такъ! —

Стала Катерина и опѣшила со всѣмъ, даромъ что чужимъ умомъ не живала, а тутъ не приберетъ и слова. Глядитъ, то на мужа, то на нихъ—хоть бы опять, какъ въ тѣ поры, когда подъ вѣнецъ несли ее, обморокъ ошибъ, такъ бы въ самую пору; однакожъ устояла. Да говори-же, Христа ради, закричала она, говори, что ты со мной дѣлаешь?—

Вотъ тебѣ братъ Герасимъ, а вотъ тебѣ и братишко Терентій, сказалъ ей муженекъ: одинъ угодилъ было въ Турки, а теперь опять сталъ нашимъ; другой не испугался того, что ему лобъ забрили, а вотъ головой да грудью взялъ свое; самъ начальникъ теперь, какъ и я, и крестами пожалованъ не хуже всякаго столбоваго дворянина?—

Тогда-то ужъ Катеринушка кинулась къ нимъ и повисла на шею обоимъ. Протолковали они вчетверомъ почитай всю ночь на пролетъ; всякій разсказывалъ свое житье-бытье и что и какъ съ нимъ приключилось.

Я, говоритъ Катерина, не вѣрила свахѣ его, не слышала родясь, что бы такіе женихи были у крестьянскихъ дѣвушекъ, хоть меня господа и избаловали и захвалили не много—за русу косу, за черны брови; однако-же все у меня этого въ головѣ не бывало. Когда же *онъ-вотъ* поймалъ меня одну въ полѣ, посадилъ да увезъ; такъ я, добра не чая никакого, хотѣла убиться, хоть бы вотъ подъ ко-

Digitized by Google

лесы кинуться изъ кареты, такъ и то бы благодать. Я помнила только отца, да пуще всего мать, а себя не жалѣла. Какъ послѣ обвѣнчали насъ, какъ что дальше было—ровно во снѣ помню, знаю только, что успокоилась, предавшись волѣ Божьей. А когда узнала его, получше, стала посмѣлѣе съ нимъ, да опомнилась сама и опозналась—такъ зажили мы душа въ душу съ нимъ и правда, что полюбила я его, какъ и сама не чаяла. Такъ небось и съ нимъ было: взялъ меня онъ не по добру, не по Божьему закону—а послѣ и сердце забылъ свое и недобрую думку, а тоже слюбился какъ Богъ велѣлъ и теперь говоритъ—коли не обманываетъ—что не сталъ бы такъ любить и барышни моей, когдабъ пошла за него, какъ полюбилъ меня. А я, не забывая простаго рода своего, какъ и вы, милые братья, сколько силъ моихъ было, старалась, чтобъ не стыдно было мужу меня въ люди показать, чтобъ быть мнѣ не мужичкой между ровнями его, а хозяйкой, какъ слѣдуетъ. Чей хлѣбъ ѣшь, того и пѣсенку поешь; отъ людей не отставай, а къ людямъ приставай. Вотъ мы благодаря Бога и живемъ; и не упрекалъ меня муженекъ мой ни разу, что я не ему чета, а возитъ, такой похвальбишка! возитъ еще на показъ, какую-де воспиталъ себѣ жену!—

А чтожъ, сказалъ тотъ, разумѣется такъ; не чужимъ я говорю теперь, а своимъ, роднымъ шурьямъ: готовой такой не найти; отъ-того и похваляюсь.

Теперь, сказала Катерина, по одномъ только у меня сердце болитъ, по отцѣ и матери. Что съ ними? живъ ли кто изъ нихъ? Когда бы Господь привелъ увидаться съ ними хоть разъ, то вѣчно-бъ благодарила его въ молитвахъ своихъ, и помоло-

Digitized by Google

дѣлабъ опять, опять стала бъ такою, какою была, живучи при нихъ .... много чай мать обо мнѣ поплакала!

А что-же, сказалъ полковничекъ, за чѣмъ дѣло стало? благо теперь вся семья, всѣ мы вмѣстѣ сошлись: просись ты, Герасимъ Ивановичъ, въ отпускъ, и я отпрошусь, солдата своего и самъ уволю—вотъ и поѣдемъ, да какъ снѣгъ на голову!

И за̀ словомъ давай всѣ обниматься да въ путь-дороженьку снаряжаться.

Вотъ, баринъ, продолжалъ раскащикъ, теперь пожалуй и пой пѣсню, такъ и будетъ быль:

Не сизы туманы изъ-за горъ-горы подымалися,
Подымался поѣздъ путничій ни свѣтъ ни заря:
А ни свѣтъ ни заря къ селу Лысовкѣ подъѣзжаютъ они—
Подъѣзжаютъ брата два, со сестрой родной, со роднымъ зятюшкой.
Какъ стучитъ-то въ нихъ и стучитъ таки ретиво̀ сердце,
По тому-ль по свиданью со отцемъ, съ родной матушкой!

Ну, пріѣхали они по близости Лысовки въ деревню, у полковничковъ не стаетъ силъ дожидаться, поколѣ лошадей покормятъ; не льзя ли, говорятъ, приняпять тутъ, чтобъ къ обѣду поспѣть въ Лысовку! Мы заплатимъ честно, что потребуется. Можно, говорятъ, вотъ здѣшніе мужички возмутся, да еще подпряжетъ пожалуй пару свою мужичокъ Лысовскій, что сюда привезъ оттолѣ купцовъ. А гдѣ онъ, подайте его сюда!—Пришелъ.—Ты Лысовскій?—Лысовскій, баринъ.—А чьихъ же ты, изъ какой семьи?—Да я баринъ, коли знаете, Курмышева старика сынъ. — Какъ такъ Курмышева? стало быть ты Гри-

Digitized by Google

горій? — Григорій и есть; а вы-де какъ меня знаете? —

Ну, тутъ сбѣжались всѣ, давай брата обнимать, да цѣловать; тотъ знай усы да бороду утираетъ, не мытое рыло подставляетъ съ ума что ли, дескать, спятили господа заѣзжіе бояре, что всѣ мужику на шею цѣпляются, да роднымъ братомъ зовутъ? А тутъ еще какъ подбѣжала и Катерина красавица, барыня пышная, ужь по платью-ль, по рѣчамъ ли, по походкѣ ли, по всему, барыня; такъ Григорій стоитъ, ровно баранъ какой, ужъ и не знаетъ съ котораго боку подступиться. Григорій мой и слышитъ что̀ толкуютъ ему, да вѣры неймстъ; насмѣхъ что ли-молъ подымаютъ меня — а такихъ сестеръ, зятьевъ да братьевъ у меня, хоть побожиться, такъ не бывало!

Живъ ли отецъ? — Живъ слава Богу. — А мать? — И мать жива, всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ. — А сестра Марья? — Сестра Марья жива; тожъ и она хозяйка хорошая стала, маленько горе съ плечъ свалило. Больной-то, старый хозяинъ померъ у нея. Богъ надъ нею смиловался; ребятишки всѣ подросли, чернаго хлѣба не просятъ, сами въ домъ носятъ, а не изъ дому. Она осталась молодой вдовой, красавица такая, хоть на показъ куда вести, хоть съ невѣстами на смотрины, такъ въ самую только пору; и таки жить не жила она съ хилымъ мужемъ, опричь того, что до послѣдняго часу все за нимъ ходила, да и схоронила. А какъ грѣха за ней не было ни какого, хоть за старымъ мужемъ, и все одно что безъ мужа жила, а страхъ Божій помнила и слушалась матери своей, которая все только добру ее учила; какъ окромѣ добра никто про нее ни-

Digitized by Google

чего не слышалъ, а собой была она по-чище всѣхъ дѣвокъ Лысовскихъ, такъ и стали сватать ее со всѣхъ сторонъ, только что успѣла старика отвезти на погостъ. Подумавъ, да порядивъ съ матерью, которая упросила и господъ, чтобъ надъ дочкою смиловались, она и вышла за Косарева сына, за Степана, за перваго мужика на селѣ, и по достатку, и по хозяйству. Вотъ она и живетъ благодаря Бога, нужды не знаетъ, избу построили новую, просторную, съ хоромами, и стариковъ взяли къ себѣ, отца то есть ея и мать.—

Ну, Григорій, а ты же какъ въ живыхъ опять объявился, да на старое мѣсто угодилъ? Вѣдь тебя убили Черкесы?—

Григорій поглядѣлъ на брата Терентья, да и заплакалъ отъ радости, да опять сталъ его обнимать. Погубилъ было я тебя сердечнаго, съ великаго умаразума своего!.. Слава тебѣ Господи, что все миновалось! А со мной было вотъ что: приkололи меня собаки окаянныя, да и бросили. Что было тутъ — ничего не знаю; только сказывали послѣ козаки, что, говорятъ, счастливъ ты Григорій, что-де не до тебя тогда было намъ, погнали мы ихъ дальше и своихъ то убитыхъ троихъ покинули, некогда было похоронить; а то бы, говорятъ, лежалъ бы и ты съ ними теперь въ землѣ, ничто бы взялъ. Всѣхъ четверыхъ васъ, говорятъ, за-мертво мы покинули и не повѣрили бы никому какъ глазамъ своимъ, что тыде очнулся, да выползъ. А я, видишь, очнувшись на зарѣ, утромъ, гляжу — нѣтъ ни души, только что казаки убитые лежатъ трое, да одна лошадь. Я ну ползти да ползти на корачкахъ, доползъ до водицы, напился, обмылся, отдохнулъ — и всталъ ужъ

Digitized by Google

коё-какъ на свои нòги. Ну, не больно рѣзвы онѣ были, что ступишь, то подламываются; однако дошелъ я до торной дорожки и послышалъ за собой, какъ солнышко поднялось, конницу. Вотъ, думаю, либо панъ, либо пропалъ; коли свои — такъ авось не покинутъ; а коли горцы, такъ постараются они около меня въ другой разъ по-лучше. Глядь — анъ наши; такъ я благополучно съ ними и вышелъ, да зарокъ и положилъ: коли дастъ Богъ ожить мнѣ, никуда не пойду больше, какъ прямо домой, да господамъ въ нòги; власть ихъ, что хотятъ, то пусть и дѣлаютъ, а ужъ я понесу все на себѣ, за брата сердечнаго, за Терентія, котораго сгубилъ вотъ ни за грошъ! Такъ я вылежался и воротился; да вотъ, ради страданій моихъ, что крѣпко израненъ, господà помиловали меня, — и пожаловали въ свинопасы; я живу себѣ, овдовѣлъ давно, дѣтей слава Богу не осталось, — одна только своя голова на плечахъ — и живу себѣ бобылемъ, ни избы своей, ни хозяйства своего нѣтъ.

Побесѣдовавъ съ Григоріемъ, господа велѣли ему закладывать коляски, либо кареты свои, подпрягли тутъ и другіе мужички и пустились мои землепроходцы въ путь, во дороженьку. Стали подъѣзжать, родимыя мѣста признавать: гдѣ лѣсокъ, гдѣ березка стоитъ, гдѣ бугоръ, пригорокъ, либо вражекъ — все припоминаютъ, другъ передъ другомъ похваляясь; а полковники зачастýю на часы свои поглядываютъ, скоро ли-де пріѣдутъ. Ну, не за горами ужъ и Лысовка, передъ ними, какъ на ладонкѣ. Вотъ и храмъ Божій виднѣется, колокольня все таже, какая была, годовъ тому съ пятнадцать; вонъ и господскій домъ стоитъ, съ садомъ, конюшни,

Digitized by Google

овчарни, скотный дворъ... А вонъ, говоритъ Григорій, Марьюшкина изба: вонъ по-новѣе другихъ кажетъ, за колодцемъ. Пріѣхали, и прямо подкатили къ Марьюшкину двору. Хозяйка думаетъ, какіе нибудь проѣзжіе, да видно отдохнуть къ намъ заѣхали, и вышла за вороты. А Григорій кричитъ ей: вотъ, Марьюшка, гостей привезъ тебѣ, такъ гостей; знаю, что вѣкъ будешь благодарна! — Ну, говоритъ Марья про себя, ты все радъ только горло драть, не знаешь по чемъ; милости просимъ, молвила она вслухъ, поклонившись господамъ. Растворяй ворота, хозяйка, закричалъ одинъ полковничекъ, соскочивъ съ коляски — мы-де на постой къ тебѣ, совсѣмъ жить пріѣхали! — Ну милости просимъ, молвила Марья — тамъ, тамъ, какъ хозяинъ себѣ знаетъ. И стала растворять вороты.

Марья, сказалъ Герасимъ Ивановичъ, взявъ ее за руку, Марья Ивановна, а помнишь ли что у тебя сестра была Катерина, да еще два брата, Герасимъ, да Герентій? — Помню, говоритъ Марья, а сама глядитъ на полковника, глазомъ не смигнетъ, не знаетъ, что такое это будетъ. — Такъ я-къ тебѣ братъ, Марья, и это братъ, а то сестра, а это тебѣ своякъ!

Разбѣжались глаза у Марьи, не знаетъ, что и дѣлать, испугалась, стала креститься; а Катерина заплакала, да къ ней на шею. . . Хозяинъ глядитъ въ окно, и говоритъ старикамъ; что тамъ такое, какіе пріѣзжіе веселые пріѣхали — что за диво! ровно съ сестрой обнимаются да цѣлуются, съ хозяйкой. — Пойду, погляжу. Пошелъ, а старики подошли къ окну, да тожъ и себѣ ничего въ толкъ не возмутъ. Какъ вышелъ хозяинъ, такъ за-словомъ

Digitized by Google

и съ нимъ господа пошли обниматься Вотъ и вошли въ избу, и даромъ что господами стали, а по крестьянскому обычаю сперва перекрестились, да прямо отцу и матери въ ноги. Ну, старики чуть не рехнулись отъ радости; видятъ, что въ ноги некому пасть больше, какъ ни дѣтямъ роднымъ; а чтобъ такіе дѣти были у нихъ, того и во снѣ не видали. Отецъ радъ былъ — а ужъ мать, такъ не знаетъ, какъ къ которому подойти и что съ нимъ дѣлать; долго не вѣрила и не могла себѣ того въ обычай взять, что все это понаѣхали дѣти ея; а ужъ послѣ все только ходитъ около нихъ, плачетъ да слушаетъ ихъ, да по головкѣ гладитъ, то одного, то другаго. А какъ станетъ она передъ Катериной своей, да взглянетъ на нее, то такъ снова и зальется слезами. Какъ-же никто изъ васъ вѣсточки о себѣ не подалъ, а я еще и писала вамъ, сказала мать. . . Нѣтъ, матушка, отвѣчали тѣ, мы твоихъ писемъ не видали, а мы въ первые годы писали; да какъ намъ не было отвѣта, то и думали, что васъ давно на свѣтѣ нѣтъ, и замолчали сами. Тутъ только догадались всѣ они, чье недоброе дѣло это было, что письма ни туда, ни сюда не доходили; покачали головой, да и подумали: ну, дѣло прошлое, Богъ ихъ проститъ.

Межъ-тѣмъ съ господскаго двора ужъ прибѣгали узнать, кто такой заѣхалъ. Какъ пришелъ съ отвѣтомъ посланецъ, такъ господа и не вѣрятъ. Народъ со всего села сталъ собираться вкругъ избы Марьиной, поглядѣть на такое диво; здоровались всѣ добрые люди, кто помнилъ Курмышевыхъ молодыхъ, и не могли на нихъ нарадоваться.

Черезъ день случился праздникъ, и пошли всѣ,

Digitized by Google

вся семья Курмышевыхъ, къ обѣднѣ. Впередъ старики, отецъ и мать, въ хорошемъ платье своемъ; за ними дочь Катерина съ мужемъ, тамъ Марья съ своимъ, а тамъ два брата, Герасимъ да Терентій; а Григорію — пустодому пришлось плестись сзади одному. Полковнички въ своихъ мундирахъ, въ крестахъ, и Терентій въ своемъ, въ солдатскомъ; Марьюшка въ праздничной поневѣ, въ шелковомъ платкѣ; а ужъ Катеринушка, хоть и говорила мужу, что рядиться больно не стану-де, а все вышла ровно княгиня настоящая, по осанкѣ, по всему. Ужъ и въ церкви чай не одинъ согрѣшилъ изъ прихожанъ, не-хотя всѣ туда глядѣли, на Курмышевыхъ, что-де такого дива, какъ сошлась семья ихъ, и на свѣтѣ не слыщно было!

Отстоявъ обѣдню, вся семья пошла къ помѣщику; къ господамъ на поклонъ. Ну, сперва тѣмъ какъ-будто не ловко было, не знали, можетъ-статься, какъ стать и сѣсть; однако же обошлись вскорѣ, — и какъ всѣ пріѣзжіе, и полковничекъ Герасимъ и пуще всего Катеринушка, не памятуя никакого зла, были почтительны къ прежнимъ господамъ своимъ и ни чуть передъ ними не ломались, то и господа полюбили ихъ и стали къ нимъ доброжелательны. Вотъ, потолковавъ и сладили дѣло такъ: за Марьюшку съ хозяиномъ, да за Григорія, внесли братья выкупъ; а за стариковъ, господа и выкупа не взяли, отпустили ихъ такъ. Поблагодаривъ господъ, пошли всѣ въ этотъ день на обѣдъ къ старикамъ Курмышевымъ, посадивъ за столъ всю родню, человѣкъ пятнадцать; съ краснаго конца сидѣли старики, а тамъ полковнички, да новобранецъ Терентій, да Марья съ Катериной. На другой день

Digitized by Google

баринъ позвалъ всѣхъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и посадилъ съ собою за одинъ столъ всѣхъ; и старика со старухой, и Марью, и бобыля Григорія. Во весь столъ шумно и весело гуляли, и все распрашивалъ баринъ каждаго, какія бывали съ нимъ приключенія, и всѣ тому дивились. А надъ Григорьемъ господа по маленьку трунили, что захотѣлъ на Кавказѣ побывать, воли поискать, отъ подушнаго, отъ барщины уйти, да вмѣсто воли попалъ въ неволю. Что-жъ дѣлать, сказалъ Герасимъ Ивановичь, на всякую причину разума не напасешься; за то его Господь и наказалъ, перенесъ и потерпѣлъ онъ много— пора и забыть того, этотъ грѣхъ, и не поминать, чего теперь уже не воротить.

На всѣхъ на нихъ заглядывались господа, все дивуючись, какіе вышли изъ Курмышевыхъ бары, да какъ находчивы они обычаемъ, что промежъ господъ и сами господа, не стыдно и тамъ посадить на первое мѣсто; а со сродниками своими, съ крестьянами, тожъ ровно братья и спеси нѣтъ въ нихъ никакой; а ужъ Катерина Ивановна, такъ озадачила ихъ всѣхъ, господъ-то своихъ, такъ—что старый баринъ бывало послѣ вспоминаетъ, разсказываетъ господамъ, да и говоритъ: такая пышная Княгиня стала она, да вѣдь что ни сдѣлаетъ, куда ни сядетъ, такъ ровно вотъ въ свои сани сѣла, ровно въ княжествѣ и родилась; а собой, говоритъ, такая красавица, что иной барынѣ послѣ этого стыдно на себя посмотрѣть; ну кабы несовѣстно было передъ сторонними людьми, къ ручкѣ бы подошелъ, ей ей — вотъ что.

Кончивъ, старикъ всталъ и утеръ бороду, ровно послѣ сытнаго ужина. Кружокъ, который наросталъ

Digitized by Google

по-немногу во время разсказа, сталъ шумно и радостно расходиться, обсудивъ такъ и сякъ старикову повѣсть и дѣлая кой-какіе двусмысленные намеки. Гдѣ же ты слышалъ повѣсть эту? — спросилъ проѣзжій, полагая, что старикъ былъ уроженецъ и житель этой деревни. — Слухомъ земля полнится, отвѣчалъ тотъ, кивнувъ головой. — Крестьяне разсмѣялись, и одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: да вѣдь это, баринъ, Григорій Курмышевъ и есть! — Какъ, Григорій? спросилъ проѣзжій, да какъ-же онъ сюда попалъ? — Шатается по бѣлу свѣту, отвѣчалъ тотъ, торгуетъ кой чѣмъ, да нашего брата надуваетъ; а вотъ у насъ и загостился, видно хочетъ отпраздновать Пасху.

В. Луганскій.

Digitized by Google

ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНОМЪ ОТМѢНЕНІИ

ХЛѢБНЫХЪ ЗАКОНОВЪ

ВЪ АНГЛІИ,

ПРЕДЛАГАЕМОМЪ СЭРЪ РОБЕРТЪ-ПИЛЕМЪ, И О ВЛІЯНІИ ЭТОЙ РЕФОРМЫ НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ВЕЛИКОБРИТАНІИ.

Ярослава Линовскаго.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ ОТМѢНЕНІИ ХЛѢБНЫХЪ ЗАКОНОВЪ

ВЪ АНГЛІИ.

Великое совершается теперь въ Англіи событіе. Законъ о хлѣбной торговли, имѣвшій такое значительное вліяніе не только на характеръ промышленности Великобританіи, но даже на общественную и государственную жизнь этого края, теперь по предложенію Серъ Робертъ Пиля, окончательно отмѣняется. — Замѣчательно, что это необыкновенно важное событіе совершается въ то самое время, когда въ Бельгіи бывшій неурожай картофеля, и произшедшій въ слѣдствіе того голодъ заставилъ правительство, несмотря на все сопротивленіе землевладѣльцевъ, отмѣнить законъ объ ограниченіи ввоза иностраннаго хлѣба; когда во Франціи такъ много теперь пишутъ и толкуютъ о необходимости уменьшенія въ городахъ цѣнъ на мясо, и объ измѣненіи существующаго тамъ съ 1832 года закона о хлѣбной торговли; когда и у насъ въ Россіи, безпрерывныя повышенія и упадки цѣнъ на хлѣбъ обратили въ такой степени вниманіе просвѣщенныхъ хозяевъ на

Digitized by Google

изученіе условій правильной системы хлѣбной торговли, что по одному проэкту С. И. Мальцова объ удержаніи цѣнъ на хлѣбъ послѣдовало въ Вольное Экономическое Общество 106 отзывовъ изъ разныхъ концевъ Россіи; когда однимъ словомъ, вездѣ въ Европѣ благомыслящіе люди желали бы видѣть оживленіе внутренней и внѣшней торговли, а въ особенности обезпеченіе продовольствія бѣднаго класса народонаселенія, такъ часто страждущаго отъ неурожаевъ, отъ голода.

Какъ ни замѣчательны тѣ обстоятельства, которыя вынуждаютъ теперь Англійское правительство отмѣнить законъ о хлѣбной торговли, какъ ни важны тѣ послѣдствія, которыя должно ожидать отъ этой мѣры, мало однакожъ писано было у насъ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторыя Петербургскія газеты, а въ особенности журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, обратили на дняхъ вниманіе на важность событія, совершаемаго теперь въ Англіи, но представленныя въ этихъ журналахъ данныя и воззрѣнія, какъ ни любопытны сами по себѣ, не обнимаютъ однакожъ предмета вполнѣ, не объясняютъ его во всѣхъ его подробностяхъ.

Если и я рѣшаюсь взять перо для того, чтобы описать современное положеніе этого любопытнѣйшаго вопроса, то это потому только что долго изучалъ его на самомъ мѣстѣ. Неоднократно случалось, въ 1843 году, бывать мнѣ въ Парламентѣ, когда происходили тамъ политическія пренья по случаю вопроса о привозѣ хлѣба изъ Канады; не разъ встрѣчалъ я въ разныхъ Графствахъ Англіи извѣстныхъ народныхъ трибуновъ Кобдена и Брейта, которые краснорѣчивыми своими рѣчами возмущали

Digitized by Google

народъ противъ существующихъ тогда хлѣбныхъ законовъ; въ теченіи цѣлаго года, почти ежедневно, слышалъ я толки, споры и разсужденія объ этомъ предметѣ какъ помѣщиковъ, такъ купцевъ и работниковъ, а потому если мнѣ и не удастся угадать вполнѣ всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя можно ожидать отъ осуществленія проэкта Сэръ Робертъ-Пиля, то надѣюсь, по крайней мѣрѣ, представить довольно вѣрную картину той замѣчательной борьбы частныхъ интересовъ, которая нѣсколько лѣтъ уже продолжается въ Англіи, и тѣхъ причинъ, которыя вынуждаютъ въ настоящее время Англійское правительство къ окончательному отмѣненію хлѣбныхъ законовъ.

Для того чтобы представить вопросъ во всей его полнотѣ, мы раздѣлимъ его на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Сначала будемъ говорить о томъ: 1) какъ измѣнялись хлѣбные законы съ самаго начала ихъ учрежденія по настоящее время; 2) какія доказательства приводятся публицистами въ защиту и въ опроверженіе сихъ законовъ; 3) какія политическія причины вынуждали Англійское правительство такъ долго удерживать эти законы, не смотря на то, что они были весьма тягостны для народа; 4) какая сила заставила наконецъ правительство склониться къ отмѣненію этихъ законовъ; 5) въ чемъ состоитъ теперешній проэктъ С. Робертъ-Пиля; и наконецъ 6) какія можно ожидать послѣдствія отъ сего проэкта для промышленности, для общественной и государственной жизни Великобританіи.

Существующіе съ конца 17-го столѣтія въ Англіи хлѣбные законы, хотя весьма часто измѣнялись, но

Digitized by Google

всегда имѣли одну цѣль—искуственное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ внутри государства посредствомъ запрещенія ввоза иностраннаго хлѣба или наложенія на него значительной пошлины.

До конца 17-го столѣтія Англія вывозила въ чужіе краи земледѣльческіе продукты, такъ точно какъ она вывозитъ теперь мануфактурныя издѣлія. Всѣ существовавшіе до того времени законы имѣли цѣлью поощреніе вывоза разными преміями; но послѣ того, по мѣрѣ быстраго возрастанія народонаселенія, перестали вывозить хлѣбъ, а начали напротивъ мало по малу привозить его въ Англію изъ другихъ странъ свѣта. Землевладѣльцы, опасаясь, чтобы со временемъ иностранный хлѣбъ не наводнилъ собою отечественныхъ рынковъ, и тѣмъ самымъ не способствовалъ бы къ уменьшенію ихъ доходовъ, требовали настоятельно отъ правительства возвышенія пошлины на иностранный хлѣбъ. Въ слѣдствіе сего, скоро послѣ революціи, въ царствованіе Вильгельма III-го назначена была пошлина въ 18 шиллинговъ (*). на каждый квартеръ пшеницы привозимый изъ чужихъ краевъ. Эта пошлина возвысилась въ царствованіе Королевы Анны до 20, а нѣсколько лѣтъ послѣ того, до 22 шиллинговъ.

Между тѣмъ многіе неурожайные годы, бывшіе въ началѣ царствованія Георга III-го, заставили правительство сдѣлать измѣненіе въ хлѣбныхъ законахъ. Въ 1774 году положено было допускать ввозъ иностраннаго хлѣба (съ платою незначительной пошлины $\frac{1}{2}$ шиллинга), впрочемъ въ томъ толь-

(*) Шиллингъ=32 коп. сер., а квартеръ=около $1\frac{1}{2}$ четверти.

Digitized by Google

ко случаѣ, когда цѣны на хлѣбъ внутри государства будутъ болѣе 44 шиллинговъ. Если же цѣны будутъ ниже, то пошлина должна была оставаться по прежнему въ 22 шиллинга. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, Англійская аристократія, недовольная существовавшими въ то время цѣнами требовала настоятельно ихъ возвышенія, и бывшій въ то время министръ Фоксъ вынужденъ былъ вмѣсто 44-хъ назначить 48, а потомъ 54 шиллинга, какъ нормальную цѣну квартера пшеницы, и постановилъ взымать на таможняхъ съ иностраннаго хлѣба пошлину въ 24 шиллинга, если только на отечественныхъ рынкахъ квартеръ пшеницы стоилъ менѣе 54 шиллинговъ. Нельзя однакожь не замѣтить, что въ концѣ прошедшаго столѣтія частые неурожаи заставляли неоднократно правительство допускать временно ввозъ иностраннаго хлѣба для обезпеченія народнаго продовольствія.

Въ 1804 году землевладѣльцы начали опять изъявлять свое неудовольствіе. Они утверждали, что въ Англіи тогда только можно съ успѣхомъ заниматься земледѣліемъ, когда цѣна на хлѣбъ будетъ выше 65 шиллинговъ. Ихъ требованія были уважены, и скоро вышелъ законъ, по которому назначено было взимать пошлины 30 шиллинговъ съ каждаго квартера (если цѣна хлѣба внутри Государства менѣе 63 шиллинговъ). Но этого еще не было достаточно для Англійской аристократіи. Въ 1813 году, въ слѣдствіе неурожаевъ, цѣны на хлѣбъ возвысились до 103 шиллинговъ. Землевладѣльцы начали упорно требовать, чтобы эта огромная цѣна объявлена была нормальною для Англіи. Послѣ продолжительныхъ споровъ, утвержденъ былъ, въ 1815

Digitized by Google

году законъ самый запретительный, какой только когда либо существовалъ въ Европѣ относительно хлѣбной торговли, а именно запрещено было совершенно привозить иностранный хлѣбъ дотолѣ, пока внутри государства цѣны не возвысятся до 80 шиллинговъ. Въ 1822 году этотъ законъ претерпѣлъ незначительное измѣненіе. Дозволено было впускать хлѣбъ тогда, когда внутри отечества цѣны дойдутъ до 70 шиллинговъ, но съ платою 12 шиллинговъ пошлины.

Два послѣднія постановленія подкрѣпили значительнымъ образомъ интересы землевладѣльцевъ. Англійская аристократія торжествовала, но не на долго; ибо среди народа начала проявляться реакція, которая, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливаясь, становилась опасною для высшаго сословія. Объ этой реакціи будемъ говорить въ послѣдствіи; теперь скажемъ только то, что подъ ея вліяніемъ правительство сочло обязанностію своею обратить наконецъ вниманіе палатъ на нужды и бѣдствіе народа, и на изысканіе средствъ къ ихъ устраненію. Въ 1828 году Кеннингъ предлагаетъ парламенту смягчить существовавшій въ то время законъ о хлѣбной торговлѣ. Онъ совѣтуетъ, вмѣсто постоянной пошлины, принять подвижную лѣстницу (sliding scale), придуманную Гускисономъ, въ которой пошлина измѣняется въ обратномъ отношеніи съ повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ внутри государства. Предложеніе Кеннинга принято было съ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, но въ верхней оно нашло сильную оппозицію со стороны лордовъ. Герцогъ Веллингтонъ измѣнилъ проэктъ Кеннинга въ пользу

Digitized by Google

аристократіи, такъ какъ это видно изъ прилагаемой при семъ таблицы.

Средніе цѣны хлѣба на отечественныхъ рынкахъ.	ПОДВИЖНАЯ ЛѢСТНИЦА.		
	Предложенная Кеннингомъ.	Измѣненная въ 1828 году Веллингтономъ.	Введенная въ 1842 году Робертъ-Пилемъ.
73 Шил.	1 Шил.	1 Шил. 8 П.	1 Шил.
72 — —	1 — —	2 — — 8 —	2 — —
71 — —	1 — —	6 — — 8 —	3 — —
70 — —	1 — —	10 — — 8 —	4 — —
69 — —	2 — —	13 — — 8 —	5 — —
68 — —	4 — —	16 — — 8 —	5 — —
67 — —	6 — —	18 — — 8 —	5 — —
66 — —	8 — —	20 — — 8 —	6 — —
65 — —	10 — —	21 — — 8 —	7 — —
64 — —	12 — —	22 — — 8 —	8 — —
63 — —	14 — —	23 — — 8 —	9 — —
62 — —	16 — —	24 — — 8 —	10 — —
61 — —	18 — —	25 — — 8 —	11 — —
60 — —	20 — —	26 — — 8 —	12 — —
59 — —	22 — —	27 — — 8 —	13 — —
58 — —	24 — —	28 — — 8 —	14 — —
57 — —	26 — —	29 — — 8 —	15 — —
56 — —	28 — —	30 — — 8 —	16 — —
55 — —	30 — —	31 — — 8 —	17 — —
54 — —	32 — —	32 — — 8 —	17 — —
53 — —	34 — —	33 — — 8 —	17 — —
52 — —	34 — —	33 — — 8 —	18 — —
51 — —	34 — —	33 — — 8 —	19 — —
Менѣе 51 шил.	33 — —	33 — — 8 —	20 шил.

Послѣ 1828 года противодѣйствіе народа съ каждымъ днемъ становилось сильнѣе и ощутительнѣе. Внутри государства учредился противъ хлѣбныхъ законовъ цѣлый союзъ, который получилъ скоро обширное политическое значеніе. Въ 1841 году, послѣ образованія новаго министерства тори, вопросъ о хлѣбныхъ законахъ сдѣлался главнѣйшимъ

Digitized by Google

предметомъ внутренней Англійской политики. Послѣ продолжительной преміи, билль С. Робертъ-Пиля, составленный въ первый разъ въ либеральномъ духѣ, но съ необыкновенною осторожностію и возможнымъ сочетаніемъ всѣхъ противоположныхъ интересовъ, принятъ былъ обѣими палатами, и облеченъ силою закона. Подвижная лѣстница С. Робертъ-Пиля существующая въ Англіи съ 1842 года по настоящее время представлена выше въ таблицѣ.

Этотъ законъ, существующій болѣе трехъ лѣтъ значительно облегчилъ нужды народа, оживилъ торговлю и умножилъ всеобщее благосостояніе; но этого въ настоящее время уже недостаточно. Хлѣбные законы, тяготѣвшіе болѣе столѣтія на низшемъ классѣ народонаселенія, успѣли произвести въ народѣ сильную реакцію, и среднія мѣры оказываются теперь уже недостаточными. Во всѣхъ концахъ Великобританіи громко раздаются требованія о безусловномъ отмѣненіи хлѣбныхъ законовъ, и о скорѣйшемъ введеніи свободной торговли. Эти требованія съ каждымъ днемъ усиливаются, угрожая общественному спокойствію; многіе публицисты и члены политическихъ палатъ давно уже приняли сторону народа; но между тѣмъ первый министръ долго молчитъ, спокойно внемлетъ народному волненію, и какъ будто выжидаетъ удобнаго времени для рѣшительнаго дѣйствія. И это время настаетъ. Въ 1845 году неурожай картофеля произвелъ въ Ирландіи и во многихъ графствахъ Англіи огромныя бѣдствія. Полученныя къ 1-му Ноябрю свѣдѣнія о количествѣ послѣднихъ урожаевъ были во многихъ мѣстахъ самыя неблагопріятныя. Эти обстоятельства убѣдили окончательно С. Робертъ-Пиля,

Digitized by Google

что хлѣбные законы не могутъ или, точнѣе, не должны болѣе существовать въ Англіи. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ онъ выходитъ въ отставку, оставляетъ ту сильную партію, съ помощію которой вступилъ онъ въ кабинетъ, и въ письмѣ своемъ, адрессованномъ къ Королевѣ, 8-го Декабря, онъ обѣщается не какъ министръ уже, а какъ членъ парламента, защищать мѣры, клонящіяся къ постепенному и окончательному отмѣненію хлѣбныхъ законовъ. Королева предлагаетъ Джонъ Русселю образовать новый кабинетъ; но ни онъ, ни другіе извѣстнѣйшіе государственные мужи не рѣшаются принять бразды правленія при теперешнемъ броженіи общественнаго мнѣнія, при затруднительномъ положеніи внутренней Англійской политики. Королева приглашаетъ Робертъ-Пиля занять опять мѣсто перваго министра, и онъ снова является главою кабинета, но съ тою впрочемъ значительною разницею, что онъ теперь не представитель одной какой-либо партіи, а безпристрастный министръ, избранникъ Королевы, для которой столь-же близко къ сердцу благосостояніе низшаго класса народонаселенія, какъ и высшаго.

Съ нетерпѣніемъ ждала въ нынѣшнемъ году Англія и Европа перваго засѣданія палаты депутатовъ. День 27-го Генваря останется памятнымъ въ исторіи Англіи. «Мнѣнія мои относительно покровитель-
« ственной системы перемѣнились, торжественно объ-
« являетъ Робертъ Пиль. Каждый мыслящій чело-
« вѣкъ имѣетъ права поступать на основаніи уроковъ
« долгой опытности, и я не вижу ни какой причины
« стыдиться такой перемѣны, и колебаться въ ней
« признаться. Я скорѣе бы стыдился, еслибъ, послѣ

TAYLOR INST. OXFORD
Digitized by Google

« такой перемѣны въ мысляхъ, я отступилъ предъ « признаніемъ въ ней изъ страха быть обвиняемымъ « въ политической непослѣдовательности. — Резуль- « татомъ продолжительныхъ и внимательныхъ моихъ » изслѣдованій было убѣжденіе, что начала, приня- « тыя до сихъ поръ относительно торговли, не мо- « гутъ быть болѣе поддерживаемы. Теперь не воз- « можно уже защищать ученіе о покровительственной « для народа промышленной системѣ. Трехъ-лѣт- « ній опытъ убѣдилъ меня, что по мѣрѣ того, какъ « мы уничтожали покровительство земледѣлію, нашъ « вывозъ за границу усиливался и торговля оживля- « лась, и не только вещественное благо стало умно- « жаться отъ началъ свободной торговли, но и нрав- « ственное. Число преступленій въ 1845 году зна- « чительно уменьшилось противъ предыдущихъ лѣтъ. « Народъ сдѣлался нравственнѣе, потому что менѣе « побуждался къ преступленіямъ нуждою. »

Послѣ этой предварительной рѣчи, С. Робертъ Пиль предлагаетъ смѣлый и геніальный финансовый свой планъ, въ которомъ онъ касается интересовъ не одной какой либо промышленности, но всѣхъ отраслей народнаго труда, всѣхъ состояній. Онъ предлагаетъ какъ купцамъ, такъ и помѣщикамъ отказаться отъ покровительствующей ихъ интересамъ монополіи, и переходя окончательно къ хлѣбнымъ законамъ, онъ говоритъ: « я не предлагаю немедлен- « ной ихъ отмѣны; но въ надеждѣ окончательнаго « устройства этой части, и чтобы дать земледѣлію « время приготовиться къ новымъ обстоятельствамъ, « я предлагаю продлить еще на 3 года покровитель- « ство, уменьшивъ его значительнымъ образомъ, съ « тѣмъ притомъ, чтобы, по истеченіи этого срока,

Digitized by Google

« постановлено было *ввозить хлѣбъ въ Англію уже* « *безпошлинно.* »

Лишь только произнесъ эти слова Робертъ-Пиль, какъ вдругъ прервалось глубокое молчаніе, и на лѣвой сторонѣ парламента раздались продолжительныя, изступленныя рукоплесканія, а чрезъ нѣсколько часовъ эти рукоплесканія отозвались уже во всѣхъ концахъ Великобританіи, а чрезъ нѣсколько дней въ отдаленнѣйшихъ странахъ свѣта — въ Азіи, въ Америкѣ и въ Австраліи.

Но этого сочувствія милліоновъ людей еще недостаточно, чтобы проектъ Робертъ-Пиля превратился въ законъ. Для этого нужно согласіе нижней палаты, а что важнѣе, тѣхъ 458 вельможъ, которые засѣдаютъ въ палатѣ лордовъ. — Въ какой степени это возможно и согласно съ общественнымъ правомъ, съ интересами разныхъ сословій, объ этомъ будетъ сказано въ пятомъ отдѣленіи этой статьи; теперь же перейдемъ ко второй части вопроса, а именно къ тѣмъ доказательствамъ, которыя приводятся публицистами въ пользу и въ опроверженіе хлѣбныхъ законовъ.

Въ продолженіи послѣднихъ 50-ти лѣтъ не только въ парламентѣ, но и въ ученомъ мірѣ происходили безпрерывные споры о томъ: справедливо ли налагать пошлину на иностранный хлѣбъ, или нѣтъ. Наука, не смотря на все свое безпристрастіе, не рѣшила этого вопроса окончательнымъ образомъ, и хотя большая часть публицистовъ возстаетъ противъ хлѣбныхъ законовъ, нѣкоторые однакожь усердно ихъ защищаютъ. Приведемъ въ краткости доказательства какъ тѣхъ, такъ и другихъ ученыхъ.

Digitized by Google

Земледѣліе, говорятъ защитники законовъ, есть основаніе благосостоянія государствъ и нравственности народа. Если какая либо промышленность имѣетъ неотрицаемыя права на покровительство, то это, безъ сомнѣнія, земледѣліе. Въ Англіи хозяева не могутъ соперничать съ иностранными; ибо сіи послѣдніе менѣе обложены податями, обработка земли обходится имъ несравненно дешевле. Межъ-тѣмъ какъ въ Англіи, чтобы получить хотя посредственные урожаи, нужно предварительно осушать поля, сильно удобрять ихъ, тщательно обработывать, однимъ словомъ, затрачивать большіе капиталы; въ южной Россіи напротивъ, или въ Америкѣ, на необозримыхъ тамошнихъ степяхъ, тысячи квадратныхъ миль роскошно зарастаютъ хлѣбомъ, не требуя отъ хозяина ни какаго особеннаго труда, ни какой заботы, даже весьма часто никакаго оборотнаго капитала. И мудрено ли послѣ того, что Русскіе или Американскіе хозяева, которымъ хлѣбъ такъ легко достается, могутъ продавать его въ четверо дешевле, а въ слѣдствіе того, могутъ наводнять всѣ Англійскіе рынки своимъ хлѣбомъ и подорвать тамошнее земледѣліе.

Правда, отвѣчаютъ противники законовъ. Много есть на свѣтѣ странъ, гдѣ несравненно легче и дешевле производить хлѣбъ, чѣмъ въ Англіи; но эти страны находятся не возлѣ ея, а въ далекомъ отъ нея разстояніи, такъ что покамѣстъ дойдетъ оттуда хлѣбъ въ Лондонъ, онъ значительно возвысится въ цѣнѣ своей. Когда въ 1843 году, понижена была пошлина на хлѣбъ, привозимый изъ Канады, многіе помѣщики опасались, что Америка наводнитъ Англію своимъ хлѣбомъ, но 3-хъ лѣтній опытъ показалъ, что какъ ни дешевъ хлѣбъ въ сѣверо-за-

Digitized by Google

падной части Америки, какъ не много его тамъ, но покамѣстъ онъ изъ береговъ отдаленнаго Огіо дойдетъ до Квебека чрезъ длинный рядъ водяныхъ путей сообщеній, то до того возвысится онъ въ цѣнѣ своей, что нѣтъ часто никакихъ выгодъ перевозить его въ Англію. Такъ точно и въ отношеніи къ Россіи. Много конечно у насъ хлѣба въ Малороссіи, или въ Новороссійскомъ краѣ. Огромныя скирды пшеницы старѣютъ часто въ степяхъ, покамѣстъ хозяева дождутся порядочныхъ цѣнъ. Четверть пшеницы стоитъ на мѣстѣ 2 рубля серебромъ, а иногда и дешевле; но покамѣстъ этотъ хлѣбъ дойдетъ на волахъ изъ внутреннихъ губерній по грязнымъ дорогамъ въ портовые города, въ Одессу, Таганрогъ и Бердянскъ, покамѣстъ перешлется онъ оттуда чрезъ Средиземное море и Океанъ въ отдаленный Лондонъ, цѣна его значительно возвысится. Притомъ, еслибы Англичане объявили вдругъ свободную торговлю хлѣбомъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что цѣны быстро возвысились бы въ нашихъ портовыхъ городахъ и даже въ самыхъ степяхъ.— Впрочемъ, если бы, не смотря на всѣ приведенныя нами обстоятельства, цѣна на хлѣбъ въ Англіи, въ слѣдствіе уничтоженія запретительныхъ пошлинъ, дѣйствительно упала; еслибы квартеръ пшеницы стоилъ не 70, не 60, а положимъ 40 шиллинговъ: то и въ этомъ случаѣ, земледѣлецъ не много потерялъ-бы, ибо на вырученные имъ 40 шиллинговъ онъ купилъ бы столько же мануфактурныхъ издѣлій, сколько прежде за 60 шиллинговъ, а между тѣмъ главнѣйшіе потребители хлѣба, милліоны бѣдныхъ людей, которые не владѣютъ въ Англіи никакою поземельною собственностію, имѣлибъ возможность

Digitized by Google

пропитаться, а слѣдовательно могли бы удовлетворить главнѣйшимъ своимъ нуждамъ.

Всякое государство, утверждаютъ защитники законовъ, должно сохранять свою независимость отъ другихъ государствъ, преимущественно же въ отношеніи необходимѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Война или другое политическое обстоятельство можетъ прервать сношенія мануфактурнаго государства съ земледѣльческимъ, и лишить его мгновенно средствъ къ продовольствію.

На это возраженіе отвѣчаютъ противники законовъ такъ: «хлѣбъ можно доставать не въ одномъ «только государствѣ, а въ весьма различныхъ; не «со всѣми же народами вести войну въ одно вре«мя. Всего выгоднѣе, всего лучше покупать земле«дѣльческіе продукты тамъ, гдѣ они всего дешевле.» Война была прежде однимъ изъ любимѣйшихъ занятій народовъ; теперь, напротивъ, всячески стараются избѣгать ее. Прежде каждое государство отдѣляло себя отъ другаго Китайскими стѣнами, а жителей сосѣднихъ странъ считало врагами; теперь напротивъ съ каждымъ днемъ народы болѣе и болѣе сближаются, сродняются, мѣняются плодами матеріальнаго и нравственнаго своего богатства, и въ этой безпрерывной мѣнѣ состоитъ общее благоденствіе, эта мѣна есть, безъ сомнѣнія, отраднѣйшее явленіе въ исторіи рода человѣческаго.

Земледѣліе можетъ тогда только успѣшно развиваться, говорятъ защитники законовъ, когда прекратится безпрерывное колебаніе цѣнъ на хлѣбъ, когда на рынкахъ будутъ существовать хотя не высокія, но постоянныя, неизмѣняемыя цѣны, а къ этому стремятся, безъ сомнѣнія, хлѣбные законы.

Digitized by Google

Стремятся только, отвѣчаютъ противники сихъ законовъ, но никогда не достигаютъ своей цѣли. Кенинигъ, лѣтъ 20 тому назадъ, заботился о томъ, чтобы цѣны на хлѣбъ въ Англіи были не менѣе 66 шиллинговъ. Веллингтонъ обнадеживалъ помѣщиковъ, что цѣна на рынкахъ дойдетъ до 72 шиллинговъ, и послѣ того не будетъ болѣе упадать; наконецъ Сэръ Робертъ-Пиль, въ 1842 году, обѣщался удержать цѣну въ 56 шил., и чтожъ? Несмотря на всѣ заботы и старанія министровъ, цѣны на хлѣбъ въ Англіи, какъ и вездѣ, безпрестанно мѣнялись.— Въ 1822 году, не смотря на то, что запретительная система была въ это время въ высшей степени своего развитія, и что аристократія думала продавать хлѣбъ не менѣе какъ по 80, и даже по 100 шиллинговъ за квартеръ, цѣны упали до 44, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ до 38 шиллинговъ. Послѣ 1828 года, цѣна хлѣба не смотря на высокія тогдашнія пошлины начала опять падать, такъ-что въ 1832 году квартеръ пшеницы стоилъ 52 шиллинга, въ 1833-мъ 46, въ 1834-мъ 39, а въ 1835 всего 36 шиллинговъ. Наконецъ въ прошедшемъ еще 1845 году, цѣна пшеницы упала на Англійскихъ рынкахъ до 45 шил., не смотря на то, что помѣщики надѣялись продавать хлѣбъ не дешевле 56 шил. за квартеръ. Изо всего сказаннаго явствуетъ, что значительныя, притомъ безпрерывно измѣняющіяся пошлины на иностранный хлѣбъ не только не въ состояніи утвердить постоянныхъ цѣнъ на отечественныхъ рынкахъ, но напротивъ, порождаютъ еще спекуляцію, вредную какъ для производителей, такъ и для потребителей. Цѣны на хлѣбъ зависятъ преимущественно отъ урожаевъ, отъ количества добы-

Digitized by Google

таго на мѣстѣ хлѣба, и отъ степени его потребленія, а какъ эти условія безпрерывно мѣняются, то и нѣтъ никакой возможности установить прочныхъ неизмѣняемыхъ цѣнъ. Напрасно и у насъ въ Россіи думаютъ нѣкоторые помѣщики, что могутъ быть приняты правительствомъ мѣры, которыя бы утверждали для одной губерніи извѣстную цѣну ржи, а для другой губерніи другую цѣну въ 2 или 3 рубли дороже или дешевле. Все это одно лишь предположеніе. Можно искусственными или естественными средствами удерживать цѣны на хлѣбъ, противоборствовать ихъ безпрерывному колебанію, и это есть, безъ-сомнѣнія, благодѣтельнѣйшее дѣло; но назначать съ другой стороны постоянныя цѣны для каждой мѣстности, — рѣшительно невозможно; ибо производительныя силы государствъ, потребности и нужды народа безпрестанно мѣняются, это вѣчное движеніе, вѣчная жизнь, для которыхъ нельзя установить одного постояннаго, неизмѣннаго масштаба.

Было время, говорятъ защитники законовъ, когда вся сѣверная Англія, вся Шотландія состояла изъ однѣхъ лишь неудобныхъ, безплодныхъ земель. А теперь эти земли, эти скалы, болота, тундры превращены въ красивыя поля и луга, и все это благодаря хлѣбнымъ законамъ, которые заставили тысячи спекулянтовъ употребить свои капиталы для воздѣланія неудобныхъ почвъ въ надеждѣ, что высокія искусственныя цѣны на хлѣбъ дадутъ имъ возможность получить большіе проценты изъ употребленныхъ ими капиталовъ.

Къ чему, возражаютъ противники законовъ, обрабатывать насильственно землю, употреблять огром-

Digitized by Google

ные капиталы для воздѣланія неудобныхъ почвъ, когда на земномъ шарѣ такъ много черноземныхъ полей, которыхъ обработка ничего почти не стоитъ, и гдѣ такъ дешево добывается хлѣбъ. Не выгоднѣе ли покупать за границею милліонъ четвертей хлѣба, положимъ за 10,000,000 рублей, чѣмъ производить его у себя искуственными средствами и тратить для того 50,000,000 рублей, которые можно бы употребить съ другою выгоднѣйшею и благоразумнѣйшею цѣлью. — Воздѣланіе неудобныхъ почвъ въ Англіи въ надеждѣ на высокія цѣны есть ничто иное какъ спекулація, успѣхъ которой сопряженъ всегда съ большимъ рискомъ; ибо каждый урожайный годъ, каждый упадокъ цѣнъ на отечественныхъ рынкахъ причиняетъ спекулянтамъ большія потери.

Хлѣбные законы потому уже полезны государству, говорятъ ихъ защитники, что пошлина, взымаемая съ иностраннаго хлѣба въ пользу казны, доставляетъ ей ежегодно нѣсколько милліоновъ рублей сереб.

Конечно, отвѣчаютъ противники законовъ, это отчасти справедливо, но съ другой стороны уменьшеніе государственнаго дохода въ слѣдствіе сбавки пошлинъ далеко не такъ значительно, какъ это можетъ показаться съ перваго разу. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Сэръ Робертъ-Пиль въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей. «Я оцѣ-«нялъ прежде въ 4 милліона фунтовъ стерлинговъ «потерю, которая должна была произойти для го-«сударственнаго казначейства въ слѣдствіе измѣне-«нія таможенныхъ пошлинъ; между тѣмъ эта по-«теря оказалась только въ одинъ милліонъ. Я оцѣ-«нялъ въ одинъ милліонъ потерю для казны въ

Digitized by Google

«слѣдствіе акциза на сахаръ и другіе земледѣльче-
«скіе продукты, а дѣйствительно эта потеря въ
«нынѣшнемъ году оказывается совершенно ничтож-
«ною. И послѣ этихъ фактовъ, могули я еще защи-
«щать высокія покровительственныя пошлины?» Не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ уменьшенія пошлинъ на иностранныя произведенія потребленіе ихъ увеличивается, привозъ ихъ возрастаетъ, торговля оживляется, а это самое даетъ казнѣ возможность скоро вознаграждать потерю своихъ доходовъ, безъ всякаго уже отягощенія потребителей.

Защитники хлѣбныхъ законовъ утверждаютъ обыкновенно, что при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ заработная плата бываетъ значительная; противники законовъ оспариваютъ наоборотъ это положеніе. Какъ тѣ, такъ и другіе приводятъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній разныя доказательства и историческія данныя. Что касается нашего мнѣнія, мы думаемъ и утверждаемъ даже, что заработная плата измѣняется не столько сообразно цѣнамъ на жизненные припасы, сколько сообразно требованіямъ на работу, а потому хлѣбные законы оказываютъ въ этомъ отношеніи гораздо меньше вліянія, чѣмъ сколько имъ обыкновенно приписываютъ нѣкоторые публицисты.

Сводя во едино все то, что сказано было въ пользу и противъ хлѣбныхъ законовъ, нельзя не отыскать ни одной особенной уважительной причины, которая бы объяснила такое долгое существованіе въ Англіи хлѣбныхъ законовъ, бывшихъ всегда столь тягостными для низшаго класса народонасе-

Digitized by Google

ленія; ибо, не подлежитъ сомнѣнію, чѣмъ дороже хлѣбъ и другія земледѣльческія произведенія, тѣмъ затруднительнѣе продовольствіе народа, тѣмъ больше бываетъ нищихъ, тѣмъ ярче проявляется бѣдность, и не только бѣдность, но и безнравственность, какъ это прекрасно статистическими данными доказалъ на дняхъ въ парламентѣ Робертъ-Пиль.

Не только Англійскіе государственные люди, но и нашъ незабвенный министръ графъ Канкринъ, любившій, какъ извѣстно, покровительствовать промышленностямъ, такъ однакожъ отзывался объ Англійскихъ хлѣбныхъ законахъ въ книгѣ, напечатанной имъ въ Германіи за нѣсколько мѣсяцевъ предъ его смертію: « Если и можно при нѣкоторыхъ осо-« бенныхъ случаяхъ оправдать существованіе пош-« линъ, покровительствующихъ земледѣлію, то все « таки эти пошлины должны быть какъ можно умѣ-« реннѣе. Мы не легко рѣшились бы совѣтовать ввo-« дить ихъ въ тѣ государства, гдѣ по сихъ поръ « они еще не существуютъ. » (*)

Отъ-чего-же, послѣ всего сказаннаго, такъ долго существуютъ однакожъ въ Англіи хлѣбные законы, не смотря на то, что противъ нихъ возстаютъ всѣ извѣстнѣйшіе публицисты, всѣ друзья человѣчества? — Чтобы объяснить это явленіе, нужно углубиться въ государственную жизнь народа, нужно изучить интересы каждаго сословія, и то политическое вліяніе, которое имѣло каждое изъ нихъ въ

(*) *Graf Cancrin.* Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen. Stuttgart. 1845. стр. 165.

Digitized by Google

отечественномъ законодательствѣ. Рѣшеніе этого вопроса составляетъ третью часть нашей статьи.

Для того, чтобы изобразить вѣрнѣе то отношеніе, которое существуетъ теперь въ Англіи между высшимъ и низшимъ сословіемъ, представить ярче ту борьбу частныхъ интересовъ, которая съ каждымъ днемъ сильнѣе обнаруживается въ этомъ государствѣ; мы не лишнимъ считаемъ сказать прежде всего нѣсколько словъ о томъ, какъ съ теченіемъ столѣтій измѣнялись во всѣхъ странахъ свѣта отношенія сильныхъ людей къ слабымъ, какой характеръ приняли они теперь въ западной Европѣ, а въ особенности въ Англіи.

Во всѣхъ странахъ свѣта было, есть, и едва ли не всегда будетъ высшее и низшее сословіе.

Высшее сословіе живетъ трудами низшаго. Оно считаетъ себя въ полномъ правѣ требовать, чтобы другое сословіе работало для него, поддерживало его значеніе, удовлетворяло его требованіямъ, а иногда прихотямъ. Другихъ отношеній быть не можетъ, утверждаетъ оно, это законъ необходимости; провидѣнію угодно было назначить это отношеніе съ тѣмъ, чтобы упрочить общественное благо, подчиняя слабыхъ людей сильнѣйшимъ, образованнѣйшимъ.

Низшій классъ народонаселенія старается наоборотъ освободиться отъ тягостнаго своего положенія. Онъ силится пріобрѣсти значеніе и права подобныя тѣмъ, какими пользуется высшее сословіе, умножить матеріальное и нравственное свое богатство, или по крайней мѣрѣ, освободится отъ обязанности работать, трудиться для другихъ, нести на себѣ все бремя государственныхъ налоговъ и повинностей.

Digitized by Google

Эти діаметро-противоположныя желанія и требованія высказываются съ большею или меньшею силою, смотря по характеру народа и по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Онѣ условливаютъ ту борьбу частныхъ интересовъ, которая составляетъ безспорно любопытнѣйшую страницу въ исторіи каждаго народа, онѣ опредѣляютъ тѣ отношенія низшаго сословія къ высшему, которыя бываютъ для него болѣе или менѣе тягостны, смотря по той степени образованности и гражданственности, до которой дошло государство въ своемъ историческомъ развитіи.

Въ древности у Грековъ, у Римлянъ, и теперь еще кое гдѣ въ Африкѣ, въ Америкѣ и въ другихъ отдаленныхъ странахъ свѣта существуютъ два класса народонаселенія — граждане и рабы Первые, обладая властію и значеніемъ, заставляютъ другихъ работать самымъ немилосердымъ образомъ, и за тяжкой ихъ трудъ не даютъ имъ никакого возмездія. Рабы не имѣютъ никакой собственности, они сами считаются вещію, ихъ продаютъ на рынкахъ, какъ всякія другія вещи; господинъ ихъ можетъ отнять имъ жизнь, никому за это не отвѣтствуя.

Эти тягостныя отношенія, прежде почти вездѣ существовавшія на землѣ, мало-по-малу исчезли, уступая мѣсто другимъ постановленіямъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу времени. Въ Европѣ и во многихъ другихъ отдаленныхъ странахъ свѣта давно уже не существуетъ рабства въ такомъ видѣ, въ какомъ оно замѣчается еще теперь кое гдѣ въ Африкѣ или въ Америкѣ. Когда уничтожилось рабство, въ какомъ именно столѣтіи?—объ этомъ различны повѣствованія

Digitized by Google

историковъ. Что̀ касается до насъ, мы думаемъ, что оно уничтожилось, или точнѣе стало уничтожаться съ перваго столѣтія, то есть со времени появленія Божественнаго ученія Іисуса Христа; не потому, чтобы это ученіе вступало въ борьбу съ гражданскими постановленіями, напротивъ оно заставляло народъ всегда повиноваться законной власти, — а потому что распространило въ родѣ человѣческомъ чувство божественной любви, чувство смиренія, которое мало-по-малу сблизило всѣхъ людей, не смотря на ихъ происхожденіе, состояніе и образованіе, въ одну родственную семью, въ одно человѣческое общество. Не тотчасъ однакожъ усвоили себѣ народы идеи и чувства христіанства. Какъ сѣмя, брошенное въ землю, не тотчасъ превращается въ зеленое растеніе, а ждетъ иногда нѣсколько дней или мѣсяцевъ, смотря по твердости земли, на которую оно пало, и по количеству той солнечной теплоты, которою согрѣта почва,—такъ точно и чувства христіанства, чувства человѣчества не тотчасъ могли быть усвоены народами; а часто нуженъ былъ для того цѣлый рядъ столѣтій, смотря по твердости народныхъ нравовъ и по тому количеству духовной теплоты, которую приняли эти народы.

Подъ вліяніемъ Христіанства бывшія прежде отношенія сильныхъ къ слабымъ приняли другой характеръ. Высшее сословіе стало смотрѣть на низшее ужѐ не какъ на вещь, а какъ на лице, недостигшее впрочемъ полнаго своего развитія. Сильный началъ обращаться съ слабымъ ужѐ не какъ съ животнымъ, а какъ съ ближнимъ, но еще ребенкомъ, дитятею, требующимъ бдительнаго надзора и попеченія.

Digitized by Google

Съ распространеніемъ этихъ понятій высшее сословіе стало обращаться съ низшимъ лучше чѣмъ прежде. Вездѣ появились отношенія патріархальныя; сильные стали называть себя не владѣльцами бѣдныхъ, а ихъ отцами и покровителями. Они конечно не переставали требовать отъ низшаго сословія удовлетворенія всѣмъ своимъ нуждамъ, даже и прихотямъ, но за то они стали раздавать бѣднымъ земли, позволять заводить имъ собственное хозяйство, и послѣ тяжкихъ трудовъ возвращаться во свояси, гдѣ подъ домашнимъ кровомъ, среди семейныхъ заботъ и утѣшеній, они начинали чувствовать человѣческое свое достоинство. Нужно ли было вельможѣ среднихъ вѣковъ оградить замокъ отъ нападенія непріятелей, или для поддержанія своей чести выступить на ратное поле, или засѣять хлѣбомъ обширныя поля свои, или наконецъ удовлетворить другому какому нибудь желанію — тотчасъ призывалъ онъ въ помощь жившихъ подъ его покровительствомъ бѣдныхъ людей, заставлялъ ихъ работать, не щадя ихъ силъ для выполненія своей воли. Достигалась его цѣль — онъ позволялъ имъ возвращаться домой, щедро дѣлился съ ними пріобрѣтенною добычею, или доставшимся ему наслѣдствомъ, принималъ участіе въ ихъ судьбѣ и заботился объ ихъ здоровьѣ, довольствѣ и нравственности, словомъ, былъ ихъ отцемъ и покровителемъ въ полномъ значеніи этого слова.

Сравнивая эти отношенія съ тѣми, которыя существовали прежде, нельзя не отдать значительнаго преимущества послѣднимъ. Патріархальные нравы

Digitized by Google

нѣкогда общіе всѣмъ народамъ, находившимся на первой степени гражданскаго развитія, несравненно выше и справедливѣе господствовавшихъ прежде отношеній; но съ другой стороны и самая патріархальность, при всей видимой ея чистотѣ, перестала въ свою очередь удовлетворять требованіямъ общества, постепенно развивавшагося въ своемъ образованіи и гражданственности. Легко понять причину этого явленія. Человѣкъ былъ всегда болѣе или менѣе эгоистомъ, думалъ о своемъ благѣ болѣе, чѣмъ о благѣ ближнихъ, такъ, что если во власти его находилась судьба сотни другихъ людей, то онъ почти всегда пользовался этою властію не столько для того, чтобы упрочить чужое счастіе, сколько для собственныхъ своихъ выгодъ; и вотъ почему во всѣхъ странахъ свѣта, гдѣ отъ произвола сильныхъ людей зависѣла судьба слабыхъ, происходило обыкновенно то, что матеріяльное богатство и всѣ дары просвѣщенія сосредоточивались въ одномъ только сословіи, а другое, всегда самое многочисленное, оставалось въ нищетѣ, сохраняя первобытную грубость своихъ нравовъ.

Между тѣмъ просвѣщеніе, проникая мало-по-малу во всѣ слои общества, стало постепенно уничтожать существовавшія прежде касты, сближая между собою людей разныхъ сословій и званій въ одно стройное дружное цѣлое. Низшій классъ народонаселенія, образовываясь постепенно, сознавая болѣе и болѣе свое человѣческое достоинство, старался всячески улучшить свой бытъ, сдѣлаться сколько возможно независимѣе отъ прихотей людей сильныхъ и знат-

Digitized by Google

ныхъ. Съ другой стороны высшее сословіе, возвышаясь тоже въ своемъ образованіи, проникая постепенно въ смыслъ исторіи человѣчества, перестало въ свою очередь, опасаться всякаго движенія впередъ, и начало сознавать, что между сильными и слабыми могутъ быть отношенія болѣе честныя и благородныя, нежели тѣ, которыя существовали прежде, отношенія не только благодѣтельныя для низшаго сословія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выгодныя для высшаго, устраняющія возможность общественныхъ волненій, и обезпечивающія не только спокойствіе и довольствіе народовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ могущество и силу государствъ.

Въ западной Европѣ, по мѣрѣ распространенія образованности, прежнія понятія о зависимости одного сословія отъ другаго измѣнились. Сильные люди начали считать бѣдныхъ не рабами своими и не дѣтьми, а что гораздо вѣрнѣе — людьми, конечно менѣе образованными, но все же людьми мыслящими, чувствующими, а потому и могущими вполнѣ сознавать свое человѣческое достоинство.

Подъ вліяніемъ такихъ идей низшее сословіе пріобрѣло мало-по-малу на Западѣ Европы болѣе преимуществъ, и освободилось отъ прежняго тягостнаго своего положенія. Законъ оградилъ его права личности и собственности, а въ слѣдствіе того быстро развилась въ этихъ государствахъ промышленность, умножилось всеобщее довольство и благосостояніе.

Независимо однакожъ отъ этихъ успѣховъ граж-

Digitized by Google

движимости, въ нѣкоторыхъ земляхъ, а въ особенности въ Англіи, высшее сословіе умѣло такъ удачно и искусно воспользоваться своимъ значеніемъ и богатствомъ, что не смотря на личную свободу, которою давно уже пользуется въ Англіи народъ, оно мало-по-малу подчинило его своей власти и покорило своимъ прихотямъ. Пусть народъ будетъ свободенъ, — говорили Англійскіе вельможи — но если мы въ своихъ рукахъ сосредоточимъ всю законную власть; если успѣемъ присвоить себѣ земли, значеніе, богатство и вліяніе на дѣла государственныя; если оставимъ народъ безъ всякой собственности, безъ средствъ къ пропитанію; если предоставимъ ему въ удѣлъ все бремя налоговъ и податей: то этотъ народъ, при всей своей видимой свободѣ, будетъ въ полной отъ насъ зависимости, будетъ угождать всѣмъ нашимъ требованіямъ. Достигнуть этой цѣли, вотъ къ чему стремилась постоянно Англійская аристократія въ теченіе столѣтій, и не безуспѣшны остались ея попытки. Показать, какимъ образомъ достигла она своей цѣли, какія избрала для того средства, въ особенности какъ умѣла она воспользоваться своею властію, чтобы учредить въ Англіи хлѣбные законы и извлечь изъ нихъ для себя сколь возможно большіе выгодъ, — вотъ что постараемся прежде всего объяснить.

Англійская аристократія поняла, что для управленія государствомъ и народомъ ей нужно пріобрѣсти законодательную власть и богатство. Для достиженія первой цѣли тамошніе вельможи давно уже

Digitized by Google

соединились въ одно политическое цѣлое, образовали палату Перовъ. Эта палата въ теченіи многихъ столѣтій дѣйствовала за одно съ нижнею палатою, дабы ослабить Королевскую власть, но съ другой стороны она умѣла въ тоже самое время своимъ вліяніемъ уменьшить значеніе нижней палаты. Дальновидные лорды умѣли выпрашивать у Королей своихъ за разныя заслуги, свободныя мѣстечки, пользовавшіяся правомъ избирательства, или покупать ихъ цѣною золота, такъ что многіе изъ перовъ владѣли 7-ю, 8-ю и болѣе привилегированными мѣстечками, и какъ замѣтилъ лордъ Джонъ Руссель, при представленіи своего билля о реформѣ: «семь лордовъ «заставляютъ въ Англіи избирать 63 депутата.» Организованная такимъ образомъ избирательная система представляла еще очень недавно самые безнравственные результаты. Всѣ важнѣйшіе мануфактурные города, гдѣ кипѣла промышленность, откуда неслись богатства во всѣ концы свѣта, долго лишены были права избирать членовъ въ нижнюю палату, а между тѣмъ свободныя, или гнилыя мѣстечки (какъ называютъ ихъ Англичане), состоящіе изъ 3 или 4-хъ хижинъ, въ которыхъ жило нѣсколько обывателей, совершенно подвластныхъ владѣющему мѣстечкомъ лорду, пользовались правомъ избирательства, и конечно подавали всегда голоса за того кандидата, который назначался сильнымъ лордомъ. Такимъ образомъ Англійская аристократія успѣла завладѣть мало-по-малу и нижнею палатою, и сосредоточить въ себѣ всю политическую власть.

Кромѣ власти, нужно еще было присвоить и удержать за собою земли и другія богатства. Для достиженія этой цѣли аристократія учредила у себя маіо-

Digitized by Google

ратство и запретила всякое раздѣленіе недвижимыхъ имуществъ; такъ что теперь вся поземельная собственность сосредоточена въ рукахъ 40 или 50,000 родоначальниковъ, тогда какъ во Франціи считаютъ теперь до 5,000,000 землевладѣльцевъ, то есть почти во-сто разъ больше, чѣмъ въ Англіи. Обладая большими имѣніями, получая съ нихъ огромные доходы, Англійская аристократія могла легко разширить свою власть и упрочить свое политическое значеніе.

Она воспользовалась этимъ значеніемъ, чтобы обременить налогами и податями низшій преимущественно классъ народонаселенія, а сама приняла въ этомъ отношеніи самое незначитсльное участіе. Такъ на пр. въ 1706 году поземельный налогъ доставилъ казнѣ ——————————1,927,379 фун. ст.
акцизы ——————————1,792,763 фун. ст.
таможни——————————1,549,351 ———
а въ 1841 году:
поземельная пошлина доставила 2,037,617 фун. ст.
акцизы ——————————12,858,814———
а таможни ——————————19,185,217———

Изъ сихъ чиселъ явствуетъ, что поземельная подать осталась одинаковою, тогда какъ другіе налоги возвысились въ десятеро, что̀ покажется еще разительнѣе, если мы прибавимъ, что въ теченіе этого времени поземельные доходы увеличились по крайней мѣрѣ въ 7 разъ.

Далѣе, всѣ пошлины на иностранныя произведенія, привозимыя въ Англію, падаютъ не столько на предметы роскоши, сколько на жизненные припасы и другіе продукты, преимущественно потребляемые

Digitized by Google

народомъ, такъ что этотъ послѣдній обремененъ гораздо болѣе налогами, чѣмъ высшее сословіе.

Но самое лучшее средство для возвышенія доходовъ землевладѣльцевъ было учрежденіе хлѣбныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью искусственное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ. Само собою разумѣется, что если за четверть пшеницы можно вмѣсто 10 рублей взять 20, то этимъ самымъ удвоиваются доходы помѣщиковъ и увеличивается въ такой же пропорціи ихъ политическое значѣніе.— Англійскіе лорды, заботясь постоянно о своихъ интересахъ, придумали отдавать земли свои въ аренду, на непродолжительный срокъ, бѣднымъ фермерамъ, требуя отъ нихъ голосовъ въ пользу предлагаемыхъ ими въ нижнюю палату депутатовъ; аристократія пріобрѣла такимъ образомъ до полутораста тысячъ избирательныхъ голосовъ, а сама, въ вознагражденіе фермеровъ, обнадеживала ихъ постоянно тѣмъ, что исходатайствуетъ имъ еще болѣе высокія цѣны на хлѣбъ. Въ теченіи болѣе одного столѣтія, она постоянно заботилась о томъ, чтобы запретить ввозъ иностраннаго хлѣба или назначить на него большую пошлину, и тогда какъ тысячи бѣдныхъ людей умирали съ голода, не имѣя средствъ пропитать себя, не далеко отъ нихъ стояли огромные скирды хлѣба, которые продавались вдвое дороже, чѣмъ сколько слѣдовало бы, еслибъ не существовали хлѣбные законы, покровительствующіе интересамъ нѣсколькихъ сотъ лордовъ (*).

(*) Весьма замѣчательно, что не только въ Англіи, но также во Франціи и въ Бельгіи, по мѣрѣ распространенія конституціоннаго правленія принимаемы были разныя мѣ-

Digitized by Google

Но невольно спрашиваешь себя какимъ образомъ могъ существовать такой несправедливый законъ въ теченіи болѣе столѣтія? Неужели правительство, и народъ не могли его уничтожить? Неужели не нашлось между аристократами благонамѣренныхъ людей, которые рѣшились бы пожертвовать личными интересами для общественной пользы? Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, мы укажемъ на другое, хотя слабѣйшее, но подобное же явленіе, которое совершилось въ Англіи на нашей памяти, а именно въ 1831 году. Когда лордъ Грей и лордъ Джонъ Русселъ представили проектъ о преобразованіи старой избирательной системы, дошедшей тогда до самой ужасной безнравственности, о которой съ презрѣніемъ и жалостію говорятъ теперь почти всѣ Англичане; когда народъ сначала просьбами, потомъ усильными требованіями домогался этого преобразованія, когда и па-

---

ры, запрещавшія ввозъ иностраннаго хлѣба. Легко понять причину этого. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ избирательныя права предоставлены преимущественно землевладѣльцамъ, которые вездѣ умѣли воспользоваться своею властію, для подкрѣпленія личныхъ своихъ интересовъ. Политика Франціи, предшествовавшая конституціонному правленію, состояла въ томъ, чтобы благопріятствовать ввозу иностраннаго хлѣба для обезпеченія народнаго продовольствія; но съ 1819 года, съ того времени, какъ новый духъ вошелъ въ публичныя совѣщанія, какъ законы начали дѣлаться болѣе твореніемъ палатъ, чѣмъ министерствъ, ввозъ иностраннаго хлѣба сталъ ограничиваться закономъ, который въ 1821 году получилъ еще бо́льшую силу. Послѣ революціи 1830 года партія землевладѣльцевъ ослабѣла, и скоро послѣ того, въ 1832 году, прежній законъ измѣнился уже въ либеральномъ духѣ. Точно тоже можно бы сказать и о Бельгіи.

Digitized by Google

лата депутатовъ признала эту реформу необходимѣйшею для блага Великобританіи, спрашиваемъ, что тогда дѣлали лорды? Не смотря на просьбу Короля, отставку министровъ, возстаніе народа, они долго упорствовали, долго не хотѣли уступать. Почему же? Заботились ли они тогда хотя нѣсколько объ общественной пользѣ, о благѣ государства? Ни мало. Они жалѣли потерять несправедливо присвоенное ими вліяніе на выборъ депутатовъ, они боялись лишиться нѣсколькихъ привилегированныхъ мѣстечекъ, нѣсколькихъ парламентскихъ стульевъ, которые отдавались ими, самымъ незаконнымъ образомъ, въ приданое дочерямъ, или въ наслѣдство женамъ.—Вотъ какъ сильно эгоизмъ, возбужденный разсчетомъ, взялъ въ Англіи перевѣсъ надъ всякимъ человѣческимъ чувствомъ, вотъ какъ упорно усиливала аристократія все то, что могло хотя нѣсколько уменьшить ея политическое значеніе!

Но почемуже не старался угнетенный народъ освободиться отъ тягостнаго своего положенія? Неужели, когда нужда доводила его до крайности, не покушался онъ употребить силу для улучшенія своего быта? Нѣтъ, мужественно и терпѣливо сносилъ онъ всегда всякое бѣдствіе; а для того, чтобы понять это, нужно знать характеръ Англичанъ, ихъ образъ жизни. Не пылкостію страстей, не живостію характера отличаются они, напротивъ того, они всегда угрюмы, спокойны, терпѣливы, страшатся кровопролитія, гнушаются всякаго своеволія; но съ другой стороны они необыкновенно дорожатъ своею гражданскою свободой, съ утра до вечера готовы слушать либеральныя рѣчи, рукоплескать краснорѣчивымъ ораторамъ, жертвовать боль-

Digitized by Google

шими капиталами для общественной пользы; но взять, повторяю, ружье въ руки, стараться силою исторгнуть власть у высшаго сословія, — это не въ ихъ духѣ, на такой подвигъ не легко можетъ рѣшиться Англійскій народъ.

Что же наконецъ противодѣйствовало возрастающему безпрывно вліянію аристократіи? Кто поставилъ преграду ея власти? Кто осмѣлился вызвать ее на страшный и продолжительный бой?

Это сословіе было—среднее, купечество, которое недавно еще вышло изъ среды толпы, но которое своимъ трудолюбіемъ, предпріимчивостію, образованіемъ успѣло въ непродолжительное время развить въ Англіи всѣ роды промышленности, оживить торговлю, усилить необычайнымъ образомъ судоходство, прорѣзать весь край желѣзными дорогами, покрыть всѣ моря своими флагами и подчинить своей власти обширныя протяженія земли, цѣлыя государства; ибо, какъ извѣстно, вся Индія съ ея полутораста милліонами жителей управляется въ Лондонѣ обществомъ, состоящимъ почти исключительно изъ купцевъ.

Легко понять, что это сословіе, добившееся значенія тяжелымъ, но добросовѣстнымъ трудомъ, не могло равнодушно смотрѣть на всѣ права, которыми пользовалась аристократія, а въ особенности на всѣ злоупотребленія ея власти. Изъ жалости ли къ низшему классу народонаселенія, или, что можетъ статься вѣрнѣе, изъ зависти къ высшему, оно подняло знамя реформы, и вотъ уже прошло около 20 лѣтъ, какъ оно дѣятельно заботится о томъ, чтобы разрушить древо общественной жизни въ самомъ корнѣ, который такъ глубоко проникъ во всѣ государственныя постановленія Англіи.

Digitized by Google

Не будемъ говорить о томъ, какое имѣло вліяніе это сословіе въ реформѣ, послѣдовавшей въ 1832 году, какими средствами успѣло оно тогда открыть себѣ двери въ парламентъ. Это не относится къ нашему предмету. Мы займемся исключительно тѣмъ, какимъ образомъ оно содѣйствовало къ постепенному уничтоженію хлѣбныхъ законовъ, такъ долго и сильно покровительствовавшихъ интересамъ Англійской аристократіи.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1838 года, въ то время когда низшій классъ народонаселенія много терпѣлъ отъ недостатка средствъ къ продовольствію, въ Манчестерѣ собралось семь человѣкъ, семь гражданъ, обладавшихъ капиталами, образованіемъ, а что всего важнѣе, необыкновенною силою воли, и эти 7 человѣкъ рѣшились уничтожить всѣ монополіи, всѣ права, покровительствующія въ Англіи земледѣлію и мануфактурамъ, водворить въ Европѣ свободную торговлю всѣми произведеніями земнаго шара, и сдѣлать въ общественной жизни государства такой переворотъ, котораго послѣдствія должны быть столько же значительны, какъ и результаты Французской революціи; и, что всего замѣчательнѣе, этотъ огромный переворотъ рѣшились они произвести безъ всякихъ заговоровъ, или народныхъ волненій, не проливая ни одной капли крови, а прибѣгая къ одному лишь средству—къ *слову*, которымъ они рѣшились дѣйствовать на общественное мнѣніе, склоняя его въ свою пользу однимъ только путемъ, путемъ *убѣжденія*.

Digitized by Google

Нужно было обладать необычайною твердостію характера и силою воли, чтобы рѣшиться на такой смѣлый и огромный подвигъ, чтобы завязать борьбу съ сословіемъ сильнымъ, богатымъ, образованнымъ, за которое дружно стояли Церковь, правительство, законы и обычаи народа, освященные вѣковою давностію. Трудна была эта борьба, тяжела для тѣхъ людей, которые смѣло выступали на скользкое поле битвы, но съ другой стороны можно было уже съ самаго начала надѣяться, что борьба останется не безуспѣшною: ибо въ пользу слабой партіи говорила правда, а правда во всѣхъ странахъ свѣта рано или поздно выходитъ наружу, и торжествуетъ надъ всякими несправедливостями.

Возникшее въ Манчестерѣ общество получило названіе Anti-corn-law-league (Лига противъ хлѣбной торговли); ибо прежде всего рѣшилась она стремиться къ тому, чтобы уничтожить хлѣбные законы, какъ самые несправедливые и вредные для общества.

Едва объявила лига о цѣли и средствахъ, которыя рѣшилась она принять для распространенія правды, какъ вдругъ изо всѣхъ концевъ Англіи раздался голосъ тысячи купцовъ, фабрикантовъ, ученыхъ, изъявлявшихъ свое сочувствіе къ цѣли лиги. Этого мало: 1,600 священниковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ протестантскимъ сектамъ, тотчасъ явились на вызовъ лиги; 700 изъ нихъ отправились въ Манчестеръ, и дали тамъ клятву распространять во всѣхъ концахъ Англіи мысль о необходимости ввести свободную торговлю; ибо, по ихъ мнѣнію, эта свобода, равно какъ и гражданская есть

Digitized by Google

вѣрнѣйшее средство къ умноженію благосостоянія народа и къ улучшенію его нравственности.

Но этого было недостаточно. Лига, обладая въ высшей степени практическимъ тактомъ, скоро стала сознавать, что въ Англіи нельзя привести въ исполненіе никакой мысли безъ денегъ. Она пригласила всѣхъ, сочувствующихъ ея видамъ, вносить пожертвованія, смотря по состоянію каждаго. И чтожъ? Въ 1840-мъ году собрано было 200,000 рублей, въ 1841-мъ 600,000 руб., въ 1843-мъ 2,000,000 р., а въ послѣднемъ 1845-мъ году около 6,000,000 руб. ас. Обладая такими огромными капиталами, лига стала печатать на свой счетъ, въ значительномъ количествѣ, разныя брошюры, памфлеты, книги и журналы, написанные въ духѣ ея ученія, и разсылать ихъ безденежно во всѣ концы государства. (Въ одномъ 1844 году роздано 2,000,000 брошюръ и разослано 1,134,000 журнала the League). Она раздѣлила весь край на 12 частей, и въ каждой изъ нихъ помѣстила профессора политической экономіи. Въ настоящее время она употребляетъ значительныя суммы, чтобы пріобрѣсть въ разныхъ графствахъ небольшія участки земли, платящіе всего 40 шил. подати, и дающіе право на выборъ депутатовъ въ нижнюю палату, такъ что въ 1844-мъ году въ сѣверной части графства Ланкастеръ увеличилось число избирателей, въ пользу лиги, 1750 человѣками, а въ южной части графства болѣе нежели пятистами. Наконецъ, что всего важнѣе, въ числѣ дѣятельнѣйшихъ членовъ лиги находятся: Кобденъ, Брейтъ и другіе знаменитые ораторы, которые разъѣзжаютъ по всѣмъ концамъ Великобританіи, обращаются безпрестанно къ народу, и силою сво-

Digitized by Google

его краснорѣчія управляютъ общественнымъ мнѣніемъ, склоняя его постоянно къ избранной ими цѣли. Желѣзныя дороги даютъ этимъ людямъ возможность разкрыть необычайнымъ образомъ свою дѣятельность. Въ одинъ и тотъ же день можно видѣть Кобдена въ Манчестерѣ, окруженнаго толпою купцовъ и работниковъ, рукоплещущихъ его блистательной рѣчи, и въ тотъ же самый день этотъ Кобденъ ораторствуетъ въ горахъ Шотландіи среди фермеровъ и земледѣльцевъ, которые встрѣчаютъ его обыкновенно холодно, недовѣрчиво; но потомъ мало по-малу склоняются въ его пользу. А на другой или третій день этотъ же самый народный трибунъ сидитъ уже въ Парламентѣ, окруженный своими противниками, смѣло выступаетъ тамъ на поле парламентскаго боя, и почти всегда съ торжествомъ отражаетъ нападенія своихъ непріятелей.

Не разъ случалось мнѣ видѣть и слышать Кобдена и Брейта то въ Лондонѣ, то въ Манчестерѣ, то въ Эдинбургѣ, но нигдѣ не производили они во мнѣ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ въ маленькомъ городкѣ, по прозванію Кельзо, гдѣ прожилъ я болѣе полугода. Среди Шотландскихъ горъ, у самаго берега живописнаго Твида, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родились и созрѣли всѣ думы Валтеръ-Скотта, этотъ маленькой городокъ вполнѣ выражалъ собою первобытный характеръ Шотландскаго народа. Онъ не успѣлъ еще присвоить себѣ того промышленнаго духа, который такъ быстро обнялъ всю Англію; онъ до сихъ поръ сохранилъ еще всю патріархальность прежнихъ правовъ, уваженіе къ народности, къ старинымъ своимъ обычаямъ и пре-

Digitized by Google

даніямъ. Въ концѣ города, среди широкаго парка, надменно возвышается великолѣпный замокъ, окруженный высокою стѣною. Въ этомъ замкѣ живетъ молодой вельможа, герцогъ Роксбургскій. Не умомъ онъ славится, не воспитаніемъ, не высокими достоинствами души. Никогда его не видитъ палата лордовъ, и лишь изрѣдка удается какой либо книгѣ или журналу привлечь на нѣсколько мгновеній его разсѣянное вниманіе. Отъ утра до вечера онъ удитъ рыбу, расхаживаетъ по широкимъ аллеямъ своего парка, и радушно угощаетъ навѣщающихъ его маркизовъ и бароновъ. А въ городѣ-то нашемъ, всѣ низко и почтительно ему кланялись, хвалили его за то, что никому вреда онъ не сдѣлалъ; у всѣхъ помѣщиковъ и купцевъ въ гостинныхъ, въ золотыхъ рамкахъ, висѣлъ портретъ его, отца и дѣда его; а на пирахъ, бывало, первый тостъ ему всегда посвящался. — И вотъ въ маленькой нашъ городокъ, такъ долго сохранившій прежніе феодальные свои обычаи, пріѣзжаетъ неожиданно Брейтъ съ смѣлыми идеями, съ новыми требованіями времени. Лишь только распространился слухъ о его пріѣздѣ, и тотчасъ изъ парка выѣхалъ молодой Герцогъ на охоту къ сосѣднему лорду, а въ городѣ пошли толки о томъ, допустить ли Брейта къ публичному чтенію или нѣтъ. Запретить было не ловко, ибо Англійская конституція позволяетъ каждому гражданину говорить и разсуждать обо всемъ, о чемъ душѣ угодно; но выдумать какой нибудь предлогъ, чтобы воспрепятствовать умыслу Брейта, сказать что въ городѣ нѣтъ приличнаго мѣста для публичныхъ чтеній: вотъ что тотчасъ придумано было жителями и приведено въ исполненіе

Digitized by Google

Напрасно проситъ Брейтъ, чтобы для него отвели залу въ ратушѣ: ему отказываютъ. Онъ обращается къ директору училища, къ судьѣ, къ содержателю гостинницы: вездѣ отказъ. Онъ не знаетъ уже что дѣлать, какъ вдругъ являются къ нему нѣсколько купцовъ и священниковъ, и почтительно приглашаютъ его произнести рѣчь въ церкви. Брейтъ тотчасъ соглашается, и чрезъ нѣсколько минутъ пронеслась уже объ этомъ вѣсть кругомъ города верстъ за двадцать. — Я обѣдалъ въ это время у одного сосѣдняго помѣщика. Узнавъ у него, что Брейтъ будетъ вечеромъ въ Кельзо ораторствовать, я въ торопяхъ взялъ шляпу, и оставилъ моего хозяина. Напрасно вы такъ спѣшите, говорилъ мнѣ помѣщикъ, когда выходилъ я изъ его комнаты; никого тамъ не будетъ изъ порядочныхъ людей, а будутъ лишь работники, нищіе и всякій недовольный зброд. И какую невидальщину тамъ увидите? Двухъ или трехъ купцовъ, выскочекъ, которые будутъ биться за то, что Европа не покупаетъ у нихъ для блага человѣчества столько каленкора и миткаля, сколько имъ продать хотѣлось бы. Такъ увѣщевалъ меня помѣщикъ, и досадовалъ, что нельзя Брейта, какъ нарушителя всеобщаго спокойствія, посадить тотчасъ въ тюрьму. Но я не послушался его совѣта, и что духу побѣжалъ въ городъ. Прибывъ въ Кельзо, я встрѣтилъ у самаго входа въ церковь пять человѣкъ фермеровъ, которые порядочно подпили, и дружно уговаривались какъ бы помѣшать Брейту, какъ бы засвистать его. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ валила въ церковь толпа народа, и я съ нею очутился скоро у самой каѳедры. Брейтъ вошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ купцовъ,

Digitized by Google

священниковъ и какого то лорда либерала. Онъ взошелъ на каѳедру и не успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ вдругъ въ одномъ углу церкви поднялся сильный шумъ. Это были мои 5 фермеровъ, которые кричали со всѣхъ силъ, и торжественно объявляли, что рѣчь Брейта имъ не нравится, и что потому они имѣютъ законное право свистать сколько имъ угодно. Недовольная этимъ объясненіемъ толпа проситъ ихъ выйти изъ церкви, но фермеры упорствуютъ, ссылаясь на какой-то пунктъ Англійской конституціи. Толпа, въ досадѣ, выводитъ ихъ силою изъ церкви, запираетъ всѣ двери, разставляетъ стражу вокругъ храма, и чрезъ нѣсколько минутъ водворяется прежнее спокойствіе; всѣ хранятъ глубокое молчаніе, и Брейтъ восходитъ опять на каѳедру, и мало по малу раскрываетъ предъ своими слушателями всѣ сокровища блистательнаго своего краснорѣчія. Онъ говорилъ о вліяніи хлѣбныхъ законовъ на бытъ народа, на его нищету, на всѣ теперешнія его бѣдствія. Онъ доказывалъ, что отъ уничтоженія этихъ несправедливыхъ законовъ, придуманныхъ въ угожденіе нѣсколькимъ сотнямъ лордовъ, зависитъ успѣхъ промышленности, могущество Англіи и благосостояніе низшаго класса народонаселенія, который найдетъ тогда вѣрнѣйшія средства къ своему пропитанію, къ улучшенію своего быта. Глубокое знаніе политической экономіи и отечественной исторіи проявлялись во всѣхъ его мысляхъ; въ каждомъ словѣ его рѣчи блисталъ тотъ истинный талантъ оратора, который умѣетъ увлечь вниманіе толпы, направить ее къ желанной цѣли, возбудить въ слушателяхъ страсти, и заронить искру любознанія и раздумья въ самые безпе-

Digitized by Google

чные умы. Брейтъ кончилъ свою рѣчь, и все кругомъ его молчало. Всѣ были поражены его словомъ, но никто не смѣлъ еще изъявить ему своего сочувствія; спокойно всѣ вышли изъ храма, и лишь вечеромъ, прохаживаясь по берегу Твида, я нѣсколько разъ невольно подслушалъ, какъ говорили между собою Шотландцы о томъ, что много умнаго было въ рѣчи Брейта, что справедливы были его требованія, благородно его стремленіе.

Чрезъ нѣсколько недѣль явился къ намъ опять Брейтъ. Его приняли уже несравненно радушнѣе, молодежь начала ему рукоплескать, старики протягивали ему руки, стенографы записывали его рѣчь; газеты много объ ней толковали, но все еще большая часть жителей, въ угожденіе молодому герцогу, торжественно признавала Брейта невѣжею, выскочкою, либераломъ, нарушителемъ спокойствія. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, почти въ тотъ-же самый день, когда оставлялъ я и Кельзо и Шотландію, Брейтъ опять пріѣхалъ къ намъ въ городъ, и въ этотъ разъ уже торжественно приняли его жители, великолѣпный ему задали пиръ, а когда явился онъ на каѳедру, громкія повсюду раздались рукоплесканія, и нетолько мужчины, но и женщины въ восторгѣ махали платками, и теплымъ своимъ сочувствіемъ одушевляли оратора.

Съ досадою смотрѣла аристократія на возрастающее безпрерывное вліяніе лиги. Сначала она силилась доказать, что цѣль и образъ ея дѣйствія незаконны, что Кобдена и Брейта, подобно О'Коннелю, слѣдуетъ судить и заключить въ темницу; но когда ей неудалось склонить къ этому правительство,

Digitized by Google

то вмѣсто того, она начала съ презрѣніемъ отзываться о дѣйствіяхъ лиги, распространять самые странные толки и насмѣшки объ ея представителяхъ, объ общественной и частной ихъ жизни; но когда и это осталось тщетно, тогда аристократія вынуждена была прибѣгнуть къ тому же самому оружію, которымъ такъ удачно умѣла воспользоваться лига, а именно *къ слову*. Она учредила подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго своимъ значеніемъ и образованіемъ вельможи, герцога Ричмондскаго, общество, подъ названіемъ *Protection-Society*, имѣвшее цѣлью доказать путемъ убѣжденія необходимость существованія хлѣбныхъ законовъ. Она начала издавать книги и журналы, составленныя въ духѣ ея интересовъ, и разсылать во всѣ концы Великобританіи, краснорѣчивыхъ ораторовъ, которые доказывали, что земледѣліе не можетъ процвѣтать въ Англіи безъ особеннаго покровительства, что высокія цѣны на хлѣбъ условливаютъ высокую заработную плату, что политическое значеніе и могущество Англіи зависитъ отъ сильной ея аристократіи, отъ существованія въ государствѣ хлѣбныхъ законовъ. Но лига не страшится этихъ софизмовъ; ибо въ числѣ ея членовъ находятся знаменитѣйшіе теперешніе публицисты: Рикардо, Вильсонъ, Фоксъ, Гибсонъ, Томсонъ и многіе другіе достойные послѣдователи ученія Адама Смита. Они сбиваютъ одно за другимъ всѣ положенія аристократической партіи, подкрѣпляя всякое свое возраженіе рядомъ историческихъ данныхъ. Въ политическихъ журналахъ возгораютъ полемическіе споры, сначала сильные, упорные, но потомъ мало по малу утихающіе; ибо на широкомъ полѣ мысли, на поприщѣ науки, лига

Digitized by Google

умѣла скоро восторжествовать надъ своими противниками.

Не смотря на эту неудачу, аристократія не падаетъ еще духомъ. Она обращается къ послѣднему средству, помощію котораго высшее сословіе умѣло всегда окружить себя всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, къ благотворительности. Народъ страдаетъ, съ жалостію говоритъ въ парламентѣ Бутлеръ; это потому, что онъ чрезъ-чуръ размножается, мы позаботимся доставить ему средства къ переселенію. Народъ умираетъ съ голода, говорилъ не давно одинъ лордъ въ верхней палатѣ. Мы подадимъ ему руку помощи, мы уступимъ каждому семейству по грядкѣ земли, позволимъ держать по одной коровѣ. Народъ устаетъ отъ сильнаго труда, говорили прошедшаго года съ участіемъ тори въ парламентѣ. Это потому, что онъ слишкомъ много трудится. Мы вмѣсто 12 часовъ позволимъ ему работать только десять. Давайте собирать милостыню для народа, великодушно кричатъ вельможи. И вотъ во всѣхъ концахъ Англіи учреждаются благотворительныя общества, въ Лондонѣ и другихъ городахъ строятъ общественныя бани, стираютъ нищимъ безвозмездно бѣлье (или точнѣе ихъ тряпки), раздаютъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ: хлѣбъ, мясо, полотно и другія нужнѣйшія вещи.

Но лига не страшится и этого средства Англійской аристократіи, хотя прекраснаго и благороднаго. Не благотворительность нужна народу, говорятъ члены лиги, а справедливость, не тотъ дѣлаетъ истинное добро, кто изъ чувства состраданія, или гораздо чаще изъ пустаго тщеславія бросаетъ милостыню бѣдному, а тотъ напротивъ, кто добро-

Digitized by Google

совѣстно доискивается корня зла, причины бѣдности, неправильнаго распредѣленія богатствъ, и кто потомъ дѣятельно, горячо заботится объ уничтоженіи зла въ самомъ его зародышѣ. Если Англичане умираютъ дѣйствительно съ голода, отвѣчаютъ Бутлеру члены лиги, то недовольно сказать имъ: Мы переселимъ васъ въ Америку, гдѣ много хлѣба. Лучше гораздо дать имъ дешевый хлѣбъ въ самой Англіи, доставить имъ средства къ пропитанію внутри отечества, чѣмъ выгонять ихъ немилосердо изъ роднаго края, и перевозить за тридевять земель. Недостаточно, говоритъ лига, раздавать, или точнѣе продавать, бѣднымъ семействамъ грядки для картофеля. Не много уменьшится отъ этого ихъ бѣдность; нужно дать имъ возможность пріобрѣсти честнымъ и благоднымъ образомъ средства для продовольствія, нужно ихъ освободить отъ тѣхъ налоговъ и податей, которыми они теперь обременены самымъ несправедливымъ образомъ, и которые лишаютъ ихъ всякой возможности выйти изъ жалкаго теперешняго положенія. Не благотворительность спасетъ народъ отъ всѣхъ его бѣдствій, а одно лишь правосудіе. Милостыня есть самое недостаточное, ничтожное средство для устраненія бѣдности. Нищій принимаетъ ее часто не какъ вожделѣнный даръ, а какъ тяжелый грузъ, котораго бремя долго чувствуетъ его тоскующая душа. Благоразумное правительство должно заботиться не только о томъ, чтобы пособлять нищимъ; но еще болѣе о томъ, чтобы предупреждать самую возможность нищеты.

Вотъ въ краткости исторія той борьбы Англійской аристократіи съ народомъ, которая такъ сильно обнаруживается въ теченіи послѣдняго двадцати-

Digitized by Google

лѣтія.—Нельзя впрочемъ не замѣтить того, что и между Англійскими вельможами находятся нѣкоторые, готовые пожертвовать личными выгодами для пользы общественной. Благородно и безпристрастно предлагаютъ они средства для отмѣненія хлѣбныхъ законовъ. Извѣстные аристократы, лордъ Кинардъ, лордъ Морпетъ и многіе другіе принимали горячее участіе въ собраніяхъ лиги; лордъ Грей, этотъ гордый, но благородный и либеральный вельможа, снискавшій всеобщее уваженіе и любовь народа, часто предъ своею смертью говаривалъ, что хлѣбные законы въ Англіи должны скоро измѣниться, а настоящій начальникъ партіи виговъ лордъ Джонъ Россель, этотъ благородный потомокъ герцоговъ Бедфордскихъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ реформѣ 1832 года, всегда такъ упорно защищавшій религіозную и гражданскую свободу, былъ постоянно однимъ изъ важнѣйшихъ противниковъ хлѣбныхъ законовъ, а въ особенности подвижной лѣстницы пошлинъ. Онъ неоднократно публично объявлялъ свое мнѣніе, что уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ будетъ для государства большимъ благодѣяніемъ, и еще на дняхъ горячо и благородно поддерживалъ въ парламентѣ послѣднее предложеніе С. Робертъ-Пиля. — Съ другой стороны, нельзя не замѣтить и того, что члены лиги иногда слишкомъ сильно нападаютъ на Англійскую аристократію, упрекая ее чрезъ-чуръ рѣзко въ ея упрямствѣ и безчеловѣчности. Увлекаясь односторонностію, они видятъ въ хлѣбныхъ законахъ единственную причину упадка торговли и нищеты народа; наконецъ весьма часто, не столько заботятся объ участи бѣдныхъ, о средствахъ

Digitized by Google

помочь имъ, сколько о личныхъ своихъ интересахъ, о томъ, чтобы уменьшить власть дворянства, и возвысить купечество на высшую степень политическаго значенія.

Но посмотримъ теперь, что дѣлало въ Англіи правительство во время этой борьбы частныхъ интересовъ, что предлагали министры, которые должны столько же заботиться о благѣ высшаго сословія, сколько и низшаго, а въ особенности какъ дѣйствовалъ Сэръ Робертъ Пиль, этотъ главнѣйшій кормчій Англійской политики, въ какую сторону направилъ онъ общественное мнѣніе, и какое окончательное рѣшеніе даетъ онъ вопросу?

Сэръ Робертъ Пиль принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ государственныхъ мужей, которые соединяютъ въ себѣ глубокое, теоретическое знаніе наукъ политическихъ съ долговременною опытностію и необыкновеннымъ тактомъ въ управленіи государственными дѣлами. Твердый и благородный характеръ, необыкновенная сила воли, а въ особенности удивительное благоразуміе, осторожность, умѣніе согласовать интересы всѣхъ сословій, избирать вѣрнѣйшіе пути для достиженія своихъ видовъ, не увлекаться никогда духомъ партій, а стремиться безпристрастно къ общественной пользѣ; однимъ словомъ, идти смѣло, но всегда осторожно къ развитію гражданственности Англіи, къ укрѣпленію всеобщаго благосостоянія, вотъ, по нашему мнѣнію, существенный характеръ внутренней политики С. Робертъ Пиля.

Когда въ 1841 году виги должны были въ управленіи государства уступить мѣсто торіямъ, когда

Digitized by Google

Сэръ Робертъ Пиль избранъ былъ первымъ министромъ, тогда вопросъ о хлѣбной торговли былъ главнѣйшимъ предметомъ политическихъ преній. Народъ, доведенный до крайности, сильно требовалъ уничтоженія законовъ, а въ палатахъ, какъ въ верхней, такъ и въ нижней, значительное большинство голосовъ было въ пользу закона. Члены сихъ палатъ защищали права землевладѣльцевъ и утверждали, что уничтоженіе закона есть дѣло несправедливое, и едвали можетъ быть исполнено.

Что могъ сдѣлать С. Робертъ Пиль при такихъ діаметро-противоположныхъ требованіяхъ? Какъ представителю консервативной партіи, ему было всего приличнѣе заботиться объ удержаніи хлѣбныхъ законовъ, въ первоначальномъ ихъ видѣ; но съ другой стороны, какъ согласить этотъ законъ съ духомъ времени, съ указаніями и правилами политической экономіи? Предложить же рѣшительное уничтоженіе закона было-бы неблагоразумно; ибо такой биллъ не могъ въ это время пройти ни въ верхней, ни въ нижней палатѣ: онъ взволновалъ бы только парламентъ. Осторожный министръ, хотя и долго скрывалъ свои планы, выжидая удобнѣйшаго времени для того, чтобы ихъ высказать, превосходно понялъ однакожъ, что при этой борьбѣ частныхъ интересовъ единственное средство, которое могло принять правительство для достиженія своей цѣли, состояло въ избраніи средняго пути, въ возможномъ удовлетвореніи обѣихъ партій.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однакожъ заключить, чтобы Сэръ Робертъ Пиль при составленіи своихъ административныхъ плановъ заботился только объ

Digitized by Google

угожденіи господствующимъ въ государствѣ политическимъ партіямъ. Напротивъ, онъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ всегда по глубокому убѣжденію, согласно извѣстному принципу, по правиламъ политической экономіи, которыя онъ умѣетъ всегда такъ удачно прилагать къ частнымъ случаямъ, къ извѣстнымъ обстоятельствамъ своего края.

Немногіе Англійскіе министры понимали такъ хорошо ученіе Адама Смита, и прилагали его къ дѣлу такъ удачно, какъ Сэръ Робертъ Пиль. Онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе знаменитаго Шотландскаго публициста о пользѣ свободной торговли, о томъ, что тарифы, пошлины и монополіи замедляютъ успѣхи промышленности, обременяя лишь потребителей; въ особенности же соглашается онъ вполнѣ съ наукою относительно того, что всякое государство должно покупать необходимыя для него произведенія на тѣхъ именно рынкахъ, гдѣ онѣ всего дешевле.

Кто не помнитъ, какъ 10 Мая 1842 года, Сэръ Робертъ Пиль, предлагая парламенту сбавить пошлину на иностранныя произведенія, такъ выражался. «По моему убѣжденію, господа, Англія должна по«стоянно стремиться къ тому, чтобы нужныя для ея «жителей произведенія покупать тамъ именно, гдѣ «онѣ всего дешевле (to buy chiep), не заботясь «о томъ, сдѣлаютъ ли намъ другія государства «облегченіе въ своихъ таможенныхъ тарифахъ или «нѣтъ. Мы въ правѣ, конечно, требовать отъ нихъ «этого возмездія; но еслибъ даже они упорствовали въ своихъ финансовыхъ расчетахъ, то все таки «смѣшно было-бъ, если бы мы стали покупать нуж-

Digitized by Google

«ныя для насъ произведенія не на тѣхъ рынкахъ, «гдѣ онѣ всего дешевле, а гдѣ нибудь въ другомъ «мѣстѣ (The penalty is on us ifwe do nut buy in the cheapest market). А чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, въ томъ же засѣданіи палаты, когда нѣкоторые члены требовали, чтобы увеличить налогъ, падающій на низшій классъ народонаселенія, Сэръ Робертъ Пиль останавливаетъ шумныя пренія, воскликнувъ: «Какъ Министръ, обязанъ я вамъ сказать, «что народъ доведенъ у насъ до самой крайности »въ отношеніи тяготѣющихъ на немъ налоговъ; не «увеличивайте ихъ; ибо, безъ всякаго сомнѣнія, онъ «не въ состояніи будетъ ихъ вынести, и вы не до«стигните вашей цѣли.» (Most assuredly you will be defaeted in your object).

Послѣ всего сказаннаго можно ли было думать, что Сэръ Робертъ Пиль, хотя и выбранный въ министры партіею аристократовъ, удержитъ хлѣбные законы? Нѣтъ; каждый, хотя нѣсколько знакомый съ ходомъ государственныхъ дѣлъ, могъ уже, и въ то время легко угадать, что этимъ законамъ предстоитъ скоро значительная реформа.

Мы увѣрены, что Сэръ Робертъ Пиль еще въ 1842 году сознавалъ всю несправедливость хлѣбныхъ законовъ, и тогда уже въ головѣ его родилась, весьма вѣроятно, мысль о постепенномъ ихъ уничтоженіи; но съ другой стороны, онъ какъ министръ, привыкшій вести дѣла государственныя, понималъ въ тоже время, что эти законы, существуя не одинъ, не два года, а болѣе столѣтія, породили множество частныхъ интересовъ, которыхъ законность освящена давностію. Если бы эти законы были даже слѣдстві-

Digitized by Google

емъ однихъ заблужденій или интригъ, еслибъ они были самые несправедливые, то все таки въ ихъ существованіи невинны теперешніе аристократы, а еще менѣе фермеры и земледѣльцы. Государство должно отчасти, или по крайней мѣрѣ, временно, охранять интересы, которые родились отъ его содѣйствія, отъ его распоряженій, хотя-бъ эти интересы были несправедливы, незаконны. Не самъ ли Смитъ, этотъ основатель ученія о свободной торговлѣ, говоря о покровительствующихъ пошлинахъ, такъ отзывался: «Когда частныя мануфактуры посредствомъ »запрещеній или наложенія высокихъ пошлинъ на «произведенія иностранныя получили развитіе, заня- «вшее множество рукъ, то долгъ человѣчества тре- «буетъ, чтобы свобода торговли возстановляема «была только постепенно, и то съ большею осторож- «ностію.»

Сэръ Робертъ Пиль вполнѣ созналъ мысль Шотландскаго публициста, какъ это можно заключить изъ предложеннаго имъ въ 1842 году закона о хлѣбной торговли, который принятъ былъ палатами, и который по сихъ поръ еще существуетъ. Этотъ законъ значительно понизилъ пошлину на иностранный хлѣбъ, содѣйствовалъ къ оживленію въ Англіи хлѣбной торговли, къ улучшенію быта народа; но съ другой стороны онъ не нанесъ еще рѣшительнаго удара интересамъ землевладѣльцевъ.

Проектъ Сэръ Робертъ Пиля не удовлетворялъ вполнѣ требованіямъ ни аристократической, ни демократической партіи. Вельможи и народъ упрекали, даже бранили министра за его нерѣшительность; но не смотря на то, предложенный имъ билль прошелъ въ

Digitized by Google

обѣихъ палатахъ, и не подлежитъ сомнѣнію, никакой другой биллъ не могъ пройти въ это время съ такимъ успѣхомъ.

Съ 1842 года по настоящее время всѣ постановленія Сэръ Робертъ Пиля клонились къ оживленію внѣшней торговли, къ уменьшенію запретительныхъ пошлинъ и монополій, а въ особенности къ улучшенію быта низшаго класса народонаселенія.

Когда въ 1843 году разстроенное состояніе финансовъ вынуждало правительство возвысить налоги, всѣ думали, что министръ предложитъ, по обыкновенію, увеличить сборъ съ низшаго класса народонаселенія, или точнѣе назначитъ какую нибудь высокую пошлину на продукты, имъ преимущественно потребляемые. Но, къ удивленію всѣхъ государственныхъ людей, Сэръ Робертъ Пиль предложилъ учредить такой именно налогъ, который падаетъ исключительно на высшее сословіе, а именно налогъ съ доходовъ *income tax*, (то есть подать, составляющую 3 процента со всякаго рѣшительно дохода, превышающаго сумму 150 ф. стер., или 3,750 рубл. асс).

Законъ этотъ не нравился ни аристократамъ, ни богатымъ купцамъ; но онъ былъ предложенъ въ такое время и такъ удачно, что нельзя было не согласиться на предложеніе министра. Обѣ палаты утвердили его, казна быстро увеличила свои доходы, почти въ первый разъ не на счетъ народа.

Послѣ изданія этого наставленія, Сэръ Робертъ Пиль началъ постепенно измѣнять таможенный та-

Digitized by Google

рифъ, уменьшая налоги, падающіе на земледѣльческіе продукты и другія произведенія, составляющія существенную потребность народа. Сначала уменьшилъ онъ пошлину на ввозъ рогатаго скота и на мясо, потомъ на муку, масло, кожи, сарачинское пшено, сало, пиво, шерсть, хлопчатую бумагу, ленъ, уксусъ и на 430 другихъ предметовъ главнѣйшихъ потребностей жизни.

Торговля мало по малу стала оживляться; промышленность съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе развивалась, бѣдность народа примѣтно уменьшалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ умалялось и число преступленій, и улучшалась нравственность народа.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что Сэръ Робертъ Пиль дѣйствовалъ всегда весьма осторожно и умно съ обѣими партіями, существующими въ Англіи. Аристократамъ говорилъ онъ постоянно: Не упорствуйте въ своихъ требованіяхъ, вамъ нужно непремѣнно сдѣлать народу какую нибудь уступку въ вашихъ правахъ и привиллегіяхъ; ибо того требуетъ духъ времени, иначе можетъ произойти народное волненіе. Согласитесь на незначительныя уступки, а правительство будетъ твердо защищать ваши права и интересы, освященные вѣковою давностію. А народу говорилъ онъ опять: « Напрасно ты такъ волнуешься, къ чему послужатъ порывы твоихъ страстей. Ты лучше успокойся, крѣпись надеждою! Нельзя же облегчить всѣ твои бѣдствія за одинъ разъ; но мы объ нихъ не забываемъ, мы имѣемъ объ нихъ постоянное попеченіе. Улучшить твой бытъ, вотъ главнѣйшая наша забота, вотъ важнѣйшая цѣль нашего призванія! »

Digitized by Google

Такъ говорилъ Сэръ Робертъ Пиль, такъ обнадеживалъ онъ обѣ партіи, но въ тоже время онъ глубоко былъ убѣжденъ, всѣ его попытки останутся тщетными, всѣ его предложенія окажутся преждевременными, если высшее сословіе не сознаетъ, что внутри народа развивается сила, могущая скоро поставить препону егоистическимъ его требованіямъ. И вотъ почему онъ не мѣшалъ лигѣ увеличивать ежедневно политическое ея значеніе и распространять въ народѣ либеральныя мысли и чувства. Въ то самое время, когда Англійское правительство сильно преслѣдовало О'коннеля, за то, что онъ волновалъ Ирландію, оно какъ будто бы не замѣчало ни Кобдена, ни Брейта, ни другихъ ораторовъ, хотя нѣсколько лѣтъ уже волнуютъ они всю Англію, ежедневно критикуютъ министровъ, смѣются надъ древними обычаями, законами и постановленіями, и смѣло водворяютъ знамя реформы во всѣхъ концахъ Великобританіи. Почему же такое къ нимъ послабленіе со стороны правительства? Весьма понятно. О'коннель требовалъ того, что отчасти незаконно, неудобоисполнимо, невыгодно для Англіи.—Лига напротивъ требуетъ того, что принесетъ несомнѣнную пользу отечеству, что сообразно съ духомъ времени, съ идеями человѣчества.

Не будемъ повторять всего того, что сказано было на дняхъ въ парламентѣ Сэръ Робертъ Пилемъ по случаю предложеннаго имъ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ. Все это съ подробностію помѣщено въ послѣднихъ нумерахъ газетъ. Мы не можемъ однакожъ не замѣтить главной характерической черты министерскаго проекта, а именно необыкно-

Digitized by Google

венной его смѣлости и того либеральнаго духа, которымъ онъ исполненъ отъ первой до послѣдней его страницы. Рѣшиться уничтожить законъ, который существовалъ болѣе столѣтія, съ которымъ связаны интересы всѣхъ сильныхъ, знатныхъ людей, это конечно великое дѣло, о которомъ прежде и подумать не смѣли-бъ многіе бывшіе министры, но Робертъ Пиль умѣлъ такъ приготовить, настроить умы къ своему проекту, онъ такъ искусно его изложилъ, что нельзя было долго ему противоборствовать. Имѣя главнѣйшею цѣлію уничтоженіе той монополіи, которою пользуются землевладѣльцы, онъ въ своемъ проектѣ не столько однакожъ нападаетъ на помѣщиковъ, сколько на купцевъ, и тѣмъ самымъ смягчаетъ нѣсколько тотъ ударъ, который наноситъ аристократической партіи. «Я полагаю, что запре-«тительныя мѣры произошли не отъ землевладѣль-«цевъ; они были требуемы настойчиво сначала тор-«говыми сословіями, а за тѣмъ уже земледѣльцами, «а потому я приглашаю, прежде всего, мануфактури-«стовъ согласиться на уничтоженіе пошлинъ, падаю-«щихъ на иностранныя произведенія.» И лишь въ заключеніи своего проэкта, доказавъ что всѣ безъ изъятія виды промышленности въ Англіи должны отказаться отъ покровительствующихъ имъ монополій, онъ приходитъ къ тому окончательному результату, что и хлѣбные законы должны быть уничтожены. «Я глубоко убѣжденъ, говоритъ онъ, что при «настоящемъ состояніи дѣлъ среднія мѣры ни къ «чему не послужатъ. Всего лучше, по моему мнѣ-«нію, приготовить окончательное и ясное рѣшеніе «вопроса. И потому я предлагаю сначала значитель-«но уменьшить пошлину, а по истеченіи 3-хъ лѣтъ,

Digitized by Google

«совершенно уничтожить ее.» Но чтобы хотя нѣсколько вознаградить землевладѣльцевъ за отнятіе у нихъ тѣхъ привиллегій, которыми они прежде пользовались, онъ предлагаетъ облегчить тяготѣвшую на нихъ обязанность исправлять публичныя дороги, и кромѣ того обѣщается сдѣлать реформу закона о мѣстѣ жительства бѣдныхъ пролетаріевъ (Law of settlement), которые прежде содержались преимущественно на счетъ аристократіи. — Читая проектъ Сэръ Робертъ Пиля, нельзя не удивляться его необыкновенному искусству предлагать реформы въ такомъ всегда видѣ, что они кажутся не только необходимыми, но даже выгодными для всѣхъ сословій.

Впрочемъ Сэръ Робертъ Пиль не всегда обращался осторожно и снисходительно съ своими противниками. Когда они, увлеченные духомъ партій, осмѣливались нападать на перваго министра, тогда онъ съ благородною гордостію умѣлъ поддерживать свое достоинство, и въ рѣзкихъ, но правдивыхъ словахъ выказывалъ, какъ значительно, умомъ и образованіемъ, стоитъ онъ выше окружающихъ его противниковъ. Еще на дняхъ смѣло нападалъ онъ на Скота, Колькгауна, Милеса и другихъ членовъ парламента, выставляя ихъ на посмѣяніе палатѣ. Безжалостно шутилъ онъ надъ знаменемъ проктекціонизма, надъ британскимъ львомъ и надъ старинными цвѣтами торіевъ (the true blue). Съ какою глубокою ироніею, заставивъ палату выслушать длинный свой отчетъ о бѣдствіяхъ народа, онъ воскликнулъ. «А, эта картина, я вижу, для васъ скучна, отъ нее тошнитъ вамъ, печальный мой разсказъ раздражаетъ ваши нервы; жаль, очень жаль, но нечего дѣлать; необходимо, крайне необходимо,

Digitized by Google

«чтобы вы взглянули наконецъ на Ирландію прямо «въ лице. Вотъ она въ своемъ рубищѣ, съ своими «лихорадками, вотъ кругомъ насъ отвратительное «чудовище—голодъ, нищета. Не закрывайте сегод- «ня при этомъ зрѣлищѣ вашихъ глазъ, ибо завтра «же вы принуждены будете ихъ открыть».

Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ рѣчахъ Робертъ-Пиля рѣдко когда встрѣчаются подобныя смѣлыя нападенія. Онъ предпочитаетъ обыкновенно облекать свои мысли, въ формы менѣе рѣзкія, не столько раздражающія слушателей, сколько возбуждающія ихъ сочувствіе. Онъ почти всегда выражается словами, въ которыхъ высказывается не только практическій тактъ государственнаго человѣка, но вмѣстѣ и благородный его характеръ, и высокія качества его души. Какъ прекрасны на пр. тѣ слова, которыми кончилъ онъ на дняхъ (16 Февраля) свою рѣчь въ парламентѣ.

«Въ 1841-мъ и въ слѣдующихъ годахъ, когда Ко- «ролева созывала парламентъ, всякій разъ вынуж- «дена она была изъявлять глубокое свое сожалѣніе «о томъ, что народъ доведенъ былъ до крайней бѣдно- «сти; всякой разъ хвалила она его за то, что съ «мужественнымъ терпѣніемъ умѣлъ онъ вынести «тяжкіе удары судьбы. Къ счастію, это время «уже прошло; теперь съ каждымъ днемъ бытъ на- «рода улучшается, довольство его примѣтно умно- «жается, но, кто знаетъ, быть можетъ, черные дни «возвратятся опять, настанетъ снова голодъ, и тог- «да, если наша обязанность заставитъ насъ изъяв- «лять опять сочувствіе и состраданіе къ бѣдствіямъ «народа, если мы вынуждены будемъ просить его «сносить терпѣливо тяготѣющее на немъ бремя, то

Digitized by Google

«прошу всѣхъ тѣхъ, которые меня слушаютъ, углу-
«биться въ сердца этихъ несчастныхъ, и сказать мнѣ
«откровенно. Не найдетъ ли народъ утѣшенія при
«мысли, что мы заранѣе принимали здѣсь горячее
«участіе въ его положеніи, что смѣло предлагали
«мѣры къ устраненію всѣхъ монополій и законовъ,
«затруднявшихъ прежде его продовольствіе? Выра-
«женіе нашего сочувствія не будетъ ли тогда для
«него болѣе утѣшительнымъ, а мы въ свою очередь,
«не будемъ ли имѣть болѣе правъ надѣяться, что
«мужественно и терпѣливо снесетъ онъ могущія
«поразить его несчастія? Мы съ гордостію вспом-
«нимъ, что мы заботились объ участи народа, не
«въ самую минуту его бѣдствій, не въ то время,
«когда вынуждали насъ обстоятельства, а напротивъ,
«когда вездѣ кругомъ насъ возрастало довольство и
«благосостояніе. Какъ утѣшительно будетъ намъ
«сказать ему тогда: Ты страдаешь, потому—что такъ
«угодно одному лишь Провидѣнію, оно ниспосы-
«лаетъ человѣку въ его жизни разныя бѣдствія, съ
«великою быть можетъ цѣлью, чтобы усмирить нашу
«гордость, дать намъ почувствовать наше ничтоже-
«ство, породить въ насъ чувство смиренія. Терпѣ-
«ливо и безропотно переносимъ эти бѣдствія, ибо
«они промыслъ высшей воли, они произошли не отъ
«нашихъ распоряженій. Мы не воспользовались на-
«шею властію, чтобы для какихъ либо частныхъ
«интересовъ, увеличить твои бѣдствія; мы старались
«напротивъ смягчить ихъ, и придумывали разныя
«средства для облегченія твоего существованія.» —
Какъ много прекраснаго и благороднаго высказы-
вается въ этихъ словахъ!

Но будетъ ли окончательно принятъ проектъ С.

Digitized by Google

Робертъ Пиля обѣими палатами, облечется ли онъ силою закона?

Въ нижней палатѣ проектъ министра разсматривался въ теченіи 12 засѣданій. Множество было мнѣній въ пользу и противъ него. Вся партія виговъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Росселя, всѣ почти представители городовъ сочувствовали министру; но изъ числа тори, весьма многіе оспаривали его проектъ, доказывая невозможность его осуществленія.

28 Февраля, ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ представленія проэкта, участь его должна была окончательно рѣшиться въ нижней палатѣ. Внутри и внѣ парламента тысячи любопытныхъ ждали всю ночь окончательнаго рѣшенія политическихъ преній. Въ залѣ засѣданій, не только мужчины, но и многія дамы, по примѣру леди Пальмерстонъ, отъ вечера до 4 часовъ утра, не оставляли своихъ мѣстъ, ожидая съ нетерпѣніемъ результата продолжительныхъ споровъ. Много въ этотъ день сказано было прекрасныхъ рѣчей; но самая блистательная была, безъ сомнѣнія, рѣчь Кобдена. Никогда еще народный трибунъ не говорилъ въ парламентѣ такъ смѣло и рѣшительно, какъ въ этотъ день. Онъ обращался постоянно въ консервативной партіи, къ тори, и увѣщевалъ ихъ принять скорѣе предложеніе С. Робертъ-Пиля. «Напрасно вы думаете—говорилъ онъ имъ рѣшительно,— «что въ вашихъ рукахъ находится теперь власть «и значеніе. Давно прошло уже это время. Вы за«хотите, быть можетъ, воспользоваться тѣмъ вліяні«емъ, которое вы имѣете на вашихъ фермеровъ, «чтобы умножить въ парламентѣ число депутатовъ, «раздѣляющихъ ваши требованія; но тщетны оста-

Digitized by Google

«нутся ваши усилія; ибо съ нашими огромными ма-
«теріальными средствами, а что важнѣе, съ тѣмъ
«сочувствіемъ, которое мы встрѣчаемъ вездѣ въ
«Великобританіи къ нашимъ убѣжденіямъ, мы въ
«каждомъ графствѣ пріобрѣтемъ тысячи избиратель-
«ныхъ голосовъ въ нашу пользу, и поразимъ васъ
«въ парламентѣ, такъ точно какъ поражали на тѣхъ
«площадяхъ, гдѣ волновали мы народъ противъ
«хлѣбныхъ законовъ. Не думайте, чтобы можно
«было когда либо задушить тѣ чувства и мысли, ко-
«торыя быстро обняли теперь всю Англію и которыя
«съ каждымъ днемъ глубже и глубже пускаютъ свои
«корни въ убѣжденія народа. Не противьтесь долѣе;
«ибо увѣряю васъ, чѣмъ сильнѣе будетъ ваше упор-
«ство, тѣмъ опаснѣе будетъ становиться для васъ
«наша реакція, тѣмъ страшнѣе будетъ ея вліяніе».—
Такъ говорилъ Кобденъ, и всѣ кругомъ его молча-
ли, и лишь по временамъ прерывалось его слово
продолжительными рукоплесканіями. И думалъ ли бы
кто нибудь лѣтъ 100, лѣтъ 20 даже тому назадъ,
что простой гражданинъ, народный трибунъ, силь-
нѣйшій врагъ аристократіи, найдетъ — гдѣ? — не на
рынкѣ, не на биржѣ, а въ Англійскомъ парламентѣ
такое живое сочувствіе.

Давно уже было за полночь, когда Кобденъ кончилъ
свою рѣчь, давно уже на Весминстерской башнѣ уда-
рило 3 часа, и все еще продолжаются споры, и никто
изъ зрителей не оставляетъ своего мѣста; но вотъ въ
углу залы начинаютъ собирать голоса. Всѣ съ нетерпѣ-
ніемъ ждутъ, чѣмъ кончатся споры, какая партія во-
сторжествуетъ. Глубокое молчаніе водворяется въ
парламентѣ, и черезъ нѣсколько минутъ, не смотря на
поздній часъ, весь Лондонъ зналъ уже, что проектъ

Digitized by Google

С. Робертъ-Пиля принятъ окончательно нижнею палатою, и принятъ съ большинствомъ 97 голосовъ.

Не смотря на то, противники Сэръ Робертъ-Пиля всячески старались противодѣйствовать его цѣли и разрушить его проекты. Въ теченіе Марта вышло въ Англіи множество памфлетовъ и журнальныхъ статей, въ которыхъ старались обнаружить ошибочность мѣръ, предлагаемыхъ министромъ и охладить къ нему довѣріе народа и палатъ. С. Робертъ-Пиль долго молчалъ; но 27 Марта, въ тотъ день, когда во второй разъ балатировали въ нижней палатѣ его финансовый проектъ, онъ такъ окончилъ свою замѣчательную рѣчь: « Когда я паду, для меня « отрадою будетъ увѣренность, что я палъ не отъ « порабощенія себя одной партіи, не отъ того-что « пользы ея ставилъ выше государственныхъ; напро- « тивъ, я унесу съ собою утѣшительное сознаніе, « что въ теченіи всего моего поприща, я только и « имѣлъ въ виду: смягченіе монополій, поощреніе « промышленности, оживленіе торговли, правильное « распредѣленіе податей и улучшеніе быта того « сословія, которому суждено вѣкъ трудиться. » Послѣ окончанія этой рѣчи, опять собирались голоса, и не смотря на то, что въ этотъ день было въ палатѣ меньше членовъ, чѣмъ мѣсяцомъ прежде, проектъ министра принятъ былъ вторично нижнею палатою, и съ большинствомъ 88 голосовъ.

Но будетъ ли принятъ этотъ проэктъ въ палатѣ лордовъ? Утвердитъ ли его Англійская аристократія, которая всегда такъ упорно и искусно умѣла защищать свои интересы?

Хотя вопросъ не получилъ еще окончательнаго рѣшенія въ верхней палатѣ, по крайней мѣрѣ, въ

Digitized by Google

то время, когда мы пишемъ эту статью, но мы все таки имѣемъ основаніе думать, что онъ и тамъ будетъ скоро принятъ вполнѣ, или съ весьма незначительными измѣненіями; ибо теперь въ Великобританіи съ каждымъ днемъ уменьшается число вельможъ, раздѣляющихъ убѣжденія Герцога Ньюкастельскаго, Маркиза Лондондерри и другихъ тому подобныхъ надменныхъ, упорныхъ консерватистовъ, напоминающихъ своими требованіями феодализмъ среднихъ вѣковъ. Многіе англійскіе вельможи убѣждаются, что нельзя долѣе противоборствовать духу времени, что лучше сдѣлать теперь малую уступку, чѣмъ доводить народъ до такого состоянія, при которомъ онъ потребуетъ конечно больше, чѣмъ сколько предлагаетъ теперь благоразумное и предусмотрительное правительство. Многіе аристократы рѣшаются даже уступить нѣкоторыя свои прежнія привилегіи, въ убѣжденіи, что это будетъ благодѣтельно не только для низшаго, но и для высшаго сословія; ибо, не подлежитъ сомнѣнію, политическая власть вельможъ усилится, если они, вмѣсто теперешняго къ нимъ охлажденія народа, пріобрѣтутъ его сочувствіе и уваженіе. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не удивляться, какъ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ измѣнились убѣжденія многихъ Англійскихъ аристократовъ. Герцогъ Веллингтонъ, на пр., который въ 1828 году измѣнилъ законъ о хлѣбной торговлѣ, предложенный Кеннингомъ, потому-что онъ не удовлетворялъ требованіямъ аристократической партіи; который, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время реформы избирательной системы, предпочелъ выйти вмѣстѣ со сто товарищами своими изъ верхней палаты, чѣмъ согласиться на либеральное пред-

Digitized by Google

ложеніе лорда Грея: этотъ же самый герцогъ Веллингтонъ нынѣ раздѣляетъ политику С. Робертъ-Пиля, и доказываетъ необходимость окончательнаго отмѣненія хлѣбныхъ законовъ. — Какъ много можно бы перечесть именъ аристократовъ, которымъ еще 5 лѣтъ тому назадъ это отмѣненіе одного изъ важнѣйшихъ въ Англіи законовъ, казалось дѣломъ невозможнымъ, несбыточнымъ, и которые теперь съ каждымъ днемъ сознаютъ болѣе и болѣе необходимость этой реформы. Вотъ какъ съ теченіемъ лѣтъ измѣняются убѣжденія, вотъ какъ все идетъ впередъ съ духомъ времени, и ничто конечно не въ состояніи остановить этого движенія, поставить ему препону.

Перейдемъ въ заключеніи, къ 6-ой части нашего вопроса, а именно къ тому, какія можно ожидать послѣдствія для промышленности, для общественной и государственной жизни Англіи, отъ окончательнаго отмѣненія хлѣбныхъ законовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ слѣдствіе уменьшенія запретительныхъ пошлинъ на иностранные продукты, привозимые въ Англію, внутренняя и внѣшняя торговля этого государства оживится, всѣ дары Провидѣнія будутъ прибывать въ Великобританію изъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта, и народъ найдетъ легчайшія средства къ своему пропитанію, къ удовлетворенію главнѣйшихъ потребностей жизни.

Впрочемъ не только одна Англія выиграетъ отъ этого постановленія, но и многія другія государства, преимущественно земледѣльческія. Россія въ особенности должна радоваться этой реформѣ, ибо

Digitized by Google

у насъ болѣе чѣмъ гдѣ либо, добывается сырыхъ продуктовъ, составляющихъ главнѣйшій предметъ внѣшней торговли; у насъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ жалуются хозяева на безпрерывное колебаніе цѣнъ, на трудность сбыта земледѣльческихъ продуктовъ.

Сало, котораго мы посылаемъ ежегодно въ чужія краи болѣе трехъ милліоновъ пудовъ, подвергалось на Англійскихъ таможняхъ довольно большой пошлинѣ, а именно за каждые 100 фунтовъ нужно было платить 3 шил. 2 пен. (около рубля сер.), а теперь Робертъ-Пиль предлагаетъ сбавку оной до 1 шил. 6 пен. (45 к.), такъ что вѣроятно вывозъ этого продукта значительно увеличится. Въ отношеніи строеваго лѣса пошлина тоже уменьшена, такъ что въ слѣдствіе сего, 4-го Февраля текущаго года, по докладу г. министра государственныхъ имуществъ, Высочайше повелѣно: «дабы воспользоваться выго-«дами отъ новаго лѣснаго тарифа въ Англіи, уси-«лить вырубку лѣса для заграничнаго отпуска изъ «Архангельскаго порта на 50,000 деревъ ежегод-«но въ теченіи 5-ти лѣтъ.» Ленъ, выдѣланныя кожи, простыя шерстяныя и льняныя издѣлія, должны быть, по предложенію С. Робертъ-Пиля, допускаемы въ Англію совершенно безъ пошлины. Все это даетъ право думать, что наша внѣшняя торговля замѣтно оживится.

Но что сказать о хлѣбѣ, объ этомъ главнѣйшемъ земледѣльческомъ произведеніи, которое должно съ 1849 года безпошлинно входить въ Англію. Можно ли надѣяться, что нашимъ помѣщикамъ скоро откроется обширный рынокъ для сбыта ихъ пшеницы въ Великобританіи; какъ согласить эти надежды съ тѣмъ,

Digitized by Google

что еще и до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, Англія покупала ежегодно въ чужихъ краяхъ до 4 или 5-ти милліоновъ четвертей хлѣба, и еще въ настоящее время поджидаетъ изъ Америки привоза значительнаго количества маиса, для обезпеченія продовольствія несчастной Ирландіи?

Хлѣбная торговля наша съ чужими краями, а въ особенности съ Англіею далеко, не такъ значительна, какъ можнобы думать a priori, принимая въ соображеніе обширность нашихъ пахотныхъ земель и значительную разницу, которая замѣчается между нашими цѣнами на хлѣбъ и тѣми, которыя существуютъ въ Англіи. Россія производитъ ежегодно, по исчисленіямъ статистиковъ, болѣе 200,000,000 четвертей хлѣба, но изъ сего количества въ чужія краи отпускается 2, много 3,000,000 четвертей, и то не столько въ сѣверную часть Европы, сколько въ южную. Торговля хлѣбомъ во всѣхъ прибалтійскихъ портахъ представляетъ значительный упадокъ. Въ послѣднее десятилѣтіе, а именно съ 1834 по 1844 годъ отпущено изъ Риги въ сложности на 125% менѣе зерноваго хлѣба, чѣмъ въ предыдущее десятилѣтіе, изъ Архангельска на 164%, а изъ Петербурга на 355% (*). — Изъ Южной Россіи правда, а именно: изъ Одессы, Таганрога и другихъ портовъ Чернаго и Азовскаго моря вывозъ хлѣба въ чужіе краи сталъ въ послѣдніе годы примѣтно увеличиваться, но отпускаемый оттуда хлѣбъ идетъ наиболѣе въ Тріестъ, Марсель, Ливурно, а тоже въ Турцію и

(*) Изъ видовъ внѣшней торговли явствуетъ, что съ 1824 по 1834 годъ, и съ 1834 по 1844 годъ, отпущено:

Digitized by Google

Грецію; немного поступаетъ его на Англійскіе рынки. Въ 1839 году, мы отпустили въ Англію больше хлѣба, чѣмъ когда либо, а именно 533,285 четвертей, но въ обыкновенные годы мы отправляемъ туда всего 200 или 300,000 четвертей (*), то есть такое количество, которое составляетъ 10, много 15 процентовъ всего количества хлѣба привозимаго въ Англію изъ чужихъ краевъ. Замѣчательно, что въ послѣдніе три года отпускалось изъ одного Данцига въ Великобританію среднимъ числомъ около 675,000 четв. ежегодно, то есть вдвое больше, чѣмъ изо всей Россіи, и не только зерномъ, но и мукою. Въ послѣдніе годы привозъ въ Англію пшеничной муки изъ разныхъ странъ свѣта дошелъ до 5,000,000 пудовъ; но Россія въ этой отрасли торговли во все не участвовала.

Чтобы объяснить это явленіе нужно принять во вниманіе географическое положеніе Россіи, а еще болѣе, неправильное требованіе хлѣба въ Англіи, происходящее въ слѣдствіе безпрерывнаго повыше-

---

изъ Риги	7,067,486 четв.	3,138,076 четв.
— Архангельска	2,253,428 — —	850,869 — —
— Петербурга .	1,892,866 — —	415,526 — —

(*) Въ послѣдніе 3 года, а именно въ 1840-мъ привезено въ Великобританію 1,993,383 квар. пшеницы, въ томъ числѣ изъ Россіи 268,263 к. Въ 1841-мъ всего 2,409,754 кв., а изъ Россіи — 99,599 кв., а въ 1842-мъ году всего 2,722,349 кв., а изъ Россіи 283,087, такъ что въ сложности отпускалось изъ Россіи меньше $\frac{1}{10}$ части всего количества хлѣба, привозимаго въ Англію, см. *M' Culloch.* Dictionnary of Commerce and Commercial Navigation. London. 1844, стр. 419.

Digitized by Google

нія и пониженія таможнихъ пошлинъ. Хотя ни одна страна въ Европѣ не въ состояніи отпускать хлѣба по такимъ сходнымъ цѣнамъ, и въ такомъ количествѣ, какъ Россія; но за то она менѣе другихъ государствъ имѣетъ возможность пользоваться выгодами заграничной хлѣбной торговли, ибо при первомъ требованіи на хлѣбъ въ Англіи, иностранные порты, ближайшіе къ мѣстамъ сбыта, успѣваютъ двинуть свои запасы туда несравненно скорѣе, чѣмъ Русскіе порты. Въ Петербургѣ на пр. нѣтъ складочныхъ магазиновъ для хлѣба; въ прилегающихъ къ нему губерніяхъ рѣдко когда имѣется лишній для сбыта хлѣбъ; потому и при большихъ заграничныхъ требованіяхъ, нужно сначала дѣлать покупки хлѣба на дальнихъ Волжскихъ пристаняхъ, или хотя въ Рыбинскѣ, такъ что покамѣстъ онъ дойдетъ до Петербурга, а оттуда до Лондона, требованіе на хлѣбъ въ Англіи будетъ уже значительно меньше въ слѣдствіе или новаго урожая, или подвоза хлѣба изъ другихъ ближнихъ портовъ. Но что хуже, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ требованія на хлѣбъ возвышается обыкновенно въ Англіи, согласно существующимъ тамъ законамъ, пошлина, такъ что поздо доставленную пшеницу трудно сбывать по выгоднымъ цѣнамъ. Безпрерывное колебаніе въ Англіи пошлинъ на хлѣбъ подвергаетъ лихорадочнымъ потрясеніямъ торговлю этимъ произведеніемъ. Тѣ государства, въ которыхъ много дешеваго хлѣба, не могли пользоваться выгодами внѣшней торговли, а пользовались только одни спекулянты, жившіе въ портовыхъ городахъ. Они, имѣя у себя большіе запасы хлѣба, умѣли всегда выждать то время, когда въ Англіи увеличивалось требова-

Digitized by Google

ніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась пошлина на иностранный хлѣбъ.

Но если проектъ С. Робертъ-Пиля будетъ принятъ обѣими палатами, если хлѣбъ будетъ входить въ Англію безпошлинно, то требованія иностранныхъ купцовъ будутъ постояннѣе и опредѣлительнѣе, прежнія спекуляціи уступятъ мѣсто правильной системѣ хлѣбной торговли, въ Петербургѣ и другихъ прибалтійскихъ городахъ образуются, весьма вѣроятно, постоянные запасы хлѣба, быть-можетъ, торговыя компаніи, и многимъ нашимъ помѣщикамъ откроется новый рынокъ для сбыта разводимой въ ихъ имѣніяхъ пшеницы. Однимъ словомъ, должно надѣяться, что отмѣненіемъ хлѣбныхъ законовъ торговля не только въ Англіи, но и вездѣ въ Европѣ примѣтно оживится, и не только въ Европѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ странахъ свѣта. Когда 20-го Февраля нынѣшняго года получено было въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Вашингтонѣ, извѣстіе о предложеніи С. Робертъ-Пиля, въ тотъ же день на биржѣ всѣ фонды поднялись, въ публичныхъ и частныхъ домахъ праздновали это извѣстіе, какъ важнѣйшее политическое событіе, а въ сенатѣ многіе ораторы доказывали, что если пройдетъ въ Англійскихъ палатахъ проэктъ министра, тогда прекратятся всѣ недоразумѣнія, бывшія между Англіею и Соединенными Штатами, по случаю Орегонскаго вопроса, и можно будетъ надѣяться на продолжительный миръ.

Но спрашивается послѣ того, не потребуетъ ли, или точнѣе, не пожелаетъ ли Англія, чтобы и другія государства смягчили свои таможенные тарифы, чтобы они уменьшили пошлины, надающія на ея

Digitized by Google

мануфактурныя издѣлія, не угрожаетъ ли проэктъ Робертъ-Пиля упадку мануфактуръ на континентѣ? Нѣтъ, не думаемъ, и вотъ почему:

Въ настоящее время всѣ государственные люди болѣе или менѣе убѣждены въ томъ, что абсолютная свободная торговля, предлагаемая часто теоретиками, тогда только могла бы существовать, когдабы весь родъ человѣческій составлялъ одно нераздѣльное цѣлое, одно государство; но покамѣстъ существуютъ отдѣльные народы, отличающіеся историческимъ своимъ развитіемъ, большею или меньшею степенью образованности и гражданственности, до тѣхъ поръ всякой народъ долженъ стараться сохранять свою самобытность, заботиться о возможномъ развитіи матеріальныхъ и нравственныхъ силъ своихъ. А мануфактурная и торговая дѣятельность проявляются во всѣхъ государствахъ, въ то именно время, когда они достигаютъ высшей степени своего гражданскаго развитія. Напрасно стараются доказать нѣкоторые публицисты, что такая-то страна есть земледѣльческая, а другая мануфактурная. Оно такъ теперь, но со временемъ можетъ быть иначе. Нѣсколько столѣтій тому назадъ Англія считалась страною совершенно земледѣльческою, а теперь она по преимуществу мануфактурная. Лѣтъ 60 тому назадъ Соединенные Штаты Америки находились на первой ступени гражданскаго своего развитія. Это была страна чисто земледѣльческая, но со временемъ, по мѣрѣ умноженія въ этомъ государствѣ капиталовъ, предпріимчивости, образованности, она вышла изъ первобытнаго своего состоянія, и теперь тамъ ежегодно увеличивается число фабрикъ и заводовъ. Тоже самое можно бы сказать о Нѣмецкомъ тамо-

Digitized by Google

женномъ союзѣ, о Франціи, Россіи и другихъ государствахъ. Вездѣ правительство старалось покровительствовать возникающимъ промышленностямъ и дать имъ возможность поставить производительныя силы государства на высшую степень развитія. Безъ этого временнаго впрочемъ, покровительства, ни одинъ народъ не могъ бы соперничать съ другимъ, который его сильнѣе, дѣятельнѣе, образованнѣе. Совершенная свобода торговли между народами, не въ одинакой степени производительными, имѣлабы послѣдствіемъ то, что та страна, въ которой всѣ промышленности находятся на высшей степени развитія, какъ на пр. Англія, взяла бы верхъ надъ другими государствами, и поглотила бы въ себѣ богатства другихъ странъ свѣта. Это гласитъ не только Листъ и его школа, но это превосходно понимаютъ всѣ практическіе государственные люди, объ этомъ на дняхъ были прекрасные дебаты въ саксонскихъ политическихъ палатахъ; самъ Робертъ-Пиль высказалъ эту мысль въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей, когда такъ прекрасно доказалъ онъ, что Англія, при настоящемъ положеніи ея промышленности, не можетъ опасаться соперничества другихъ государствъ Европы. И вотъ почему во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ хорошая финансовая система, учреждены умѣренные таможенные тарифы съ цѣлью поощренія народной промышленности и возведенія государства на высшую степень гражданскаго развитія.

Но эти тарифы должны только поощрять промышленность, покровительствовать ей временно тогда только, когда есть надежда, что по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ, промышленность не бу-

Digitized by Google

летъ уже нуждаться въ покровительствѣ, которое продолжаясь слишкомъ долго, можетъ сдѣлаться весьма тягостнымъ для потребителей. Пошлины учреждаются не для того, чтобы останавливать ввозъ иностранныхъ произведеній, а только для того, чтобы покровительствовать временно развивающимся внутри отечества мануфактурамъ, которыя сначала не могутъ выдержать соперничества съ иностранными фабриками, но которыя должны мало-по-малу привыкать къ естественному, а не къ искуственному существованію. Иначе таможенные тарифы доставляли-бы пользу не государству, не казнѣ даже, а только нѣсколькимъ сотнямъ фабрикантовъ, и тяготѣли-бы самымъ несправедливымъ образомъ на потребителяхъ. Пошлины, говоритъ графъ Канкринъ въ своей книгѣ, много способствуютъ развитію промышленностей внутри отечества; но онѣ не должны быть слишкомъ значительны, ибо въ такомъ случаѣ, порождая безпечность, онѣ перестали-бъ поощрять фабрикантовъ къ улучшенію ихъ заводовъ (*).

Не вездѣ однакожъ сознаютъ эту мысль, не вездѣ существуютъ такія именно пошлины, которыя отличаясь умѣренностію, устраняютъ возможность распространенія контрабанды, и покровительствуя внутренней промышленности, не убиваютъ внѣшней торговли, не обременяютъ потребителей. Мы твердо увѣрены, что биллъ Сэръ Робертъ-Пиля отзовется болѣе или менѣе во всѣхъ Европейскихъ таможенныхъ тарифахъ, что можно уже отчасти заключить изъ рѣчи

(*) Graf Cancrin. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften. Stuttgart, 1845. стр 233—249.

Digitized by Google

произнесенной 1-го Апрѣля, въ Парижѣ, министромъ Гизо.

Нигдѣ не уничтожатъ совершенно пошлинъ, не допустятъ развитія свободной торговли, но почти вездѣ позаботятся объ уменьшеніи многихъ статей таможеннаго тарифа, постараются, чтобы пошлины покровительствовали отечественнымъ мануфактурамъ въ такой лишь степени, какъ это необходимо для ихъ постепеннаго развитія, и при условіи, чтобы они не могли обременять собою потребителей. Между фабрикантами распространится мало-по-малу мысль, что для успѣховъ отечественныхъ мануфактуръ не достаточны однѣ лишь пошлины, а что для того гораздо важнѣе пріобрѣтеніе техническихъ знаній, распространеніе духа товарищества, а еще болѣе предпріимчивость, трудъ, капиталы, а въ особенности просвѣщеніе. И такимъ образомъ всѣ народы, подвигаясь постепенно впередъ въ своемъ гражданскомъ развитіи не искуственными, а естественными средствами, будутъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе сближаться, сродняться между собою, а потому и производить свободнѣе мѣну матеріальнаго и нравственнаго своего богатства, къ чему, безъ сомнѣнія, должно стремиться человѣчество.

Если планъ Сэръ Робертъ-Пиля осуществится, то онъ будетъ, безъ сомнѣнія, большимъ благодѣяніемъ для низшаго класса народонаселенія въ Великобританіи; ибо оттого облегчится продовольствіе многихъ и многихъ тысячъ семействъ. Онъ разпространитъ повсюду довольство, благосостояніе, и можно надѣяться, улучшитъ даже нравственность народа; но съ другой стороны, нельзя опять думать, чтобы онъ

Digitized by Google

могъ вполнѣ искоренить существующую теперь въ Англіи въ народѣ нищету. Высокія цѣны на хлѣбъ и другіе земледѣльческіе продукты содѣйствовали конечно къ увеличенію бѣдности въ Англіи; но онѣ не были единственною причиною зла. Бѣдность произошла тамъ отъ многихъ другихъ причинъ, отъ несоразмѣрнаго распредѣленія податей и налоговъ, отъ большаго количества пролетаріевъ, отъ недостаточной заработной платы, отъ безпрерывнаго усовершенствованія машинъ и отъ многихъ другихъ причинъ. Искоренить совершенно бѣдность чрезвычайно трудно, едва ли возможно. Но облегчить ее, сдѣлать ее сноснѣе, вотъ къ чему должны вездѣ стремиться государственные люди, и въ этомъ отношеніи заслуги С. Робертъ-Пиля останутся конечно незабвенными.

Отмѣненіе въ Англіи хлѣбныхъ законовъ, говорятъ нѣкоторые публицисты, поведетъ за собою уменьшеніе не только доходовъ, но и значенія аристократіи. Теперешняя ея власть и вліяніе на государственныя дѣла перейдетъ нечувствительно къ купеческому сословію. Вся Англія сдѣлается страною исключительно меркантильною, и нѣсколько Манчестерскихъ фабрикантовъ будутъ управлять судьбами сильнѣйшаго государства, котораго политика сосредоточится тогда лишь въ одномъ усиленіи торговли и въ накопленіи капиталовъ.

Что касается нашего мнѣнія, мы не думаемъ, чтобы Англійскіе вельможи могли совершенно лишиться прежнихъ своихъ правъ и вліянія на политическія дѣла. Ни въ какомъ государствѣ въ Европѣ аристократія не имѣетъ такого обширнаго историческаго значенія,

Digitized by Google

какъ въ Англіи. Нигдѣ не пользуется она такою властію, скажу болѣе, такимъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ въ Великобританіи. Народъ хранитъ чувство глубокаго почтенія ко всѣмъ древнимъ государственнымъ постановленіямъ, къ стариннымъ своимъ преданіямъ и обычаямъ. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ отзывается о заслугахъ, подвигахъ, даже правахъ своихъ лордовъ. Самые радикалы и хартисты, какъ ни вольнодумны въ своихъ требованіяхъ, рѣдко однакожъ касаются тѣхъ коренныхъ постановленій, которыя составляютъ сущность Англійской конституціи, и которыми они столь же дорожатъ, сколько и консервативная партія. Я помню, какъ однажды въ Кельзо, членъ лиги Брейтъ, передъ толпою народа, доказывая необходимость отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, началъ, увлеченный порывомъ страсти, рѣзкими словами нападать на Англійскихъ вельможъ, трунилъ надъ ними, и самыми черными красками выставлялъ ихъ эгоизмъ, безпечность и равнодушіе къ бѣдствіямъ народа. Вдругъ среди толпы подымается шумъ. Какой-то высокой, блѣдный мужчина, съ растрепанными волосами, весь запачканный углемъ, въ оборванномъ платьи, взлезаетъ на скамью, махаетъ руками, и повелительнымъ голосомъ останавливаетъ Брейта. Не объ насъ нищихъ ты тужишь, говоритъ онъ оратору, не наша горькая участь тебя безпокоитъ; у вашей братьи есть другая цѣль, ты ее скрываешь, но я читаю ее въ глубинѣ души твоей. Ты желаешь на развалинахъ древней благородной аристократіи основать аристократію денегъ, ты желаешь подавить прежнія, хотя безотчетныя, но безкорыстныя побужденія, а на ихъ мѣсто водворить холодный эгоизмъ и расчетъ.

Digitized by Google

Мы знаемъ васъ фабрикантовъ. Немилосердо выгоняете вы насъ изъ вашихъ заводовъ, предпочитая намъ свои машины, оставляете насъ равнодушно безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, а между тѣмъ браните старинныхъ нашихъ лордовъ, которые хотя и горды были и прижимали насъ, но которымъ не чужды были чувства любви и сострадания, для васъ во все незнакомыя. — Напрасно усиливался Брейтъ остановить взволнованнаго нищаго, напрасно употреблялъ онъ всю силу своего краснорѣчія. Нищій не умолкалъ, и въ порывѣ страсти изливалъ свою досаду и горечь своихъ чувствъ. Много въ его словахъ было грубаго, дикаго; но въ нихъ не въ одномъ мѣстѣ рѣзко и ярко выказывалась правда, и всѣ невольно слушали и внимали ему, и часто потомъ, на отдаленномъ краю города, собиралась кругомъ нищаго толпа народа, и часто ходилъ и я послушать тамъ старика; ибо хотя прекрасно и вѣрно пишутъ въ книгахъ публицисты о причинахъ и послѣдствіяхъ бѣдности, но какъ-то сильнѣе дѣйствуетъ на душу голосъ нищаго, который всю жизнь провелъ въ бѣдности и страданіяхъ, которому по опыту извѣстны всѣ тяжелыя послѣдствія нищеты.

Долго и долго будетъ еще существовать, по нашему мнѣнію, въ Англіи аристократія; но она должна измѣнить свой прежній характеръ, она должна итти впередъ съ духомъ времени, получить высшее призваніе, и тогда только будетъ она не тягостію, а украшеніемъ общества.

Было время, когда аристократъ въ западной Европѣ, не подчиняясь никакой законной власти, дѣйствовалъ

Digitized by Google

самопроизвольно, по побужденію однѣхъ лишь страстей и прихотей своихъ. Безжалостно угнеталъ онъ бѣдныхъ, отнималъ у нихъ всякую собственность, не щадилъ ни здоровья, ни жизни ихъ. Исторія западной Европы и нѣкоторыхъ смежныхъ намъ государствъ, сохранила разсказъ объ ужасахъ феодализма среднихъ вѣковъ, о тѣхъ жестокостяхъ, которымъ подвергался въ то время народъ, въ-слѣдствіе необузданнаго и дикаго своеволія многихъ вельможъ. Съ негодованіемъ читаешь теперь разсказъ объ этихъ жестокостяхъ; но было время, когда ими восхищались, когда удивлялись буйному удальству вельможъ среднихъ вѣковъ. Англійская аристократія, должно отдать ей справедливость, поняла съ самаго почти начала своего существованія, что не въ своеволіи лежитъ залогъ ея величія. Неоднократно старалась она обезпечить права личности и собственности бѣдныхъ, и улучшить во многихъ отношеніяхъ ихъ бытъ. Въ настоящее время вельможи тамъ не пользуются уже прежнею властію, законъ ограничилъ ихъ права, обуздалъ ихъ своеволіе; но спрашивается, потеряла ли отъ этого хотя нѣсколько аристократія, не должна ли она напротивъ благодарить духъ просвѣщенія за то, что смягчивъ ея нравы, ограничивъ ея произволъ, заронивъ въ нее искру человѣчества, онъ указалъ ей, какъ пріобрѣсти сочувствіе и уваженіе ближнихъ, какъ направить свою дѣятельность на подвиги болѣе высокіе, болѣе достойные ея призванія.

Было и другое время, въ западной Европѣ, когда аристократъ, окруженный толпою льстецовъ, охотно угощалъ ихъ въ своихъ палатахъ, задавалъ имъ роскошные пиры, раздавалъ великодушно под-

Digitized by Google

властнымъ себѣ людямъ землю, хлѣбъ и другіе дары Провидѣнія, гнушался жестокостей, гордился даже патріархальными своими чувствами; но за то, съ другой стороны, твердо стоялъ онъ за свои права, не допускалъ народъ возвыситься въ своемъ образованіи, улучшить свой бытъ, умножить свое довольство и благосостояніе. Устойчиво требовалъ онъ, чтобы народъ жилъ вѣчно въ душныхъ, грязныхъ лачугахъ, среди свиней и телятъ, чтобы не умѣлъ ни читать, ни писать, ни сознавать вполнѣ своего человѣческаго достоинства. Но и это время уже прошло, вельможи и въ Англіи перестали пользоваться прежними своими правами и монополіями, давніе ихъ предразсудки уступили мѣсто плодамъ образованія; и спрашиваю еще разъ, потеряла ли отъ этого хотя нѣсколько аристократія? Не должна ли она напротивъ благодарить духъ просвѣщенія за то, что обезпечивъ права личности и собственности каждаго изъ гражданъ, онъ истребилъ въ высшемъ сословіи прежнюю его лѣность, безпечность, пустое тщеславіе, и направилъ его дѣятельность на занятія болѣе честныя, болѣе благородныя, болѣе соотвѣтствующія его призванію.

Теперь настало уже другое время, образованность повсюду развилась, а съ нею появились новыя требованія, новыя побужденія. Прежнія касты мало-помалу уничтожаются, сливаясь въ одно образованное общество. Самые аристократы даже и тамъ, гдѣ они имѣютъ историческое право для своего существованія, сознаютъ наконецъ, что ихъ призваніе состоитъ не въ угнетеніи народа, не въ томъ чтобы добиваться внѣшнихъ почестей или утопать въ праздности и нѣгѣ. Они понимаютъ уже, что могутъ имѣть высокое

Digitized by Google

призваніе въ обществѣ, быть его свѣтильникомъ, направлять его къ высокимъ, прекраснымъ и благороднымъ побужденіямъ. Кто можетъ лучше ихъ развивать въ обществѣ вкусъ къ изящному, и изъ среды безпрерывныхъ расчетовъ увлекать его въ міръ искусствъ, въ міръ прекраснаго. Кому легче, если не имъ, углубляться въ тайны науки, и пріобрѣтенныя свѣдѣнія прилагать къ общественной пользѣ, ко благу государства. Кому наконецъ приличнѣе, если не имъ, распространять между людьми чувства Христіанской любви, быть примѣромъ доблестей семейныхъ и общественныхъ, служить опорою народной славы и величія, и направляя постоянно родъ человѣческій къ высокимъ и благороднымъ побужденіямъ, быть не только по рожденію, но и по личнымъ заслугамъ аристократомъ, то есть *лучшимъ* (ἄριστος).

Таково, по нашему мнѣнію, призваніе высшаго сословія, призваніе, при которомъ оно можетъ сдѣлаться истиннымъ украшеніемъ общества. И не подлежитъ сомнѣнію, если аристократія приметъ этотъ характеръ, ея власть сдѣлается несравненно значительнѣе той, которою пользовалась она въ прежніе вѣка. Кромѣ значенія и вліянія на дѣла государственныя, она пріобрѣтетъ еще уваженіе и любовь ближнихъ, а это, безъ сомнѣнія, вѣрнѣйшій залогъ ея величія, это конечно больше тѣхъ монополій и привилегій, которыми пользовалась она въ прежніе годы.

Многіе Англійскіе аристократы (какъ напримѣръ лордъ Ессексъ и многіе другіе) понимаютъ эту потребность вѣка. Дѣятельно начинаютъ они заниматься науками, искусствами, государственными дѣлами, и охотно жертвуютъ прежними своими пра-

Digitized by Google

вами для пріобрѣтенія другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ, уменьшивъ нѣкоторыя старинныя привилегіи лордовъ, направитъ ихъ дѣятельность на изысканіе новыхъ, болѣе истинныхъ преимуществъ, съ помощію которыхъ аристократы скоро опять пріобрѣтутъ первенство въ обществѣ.

Каковы бы ни были впрочемъ результаты предпринимаемой въ Англіи реформы, не подлежитъ сомнѣнію по-крайней-мѣрѣ то, что она сблизитъ между собою людей разныхъ сословій и націй, а это взаимное сближеніе людей въ ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересахъ есть, безъ сомненія, отраднѣйшее явленіе въ исторіи человѣчества, и мы потому не можемъ не послать отсюда, изъ сердца Россіи, Сэръ Робертъ-Пилю, какъ истинному другу человѣчества, горячаго нашего *спасибо*, и не заключить эту статью словами министра Гизо, сказанными имъ на дняхъ (1-го Апрѣля) въ палатѣ депутатовъ: Je crois que tous les amis de l'humanité, tous les amis de l'ordre social, désirent ardemment le succès des mesures que propose Sir Robert Peel.

Когда я былъ душою молодъ,
Съ восторгомъ пѣлъ я первый снѣгъ:
Зимы предвѣстникъ первый холодъ
Мнѣ былъ задаткомъ новыхъ нѣгъ.

Мнѣ нравилась въ тотъ возрастъ жаркій
Зима подъ сребренымъ вѣнцомъ,
Зима съ своей улыбкой яркой
И ослѣпительнымъ лицомъ.

Въ лѣтахъ и чувствахъ устарѣлый,
Я нынѣ съ тайною тоской
Смотрю, какъ вьется пепелъ бѣлый
Надъ унывающей землей.

Въ картинѣ вянущей природы
Я вижу роковой намѣкъ,
Какъ увядаютъ дни и годы,
Какъ увядаетъ человѣкъ.

Каменный островъ.
30 Сент. 1845.

Кн. Вяземскій.

Digitized by Google

Предъ Господомъ Богомъ я грѣшенъ,
И кто же не грѣшенъ предъ нимъ?
Но тѣмъ я хоть мало утѣшенъ,
Что братъ я всѣмъ братьямъ моимъ;

Что слезы мнѣ всѣ симпатичны,
Что съ плачущимъ плачу и я,
Что въ сердцѣ есть отзывъ привычный
На каждую скорбь бытія;

Что духъ мой окрѣпъ подъ ненастьемъ,
Что въ язвахъ созрѣла душа,
Что жизнь мнѣ не блескомъ и счастьемъ,
А тайной тоской хороша;

Что въ міръ и его обаянья
Недолго вдаваться я могъ,
Но всѣ его понялъ страданья
И чувство для нихъ уберегъ;

Что тайная есть мнѣ отрада
Внезапно войти въ Божій домъ

Digitized by Google

И тамъ гдѣ мерцаетъ лампада
Съ молитвой поникнуть челомъ;

Что дня не проходитъ и часу,
Чтобъ внутреннимъ слухомъ не внялъ
Я смерти призывному гласу
И слухъ отъ него уклонялъ.

Что въ самой житейской тревогѣ
Сей голосъ не чуждъ для меня;
И мыслью стою при порогѣ
Послѣдняго, страшнаго дня.

Кн. Вяземскій.

Digitized by Google

РИМЪ.

—

Римъ! всемогущее, таинственное слово,
И вѣковѣчно ты и завсегда ты ново!
Уже во тьмѣ временъ, почившихъ мертвымъ сномъ,
Звучало славой ты на языкѣ земномъ.
Народы отъ тебя, волнуясь, трепетали,
Тобой исписаны всемірныя скрижали:
И человѣчества слѣдъ каждый, каждый шагъ
Стезей трудовъ и жертвъ и опытовъ и благъ,
И доблесть каждую, и каждое стремленье
Мысль свѣтлую облечь въ высокое служенье,
Все что есть жизнь ума, все что души есть страсть,
Искусство, мужество, побѣда, слава, власть,
Все—выражало ты живымъ своимъ глаголомъ,
И было ты всего великаго символомъ.
Міръ древній и его младая красота,
И возмужавшій міръ подъ знаменемъ Креста
Съ красою строгою и нравственнымъ порядкомъ,
Не на тебѣ ль слились нетлѣннымъ отпечаткомъ?
Державства твоего свершились времена:
Другія за тобой слова и имена,

Digitized by Google

Мірскаго промысла орудья и загадки,
И волновали міръ и міръ волнуютъ шаткій.
Ужъ не таншь въ себѣ, какъ въ урнѣ роковой,
Ты жребіевъ земли покорной предъ тобой,
И человѣчеству, въ его стремленьи новомъ,
Звучишь преданьемъ ты, а не насущнымъ словомъ
Въ тѣни полузакрытъ всемірный великанъ:
И Форумъ твой замолкъ и дремлетъ Ватиканъ;
Но избраннымъ душамъ, поэзіей обильнымъ,
И нынѣ ты еще взываешь гласомъ сильнымъ.
Нельзя — хоть между словъ тебя упомянуть,
Хоть мыслью по тебѣ разсѣянно скользнуть —
Чтобъ думой скорбною, высокой и спокойной
Не обдало души, понять тебя достойной.

Кн. Вяземскій

Digitized by Google

КРИТИКА.

ТАРАНТАСЪ. Путевыя впечатлѣнія. Соч. графа В. А. Соллогуба. Спб. 1845 г.

(М. З. К.)

Digitized by Google

Digitized by Google

ТАРАНТАСЪ. Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Спб. 1845 года.

Всякая книга, предназначенная не для немногихъ знатоковъ или спеціально-ученыхъ, а для всей читающей публики, книга, изображающая современное состояніе цѣлаго общества, можетъ быть разсматриваема не только, какъ выраженіе личной мысли автора, но и въ отношеніи ея къ публикѣ, въ связи съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она производитъ, съ тѣмъ сочувствіемъ или порицаніемъ, сознательнымъ и безсознательнымъ, которое она встрѣчаетъ. Съ этой точки зрѣнія приступаемъ мы къ разбору «Тарантаса» графа Соллогуба, ибо подобныя сочиненія предполагаютъ и вызываютъ множество толковъ и сужденій, которыя, не-смотря на ихъ видимое разнообразіе, служатъ повѣркою мысли автора и часто наводятъ на ея значеніе; голосъ лица дополняетъ отзывы публики; оба сливаются въ одно явленіе общественной мысли, и могутъ быть разсматриваемы какъ нераздѣльное цѣлое. Взглядъ этотъ, кажется намъ, оправдывается самимъ успѣхомъ разбираемой нами книги. Его не трудно было предвидѣть; за него ручался талантъ автора, всѣми признанный, интересъ содержанія, доступнаго всякому,

Digitized by Google

увлекательный и свободный разсказъ, наконецъ превосходные чертежи, бойкіе, замысловатые, часто поразительно-истинные. Все это дано было въ Тарантасѣ; и не-смотря на такое рѣдкое соединеніе счастливыхъ условій, можно смѣло сказать, что въ успѣхѣ такой книги, въ участіи, съ которымъ она читалась, въ толкахъ, которые она пораждала, ея литературное достоинство заняло лишь второстепенное мѣсто. Помнится, едва прочтена была книга, послышалось: да что-же авторъ хотѣлъ всѣмъ этимъ доказать, да кто же изъ нихъ лучше, Василій Ивановичъ, или Иванъ Васильевичъ; если оба хуже, то гдѣ мѣсто между ними для Русскаго человѣка, какимъ онъ долженъ быть? Нѣкоторые, указывая на Василья Ивановича, говорили: вотъ-онъ, представитель хваленой народности! Другіе обрадовались Ивану Васильевичу, и говорили: вотъ что значитъ отрываться отъ своей народности! Что нравилось однимъ, то порицали другіе, и на оборотъ. Однимъ словомъ, книга графа Соллогуба явилась какъ бы въ минуту горячаго, всеобщаго спора; для обѣихъ сторонъ сама книга была дѣломъ второстепеннымъ, но каждая сторона увидала въ ней подтвержденіе своей мысли, и толковала ее по своему. Мысль же самаго автора какъ-будто не замѣчена или не разгадана. Споръ возгорѣлся сильнѣе *по случаю* книги; и толки, ею же вызванные, отвлекли вниманіе читателей отъ ея достоинствъ. Не знаемъ, пріятно-ли это автору, такого-ли успѣха онъ желалъ. Впрочемъ, чтожъ дѣлать, если на пути своемъ изъ Москвы въ Мордасы, онъ натолкнулся на тѣ живые вопросы настоящей минуты, которые въ различныхъ видахъ стерегутъ насъ на всѣхъ перепутьяхъ? Что

Digitized by Google

дѣлать, если, обращая разсѣянные взоры по обѣимъ сторонамъ дороги, онъ подмѣтилъ лучше другихъ, и разсказалъ языкомъ, для всѣхъ понятнымъ, нѣкоторыя изъ странностей и вопіющихъ противорѣчій нашей дѣйствительности.

Всякій съ ними встрѣчался и страдалъ отъ нихъ, но не всякій ихъ созналъ. Изъ тѣхъ, которые сознавали въ лѣта пылкой молодости, многіе, остепенившись съ лѣтами, успѣли позабыть про нихъ или къ нимъ приглядѣться. Такъ пусть-же люди даровитые выводятъ ихъ, и знаютъ, что дѣлаютъ доброе дѣло; можетъ-быть, не наступило еще для насъ время спокойнаго художественнаго созерцанія, но за то наступила пора зрѣлаго размышленія и строгаго суда надъ собою.

Напомнимъ въ немногихъ словахъ содержаніе книги. Василій Ивановичь и Иванъ Васильевичь ѣдутъ изъ Москвы въ Мордасы. На пути своемъ они встрѣчаютъ то, что неизбѣжно встрѣчается на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ Русскаго царства, въ какомъ бы направленіи его ни пересѣкали. Станціонные смотрители, чиновники, мужики, купцы, губернскій городъ, монастырь, село, все это несется на встрѣчу путникамъ, и быстро мелькаетъ предъ ними, своеобразно отражаясь въ представленіи того и другаго. У каждаго изъ нихъ своя точка зрѣнія, свои требованія, своя оцѣнка, свои предразсудки. Противоположность этихъ двухъ воззрѣній на однѣ и тѣже явленія, условленная не столько разницею въ лѣтахъ и характерахъ, сколько различіемъ полученнаго воспитанія, образа жизни и вообще цѣлой среды общественной, эта противоположность составляетъ главный интересъ и какъ-бы

Digitized by Google

тему всей книги. Мысль, какъ видно, не новая. Въ старину писывали сочиненія въ этомъ родѣ, въ которыхъ авторъ сталкивалъ олицетворенныя воззрѣнія старости и молодости, прозы и поэзіи; онѣ безцвѣтны и холодны. Не таково произведеніе графа Соллогуба. У него противоположность воззрѣнія не выдумка остроумная, не искусственное сближеніе голыхъ понятій и отвлеченныхъ крайностей мышленія: а живой, дѣйствительный фактъ, данный современнымъ обществомъ. Это одинъ изъ безчисленныхъ видовъ той основной противоположности, на которую распадается вся Русская жизнь. Отъ подобнаго сочиненія почти нельзя и требовать ни внѣшняго единства, ни строгой полноты построенія. Это не части, свободно замыкающіяся въ одно цѣлое, а исчисленіе, рядъ картинъ, который можно растянуть и прервать. Но необходимо, во первыхъ, чтобы при всемъ разнообразіи содержанія и при всей свободѣ въ расположеніи, основная противоположность выдержана была строго и до конца, чтобы, въ какомъ бы порядкѣ или безпорядкѣ ни мѣнялись предметы, съ двухъ избранныхъ точекъ на нихъ падалъ свѣтъ своеобразный и прямой. Во вторыхъ—и это уже требованіе не одного искусства—оба взгляда, оба воззрѣнія, должны быть поняты и представлены, какъ ложныя въ ихъ крайности, въ ихъ исключительной односторонности; авторъ долженъ стоять выше противоположности и борьбы, онъ долженъ понимать ее, слѣдовательно ему должно быть доступно примиреніе въ высшемъ единствѣ. Если это живое примиреніе того, что въ жизни является раздвоеннымъ, ему доступно не только, какъ дѣло возможное, какъ выводъ отвлеченной мысли, но какъ

Digitized by Google

живое душевное предощущеніе неминуемаго; тогда, хотя бы даже онъ и не говорилъ отъ своего лица, хотя бы и не принималъ на себя роли присяжнаго, изрекающаго приговоръ послѣ долгихъ односторонніхъ споровъ, — читатели почувствуютъ въ самомъ спорѣ дѣйствительность примиренія, послышатъ присутствіе полной правды и въ разногласныхъ толкахъ односторонніхъ партій. И такъ, требованія критики опредѣлены.

Что такое Василій Ивановичь и Иванъ Васильевичь? Это два Русскихъ человѣка, изъ которыхъ одинъ произведеніе самородное, явленіе жизни, непросвѣтленной сознаніемъ, непроницаемой для идеи: пожилыхъ лѣтъ помѣщикъ, воспитанный на голубятнѣ, въ кругу приживалокъ и шутовъ, почти никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни, котораго вся дѣятельность, всѣ заботы и помыслы ограничены тѣснымъ кругомъ его домашняго хозяйства. Другой, человѣкъ молодой, оторванный иностраннымъ воспитаніемъ и образомъ жизни отъ Русской дѣйствительности, и только что вернувшійся изъ-за границы съ желаніемъ изучить свою родину. Оба лица взяты изъ современнаго нашего общества, они существуютъ въ немъ, не какъ случайныя исключенія, а какъ типы, подъ которые подходятъ цѣлыя массы лицъ; по этому для того, чтобы понять ихъ значеніе въ настоящемъ, постараемся прослѣдить ихъ историческое образованіе въ прошедшемъ. Мы должны будемъ начать съ-высока.

Всѣмъ извѣстно, что реформа Петра-Великаго различно отдалась въ составныхъ слояхъ нашего общества. Она всколебала лишь верхніе и оторвала ихъ отъ низшихъ. На простой народъ реформа не

Digitized by Google

имѣла прямаго дѣйствія; она только измѣнила его отношеніе къ высшимъ сословіямъ, отстранивъ и какъ-бы удаливъ его. Напротивъ того, мысль Петра проникла глубоко въ бытъ, въ убѣжденія, въ привычки высшаго сословія, и все въ немъ перевернула. На мѣсто старыхъ формъ и никогда не старѣющихъ, но въ то время заглушенныхъ или недосознанныхъ началъ, введены были новыя начала и новыя формы.

Понятіе о власти, служебная дѣятельность по части судебной, административной и военной, отношенія общественныя, характеръ воспитанія, все было пересоздано, всѣ, что составляетъ предметъ занятія и какъ-бы принадлежность такъ-называемаго высшаго сословія въ противоположность народу. Это сословіе должно было принять реформу, потому-что оно ее вызвало.

Было время — память о немъ сохранилась въ нашихъ лѣтописяхъ — когда бояре, лучшіе мужи, ибо такъ ихъ называлъ народъ, составляли не отдѣльное, въ-себѣ-замкнутое сословіе, а избранный кругъ тогдашняго общества и какъ-бы лучшій цвѣтъ его, свободно распускавшійся на одномъ корню. Само общество выдвигало ихъ изъ своей среды. Они были образованнѣе другихъ въ томъ смыслѣ, что сознавали яснѣе убѣжденія и потребности всѣхъ, и потому ихъ образованность не отрывала ихъ отъ жизни народной, не внушала имъ гордаго притязанія на всевѣдѣніе, не мѣшала взаимному сочувствію ихъ съ народомъ, сочувствію, которое поддерживалось безпрестаннымъ размѣномъ мыслей. Не то представляетъ намъ эпоха, предшествующая Петру I. Ссылаемся на иностранныхъ и на своихъ писателей.

Digitized by Google

Трудно узнать потомковъ лучшихъ мужей въ придворныхъ чиновникахъ Алексѣя Михайловича, спѣсивыхъ и тучныхъ, которыхъ водятъ подъ руки и на рукахъ поднимаютъ изъ саней, или въ боярахъ *грамотѣ неученыхъ и не студерованныхъ* (по выраженію Кошихина), *которые заспѣдаютъ въ думѣ, брады своя уставя, и ничего не отвѣщаютъ.*

Ихъ открытыя, свободныя съ той и другой стороны, отношенія къ народу измѣнились и получили оффиціальный характеръ. Они уже не бесѣдовали съ народомъ, не совѣтовались съ нимъ, а только передавали повелѣнія. Они выходили къ нему только въ торжественные случаи, ихъ пышные поѣзды медленно тянутся по городу, толпа глядитъ на нихъ съ любопытствомъ, но прежняго сочувствія, прежняго живаго размѣна мыслей и взаимно-дѣйствія нѣтъ и слѣдовъ. Благородныя черты великихъ образовъ лучшаго времени исказились и потемнѣли. Прежнее сознаніе своего достоинства перешло въ надменность, сила родовыхъ воспоминаній въ служебную спѣсь. Какія бы ни были тому причины (а между ними вліяніе Польской аристократіи занимаетъ не послѣднее мѣсто), но боярство временъ Алексѣя Михайловича испытало участь всякаго сословія, уединяющагося въ чувствѣ эгоизма и гордости: оно обезсилѣло и выродилось. И такъ, высшее сословіе вызвало реформу своимъ постепеннымъ удаленіемъ отъ народа, употребленіемъ во зло народныхъ началъ, наконецъ тѣмъ нравственнымъ застоемъ, въ который оно погрузилось. Ясно, что съ его стороны не могло быть разумнаго сопротивленія преобразованію; ибо оно дорожило только формами старыхъ преданій, которыхъ живой смыслъ

Digitized by Google

оно утратило; не могло быть и того сопротивленія слѣпаго, какое встрѣтилъ Петръ I въ раскольникахъ и стрѣльцахъ. Разумѣется, мы говоримъ о цѣломъ сословіи, и не отрицаемъ частныхъ исключеній, впрочемъ неспособныхъ измѣнить его судьбу. Многіе приняли реформу добровольно, и вслѣдъ за Петромъ, сбросивъ старую спѣсь, пошли въ науку къ другимъ народамъ. Передъ ними открылась богатая служебная дѣятельность. Другіе покорились преобразованію по необходимости, безъ сочувствія. Имъ жаль было старыхъ привычекъ, старой лѣни, безконечныхъ пировъ и успокоительнаго невѣжества. Чтожъ оставалось имъ дѣлать въ преобразованномъ обществѣ? Всѣ высшія сферы дѣятельности, въ которыхъ жили и вращались ихъ дѣды, служба, въ самомъ обширномъ значеніи слова, была для нихъ закрыта; ибо требованія правительства измѣнились; ибо введены были новыя начала, которыхъ нельзя было ни угадать природнымъ умомъ, ни замѣнить преданіями. Нужно было начинать учиться съ-изнова; но на это не хватало ни силъ, ни охоты. На долю ихъ осталось: удалиться въ свои вотчины, заниматься хозяйствомъ и утѣшать себя домашними потѣхами: травлями, дураками и дурами.

Отъ этого класса людей, съ одной стороны утратившихъ издавна сочувствіе съ народомъ, съ другой, неспособныхъ пріобщиться къ просвѣщенію и слѣдовательно удаленныхъ отъ всѣхъ высокихъ интересовъ, которые облагораживаютъ человѣка и не допускаютъ его погрязнуть въ мелочныхъ и своекорыстныхъ заботахъ, ведутъ свою родословную всевозможные Простаковы, Скотинины, Собакевн-

Digitized by Google

чи, наконецъ и Иванъ Федотовичь, отецъ Василія Ивановича. Авторъ изобразилъ намъ его деревенскій бытъ (гл. XV), его пошлую, праздную жизнь и безнравственныя забавы, безъ преувеличенія, безъ страстнаго ожесточенія. Объ этомъ отрицательномъ достоинствѣ мы упоминаемъ потому только, что въ нашей современной литературѣ оно стало рѣдкостью. Мы до того привыкли видѣть, съ какою жадностью хватаются за все, чѣмъ только можно опорочить старину, что тонъ этой XV главы пріятно поразилъ насъ.

Родовое понятіе, подъ которое мы подвели Ивана Федотовича и Василья Ивановича, есть созданіе обстоятельствъ, исторической судьбы цѣлаго сословія; подъ этимъ понятіемъ, разумѣется, есть мѣсто для многихъ возрастовъ, характеровъ и личностей. Такъ, на примѣръ, Василій Ивановичь во многомъ не походитъ на своего отца. Выписываемъ слова автора:

Онъ хотя не уничтожилъ вовсе существовавшій при отцѣ порядокъ, но по крайней мѣрѣ, измѣнилъ его во многомъ: шутовъ отослалъ въ столярную, кучера посадилъ на козлы, а самъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ травничка въ день, одну передъ обѣдомъ, другую передъ ужиномъ. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы онъ вооружался правилами грозной нравственности и барабанилъ громкими словами. Совсѣмъ нѣтъ. То, что занимало и тѣшило Ивана Федотовича, не казалось ему отвратительнымъ, а только не занимало и не тѣшило его во-все. Онъ понималъ, что можно быть пьяницей, только самъ напиваться не любилъ. Онъ понималъ, что можно забавляться дураками, только самъ не находилъ въ нихъ ничего смѣшнаго. Словомъ, онъ сдѣлался добрымъ человѣкомъ, не по убѣжденію, а такъ себѣ, потому-что иначе было бы ему какъ-то неловко и непріятно. Съ одной стороны, онъ помнилъ живо послѣднее, страшное поученіе умирающаго отца, а съ другой стороны просвѣщеніе, которое незамѣтнымъ образомъ распространяется повсюду, заглядывая въ села и деревни, не миновало Мордасъ и стало исподоволь подкрадываться къ Василью Ивановичу, заговаривая съ нимъ

Digitized by Google

не европейскими пустыми изреченіями, а понятнымъ ему языкомъ. Такимъ образомъ, понялъ онъ, что собственное его благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія его крестьянъ, и тогда занялся онъ всѣми силами добрымъ дѣломъ и безъ того милымъ его мягкосердому свойству..... У Василія Ивановича родились дѣти. Онъ началъ ихъ воспитывать не хитро, но ужъ не такъ, какъ самъ былъ воспитанъ. Для нихъ выписанъ былъ студентъ изъ семинаріи, который обучалъ ихъ и исторіи, и географіи, и многому, о чемъ Василій Ивановичъ и понятія не имѣлъ. Старшій сынъ, по наступленіи одиннадцати лѣтъ, былъ отправленъ сперва въ губернскую гимназію, а потомъ въ Московской Университетъ. Василій Ивановичъ понималъ, самъ не зная почему, что въ хорошемъ воспитаніи таится не только нравственный зародышъ жизни каждаго человѣка, но и тайное начало благоденствія и жизни всякаго государства (стр. 183 и 189).

Этотъ естественный и безсознательный переходъ отъ одного поколѣнія къ другому понятъ авторомъ очень вѣрно. Въ дополненіе къ характеристикѣ Василія Ивановича, лица не новаго въ нашей литературѣ, совѣтуемъ прочесть главу XIII, въ которой идеализированъ помѣщикъ.

При этихъ добрыхъ свойствахъ Василію Ивановичу недостаетъ одного: сознанія. Онъ любитъ своихъ крестьянъ по привычкѣ. Онъ заставляетъ своего сына учиться наукамъ, потому-что такъ принято. Правда, авторъ предполагаетъ въ немъ болѣе возвышенную цѣль; но этому противорѣчитъ весь образъ мыслей Василья Ивановича. Въ самомъ дѣлѣ, мало того, что самъ онъ не чувствуетъ потребности отъ частныхъ случаевъ восходить до общихъ понятій, онъ даже питаетъ къ нимъ какое-то чувство неблаговоленія и страха. Онъ боится новой мысли, новаго взгляда, даже новаго, или слишкомъ громкаго слова. Ему кажется, что если назовутъ предметъ не тѣмъ именемъ, какимъ онъ привыкъ называть его, то предметъ выпадетъ изъ рукъ его; если сознаніе проникнетъ въ ограничен-

Digitized by Google

ный его бытъ, то онъ разрушится и распадется. И потому, всякій разъ когда его товарищъ, возбужденный его же разсказомъ, силится довести его до общаго вывода, истекающаго изъ его-же словъ, онъ упирается, хватаясь за свою ограниченную дѣйствительность, отказывается отъ своихъ-же словъ, заговариваетъ о другомъ или притворяется спящимъ. Онъ готовъ признать науку, лишь-бы только она оставила его въ покоѣ.

Странно было бы винить въ этомъ Василія Ивановича, или точнѣе, винить его одного. Эта недовѣрчивость къ наукѣ, это недоброжелательство къ стремленію мысли понять и улучшить жизнь, объясняется съ одной стороны тѣмъ, что наука явилась къ намъ изъ-за границы, въ формахъ, недоступныхъ для большинства, съ содержаніемъ, чуждымъ нашей народности. Она еще не успѣла претвориться въ наше родное достояніе, она еще не освободилась отъ ложнаго презрѣнія къ жизни, и, снисходя къ ней, она пугаетъ ее дерзостью своихъ требованій, отталкиваетъ отъ себя гордымъ притязаніемъ на всезнаніе. Василій Ивановичъ инстинктомъ понимаетъ этотъ раздоръ, и вотъ чѣмъ объясняется его недовѣрчивость. Но оправдать ее нельзя; ибо онъ боится вообще всякой мысли, онъ невинный, безсознательный врагъ сознанія. Этотъ отдѣльный слѣдъ того до половины побѣжденнаго упорства до-петровской старины, смягчается въ Васильѣ Ивановичѣ природнымъ добродушіемъ, и выражается едва замѣтною чертою на его полномъ лицѣ; грубѣе ворчитъ про себя Собакевичъ: »просвѣщенье, просвѣщенье, все толкуютъ просвѣщенье»; не менѣе того, основное побужденіе у обоихъ одно.

Digitized by Google

И такъ, Василій Ивановичь жертва того раздвоенія, отъ котораго никто спастись не можетъ, но онъ не сознаетъ его.

Въ прямую противоположность къ нему становится другое лице, совершенно отрѣшенное отъ Русской дѣйствительности, развившее въ себѣ отвлеченное сознаніе.

Иванъ Васильевичь принадлежитъ къ тому поколѣнію людей, которое воспитано по иностранному, не по-французски; ибо Французское воспитаніе требуетъ, какъ необходимой обстановки, всей Франціи съ ея природою, съ ея учрежденіями и образомъ жизни; не по-англійски, ибо воспитаніе Англійское возможно только въ самой Англіи, какъ Нѣмецкое только въ средѣ жизни Германской; а на отвлеченно - иностранный манеръ, то есть только на не-Русской. Можетъ быть, Французъ или Англичанинъ этого не пойметъ, но мы Русскіе понимаемъ. . . Есть цѣлый строй созвучій, неопредѣленныхъ, но доступныхъ внутреннему слуху ребенка; есть этотъ невещественный и неразлагаемый воздухъ родной земли, который необходимо нуженъ для первыхъ годовъ дѣтства. Душа пропитывается имъ насквозь, и вмѣстѣ съ нимъ она вдыхаетъ безотчетное и потому именно ничѣмъ позднѣе незамѣнимое сочувствіе къ тому міру, въ которомъ суждено ей жить, къ природѣ, къ людямъ, къ звукамъ языка, ко всему тому, что заключается подъ словомъ: родное. Какъ сплетается невидимою рукою духовная связь человѣка съ цѣлымъ міромъ, готовымъ принять его,—ни разсказать, ни подвести подъ систему не-льзя. И потому со-

Digitized by Google

чувствіе, о которомъ идетъ рѣчь, не дается воспитаніемъ, а пріобрѣтается само-собою, естественно и просто. Воспитаніе не можетъ создать его, но оно можетъ помѣшать ему. Можно запереть ребенка въ тѣсную комнату и загородить отъ него живую природу; можно оторвать его отъ дѣйствительности, разобщить его съ жизнію, и безусловно подчинить его искуственному процессу воспитанія. Плоды этой системы передъ нашими глазами; ими можно любоваться въ цѣломъ поколѣніи людей образованныхъ, но отрѣшенныхъ отъ своей земли, которые скитаются безъ цѣли, не зная къ чему пристать и гдѣ основаться; ибо воспитаніе, научившее ихъ понимать все возможное и всему сочувствовать, лишило ихъ роднаго крова, родной земли, роднаго языка. Ихъ назначеніе остается для нихъ самихъ неразрѣшенною задачею. Они свободно говорятъ на трехъ или четырехъ языкахъ; но они *научились* своему языку также точно, какъ и другимъ, и у нихъ нѣтъ роднаго языка. Они способны признать и оцѣнить прекрасное у всѣхъ народовъ; они уживаются во всѣхъ странахъ міра; но ихъ отношенія къ родной землѣ какъ-то странны и неестественны. Они *выучились* любить ее. Они знаютъ, что честь благовоспитаннаго человѣка связана съ честью его родины, что онъ обязанъ защищать ее, и они охотно пожертвуютъ для нея жизнію. Они способны воспламениться благороднымъ рвеніемъ къ общественной пользѣ, они придумаютъ для своей земли множество улучшеній и прекрасную будущность; они точно любятъ, но не столько родину, сколько возможное осуществленіе своихъ надеждъ, любятъ нѣкоторыя свойства, по мнѣнію ихъ, похваль-

Digitized by Google

ныя, то есть любятъ такъ, какъ могутъ любить иностранцы. И вотъ почему такъ много пропадаетъ даромъ прекрасныхъ побужденій и безотзывныхъ голосовъ. Вотъ что значитъ отсутствіе безотчетной, врожденной любви, которой начало теряется въ незапамятныхъ годахъ дѣтства, которое не разбираетъ отчетливо и холодно, но обнимаетъ цѣлый народъ, какъ онъ есть, съ его свѣтлыми и темными сторонами.

Къ этому поколѣнію, безвинно искупающему грѣхъ ложнаго воспитанія, принадлежитъ Иванъ Васильевичъ. Прибавимъ, что онъ получилъ воспитаніе во всѣхъ отношеніяхъ дрянное, которое завлекло его способности въ разныя стороны, не сосредоточивъ ихъ, разобщило его съ жизнію, и все таки ничему не научило. Самъ-по-себѣ Иванъ Васильевичъ, также какъ и Василій Ивановичъ, человѣкъ дюжинный.

Мы не жалѣемъ, что авторъ выбралъ именно такихъ людей, а не сильныя и рѣзко отмѣченныя личности; родовыя свойства цѣлаго поколѣнія выражаются въ нихъ яснѣе и доступнѣе; всякій видитъ, что это не исключенія, а люди, какихъ много. Иванъ Васильевичъ былъ за границею. Путешествіе необходимое дополненіе къ его воспитанію; но оно произвело на него неожиданное дѣйствіе, противоположное тому, какое произвело бы на его отца или дѣда; не потому, чтобы онъ былъ ихъ лучше, а потому, что время наступило другое, и, независимо отъ людей, зрѣетъ и развивается мысль, подвигается общество на пути къ сознанію и увлекаетъ за собою сильныхъ и слабыхъ. Въ нашихъ повѣстяхъ и комедіяхъ, Русскій, вернувшійся изъ-за

Digitized by Google

границы, является какимъ-то шутомъ въ уродливомъ нарядѣ, болтаетъ по-французски и презираетъ нашъ образъ жизни. Въ свое время это изображеніе могло быть вѣрно; но наши нравоописатели отстали отъ общества и сражаются съ призракомъ. Иванъ Васильевичъ вывезъ изъ-за границы уваженіе и любовь къ своей родинѣ; желаніе узнать Россію и сблизиться съ нею. Эта черта взята изъ современной дѣйствительности; схвачена вѣрно, и сколько намъ извѣстно, въ первый разъ. Иванъ Васильевичъ лице новое, принадлежащее автору. Выпишемъ замѣчательное мѣсто о впечатлѣніи, произведенномъ на него чужими краями.

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ замѣчалъ, что куда-бы онъ ни показывался, въ какую землю бы онъ не пріѣзжалъ,— на него смотрятъ съ какимъ-то недоброжелательнымъ, завистливымъ вниманіемъ. Сперва приписывалъ онъ это личнымъ своимъ достоинствамъ, но потомъ догадался, что Россія занимаетъ невольно всѣ умы, и что на него такъ странно смотрятъ единственно потому, что онъ Русскій. Иногда за табель-д'отомъ дѣлали ему самые ребяческіе вопросы: скоро-ли Россія завладѣетъ всѣмъ свѣтомъ? правда-ли, что въ будущемъ году Цареградъ назначенъ Русской столицей? Всѣ газеты, которыя попадались ему въ руки, были наполнены соображеніями о русской политикѣ. Въ Германіи панславизмъ занималъ всѣ умы. Каждый день выходили изъ печати глупѣйшія на счетъ Россіи брошюры и книги, написанныя съ какой-то лакейской досадой и ровно ничего не доказывающія, кромѣ бездарности писателей и опасеній Европы. Мало-по-малу, заграничная жизнь заставила Ивана Васильевича невольно задуматься о своей родинѣ. Думая объ ней, онъ началъ ею гордиться, а потомъ началъ ее и любить. Словомъ, то, что на родинѣ ни было внушено ему при воспитаніи, мало-по-малу вкралось въ его душу на чужбинѣ. Онъ началъ припоминать все видѣнное и не замѣченное имъ въ деревнѣ, въ поѣздкахъ по губерніямъ, во время откомандировокъ по службѣ. Онъ хотя и чувствовалъ, что всѣ эти данныя не составляютъ общаго мнѣнія, общаго цѣлаго, но нѣкоторыя черты удержалъ онъ довольно вѣрно, а остальныя дополнилъ своимъ воображеніемъ. Такъ составилъ онъ себѣ особыя понятія о чиновникахъ, о русской торговлѣ, о нашемъ образованіи, о нашей словесно-

Digitized by Google

сти. Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ-какъ онъ принимался за все съ восторгомъ, то и отчизнолюбіе въ немъ загорѣлось бурнымъ пламенемъ. Къ тому же онъ радовался, что осмыслилъ свое бытіе, что нашелъ себѣ наконецъ цѣль въ жизни, цѣль благородную, цѣль прекрасную, обѣщающую ему привлекательное занятіе, полезныя наблюденія: съ такими чувствами возвратился онъ изъ-за границы (стр. 211 212).

Эту потребность духовнаго воссоединенія съ роднымъ краемъ суждено испытать людямъ нашего времени. Оно выражается въ различныхъ видахъ и степеняхъ. У иныхъ оно выражается вслѣдъ за болѣзненнымъ и томительнымъ сознаніемъ ихъ разъединенія съ народною жизнію; такое страданіе, когда оно искренно, дѣйствуетъ спасительно на душу; оно очищаетъ отъ гордости мертваго знанія, преклоняетъ человѣка передъ неисповѣдимымъ могуществомъ жизни, передъ простымъ народомъ, необразованнымъ, но въ простотѣ неиспорченнаго духа хранящимъ глубокій смыслъ и высокую любовь для правды и для добра. Для этихъ людей возвратъ къ отчизнѣ становится не только стремленіемъ ума, но задачею цѣлой жизни, внутреннимъ перерожденіемъ ихъ собственнаго духа; и они найдутъ исходъ. Но не таковъ Иванъ Васильевичъ. Правда, онъ и тосковалъ и скучалъ; но онъ не способенъ къ очистительному страданію. Въ его мелкой душѣ помѣщается только личное горе. Онъ осудилъ свое воспитаніе, потому-что ему стало отъ него худо, но онъ не созналъ и не оплакалъ въ немъ преступленія цѣлаго общества; и потому естественно, что самая потребность воссоединенія съ жизнію не свободно, не изнутри возникаетъ въ его душѣ, а навѣвается на нее извнѣ; она какъ-то случайно пристаетъ къ нему. Едва высказалась задушевная мысль

Digitized by Google

не многихъ, едва произнесено слово: народность, и уже внѣшняя оболочка мысли успѣла отъ нея отдѣлиться и предстать въ видѣ моды. Но такъ было всегда.

Изо всего предъидущаго для читателей должно быть ясно, въ какомъ смыслѣ два лица, выставленныя авторомъ, принадлежатъ къ современному обществу и выражаютъ его состояніе. Противоположность ихъ воззрѣній соотвѣтствуетъ самому важному явленію настоящей минуты: разрыву жизни съ сознаніемъ. Въ этомъ, кажется, заключается смыслъ разбираемой нами книги. Не знаемъ, такъ ли понималъ ее самъ авторъ Впрочемъ, то ли онъ имѣлъ въ виду, или нѣтъ, ясно ли сознанную мысль онъ облекъ въ живые образы, или эти образы составились сами собою, накопленіемъ многихъ наблюденій: до этого намъ дѣла нѣтъ. Если мысль проникла въ его произведеніе безъ его вѣдома, тѣмъ лучше; значитъ, она не на досугѣ придумана, а внушена современностью. Во всякомъ случаѣ, даръ наблюденія, умѣніе выражать одною чертою и въ одномъ лицѣ то, что свойственно многимъ, неотъемлемо принадлежитъ автору. Замѣтимъ при этомъ, что личность Ивана Васильевича глубже понята, строже выражена и обрисована яснѣе и полнѣе, чѣмъ личность Василія Ивановича: вѣроятно потому, что прототипъ послѣдней можно было изучить по книгамъ, по Фонъ-Визину, Грибоѣдову и другимъ, тогда-какъ Иванъ Васильевичъ созданъ самимъ авторомъ и взятъ прямо изъ жизни.

Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ встрѣчаются на Тверскомъ бульварѣ, и между ними завязывается слѣдующій разговоръ. Начинаетъ В. И.

Digitized by Google

«А теперь, коли смѣю спросить, что вы намѣрены дѣлать-съ... ась?»

— Да я бы хотѣлъ, Василій Ивановичъ, посмотрѣть на Россію, познакомиться съ ней.

«Какъ-съ?»

— Я хотѣлъ-бы изучить свою родину.

«Что, что, что? . . .»

— Я намѣренъ изучить свою родину.

«Позвольте, я не понимаю. . . Вы хотите изучать? . . .»

— Изучать мою родину . . . изучать Россію.

«А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію? . . .»

— Да въ двухъ видахъ . . . въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что впрочемъ тѣсно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши повѣрья и преданья, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, мнѣ удастся . . . виноватъ, намъ удастся . . . мы, товарищи и я . . . мы дойдемъ до познанія народнаго духа, нрава и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникать наше народное просвѣщеніе, пользуясь примѣромъ Европы, но не принимая его за образецъ.

«По-моему», сказалъ Василій Ивановичъ: «я нашелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію—жениться. Брось пустыя слова, да поѣдемъ-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя не большой, однакожъ офицерскій. Имѣніе у васъ дворянское. Партію ты легко найдешь. На невѣстъ у насъ, слава Богу, урожай . . . женись-ка, право, да ступай жить съ старикомъ. Пора и объ немъ подумать.—Эхъ, братъ, право-ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ни чуть. По-утру въ поле, а тамъ закусить, да обѣдать, да выспаться, а тамъ къ сосѣдямъ . . . А именины-то, а псовая охота, а свои музыки, а ярмарка . . . А? . . . Житье, братъ . . . что твой Парижъ. Да главное, какъ заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь самъ восемъ, да на гумнѣ столько хлѣба наберется, что не успѣешь молотить, а въ карманѣ столько цѣлковыхъ, что не сочтешь, такъ, по-моему, ты славно будешь знать Россію. А? . . . (стр. 11 и 12).

По этому отрывку можно судить о томъ, какъ сталкиваются въ разговорѣ оба лица, намъ уже извѣстныя. И. В. говоритъ не дурно и отчасти дѣльно; не-смотря на то, онъ смѣшонъ до крайности. Отчего же мысль истинная и почтенная принимаетъ карикатурный видъ, когда *онъ* ее выражаетъ? Оттого что въ немъ нѣтъ искренности; онъ надуваетъ, но безъ умысла, добросовѣстно, и не другихъ, а самаго себя, воображая, что все существо его проникнуто од-

Digitized by Google

ною мыслію, что цѣль его жизни найдена, тогда какъ онъ неспособенъ ни ко внутреннему сосредоточенію, ни къ постоянному направленію самого себя. В. И. также вѣрно опредѣлился. Ему очень не нравится, что пріятель его хочетъ изучать жизнь; онъ тянетъ его всею своею тяжестію въ тотъ тѣсный кругъ домашняго хозяйства, въ которомъ безвозвратно заключилось его существованіе.

В. И. и И. В. сговариваются ѣхать вмѣстѣ въ Мордасы. Величавый и до-нельзя нагруженный тарантасъ тронулся съ мѣста, и мало-по-малу развертывается однообразная картина Русской дѣйствительности. Можно напередъ сказать, какое впечатлѣніе она произведетъ на нихъ. Для Василья Ивановича все въ ней знакомо, и потому ничто не покажется ему достойнымъ наблюденія. Развѣ задеретъ его вопросомъ или надутою фразою его товарищъ; не то онъ закроетъ глаза, проспитъ всю дорогу, и ни на что не обратится его лѣнивый умъ. Но, какъ человѣкъ опытный и хорошо знакомый со внѣшнею стороною жизни, онъ не разъ озадачитъ Ивана Васильевича, не разъ посмѣется надъ его мечтами, и не безъ внутренняго удовольствія казнитъ его мечтательность дѣльнымъ словомъ или лукавою насмѣшкой. Ему суждено испытать наслажденіе человѣка, предубѣжденнаго противъ мысли, когда въ его присутствіи заносится неопытный юноша, а онъ стережетъ минуту, когда бы подвернуть ему подъ ноги острый фактъ, удачно вырванный изъ жизни. Такихъ минутъ доставитъ не мало Иванъ Васильевичъ. Послѣднему предстоитъ испытать горькое разочарованіе. Читателямъ извѣстно, что онъ не просто ѣдитъ изъ Москвы въ Мордасы, а путешествуетъ съ цѣлью

Digitized by Google

изучать народность, и для этого онъ запасся толстою переплетенною тетрадью, которую надѣется несомнѣнно исписать до послѣдняго листа. Въ этомъ мы узнаемъ вполнѣ Ивана Васильевича и всѣхъ его друзей. Странное сочетаніе ребяческой предусмотрительности на мелочи, съ рѣшительнымъ отсутствіемъ смысла на существенное! Онъ подумалъ о тетради и о карандашахъ, но не думалъ онъ о томъ: протеръ-ли онъ глаза, изощрилъ-ли зрѣніе, пріучилъ-ли слухъ. И вотъ онъ раскрылъ свою книгу и смотритъ во всѣ глаза, но не видитъ; вслушивается, и не слышитъ; спрашиваетъ, и не получаетъ отвѣтовъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ опытовъ, онъ вотъ какъ разсуждаетъ про себя:

«Хватился я сперва за древности,— древностей нѣтъ. Думалъ изучить губернскія общества, — губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, форменные. Столичная жизнь — жизнь не русская, а перенявшая у Европы и мелочное образованіе, и крупные пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ-быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ вседневномъ быту Русской жизни? Но вотъ я ѣду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и, хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ: то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи сальными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человѣку заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не даетъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все тоже да тоже... и завтра будетъ, какъ нынче. Здѣсь станція, тамъ опять та-же станція, а тамъ еще та-же станція; здѣсь староста, который проситъ на водку, а тамъ опять до безконечности все старосты, которые просятъ на водку... что же я стану писать? (стр. 88 и 89).

Такъ именно быть должно. Необходимость неудачи Ивана Васильевича, безсиліе отвлеченной

Digitized by Google

мысли и случайно вспыхнувшаго чувства понять дѣйствительность, овладѣть жизнью, этотъ фактъ, полный нравственнаго смысла, понятъ авторомъ глубоко и выраженъ прекрасно:

«Иванъ Васильевичъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Нетронутая книга путевыхъ впечатлѣній валялась подъ ногами около погребца. Изученіе Россіи въ отношеніи ея древности и народности рѣшительно не подвигалось. Дѣло, кажется, стало незамогимъ. Иванъ Васильевичъ догадывался, что одного хорошаго намѣренія для совершенія великаго подвига было недостаточно. По Россіи не развѣшены вывѣски, по которымъ можно было бы прочитать всю жизнь ея, все что было, что есть и что будетъ. Одной поѣздки въ Мордасы для подобнаго изученія какъ-то мало. Нужно еще кое-что другое. Нужны еще вѣчная настойчивость, вѣчный терпѣливый трудъ съ самаго младенчества, въ теченіи цѣлой жизни. А этого, кажется, не мало. Надо было вникать въ самую глубину всякаго предмета, потому-что изъ гладкой наружной поверхности ничего не извлекалось. Надо было отыскивать, какъ ключа загадки, тайнаго, иногда высокаго смысла всякаго прозаическаго проявленія, попадавшагося на каждомъ шагу. Но, какъ извѣстно, Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ слабаго свойства. По мѣрѣ того, какъ онъ встрѣчалъ затрудненія, онъ не старался ихъ одолѣвать, а измѣнялъ свои предпріятія. Такимъ образомъ, мало-по-малу отказывался онъ, какъ мы видѣли, отъ прекрасныхъ изученій, отъ важныхъ открытій, къ которымъ для блага человѣчества готовился съ такимъ жаромъ» (стр. 216 и 217).

Первый предметъ, на который устремляется вниманіе путниковъ, это чиновники. Иванъ Васильевичъ мимоходомъ объявляетъ Василью Ивановичу, что онъ любитъ душевно Русскаго мужика и Русскаго боярина, и ненавидитъ также душевно чиновника и то уродливое безъименное сословіе, которое возникло у насъ отъ грязнаго притязанія на какое-то жалкое, непонятое просвѣщеніе.

А отъ чего-же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ? спросилъ Василій Ивановичъ.

«Это не значитъ, что я ненавижу людей, служащихъ совѣстливо и благородно. Напротивъ того, я ихъ уважаю отъ души. Но я нена-

Digitized by Google

вижу тотъ жалкой типъ грубой необразованности, который встрѣчается и между дворянами, и между мѣщанами, и между купцами, и который я называю потому вовсе неточнымъ именемъ чиновника. »

— Отъ чего-же, батюшка?

« Потому-что тѣ, которыхъ я такъ называю, за неимѣніемъ прочнаго основанія, придаютъ себѣ только наружность просвѣщенія, а въ самомъ дѣлѣ гораздо невѣжественнѣе самаго простаго мужика, котораго природа еще неиспорчена. Потому-что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, ни нрава, ни обычая, потому-что они своей трактирной образованностью, своимъ самодовольнымъ невѣжествомъ, своимъ грязнымъ щегольствомъ, не только останавливаютъ развитіе истиннаго просвѣщенія, но нерѣдко направляютъ его во вредную сторону. Это созданіе уродливое, приросшее къ народной почвѣ, но совершенно чуждое народной жизни. Взгляните на него. — Куда дѣвались благородныя черты нашего народа? Онъ дуренъ собой, онъ грязенъ, онъ пьетъ запоемъ, а не въ праздники, какъ мужикъ. Онъ-то беретъ взятки, онъ-то старается всѣхъ притѣснять и въ тоже время дуется и гордится передъ простымъ народомъ тѣмъ, что онъ играетъ въ бильярдъ и ходитъ во фракѣ. Подобное племя — племя испорченное, переродившееся отъ прекраснаго начала » (стр. 28 и 29).

За этимъ слѣдуетъ замѣчательное мѣсто: генеалогія чиновника:

«Дворовый ни что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обритъ, ходитъ въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служитъ потѣхой праздной лѣни, и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него подушныя. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и дворовaго и мужика, и учится уже крючкотворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гривенники. У него сюртукъ нанковой, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спукается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повытчикомъ, секретаремъ и наконецъ настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и дворовaго, и приказнаго, потому-что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить довское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасѣ, выписывать для жены чепцы съ серебрянными колосьями и

Digitized by Google

шелковыя платья. Для этого онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадется иной, другой... Ништо ему, говорятъ собратья. Бери, да умѣй.» (стр. 30 и 31).

Забудемъ пока, что это говоритъ Иванъ Васильевичъ, что этотъ отрывокъ своею рѣзкостью и оригинальностью противорѣчитъ общему характеру его блѣдной и напыщенной рѣчи; все это мы должны забыть; ибо мысль сама-по-себѣ замѣчательна, и хорошо, что она высказана. Слѣдовательно изъ словъ автора выходитъ, что дворовый — первый шагъ къ чиновнику; слѣдовательно по нисходящей линіи: дворовый послѣднее выраженіе чиновника. Оба они занимаютъ крайнія ступени той лѣстницы, которая однимъ концемъ утверждена на простомъ народѣ, а другимъ упирается—во чтоже, если не въ высшее сословіе, въ то боярство, которое такъ душевно любитъ Иванъ Васильевичъ? Ступени этой лѣстницы соотвѣтствуютъ тѣмъ фазисамъ быстраго искаженія, которые такъ остроумно изображены въ приложенной виньеткѣ; это станціи, расположенныя на дорогѣ, пробѣгаемой каждымъ лицемъ, стремящимся снизу въ верхъ. Требованія этого верха, характеръ цѣли, естественно опредѣляетъ и характеръ самаго стремленія. Если это такъ, то зачѣмъ такъ отчаянно нападать на чиновника, когда чиновникъ не самъ себя создалъ, а выражаетъ очень естественное, даже необходимое желаніе всякаго человѣка уподобиться готовому, данному идеалу. Конечно, въ избранномъ кругу, въ который лѣзетъ чиновникъ, многіе его пороки, на примѣръ это грубое презрѣніе къ низшимъ, эта надменность мнимой образованности, не замѣтны: но оттого ли, что дѣйствительно этихъ пороковъ тамъ нѣтъ, что ихъ побѣдило хрістіан-

Digitized by Google

ское чувство братской любви, или оттого, что можно ко всему привыкнуть, приглядѣться, что порокъ, проникая глубже и глубже въ образъ мыслей, въ чувствованія, въ цѣлый бытъ, вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ свою грубую, шершавую наружность, и наконецъ время наводитъ на него какой-то соблазнительный лоскъ?

Это недоумѣніе могъ-бы разрѣшить развѣ только Василій Ивановичъ; но къ сожалѣнію на вопросъ Ивана Васильевича: что думаете вы о нашихъ аристократахъ?—Онъ отвѣчалъ словами: я думаю, что намъ на станціи не будетъ лошадей. Какъ бы то ни было, но панегирикъ, которымъ, послѣ выписаннаго нами отрывка, Иванъ Васильевичъ заключаетъ свою рѣчь, странно поражаетъ; никакъ не сообразишь, какъ онъ мирится съ предъидущимъ; но это доказываетъ только, что подъ конецъ опять заговорилъ Иванъ Васильевичъ. Суровый приговоръ, произнесенный надъ чиновникомъ во второй главѣ, нѣсколько смягчается изображеніемъ двухъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же сословію (гл. XVIII, Чиновники), и которыя имѣютъ отдаленное сродство съ Акакіемъ Акакіевичемъ Гоголя. Мы не думаемъ сравнивать, а хотимъ только сказать, что какъ бы велико ни было разстояніе между этими двумя произведеніями, оба должны подѣйствовать на предубѣжденіе, къ несчастію, довольно распространенное въ кругу образованныхъ людей, которые смотрятъ на чиновника также точно, какъ Иванъ Васильевичъ, съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ и съ отвращеніемъ, воображая, что чиновникъ жалкое созданіе злаго духа, тогда-какъ онъ очень естественно создался изъ обстоятельствъ современныхъ. Эти господа избѣгаютъ

Digitized by Google

встрѣчи съ чиновникомъ, и потому они не подозрѣваютъ, сколько иногда встрѣчается нравственнаго величія и высоты смиренія въ этомъ сословіи презрѣнномъ и несчастномъ. Доброе дѣло дѣлаетъ авторъ, наводя ихъ на другую точку зрѣнія. Но вотъ что жаль: его изображеніе чиновника внушаетъ только состраданіе, такое чувство, которое нерѣдко уживается съ гордостью и которому, особенно при быстромъ усовершенствованіи облегченной благотворительности, можно удовлетворить пожертвованіемъ десяти рублей и вслѣдъ за тѣмъ успокоиться. Глубже захватываетъ душу, благотворнѣе потрясаетъ ее произведеніе Гоголя; мы видѣли, какъ по прочтеніи его въ иныхъ глазахъ показывались слезы... не состраданія, а раскаянья и любви. Но въ сторону сравненія.

Изображеніе губернскаго города въ главѣ VI замѣчательно-остроумно и односторонно. Въ немъ выставленъ рѣзко одинъ, такъ сказать, общегородской характеръ всѣхъ губернскихъ городовъ, ихъ жалкое стремленіе уподобиться столицѣ, создать на существующихъ основаніяхъ какую-то искусственную общественность, стремленіе, отвлекающее ихъ отъ мѣстнаго значенія, къ которому они призваны. Эта смѣшная сторона въ нихъ есть, противъ этого никто не будетъ спорить; но ужели нѣтъ другой? ужели разнообразіе мѣстностей не кладетъ на нихъ особенныхъ отпечатковъ? ужели простое знаніе мѣстныхъ потребностей, не говоря о другомъ, не связываетъ ихъ естественною связью съ бытомъ и жизнію цѣлой области? Кажется, авторъ чувствовалъ самъ односторонность своей характеристики, и потому онъ вложилъ ее въ уста человѣка промо-

Digitized by Google

тавшагося, погубившаго себя мелкимъ честолюбіемъ и потому недовольнаго, озлобленнаго. Біографія этого человѣка, имъ самимъ разсказанная, удачно набросанный очеркъ, но, къ сожалѣнію, только очеркъ, который могъ-бы явиться яркою оригинальною картиной. Герой простой и глупой исторіи принадлежитъ къ числу людей, не то что дурныхъ или бездарныхъ, но чуждыхъ всякаго содержанія въ умѣ и сердцѣ. Всѣ усилія ихъ направлены не къ тому, чтобы быть чѣмъ нибудь, а только казаться передъ другими. Пружина ихъ дѣятельности — мелкое тщеславіе; молва свѣта замѣняетъ въ нихъ совѣсть. Разорившись до-чиста, потерявши доброе имя, истощивъ и душевныя и тѣлесныя силы, они пріобрѣтаютъ какую-то житейскую мудрость холоднаго, безплоднаго разсудка. Дурная сторона всѣхъ круговъ общественныхъ имъ извѣстна, критика ихъ мѣтка и ядовита, но къ чему все это, когда въ душѣ нѣтъ ни убѣжденій, ни любви? Это лице, очень удачно задуманное, исчезаетъ, оставивъ по себѣ тяжелое впечатлѣніе. Вотъ и другое лице: Русскій баринъ, князь, одного племени съ Иваномъ Васильевичемъ, но поотставшій отъ него. Онъ поклонникъ Запада и Европеизма, и ругаетъ своихъ людей самыми скверными словами; онъ привыкъ къ цивилизаціи, къ жизни интеллектуальной, и прерываетъ рѣчь свою угрозами и бранью; онъ объявляетъ, что ѣдетъ за границу, что ему нужны деньги, что крестьяне его разорены; но что ему до этого дѣла нѣтъ, онъ человѣкъ европейскій и не мѣшается въ дѣла своихъ крестьянъ. Однимъ словомъ, фигура нѣсколько истасканная; но принадлежитъ ли она нашему времени, или прошедшему, рѣшить мы не беремся. Промелькнулъ и

Digitized by Google

князь.—Вокругъ самовара сидятъ купцы, попиваютъ чай и толкуютъ о своихъ дѣлахъ. Ихъ разговорный языкъ схваченъ довольно удачно. И. В. читаетъ имъ длинное наставленіе на слѣдующую тему: Въ частной жизни вы пяти копѣекъ не возьмете у незнакомаго, а въ торговомъ дѣлѣ вы немилосердно обкрадываете роднаго брата; честность у васъ раздваивается на два понятія: въ первомъ обманъ у васъ называется обманомъ, во второмъ, барышомъ. На это купцы отвѣчаютъ ему: не прикажете ли, сударь, чашечку... со сливочками.—Вотъ и село въ праздничный день. Мужики пьянствуютъ, дѣвки перебраниваются съ парнями, раскольникъ, не снимая шапки, проходитъ мимо священника, служивый разсказываетъ собравшейся вокругъ него толпѣ про свои похожденія. Этотъ разсказъ мѣстами очень живъ и оригиналенъ, но въ немъ недостаетъ единства; чувствуешь, что онъ сшитъ изъ набранныхъ лоскутковъ. И. В. выдержалъ свой характеръ. Онъ подходилъ къ молодицамъ: онѣ разсмѣялись и назвали его облизаннымъ Нѣмцемъ; пытался распросить мужика про попавшагося ему раскольника, но ничего не узналъ, потому-что спрашивалъ глупо. Странный народъ, непостижимый народъ, говоритъ про себя И. В.; но не народъ, а самъ Иванъ Васильевичъ страненъ, хотя и очень постижимъ.

Мы указали только на тѣ очерки, которые почему нибудь замѣчательны. Для пополненія и разнообразія вставлены еще: станція, гостинница, цыгане, перстень — довольно неудачная поддѣлка подъ разсказъ простолюдина; нѣчто о словесности — краснорѣчивая варіяція на старую тему; Печорскій Мона-

Digitized by Google

стырь — риторическое упражненіе въ описательномъ родѣ, неизвѣстно почему попавшее въ Тарантасъ; помѣщикъ, и наконецъ Востокъ, точнѣе, Татары.

Все это быстро мелькаетъ на встрѣчу ѣдущему тарантасу, въ легкихъ, часто граціозныхъ очеркахъ, и вокругъ нихъ затѣйливымъ узоромъ вьется живой разговоръ. Этою формою изложенія авторъ вполнѣ овладѣлъ; рѣчь его свободна, развязна и естественна безъ вялости. Можно, конечно, упрекнуть его въ нѣкоторыхъ несообразностяхъ. Иногда, забывшись, авторъ заставляетъ говорить своихъ героевъ слишкомъ умно и краснорѣчиво. Мы могли бы представить тому примѣры; но лучше поспѣшимъ къ заключенію.

Иванъ Васильевичъ старается понять дѣйствительность и не можетъ; ибо онъ въ ней не живетъ; Василій Ивановичъ до того въ нее погрузился, что и понимать ее не хочетъ. Сознаніе и жизнь въ раздорѣ; но они должны примириться, узнать другъ друга и слиться въ единство крѣпкой, сознаніемъ просвѣтленной жизни. Представивъ намъ ограниченность двухъ воззрѣній, истекающихъ изъ раздора, авторъ указываетъ намъ и на ихъ примиреніе. Безъ того произведеніе не получило-бы цѣлости, читатель остался-бы при тяжеломъ чувствѣ раздвоенія. И такъ послѣдняя глава была нужна. Мы приступили къ ней съ сильно возбужденнымъ любопытствомъ. Намъ хотѣлось, наконецъ, услышать голосъ самого автора, встрѣтиться лицемъ-къ-лицу съ его мыслью; мы были увѣрены что послѣ такой умной критики современнаго состоянія, онъ откроетъ намъ утѣшительный видъ на будущность. Сбылись ли наши надежды, могли ли мы удовлетвориться, объ этомъ пусть судятъ

Digitized by Google

читатели. Мы представимъ содержаніе послѣдней главы. Легко было-бы придраться къ фантастическому ея началу, къ превращенію тарантаса въ птицу, ко всѣмъ этимъ привидѣніямъ и ужасамъ, нисколько не ужасающимъ; но, можетъ-быть, трудно было обойтись безъ этого перехода, къ несчастію для автора, напоминающаго послѣднія страницы Мертвыхъ Душъ. Но все это въ сторону; какимъ бы то ни было прыжкомъ, мы очутились въ будущемъ мірѣ обновленной Руси. Тарантасъ сталъ снова тарантасомъ.

Тарантасъ становился снова тарантасомъ, только не такимъ неуклюжимъ и растрепаннымъ, какъ зналъ его Иванъ Васильевичъ, а приглаженнымъ, лакированнымъ, стройнымъ, словомъ совершеннымъ молодцемъ. Коробочки и веревочки исчезли. Рогожъ и кульковъ какъ-бы не бывало. Мѣсто ихъ занимали небольшіе сундуки, обтянутые кожей и плотно привинченные къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ. Тарантасъ какъ-бы переродился, перевоспитался и помолодѣлъ. Въ твердой его поступи не видно было болѣе прежняго неряшества. Напротивъ того, въ ней выражалась какая-то увѣренность, чувство неотъемлемаго достоинства, быть-можетъ даже немного гордости (стр. 267 и 268).

Подобно тарантасу сама природа какъ-будто выбѣлена заново; селенія очистились, выпрямились и принарядились.

На широкихъ дубовыхъ воротахъ прибиты были вывѣски, означающія, что въ длинные зимніе дни хозяинъ дома не занимался пьянствомъ, не валялся праздный на лежанкѣ, а приносилъ пользу братьямъ выгоднымъ ремесломъ, благодаря способности русскаго народа все перенять и все дѣлать, и тѣмъ упрочивалъ и свое благоденствіе (стр. 269 и 270).

Успѣхъ важный; прежде было не такъ; видно Русскій мужикъ боялся мороза и всю зиму просиживалъ въ своей берлогѣ. Ему и въ голову не приходило взяться за ремесло. Исчезли пьяные и пи-

Digitized by Google

щіе; для стариковъ устроены богадѣльни (чего прежде у насъ вѣрно не было), а для дѣтей пріюты (чего точно не умѣли завести наши дѣды). Помѣщичьи дома —

«казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будутъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя.» (стр. 270).

Однимъ словомъ, вездѣ чисто, все прибрано, люди всѣ на мѣстахъ, порядокъ такой, что сердце радуется.

А въ городахъ какія улучшенія! Совсѣмъ не видать заборовъ, все сплошные дома, нѣтъ ни развалинъ, ни растрескавшихся стѣнъ, ни грязныхъ лавочекъ. . . Какъ живописенъ долженъ быть такой городъ! Видно, что такъ; ибо, глядя на него на эту Москву съ ея «славянскою, народной, оригинальной наружностью,» И. В. восклицаетъ: Италія, Италія, ужели мы тебя перещеголяли!»

Кажется, природа, селенія, города, приведены въ исправность. Посмотримъ на людей. Нашъ знакомый, князь, нѣкогда встрѣченный Иваномъ Васильевичемъ на большой дорогѣ, идетъ къ нему навстрѣчу. Но его не узнаешь. . . .

«На головѣ его была бобровая шапка, станъ былъ плотно схваченъ тонкимъ суконнымъ полушубкомъ на собольемъ мѣху, а на ногахъ желтые сафьянные сапоги доказывали, по славянскому обычаю, его дворянское достоинство» (стр. 274).

И князь принарядился, пригладилъ волосы по нынѣшней модѣ, съ проборомъ на боку (если вѣрить картинкѣ), затянулся въ какую-то венгерку (видно такъ одѣвались древніе бояре) и взялъ въ руки

Digitized by Google

шапку съ султаномъ. Впрочемъ, князь увѣряетъ «что этотъ нарядъ совершенно удобенъ, а притомъ онъ нашъ народный.» Князь значительно поумнѣлъ. Онъ понялъ, что путешествовать за границей вовсе не нужно, ибо «мы не дѣти, слава Богу. . . намъ неприлично заниматься шарадами и принимать названія за дѣла,» и вслѣдъ за этимъ прибавляетъ глубокомысленно, «что исторія ничто иное, какъ поученіе прошедшаго настоящему для будущаго.» Хорошо очень изъясняется князь. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ толкуетъ причину гигантскихъ успѣховъ Россіи: «мы отдѣлили человѣческое отъ идеальнаго.» Это начало дѣйствительно заключаетъ въ себѣ сильное побужденіе къ совершенствованію, и поведетъ далеко. Далѣе князь разсуждаетъ о равновѣсіи, найденномъ въ любви, о смиреніи, и т. д., такъ, что кажется, какъ-будто князь кое-что дѣльное слышалъ отъ кого-нибудь изъ друзей своихъ, но понялъ криво, сбилъ, перемѣшалъ съ другими прямо противоположными началами, и все это слилъ въ своей напыщенной и безцвѣтной рѣчи. По его словамъ, народъ Русскій шелъ впередъ, соблюдая строгій порядокъ, точно какъ въ процессіи: одно сословіе за другимъ, цѣхъ за цѣхомъ. «Дворяне шли впередъ, исполняя благую волю Божьяго помазанника; купечество очищало путь, войско охраняло край, и народъ бодро и довѣрчиво подвигался по указанному ему направленію» (стр. 277).

Впрочемъ, можетъ-быть, князь не мастеръ изъясняться; вѣроятно, даръ слова составляетъ спеціальную принадлежность другаго сословія; можетъ-быть, его бытъ и образъ жизни лучше всякихъ словъ объяснитъ намъ обновленіе всей Россіи. И точно.

Digitized by Google

Во первыхъ, у него много занятій; во вторыхъ, онъ ѣздитъ въ клубъ, который изъ Англійскаго переименованъ въ Русскій (тоже важный успѣхъ національности). Наконецъ, онъ служитъ засѣдателемъ; «ибо, находясь самъ на службѣ, онъ не отвлекаетъ отъ выгоднаго занятія или ремесла бѣднаго человѣка, который бы долженъ былъ занимать его должность. Такимъ образомъ правительство не содержитъ нищихъ невѣждъ или безсовѣстныхъ лихоимцевъ. Охраненіе законовъ не дѣлается источникомъ беззаконности» (стр. 279). Именно такъ. Добрый князь! какъ долженъ быть ему благодаренъ тотъ бѣдный человѣкъ, котораго, благодаря самопожертвованію князя, перестанутъ наконецъ отвлекать отъ выгоднаго ремесла! Все это кажется очень трогательно, а все таки сердце какъ-будто не довѣряетъ князю; оттого-ли, что трудно привыкнуть къ новому порядку и раздѣлаться съ старыми предубѣжденьями, — а слышится въ этихъ словахъ старая неизлѣчимая гордость сословія. Какимъ образомъ она мирится съ тою любовью, съ тѣмъ смиреніемъ, о которомъ было говорено такъ много, этого мы не въ силахъ объяснить. Далѣе, князь зоветъ Ивана Васильевича въ свой старый, дѣдовскій замокъ. Откуда взялся этотъ замокъ? Кажется, на Руси ихъ не бывало; а впрочемъ вѣроятно, князь выстроилъ себѣ заново дѣдовскій замокъ на манеръ Англійскихъ? только нѣтъ; самъ онъ говоритъ: «мой замокъ стоитъ, какъ есть ужь нѣсколько вѣковъ» (стр. 280). Пусть понимаютъ, какъ хотятъ. Потомъ И. В. узнаетъ, что у князя галлерея картинъ Арзамасской школы, Русская библіотека, почти безъ примѣси иностранныхъ книгъ: узнаетъ еще, что въ каж-

Digitized by Google

дой избѣ можно найти листокъ Сѣверной Пчелы и книгу Отечественныхъ Записокъ (стр. 281). Почемужъ бы и не найти? Въ идеальной Руси, какою представляетъ ее авторъ, С. Пчела и Отеч. Записки вполнѣ у мѣста. Наконецъ И. В. встрѣчаетъ и другаго своего пріятеля, который, благодаря лекціямъ какихъ-то профессоровъ, сдѣлался мудрецомъ въ родѣ древнихъ философовъ, и объявляетъ, что «къ несчастію на землѣ не можетъ быть... и т. д. (стр. 283). И. В. при видѣ его семейства восклицаетъ: есть на землѣ счастье. . . . .

Такъ вотъ она — идеальная Русь, Русь обѣтованная намъ, и нашимъ многострадальнымъ прошедшимъ, и нашими несомнѣнными надеждами! Мы смотримъ на нее и спрашиваемъ: ужели всѣ требованія настоящей минуты такъ мелки, ужели такъ ничтожны противорѣчія, на которыя мы жалуемся, такъ поверхностно это во всемъ замѣтное раздвоеніе жизни, что стоило навести лакъ на тарантасъ, стоило князю промѣнять пальто на венгерку и разослать во всѣ избы билеты на Сѣверную Пчелу, чтобъ удовлетворить законнымъ требованіямъ и возсоединить разорванное? — Да полно есть-ли во всемъ этомъ единство и внутреннее примиреніе, или это только пародія примиренія, смѣшной маскарадъ, поддѣлка подъ народность, обманчивая и вредная; ибо принимая на себя видъ народности, она удаляетъ минуту ея торжества?

Въ началѣ главы IV представлена многозначительная виньетка: Русская изба, заслоняющаяся Греческимъ фронтономъ. Какъ бы хорошо было во главѣ изображенія идеальной Руси представить иностранное зданіе притаившееся за фасадомъ Русской избы.

Digitized by Google

Впрочемъ, имѣемъ ли мы право говорить серьозно о томъ, что самъ авторъ выдаетъ не болѣе, какъ за шутку? Вѣдь это сонъ, вѣдь это мечты Ивана В-ча! Такъ,—но отчего же авторъ, обративши въ шутку предметъ нисколько не забавный, запасся напередъ отговоркою отъ слишкомъ придирчивой критики? Оттого ли, что онъ слишкомъ много дорожилъ своею мыслію и боялся за нее холоднаго, пристрастнаго суда, или на оборотъ, оттого, что не дорожилъ ею вовсе? Къ сожалѣнію, мы принуждены признать послѣднее, и вотъ въ чемъ особенно и нисколько не шутя, мы упрекаемъ автора. Даръ наблюденія дѣло важное, но для того, чтобы видѣнное возсоздать, для того, чтобы написать картину, нужно избрать точку зрѣнія, и на ней утвердиться. Критика современныхъ явленій общественныхъ необходима и полезна, но она требуетъ не одного только безпристрастія, но еще опредѣленнаго и неизмѣннаго мѣрила. Безъ единства мысли, безъ внутренней сосредоточенности всѣхъ силъ душевныхъ въ одномъ основномъ убѣжденіи, художникъ не создастъ произведенія стройнаго, мыслитель не возъимѣетъ дѣйствія на общество. Мы не въ томъ упрекаемъ автора, что онъ не говоритъ отъ своего лица, не выдвигаетъ своей мысли, а въ томъ, что вовсе не слыхать ея, что этой мысли нѣтъ.

Она есть въ произведеніяхъ Гоголя, и если не для всѣхъ она ясна, то это потому, что Гоголь слишкомъ еще къ намъ близокъ; она есть у Диккинса, и у обоихъ она не вредитъ художественности. Мы находимъ ее и у другихъ писателей меньшей величины, и какъ бы односторонняя, ложна она ни была, какъ бы ни разстроивала художественной гар-

Digitized by Google

моніи ихъ произведеній, она даетъ имъ то общественное значеніе, къ которому призвано современное искусство.

Присутствіе такой мысли, или лучше, ея зарожденіе въ элементѣ женскаго чувства, мы находимъ въ первыхъ произведеніяхъ автора, въ этой неподдѣльной грусти, раждавшейся отъ сознанія глубокаго противорѣчія любящей души художника съ условными требованіями свѣта. . . . но этой струны уже не слыхать, и къ сожалѣнію, ничто ея не замѣнило. Уже ли авторъ успѣлъ примириться такъ скоро и такъ легко? Мы надѣемся, что нѣтъ.

М. . З. . К. .

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:				Читай:
Стран.	Стр.			
16	14	съ в.	Зеги	Зоэги
22	2	съ н.	технованіемъ	толкованіемъ
31	4	— —	назвать	назвать живописнымъ,
—	1	— —	Флор.—скаго кре-щатика	Флор.—ской крестильницы
37	10	— —	нашелъ	понялъ
45	13	съ в.	Менгса	Лессинга
48	2	— —	воскроснетъ	воскреснетъ
137	3	— —	Псаломъ 14	Псаломъ 151
144	7	— —	милыхъ	милыхъ !
395	14	— —	вылѣтаетъ	вылетаетъ
396	8	— —	празника	праздника
398	6	съ н.	нѣльзя	нельзя
407	5	съ н.	каризной	нарѣзкой
409	15	съ в.	Нелышны	Шлыгины
413	8	— —	коренными	казенными
414	8	— —	кореннаго	казеннаго
416	10	— —	дома	долго
422	2	— —	добрые	бодрые
441	18	— —	мило	мимо

Кромѣ того въ слѣдующія стихотворенія, напечатанныя по невѣрному списку, вкрались нѣкоторыя важныя ошибки и измѣненія, а именно: ОЧЕРКЪ, *стран. 141 стихъ 2, 3 съ в.*

Напечатано:	Читай:
Чело, склонившися подъ брем. и.,	Чело, склоненное подъ брем. м.,
И граціозность положенья	И простота и прелесть положенья

Digitized by Google

Напечатано:	*Читай:*

141 *стр., стихи 10—7 съ низу.*

По свѣжей пестротѣ некош. *л.*	По мягкой свѣжести нек. *л.*
Безпечно бѣгала... Тѣ молодые годы,	Такъ часто бѣгала... Тѣ молодые годы,
Когда довѣрчиво среди весел.	Когда росла она среди веселыхъ снов
Она жила въ объятіяхъ природы.	Подъ сѣнью мирною природы.

Стихъ 3 съ н.

И тихій, тихій женскій голосъ	И чей-то тихій, тихій голосъ

НОЧЬ, *стр.* 144, *стихъ 11 съ н.*

Шептали *л.* въ в.	Шумѣли *л.* въ в.

Стихъ 6 съ н.

Давнымъ давно сокрылись очи	Давнымъ давно закрылись очи

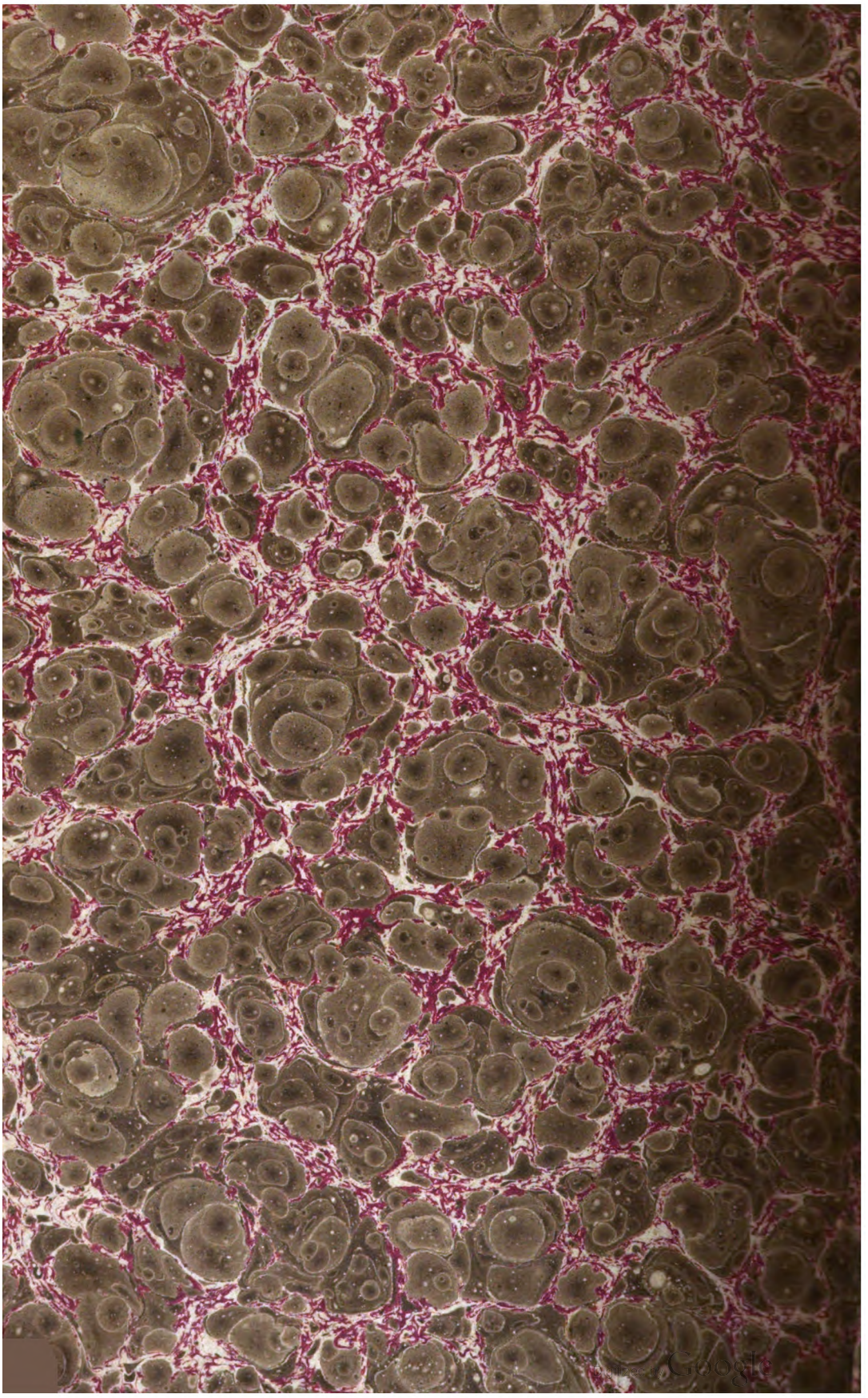
«СРЕДИ УДОБНЫХЪ И ЛѢНИВЫХЪ,» *стр.* 216 *стихъ 5 съ в.*

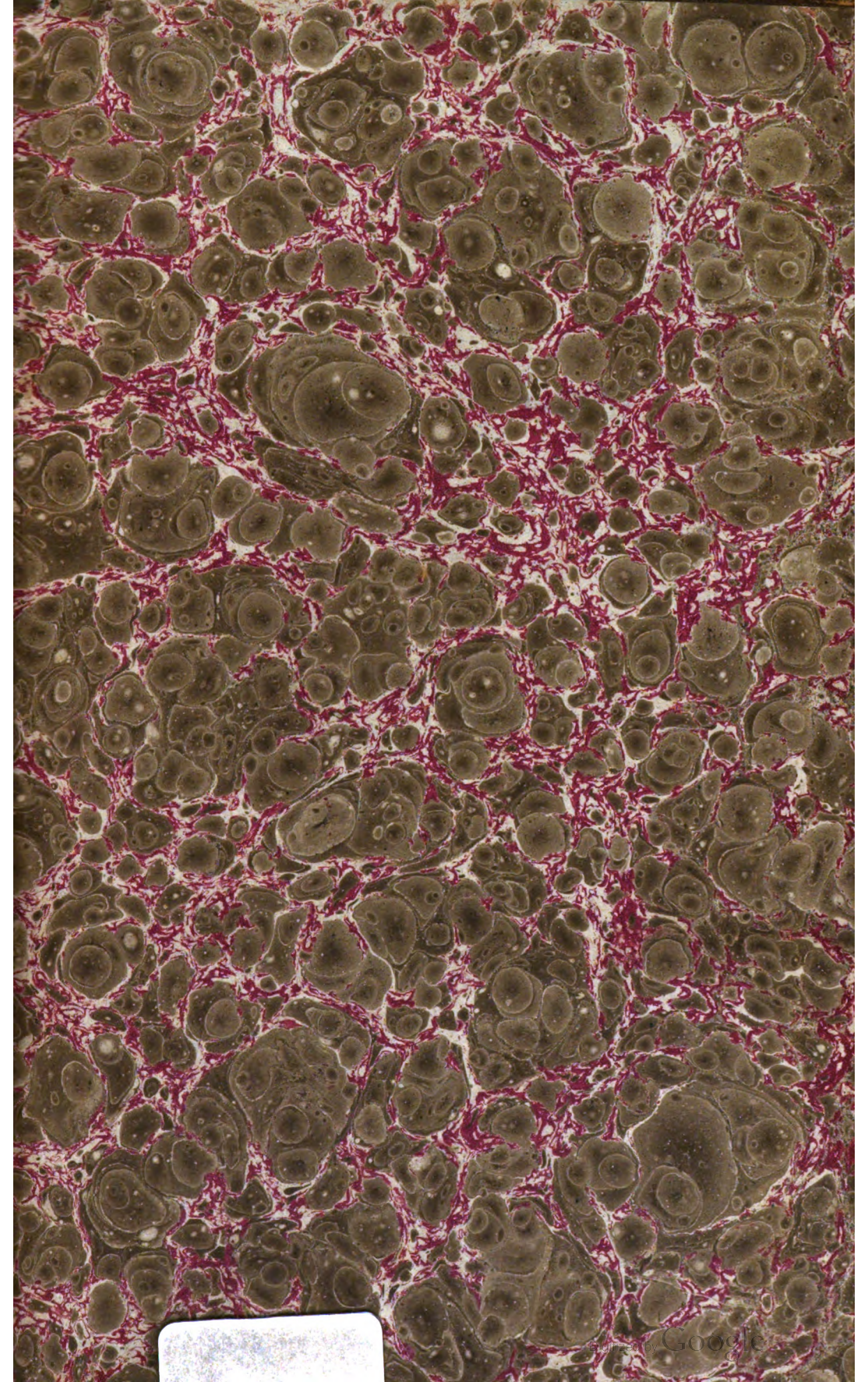
Надеждъ, желаній и невзгодъ,	Надеждъ, волненій и заботъ.

64653255

Digitized by Google

Digitized by Google


Digitized by Google


Digitized by Google

Digitized by Google